

Годъ 8-й. Кн. XXVIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1896, № 1.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1896.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Москва, 1 августа 1896 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИСТОРІЯ РАЗВИТІЯ ЖИЛИЩА У КОЧЕВЫХЪ И ПОЛУКОЧЕВЫХЪ ТЮРКСКИХЪ И МОНГОЛЬСКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ РОССІИ.

I.

Типы переносныхъ жилищи.

Коническій шалашъ и рѣшетчатая юрта.

а) **Коническіе шалаши:** въ качествѣ постояннаго и временнаго жилища: у карагассовъ, алтайскихъ тюрковъ, абаканскихъ, барабинскихъ, кузнецкихъ, чулымскихъ и абинскихъ татаръ, качинцевъ, бурятъ, башкиръ, якутовъ, долганъ, монгольскихъ народностей Монголіи, астраханскихъ калмыковъ и киргизовъ. **Развитіе коническаго шалаша въ связи съ вліяніемъ мѣстности и занятій. Зачатки двора:** изгороди для скота. **Группировка жилыхъ строеній въ селенія.**—б) **Рѣшетчатая юрта:** Развитіе рѣшетчатой юрты изъ коническаго шалаша. Калмыцкій и киргизскій типы рѣшетчатыхъ юртъ. **Внѣшнее и внутреннее устройство** рѣшетчатыхъ юртъ у киргизовъ, астраханскихъ калмыковъ и азіатскихъ монголовъ. **Рѣшетчатая юрта:** у туркменъ, сартовъ въ Хами, башкиръ, алтайскихъ тюрковъ, качинскихъ татаръ, каракалпаковъ, бурятъ, кундровскихъ татаръ и караногайцевъ. **Передвижныя юрты на колесахъ:** свадебная арба и отовъ караногайцевъ. Юрты на колесахъ у татаръ въ XIII в., употребленіе ихъ среди волжскихъ, бессарабскихъ и перекопскихъ татаръ въ XVIII в. Мѣсто, занимаемое этимъ типомъ юртъ среди остальныхъ типовъ кочеваго жилища. **Развитіе рѣшетчатыхъ юртъ. Группировка рѣшетчатыхъ юртъ въ селенія. Развитіе двора** (помѣщенія для склада имущества и для охраненія скота отъ зимнихъ вьюгъ).

Культурный ростъ каждаго даннаго племени выражается во внѣ между прочимъ и въ усовершенствованіи и развитіи жилища; вслѣдствіе этого исторія развитія послѣдняго можетъ представлять интересъ для этнографіи съ точки зрѣнія изученія культурной исторіи извѣстнаго племени. Съ другой стороны, для этнографіи, занимающейся вообще законами развитія человѣчества, поскольку

это касается матеріальнаго и духовнаго быта, необходимо систематизировать имѣющійся въ ея распоряженіи матеріалъ: систематизацію матеріала удобнѣе всего дѣлать по племеннымъ группамъ, такъ какъ, изучивши законы развитія въ извѣстной сферѣ въ предѣлахъ разныхъ племенъ въ отдѣльности, легче оріентироваться въ матеріалѣ и,—отыскавши сходность законовъ развитія среди ряда племенъ—восходить къ установленію болѣе общихъ законовъ.

Исторія развитія жилища была предметомъ изученія по отношенію къ германцамъ, финнамъ, отчасти славянамъ. Предполагая представить отдѣльно исторію развитія жилища у русскихъ крестьянъ, мы въ настоящей работѣ обратимъ исключительное вниманіе на исторію жилища у народностей тюркскихъ и монгольскихъ, причемъ только тѣхъ изъ нихъ, которыя или еще продолжаютъ вести кочевой образъ жизни или находятся въ періодѣ перехода къ осѣдлому быту. При изложеніи мы будемъ имѣть въ виду преимущественно тюрковъ и монголовъ въ Россіи: число представителей тюркскихъ и монгольскихъ народностей въ предѣлахъ нашей родины весьма значительно: общее число ихъ на много превышаетъ 6 милліоновъ; большая масса ихъ еще не вполнѣ сдѣлалась осѣдлой. Раскинувшись на огромномъ пространствѣ, различныя тюркскія и монгольскія народности очутились въ разныхъ климатическихъ и географическихъ условіяхъ: мы встрѣчаемъ между ними и горныхъ, и степныхъ, и лѣсныхъ кочевниковъ. Эти условія не могли не вліять на ходъ развитія жилища, и матеріалъ, имѣющійся по этому вопросу, даетъ вполнѣ возможность установить главныя, по крайней мѣрѣ, стадіи развитія ихъ жилища.

При переходѣ къ осѣдлости эти народности въ большинствѣ случаевъ подчинялись вліянію своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей; вслѣдствіе этого исторія жилищъ осѣдлыхъ тюрковъ или монголовъ не можетъ считаться вполнѣ самостоятельной: она является скорѣе одной изъ главъ исторіи жилища тѣхъ народностей, вліянію которыхъ подчинялись тюрки или монголы по переходѣ къ полной осѣдлости.

Если мы соединяемъ воедино исторію жилища у тюрковъ и монголовъ, то дѣлаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) народности обѣихъ племенныхъ группъ представляютъ много чертъ сходства какъ по образу жизни, такъ и по тѣмъ физическимъ условіямъ, среди которыхъ имъ приходится жить. Наконецъ куль-

турный уровень, достигнутый ими въ разныхъ мѣстностяхъ, оказывается болѣе или менѣе одинаковымъ. Вслѣдствіе этого мы вправѣ ожидать, что и исторія развитія жилища у нихъ представляетъ много сходства. 2) Во многихъ мѣстностяхъ народности тюркской и монгольской группъ живутъ въ Россіи издавна рядомъ, слѣдовательно вѣками могли оказывать вліяніе другъ на друга, и отличить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это вліяніе не всегда представляется возможнымъ, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи русской этнографіи.

Бытъ кочевника представляется намъ обыкновенно устойчивымъ и неподвижнымъ; причиной этой кажущейся неподвижности является главнымъ образомъ то, что перемѣны въ культурномъ уровнѣ кочевника происходятъ дѣйствительно медленно. Но если вглядѣться ближе и сравнить современный духовный и общественный бытъ многихъ кочевыхъ народностей Россіи съ той картиной, которую намъ начерчиваютъ болѣе старые авторы, нетрудно замѣтить, что кочевникъ не только не замеръ въ извѣстныхъ формахъ, но что онъ продолжаетъ подвигаться впередъ по пути культуры, хотя само движеніе и происходитъ медленно. Совершается перемѣна въ религіозныхъ взглядахъ: шаманизмъ во многихъ мѣстахъ замѣненъ магометанствомъ или буддизмомъ; древніе рода распались и образовали особыя группы, входящія въ составъ уже различныхъ народностей; произошли перемѣны и въ одеждѣ и пищѣ и въ домашней обстановкѣ. Дѣйствительно, въ сферѣ матеріальной культуры эти перемѣны менѣе замѣтны: кибитки, въ которыхъ кочуютъ и въ настоящее время многія тюркскія и монгольскія народности, оказываются въ общихъ чертахъ почти совершенно такими-же, какими были по описанію лицъ, имѣвшихъ случай познакомиться съ этими народами за нѣсколько вѣковъ до нашего времени. Но чтобы достигнуть этой формы жилища, монголу или тюрку пришлось пройти длинный путь, и кибитка, которую въ сравненіи съ развитыми жилищами осѣдлыхъ народовъ можно назвать «первобытной», оказывается продуктомъ многовѣкового развитія племени, до котораго однако поднялись далеко еще не всѣ представители его.

Если окинуть бѣглымъ взглядомъ виды жилищъ, которые мы встрѣчаемъ въ настоящее время у кочевыхъ и полукочевыхъ тюр-

ковъ и монголовъ, мы замѣтимъ значительное разнообразіе типовъ; опредѣлить, какой изъ нихъ долженъ былъ предшествовать другому, въ случаяхъ, когда мы не встрѣчаемъ точки опоры въ исторіи, можно только путемъ слѣдующихъ соображеній: изъ двухъ формъ одного и того-же типа жилища болѣе древнимъ должно считаться болѣе простое, устройство котораго менѣе сложно; но это соображеніе должно быть провѣрено изученіемъ переживаній въ способахъ постройки. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ болѣе древнее, болѣе первобытное жилище не покидается народомъ окончательно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ переходитъ жить въ болѣе прочно и удобно устроенное жилье; старая форма продолжаетъ сохраняться или въ качествѣ временнаго жилища, напр. лѣтняго, или въ качествѣ хозяйственной постройки. Только найдя у народовъ, перешедшихъ къ высшимъ формамъ жилища, старыя формы въ качествѣ переживанія, мы можемъ съ увѣренностью говорить, что первобытная форма, которую мы застаемъ еще господствующей у нѣкоторыхъ болѣе низко стоящихъ народностей, была въ употребленіи и у тѣхъ, которыя въ настоящее время перешли къ высшимъ формамъ. То-же слѣдуетъ имѣть въ виду и при опредѣленіи преемственности различныхъ типовъ. Кромѣ того, переходъ отъ одного типа жилища къ другому совершается обыкновенно лишь постепенно: болѣе древній типъ постройки подвергается измѣненіямъ и улучшеніямъ, къ нему дѣлаются пристройки и т. д., такъ что, восходя отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ типамъ, мы можемъ прослѣдить между крайними пунктами развитія жилья, — наиболѣе простымъ и наиболѣе сложнымъ, — цѣлый рядъ промежуточныхъ звеньевъ.

Если разсмотрѣть съ этихъ точекъ зрѣнія различные типы жилищъ у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей, живущихъ въ Россіи, то придется признать, что эмбріономъ развитія является **шалашъ**: кочевой бытъ, какъ и бытъ охотничій требуетъ частыхъ перемѣнъ мѣстъ остановокъ и уже поэтому является возможнымъ признать a priori, что первобытная форма жилища должна была быть или легко переносимой или по крайней мѣрѣ легко устраиваемой на новомъ мѣстѣ остановки. Шалашъ въ томъ или другомъ видѣ является формой широко-распространенной у кочевыхъ тюрковъ и монголовъ.

Изъ этого типа жилища наиболѣе первобытную форму мы на-

ходимъ среди **карагассовъ** [1]), а также среди алтайскихъ тюрковъ. У карагассовъ единственнымъ жилищемъ, какъ лѣтомъ такъ и зимой, служитъ конусообразный шалашъ, составленный изъ лиственничныхъ или еловыхъ жердей, покрываемыхъ лѣтомъ березовою корою, зимою — оленьими или лосиными выдѣланными кожами. Юрта имѣетъ 3—4 сажени въ поперечникѣ основанія. Внутреннее устройство ея до крайности просто: въ серединѣ горитъ огонь, раскладываемый безъ особаго очага; на немъ приготовляется пища и варится чай. На стѣнѣ противоположной входу виситъ образъ (по большей части св. Николая); подъ нимъ размѣщено въ сумахъ имущество. «Правая отъ образа стѣна составляетъ почетное мѣсто: тамъ укладываются на оленьихъ шкурахъ и угощаются гости. На лѣвой отъ образа сторонѣ помѣщается хозяинъ юрты съ хозяйкой. На правой отъ входа стѣнѣ хранится домашняя утварь, на лѣвой.... винтовки, сѣти, сѣдла и т. д. Скотъ, состоящій изъ оленей, не помѣщается въ особыхъ юртахъ: онъ пасется круглый годъ подъ открытымъ небомъ». Такъ какъ жерди, служащія для составленія остова конусообразной юрты, тяжелы, то карагассы при перекочевкахъ обыкновенно не берутъ ихъ съ собой; они переносятъ лишь покрышки юртъ. Жерди-же, т. е. остовъ юрты остается на мѣстѣ; въ началѣ 2-й половины текущаго столѣтія этихъ перекочевокъ было уже только три: зимнія—для звѣринаго промысла, лѣтнія—для пастбища оленей, и осеннія—для производства рыбной ловли [2]).

Такимъ образомъ, эти юрты не переносятся, такъ какъ мѣста остановокъ теперь постоянныя; но еще въ прошломъ столѣтіи образъ жизни карагассовъ былъ бродячій, и юрты должны были переноситься при частыхъ перемѣнахъ мѣстъ жительства. По словамъ Палласа, карагассы «питаются одною ловлею и у себя другого скота не держатъ, кромѣ нѣсколькихъ оленей, на которыхъ имѣніе свое съ мѣста на мѣсто перевозятъ... Юртишки свои покрываютъ звѣриными шкурами, коими одѣваются и сами. На одномъ

---

[1]) Хотя карагассы повидимому представляютъ племя смѣшанное, но тюркскій элементъ въ нихъ настолько значителенъ, что въ настоящее время ихъ смѣло можно причислить къ тюркамъ. Въ виду того, что съ языкомъ воспринимается обыкновенно и культура, мы не видимъ основанія выдѣлять ихъ, при изложеніи исторіи жилища, отъ прочихъ тюркскихъ народностей.

[2]) Этнограф. Сбор. И. Р. Г. О. IV. Карагассы, стр. 5.

мѣстѣ рѣдко они простаиваютъ два или три дня. Лѣтомъ таскаются съ мѣста на мѣсто вдоль по рѣкамъ для сараны, которая составляетъ главнѣйшее ихъ пропитаніе». [1]) Такимъ образомъ, за сравнительно краткій промежутокъ времени можно наблюдать культурный прогрессъ среди карагассовъ. Изъ бродячаго народа они становятся кочевыми, совершаютъ правильныя передвиженія въ различныя времена года; ихъ жилища сохраняютъ тотъ-же первобытный типъ, но до извѣстной степени становятся постоянными: карагассъ заботится только еще о доставленіи защиты отъ холода и непогоды исключительно себѣ и своей семьѣ; о защитѣ скота онъ еще не думаетъ: его олени и зиму проводятъ на открытомъ воздухѣ; [2]) понятія о дворѣ еще не существуетъ даже въ зародышѣ. Очагъ находится также въ первобытномъ состояніи: онъ ничѣмъ не огороженъ; помѣщеніе его въ срединѣ юрты объясняется круглой формой ея и нахожденіемъ дымового отверстія естественно посрединѣ, на мѣстѣ скрѣпленія жердей.

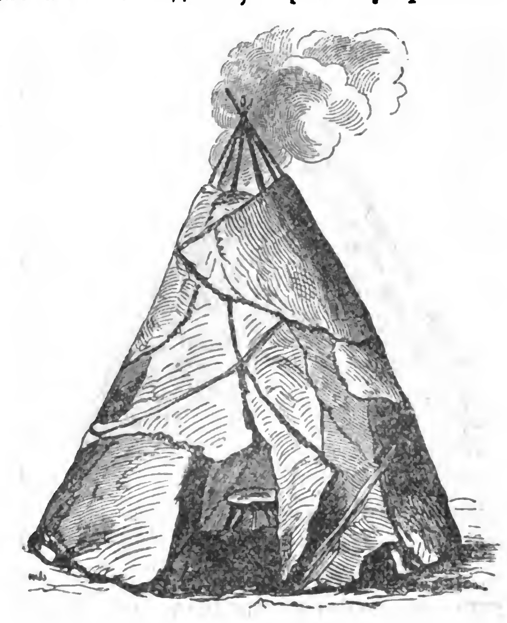
Юрты **алтайскихъ тюрковъ** весьма близко подходятъ къ только что описаннымъ. Многіе изъ числа кочевыхъ алтайцовъ, въ особенности бѣдные, не имѣютъ другого жилища. Юрта такъ же, какъ и у карагассовъ, состоитъ изъ жердей, поставленныхъ въ кругъ; число жердей колеблется между 10 и 14; длина ихъ отъ 7 до 9 аршинъ. Юрты покрываются однако не звѣриными шкурами, а войлокомъ, что знаменуетъ уже извѣстный прогрессъ сравнительно съ юртой карагассовъ: знакомство съ овцеводствомъ, почти неизвѣстнаго послѣднимъ, позволяетъ алтайцамъ выдѣлывать кошмы. Такъ какъ культура алтайцевъ не чужда вліянію болѣе развитыхъ сосѣдей-кочевниковъ, что между прочимъ выражается въ фактѣ употребленія алтайцами и рѣшетчатой юрты, то есть основаніе предполагать, что и съ искусствомъ изготовленія кошемъ, равно и употребленіемъ послѣднихъ въ качествѣ покрытія ими своихъ шалашей, они познакомились черезъ посредство своихъ сосѣдей. Однако обычай покрывать лѣтнія конусообразныя жилища берестой еще господствуетъ.[3] Устроенная, какъ и только что описанная, лѣтняя юрта отличается нѣсколько бо̀льшими размѣрами. Жерди прикрываются берестой и толстой корой лиственницы или сосны. Дымовое отвер-

---

[1]) Палласъ. Путешествіе. III, пол. 1-я, стр. 424, 435.

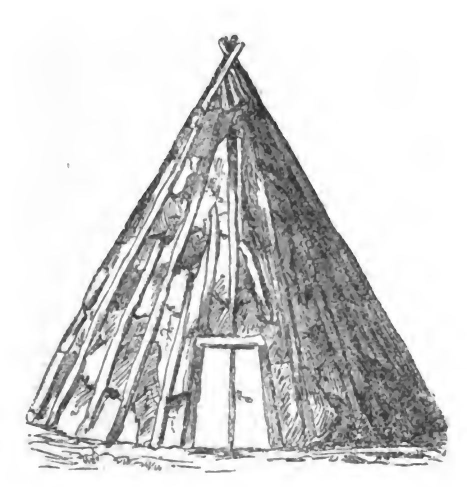
[2]) Этногр. Сб. И. Р. Г. О. IV, стр. 5.

стіе часто прикрывается войлокомъ. Рисунки обоихъ видовъ юртъ, покрытой войлокомъ (*соомъты*) и покрытой берестой и корой (*алатчикъ*), изображены В. Радловымъ (Aus Sibirien. I, табл. 5 и 6; см. рис. 1 и 2). По словамъ В. Радлова, хорошо устроенная берестяная юрта практичнѣе покрытой войлокомъ; послѣдній, если судить по описаніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, обыкновенно бываетъ худъ и оказываетъ плохую защиту отъ непогоды. Такъ какъ жерди, употребляемыя алтайцами для постройки указанныхъ видовъ юртъ, отличаются сравнительно большими размѣрами, то они при перемѣнахъ мѣстъ кочевокъ обыкновенно не переносятся (въ особенности берестяныя), какъ и карагасскія, а такъ какъ берестяныя юрты обыкновенно бóльшихъ размѣровъ, чѣмъ аналогичныя, прикрытыя войлоками, то устройство ихъ естественно возможно исключительно въ лѣсистыхъ пространствахъ. Вслѣдствіе богатства Алтая лѣсомъ эти виды жилищъ все-таки остаются наиболѣе дешевыми, благодаря чему они и сохраняются преимущественно среди бѣднаго населенія, въ то время какъ болѣе состоятельные перешли уже къ другимъ, усовершенствованнымъ видамъ жилья. Въ изображенной на рис. 2 берестяной юртѣ устроена уже дверь въ рамѣ; это естественно позднѣйшее усовершенствованіе первобытнаго типа жилья, усовершенствованіе, котораго, какъ мы это увидимъ ниже, лишены иногда и болѣе сложные типы жилищъ кочевниковъ; подобныя-же дверныя рамы встрѣчаются иногда и на юртахъ войлочныхъ, но обыкновенно входъ въ нихъ устраивается слѣдующимъ образомъ: на мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ устроить

1. Коническая войлочная юрта алтайскихъ тюрковъ.

отверстіе для двери, жерди разставляются шире; на высотѣ $1^1/_2$ арш. отъ земли прикрѣпляютъ поперечную жердь; отверстіе прикрывается привѣшеннымъ кускомъ кошмы или звѣриной шкурой. Для поддержанія поставленныхъ конусомъ жердей шалаша часто устраиваютъ два поперечныхъ кольца, свитыхъ изъ прутьевъ, которыя и поддерживаютъ жерди, придавая имъ больше устойчивости [1]).

2. Коническая берестяная юрта алтайскихъ тюрковъ.

Внутреннее расположеніе юрты лучше всего, насколько намъ извѣстно, описано В. Радловымъ, у котораго приведенъ и планъ внутренняго устройства юрты [2]). Устройство всѣхъ юртъ, какъ первобытныхъ шалашей, такъ и болѣе сложныхъ типовъ, извѣстныхъ среди алтайцевъ, одинаково; различіе заключается лишь въ убранствѣ, количествѣ мѣшковъ въ которыхъ хранится имущество семьи, ковровъ и въ размѣрахъ самой юрты. Какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго описанія внутреннее устройство жилищъ алтайскихъ тюрковъ въ существенномъ ничѣмъ не отличается отъ устройства аналогичныхъ жилищъ у карагассовъ.

Въ срединѣ юрты находится очагъ, въ которомъ поддерживается непрерывно огонь. Надъ очагомъ ставятъ большой треножникъ, а на послѣднемъ утверждается котелъ. Лѣвая половина шалаша, считая отъ дверей, образуетъ мужскую половину, правая — женскую. Часть шалаша въ мужской половинѣ, ближе къ дверямъ, назначается для менѣе почетныхъ гостей; другая часть,

---

1) Radloff: Aus Sibirien I. стр. 267, 270; Вербицкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12; Ядринцевъ: Отчетъ о поѣздкѣ въ горный Алтай; въ Зап. Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. IV. стр. 26—27, Ядринцевъ: Алтай и его инородческое царство въ Истор. Вѣст. XX. стр. 631.

2) Radloff. o. c. стр. 270 и слѣд.; табл. 6. Ср. Вербицкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12.

ближе къ стѣнѣ, противоположной двери, называется *тёръ* (*tör*) [1]) и по значенію своему равняется красному углу русской избы. Здѣсь помѣщаются хозяева и почетные гости. За тёромъ вправо часто помѣщается хозяйская постель (*орунъ*), [2]) передъ которой устраивають обыковенно занавѣску, двигающуюся по шнурку. Недалеко отъ постели влѣво, почти противъ входныхъ дверей, устраивается божница; она украшена коврами, ими-же прикрытъ полъ въ этомъ мѣстѣ; съ жердей свѣшиваются изображенія идоловъ: священное мѣсто юрты находится слѣдовательно въ той-же части, какъ и у карагассовъ; съ тѣмъ лишь различіемъ, что мѣсто идоловъ у алтайцевъ-шаманистовъ, заняла у карагассовъ-православныхъ христіанская икона. Священные предметы и изображенія помѣщаются алтайцами иногда кромѣ этого еще снаружи, передъ юртой: между двумя жердями протягивается шнурокъ, на которомъ висятъ пестрыя тряпки, пользующіяся религіознымъ почитаніемъ. Стѣны юрты увѣшаны мѣшками, въ которыхъ хранится имущество семьи, хозяйственныя принадлежности, орудія и пр. Слѣва отъ дверей помѣщается часто и молодой скотъ. Внутренность юрты представляетъ закопченыя стѣны: почти непрерывно поддерживаемый въ очагѣ огонь наполняетъ юрту ѣдкимъ дымомъ, къ которому примѣшивается кисловатый запахъ.

Зимой юрты (войлочныя) покрываются двойнымъ покровомъ кошмы; иногда ихъ до извѣстной высоты прикрываютъ и снѣгомъ, но въ общемъ войлочная юрта въ меньшей степени спасаетъ отъ стужи, чѣмъ берестяная, которую на зиму забрасываютъ до половины высоты землей и снѣгомъ.

Первобытный шалашъ, который мы встрѣтили у кочевыхъ алтайцевъ, встрѣчался или отчасти встрѣчается еще или въ качествѣ временнаго жилища или хозяйственной постройки у цѣлаго ряда тюркскихъ и монгольскихъ народностей, что даетъ право заключить, что аналогичный видъ постройки былъ нѣкогда, до перехода къ болѣе высокимъ въ культурномъ отношеніи формамъ жилищъ, широко распространенъ среди большинства представителей указанныхъ народностей.

---

[1]) Буквальное значеніе этого слова—*на верху* (Vámbéry, *Die primitive Cultur d. Turko-Tatarischen Volkes*, стр. 75).

[2]) Первоначально въ значеніи *возвышеннаго мѣста* вообще (Vámbéry, *Die pr. Cultur etc.*, стр. 79).

Такъ у тѣхъ изъ алтайскихъ тюрковъ, которые уже перешли къ жизни въ деревняхъ и строятъ себѣ избы по русскому образцу, коническія юрты еще не вполнѣ исчезли. Въ этомъ отношеніи представляетъ характерный примѣръ дер. Кюзэнъ, населенная черневыми татарами, которую посѣтилъ В. Радловъ: «деревня состоитъ изъ 20 домовъ, пишетъ онъ [1]), изъ которыхъ большинство построено изъ балокъ совершенно по русскому образцу; другіе жители живутъ еще въ остроконечныхъ берестяныхъ юртахъ». У полукочевыхъ алтайцевъ шалашъ сохраняется въ качествѣ лѣтняго жилья; этотъ типъ лѣтняго жилища былъ отмѣченъ еще въ XVIII в. между прочимъ у телеутовъ: лѣтнія юрты ихъ состояли изъ жердей, были подобны видомъ «кегелю» и покрыты рогожами изъ лыкъ гороховаго дерева (Robinia Carganata L.) или изъ камышу [2]). Такія-же юрты извѣстны и у абаканскихъ татаръ, причемъ онѣ были покрываемы берестой, и служили нѣкоторымъ по крайней мѣрѣ и лѣтнимъ и зимнимъ жилищемъ.

Сибирскіе татары — барабинскіе, кузнецкіе, верхотомскіе или абинскіе, большинство которыхъ еще въ XVIII в. вело полукочевой образъ жизни, знали форму шалаша въ качествѣ жилья, постояннаго или лѣтняго. «Лѣтнія хижины (*угъ*) барабинскихъ татаръ состояли, по свѣдѣніямъ отъ XVIII в., изъ воткнутыхъ въ землю и къ верху сведенныхъ на подобіе борти шестиковъ (*тыкма*). Такая юрта, которой подпоры при перекочевкѣ на другое мѣсто не вынимаются, бываетъ въ поперечникѣ сажень въ пять, и покрывается сдѣланными изъ тростнику, который укладывается прямо, рогожами (тотанъ)». [3]) Гмелинъ [4]) въ слѣдующихъ чертахъ описываетъ лѣтнюю юрту кузнецкихъ татаръ: онѣ круглы, къ верху заострены; внизу въ поперечникѣ онѣ имѣютъ около 3 сажень: входъ обращенъ къ востоку; это входное отверстіе прикрывается дверью; на верху продѣлано отверстіе для дыма. Внутри устроены вокругъ стѣнъ широкія скамьи; въ срединѣ въ небольшомъ углубленіи въ землѣ устроенъ очагъ. Юрты выстроены изъ тонкихъ жердей, сведенныхъ концами вверху, и покрыты камышемъ; для противодѣйствія дождю между жердями и камышемъ настилается

---

[1]) Radloff. Aus Sibirien I, стр. 365.
[2]) Описаніе ...народовъ, II, изд. Миллера, стр. 162.
[3]) Описаніе ...народовъ, II, изд. Миллера, стр. 110.
[4]) Gmelin: Reise durch Sibirien. I, стр. 272.

еще береста. Жилище чулымскихъ татаръ лѣтомъ было подвижное; лѣтнія юрты устраивались какъ и у барабинскихъ татаръ и покрывались берестой [1]). Верхотомскіе татары, которые въ XVIII в. вели еще кочевой образъ жизни, мѣняя свое мѣстопребываніе нѣсколько разъ въ теченіе какъ лѣта, такъ и зимы, устраивали жилища «подобно кегелю» и покрывали ихъ рогожами, какъ и телеуты,; такія же жилища были извѣстны также въ прошломъ столѣтіи и тюркамъ, кочевавшимъ по р. Бирюсѣ [2]). Качинскихъ тюрковъ (жившихъ по рр. Енисею и Качѣ) Гмелинъ засталъ въ періодъ перехода отъ конусообразныхъ юртъ къ курнымъ избамъ. Несмотря на то, что путешественникъ посѣтилъ улусъ ихъ около селенія Торокина въ 1735 г. въ началѣ февраля, слѣдовательно, когда тепло еще не наступало, въ юрты переселились однако и тѣ, у которыхъ были уже курныя избы. Большинство лицъ, проводившихъ и лѣто и зиму въ шалашахъ, имѣло юрты, сложенныя изъ жердей, скрѣпленныхъ поперечинами, и покрытыя берестой; только богатые покрывали остовъ оленьими шкурами. «Мы входили въ различныя юрты, пишетъ Гмелинъ, и вездѣ замѣчали, что въ срединѣ горѣлъ огонь, вокругъ котораго лежали большіе и малые, мужчины, женщины и дѣти; тутъ-же лежали и собаки, съ которыми они выходятъ на охоту. Юрты были наполнены дымомъ, и мы не могли въ нихъ оставаться долго, изъ боязни задохнуться, но эти люди уже привыкли къ этому; зимой у нихъ нѣтъ другого тепла, кромѣ какъ отъ очага, который горитъ въ юртѣ» [3]).

На удушливый воздухъ и на ѣдкій дымъ, господствующій въ юртахъ жалуются вообще всѣ путешественники. Выше мы привели слова Радлова по этому поводу; этотъ-же путешественникъ такъ описываетъ свое ощущеніе при входѣ въ юрту, хотя послѣдняя, среди типовъ алтайскихъ жилищъ, принадлежала къ лучшимъ. «Когда я въ первый разъ вошелъ въ алтайскрю юрту, я чуть не потерялъ сознанія; непроницаемый дымъ наполнялъ все помѣщеніе, такъ что я невольно закрылъ глаза отъ боли. Лишь нѣсколько минутъ спустя пришелъ я снова въ себя... Оставаться долгое время въ юртѣ алтайскихъ калмыковъ чистое мученіе... Первая ночь,

---

1) Описаніе ...народовъ, изд. Миллера, II, стр. 146.

2) ibid. стр. 170, 171.

3) Gmelin. Reise durch Sibirien. I, стр. 380, 381.

которую я провелъ въ юртѣ, далеко не была пріятной, такъ какъ послѣ того, какъ огонь угасъ, стало такъ холодно, что я въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не могъ заснуть. Кромѣ того угаръ и дымъ причинили мнѣ сильную головную боль. Для меня совершенно непонятно, замѣчаетъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, какъ алтайцы могутъ выносить зиму въ своихъ юртахъ, такъ какъ даже лѣтомъ приходится въ достаточной мѣрѣ страдать отъ холода: вѣтеръ и дождь проникаютъ въ каждую юрту, и если дождь сильный, то юрта начинаетъ протекать со всѣхъ сторонъ, такъ что сидящіе должны надѣвать войлочное покрывало на голову и спину» [1]). «Внутренность юрты, замѣчаетъ В. И. Вербицкій, вещи въ ней и лица закопчены и чумазы. Если случается ночевать въ юртѣ, то вліяніе дыма сначала незамѣтно, но когда закроешь глаза, тогда-то они доложатъ, что ночлегъ для нихъ не благопріятенъ: ихъ что-то ѣстъ. По проведеніи-же цѣлой ночи въ юртѣ, на свѣжемъ воздухѣ долго нельзя открыть глаза отъ рѣзи. Конечно, это отъ непривычки, но и у привычныхъ къ дыму алтайцевъ весьма много больныхъ глазами» [2]).

У сѣверныхъ бурятъ, по словамъ М. Хангалова, въ старину были употребительны въ качествѣ жилища шалаши, т. наз. *бухэке*, которые устраивались слѣдующимъ образомъ: въ землю втыкали нѣсколько длинныхъ жердей такъ, чтобы онѣ образовали конусъ; верхніе концы жердей упирались одинъ въ другой и скрѣплялись. Снаружи жерди обертывались большими полостями изъ звѣриныхъ шкуръ; верхъ оставался незакрытымъ; дымъ выходилъ въ щели между жердями. Иногда бухэкъ строился изъ молодыхъ сосновыхъ стволовъ, а низъ его вмѣсто мѣховыхъ одѣялъ закладывался снаружи хвойными вѣтками, а зимой засыпался снѣгомъ. Перекочевывая съ одного мѣста на другое, буряты брали только мѣховыя шкуры, покрывавшія бухэкъ, оставляя бревна на мѣстахъ. Лѣтомъ мѣховыя покрышки не употреблялись [3]).

Подобныхъ коническихъ юртъ въ настоящеее время у бурятъ, кажется, не встрѣчается. Но у селенгинскихъ бурятъ онѣ были

---

[1]) Radloff. Aus Sibirien. I, стр. 273—275.

[2]) В. И. Вербицкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12.

[3]) Этногр. Обозр. X, стр. 144, 145. Само слово *бухэкъ* г. Хангаловъ производитъ отъ бурятск. *бухэкэ — наклоняться*, „такъ какъ входъ въ бухэкъ дѣлался очень низкимъ“.

извѣстны еще въ началѣ текущаго столѣтія. А. Эрманъ, видѣвшій ихъ въ 1829 г., оставилъ подробное описаніе ихъ. Юрты состояли изъ жердей, поставленныхъ въ кругъ такъ, чтобы верхніе концы ихъ сходились; такъ какъ описываемыя юрты служили зимнимъ жилищемъ, то остовъ былъ покрытъ двойнымъ рядомъ войлока. Эрманъ отмѣчаетъ, что по формѣ онѣ отличаются отъ самоѣдскихъ чумовъ тѣмъ, что конусъ менѣе остръ. Внутреннее устройство заключалось въ слѣдующемъ: противъ дверей у стѣны находилась божница, состоявшая изъ двухъ поставленныхъ другъ на друга ящиковъ, съ священными предметами и изображеніями. Очагъ находился въ центрѣ конуса, причемъ огонь раскладывался въ ямѣ. Вокругъ очага были разложены кошмы и перины, служившія постелями [1]).

Среди **башкиръ**, въ Уфимской губ., въ мѣстностяхъ, гдѣ они перешли уже къ осѣдлости, сохраняется въ качествѣ переживанія обычай устройства первобытнаго шалаша, на усадьбѣ. Шалашъ дѣлается изъ плетня, промазаннаго навозомъ, сверхъ котораго онъ покрывается соломой; шалашъ имѣетъ круглую форму; внутри, въ рединѣ, на камняхъ устанавливается котелъ, въ которомъ башкиры варятъ себѣ пищу [2]).

У **якутовъ** коническій шалашъ продолжаетъ еще существовать въ качествѣ лѣтняго жилища, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по крайней мѣрѣ. Этотъ видъ жилья описанъ какъ болѣе старыми, такъ и болѣе новыми писателями. Такъ напр. Штраленбергъ замѣчаетъ, что «лѣтнія жилища ихъ (якутовъ) круглы, какъ колпакъ съ сахарной головы, и обложены берестой, которую они крашеными конскими волосами пестро убираютъ и вышиваютъ,—съ открытымъ отверстіемъ для дыма, такъ какъ они дѣлаютъ свои камины и огнища прямо посреди юрты съ крюкомъ, на который они вѣшаютъ... горшки... и котлы» [3]). Въ изданномъ Миллеромъ «Описаніи... народовъ» [4]) объ якутскихъ лѣтнихъ жилищахъ сказано, что они состоятъ изъ жердей, подобны кегелю и покрываются берестой. Миддендорфъ описываетъ эти лѣтнія юрты, какъ не-

---

1) Ad. Erman: Reise um die Erde II, стр. 103—105.

2) Изв. Общ. Археол. Ист. и Этногр. при И. Каз. Ун. XI, 2, стр. 184.

3) Strahlenberg: Das Nord-und Oestliche Theil v. Europa u. Asien. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при И. Казанск. Ун. XI, вып. 3, стр. 244.

4) т. II, стр. 128 (СПБ. 1776).

сравненно болѣе уютныя, чѣмъ зимнія жилища якутовъ; онѣ просторны, прохладны и довольно красиво сдѣланы изъ бересты; онѣ называются уросъ [1]) «и сооружаются посреди привѣтливой мѣстности, на хорошихъ пастбищахъ, вдали отъ зимняго мѣстопребыванія, такъ какъ окрестности послѣдняго приходится тщательно оберегать отъ пастьбы. Длинную выросшую траву животныя легко разгребаютъ подъ снѣгомъ, потому что запасы сѣна якутъ заготовляетъ только для рогатаго скота» [2]).

По словамъ Мейнсгаузена [3]), который видѣлъ уросы у вилюйскихъ якутовъ, они имѣютъ до 21 фута въ поперечникѣ. Входъ съ востока. Жерди покрываются корой лиственницы или берестой. Этотъ типъ жилищъ сохраняется еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и у богатыхъ якутовъ до настоящаго времени и тогда, когда лѣтнія и зимнія юрты строятся болѣе совершеннымъ образомъ: богатые (якуты), пишетъ В. Л. Приклонскій, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ юрты, на востокѣ, ставятъ *урасу*: конусообразное основаніе (въ видѣ сахарной головы) изъ жердей заплетается для крѣпости внизу въ три ряда сырымъ тальникомъ, что наз. *курду*, или съ молодой высокой лиственницы снимается кора, которою въ два ряда обкладывается нижняя часть урасы. Весь остовъ покрывается особо приготовленной берестой, состоящей изъ отдѣльныхъ кусковъ, варимыхъ въ горячей водѣ и смазанныхъ березовымъ варомъ; эти отдѣльные куски бываютъ 2-хъ аршинъ длины и въ аршинъ ширины, расшиваются разными узорами, украшеніями и швами изъ окрашеннаго конскаго волоса. Внутреннее устройство урасы то-же, что и въ четырехугольной юртѣ, о которой нами будетъ сказано ниже. Очагъ находится посрединѣ, причемъ онъ представляетъ собой ящикъ, набитый глиной [4]).

У долганъ коническій шалашъ, покрываемый оленьими шкурами продолжаетъ, по словамъ Миддендорфа [5]), строиться даже среди зимовокъ, которыя уже представляютъ изъ себя срубы (см. рис. въ гл. II).

---

1) По другимъ *Urasa*. (Vàmbèry. Das Türkenvolk, стр. 154).

2) Миддендорфъ: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. II. стр. 781, 782.

3) K. Meinshausen: Nachrichten über das Wilui-gebiet въ Beitr. z. Kenntniss d. Russisch. Reiches. XXVI, стр. 35.

4) В. Л. Приклонскій: Матеріалы по этнографіи якутовъ въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVIII. стр. 23, 24.

5) А. Миддендорфъ: Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. II, стр. 694.

У **монголовъ**, кочующихъ внѣ предѣловъ Россіи, коническіе шалаши продолжаютъ еще сохраняться, въ качествѣ жилищъ беднѣйшаго населенія; эти шалаши прикрываются старымъ, прокопченнымъ войлокомъ, и употребляются въ качествѣ жилья не только лѣтомъ, но и зимой [1]). О нихъ-же упоминаетъ и Г. Н. Потанинъ: по его словамъ, эти шалаши употребительны въ сѣверной Монголіи и называются *обахаи* или *хатгуръ*. Для обахая берутся жерди, которыя верхними своими концами вставляются въ кругъ (*тонъ*) [2]) Хатгуры бываютъ иногда такъ малы, что двое сидящихъ людей едва въ состояніи въ нихъ помѣститься и могутъ достать рукой верхъ юрты, не вставая съ мѣста [3]). Другой видъ шалаша, употребительнаго у монголовъ-же, лишь формой напоминаетъ первобытный шалашъ [4]).

У **астраханскихъ калмыковъ** [5]) коническіе шалаши продолжаютъ еще встрѣчаться: это такъ наз. *джоломъ*, состоящій изъ жердей и покрытый кошмой; высота его въ центрѣ около 3 аршинъ.

Далѣе среди **киргизовъ**, даже тѣхъ, которые перешли уже къ полуосѣдлому быту, сохраняются или въ качествѣ временныхъ, походныхъ жилищъ, или въ качествѣ жилья беднѣйшей части населенія рядъ формъ, повторяющихъ типъ первобытнаго коническаго шалаша. Такъ напр., на рис. 3 мы видимъ примѣръ подобнаго походнаго шалаша, состоящаго изъ жердей, связанныхъ

---

1) М. В. Пѣвцовъ: Очеркъ путешествія по Монголіи, стр. 69.

2) Г. Н. Потанинъ: Тангутско-тибетская окраина Китая. I, стр. 53.

3) Г. Н. Потанинъ: Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. II, стр. 108.

4) „Во время путешествій съ караванами или на богомолья, пишетъ М. В. Пѣвцовъ, монголы помѣщаются на ночлегахъ въ палаткахъ (*майханъ*) изъ синей бумажной ткани (*дабы*), подбиваемой иногда внутри болѣе грубою и рѣдкою бумажною-же тканью (*далимбою*). Остовъ ея состоитъ изъ двухъ вертикальныхъ кольевъ отъ 6 до 9 футовъ высоты, утверждаемыхъ въ разстояніи 7—11 фут. другъ отъ друга и снабженныхъ на верхнихъ концахъ желѣзными ушками, сквозь которыя продѣвается третій колъ, служащій гребнемъ, или конькомъ остова. На этотъ остовъ натягивается палатка, полы которой прикрѣпляются посредствомъ веревокъ внизу къ желѣзнымъ колышкамъ, вбиваемымъ въ землю. По наружному виду, монгольская палатка напоминаетъ нѣсколько крутую шеститранную кровлю. Остріемъ или носомъ, она для устойчивости обращается въ навѣтренную сторону, а противоположная сторона, состоящая изъ двухъ полъ заключаетъ между ними отверстіе, служащее дверью.

5) И. Житецкій: Очеркъ быта астраханскихъ калмыковъ, стр. 4.

па верху и прикрытыхъ кошмой такъ, что остается отверстіе для входа и дымовое отверстіе на верху; огонь раскладывается посрединѣ. Иногда походный шалашъ (*кошъ*), служащій также и жилищемъ пастухамъ, устраивается на подобіе коническихъ шалашей алтайскихъ тюрковъ: кошъ, употребляемый азіатскими киргизами. въ своемъ простѣйшемъ видѣ состоитъ изъ деревянныхъ круговъ

3. Походный шалашъ букеевскихъ киргизовъ.

отъ 1—2 саж. въ діаметрѣ, соединенныхъ по окружности жердями [1]. Нѣсколько болѣе сложный типъ представляетъ употребляемый азіатскими-же киргизами типъ шалаша, извѣстный подъ названіемъ *аблайча*; она состоитъ изъ прямыхъ жердей, поставленныхъ наклонно; на верху жерди вставляются въ особо для того приспособленный кругъ—*чангаракъ*. Одна кошма покрываетъ остовъ, причемъ такъ, что на верху оставляется отверстіе для дыма. Въ настоящее время аблайча употребляется только въ качествѣ походной юрты. Народное преданіе приписываетъ изобрѣтеніе ея хану Аблаю, который ввелъ эту форму шалаша для своего войска,

[1]) В. Шнэ: Зимовки ...кочевниковъ Акмолинской Обл., стр. 11—въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVII, вып. 1.

откуда и названіе шалаша—аблайча [1]). По своей формѣ аблайча рѣзко отличается отъ остальныхъ видовъ жилищъ у киргизовъ, и преданіе, приписывая изобрѣтеніе ея у киргизовъ хану Аблаю, повидимому, стремилось лишь объяснить то рѣзкое отличіе, которое представляетъ болѣе архаичный типъ шалаша, отъ сравнительно сложныхъ по своему устройству рѣшетчатыхъ кибитокъ.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что коническая форма шалаша является распространенной и наиболѣе древней у тюркскихъ народностей, что она была извѣстна монголамъ, и что этотъ типъ слѣдуетъ считать первичнымъ въ исторіи развитія жилья у указанныхъ племенныхъ группъ.

Однако, какъ ни просто устройство коническаго шалаша, въ описанныхъ нами у разныхъ народовъ типахъ мы не всегда встрѣчаемъ однообразіе: это даетъ намъ возможность намѣтить главныя ступени **развитія коническаго шалаша.**

Въ описаніи устройства остова слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что первоначальное скрѣпленіе жердей посредствомъ простаго связыванья верхнихъ концовъ замѣняется слѣдующими приспособленіями: для поддержанія жердей въ неизмѣнномъ направленіи онѣ скрѣпляются кольцами, свитыми изъ прутьевъ; далѣе верхнія концы жердей, образующихъ остовъ, вставляются уже въ особо приспособленный для этого кругъ — чангаракъ. Этотъ послѣдній не является въ своей первоначальной формѣ въ аблайчѣ [2]). Едвали будетъ рискованнымъ предположить, что чангаракъ образовался первоначально изъ такого-же витаго изъ прутьевъ кольца, какъ и нижнія кольца, и служилъ лишь для распиранія верхнихъ концовъ жердей, и только впослѣдствіи сталъ выдѣлываться изъ дерева, съ отверстіями для вставливанія жердей. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ фактѣ, что верхній кругъ (*тонъ*) въ сѣверной Монголіи представляетъ лишь легкій обручъ, согнутый изъ тонкаго ивоваго прута [3]). Далѣе еще въ коническихъ шалашахъ мы видимъ зародыши дверной рамы; прежде просто раздвигаемыя для устройства дверного отверстія жерди въ нѣкоторыхъ случаяхъ закрѣпляются поперечнымъ кускомъ дерева. Наконецъ,

[1]) Записки Зап. Сибирск. Отд. И. Р. Г. О. XV, 3. стр. 11, ст. Маковецкаго: Юрта.

[2]) Устройство чангарака будетъ описано ниже.

[3]) Г. Н. Потанинъ: Тангуто-тибетская окраина Китая. I. стр. 53.

въ отношеніи покрытія юрты важная перемѣна заключается въ замѣнѣ звѣриныхъ шкуръ войлокомъ (кошмами). Прежде чѣмъ сдѣлаться скотоводами, въ частности овцеводами, тюрки и монголы прошли періодъ охотничьяго, звѣроловческаго быта,—стадія, на которой мы теперь еще застаемъ карагассовъ и нѣкоторыхъ алтайскихъ тюрковъ.

На этой стадіи развитія покрытіемъ шалаша могли служить только звѣриныя шкуры или древесная кора, а зимою кромѣ того еще земля и снѣгъ, какъ это мы видимъ и въ настоящее время еще у нѣкоторыхъ изъ описанныхъ народностей. Лишь съ переходомъ къ чисто скотоводческому быту, когда домашній скотъ начинаетъ удовлетворять почти всѣмъ насущнымъ потребностямъ кочевника, покрытіями первобытному шалашу начинаютъ служить сначала шкуры домашнихъ животныхъ, а затѣмъ и издѣлія изъ шерсти послѣднихъ, именно кошмы, которыя вытѣсняютъ впослѣдствіи всѣ остальные способы покрытія, какъ мы это, напр., видимъ у киргизовъ, у которыхъ и бѣднѣйшіе покрываютъ свои шалаши кошмами. Наконецъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій, коническій шалашъ изъ легко переносимаго становится постояннымъ, что приближаетъ его въ значительной степени къ категоріи осѣдлыхъ жилищъ, хотя бы сами жители и продолжали еще вести кочевой образъ жизни: обиліе лѣса въ нѣкоторыхъ областяхъ позволяетъ строить шалаши изъ сравнительно толстыхъ жердей, вслѣдствіе чего перенесеніе ихъ затрудняется; результатомъ этого, благодаря дешевизнѣ и обилію матеріала, является стремленіе оставлять остовы шалашей на прежнихъ мѣстахъ и брать съ собой при перекочевкахъ лишь покрышки. Оставленіе на мѣстѣ шалаша развивается въ значительной степени и благодаря тому, что среди лѣсниковъ-звѣроловъ сравнительно мало распространено скотоводство: вьючныхъ животныхъ имѣется въ распоряженіи семьи немного, едва достаточное количество для перевозки домашняго скарба. Поэтому мы видимъ, что напр. среди алтайцевъ, не нуждающихся въ лѣсѣ, первобытный коническій шалашъ не переносится, тогда какъ у степныхъ кочевниковъ, вынужденныхъ вслѣдствіе недостатка въ лѣсѣ дорожить имъ, жилище значительно болѣе развитого типа долго еще продолжаетъ быть переносимымъ съ мѣста на мѣсто. Такимъ образомъ, прослѣживая исторію коническаго шалаша,мы доходимъ до развитія почти-что осѣдлой формы жилища.

На звѣроловческой стадіи развитія человѣку приходится почти исключительно заботиться лишь о самомъ себѣ. Домашняго скота еще не существуетъ, и потому въ первобытныхъ типахъ этой формы жилища мы не видимъ никакихъ пристроекъ, изъ которыхъ могъ бы развиться дворъ. Даже съ переходомъ къ скотоводству заботы о скотѣ не сразу приводятъ къ стремленію защищать его отъ непогоды: заботами начинаетъ пользоваться сначала лишь молодой скотъ, хуже чѣмъ старый выносящій зимній холодъ; для него однако не строятъ отдѣльныхъ помѣщеній, а берутъ его въ жилую юрту, гдѣ онъ, какъ напр. у алтайцевъ, и помѣщается около входныхъ дверей. Дальнѣйшая забота заключается въ стремленіи помѣшать скоту разбрестись: для этого устраиваются изгороди, въ которыя скотъ загоняется. Далеко не всѣ изъ упомянутыхъ народностей поднялись до устройства изгородей. Мы видѣли, наприм., что ихъ нѣтъ еще у карагассовъ; онѣ не встрѣчаются и у многихъ алтайскихъ тюрковъ, продолжающихъ еще жить въ коническихъ шалашахъ. Но напр. въ Абаканской степи, среди т. наз. абаканскихъ татаръ, В. Радловъ уже отмѣчаетъ, что юрты ихъ (коническія) принимаютъ скорѣе характеръ усадебъ, такъ какъ онѣ окружаются заборами, въ которые загоняютъ скотъ. [1]) Впослѣдствіи мы увидимъ, что изъ подобныхъ изгородей развиваются дворы.

Наконецъ что касается **расположенія жилыхъ построекъ въ поселкахъ**, то прежде всего нельзя ожидать здѣсь правильности: каждый строится тамъ, гдѣ находитъ для себя удобнѣе. Второй характерной чертой слѣдуетъ признать незначительное число жилыхъ построекъ въ селеніи, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда устраиваются уже правильныя зимовки, причемъ однако семейства родственныя другъ другу стремятся селиться близко другъ отъ друга. Число юртъ въ поселкѣ у карагассовъ, даже прямо зависитъ отъ числа семействъ, соединенныхъ узами родства [2]). Телеуты на зимовки располагались колѣнами (аймаками), хотя численность входящихъ въ составъ аймака лицъ и была крайне невелика, такъ какъ „большая половина деревень такихъ, въ коихъ считается только отъ 4—10 дворовъ". [3]) Южный алтаецъ, пишетъ В. И.

---

[1]) Radloff. Aus Sbirien I, стр. 375.
[2]) Этногр. Сб. изд. И. Р. Г. О. вып. IV, стр. 5.
[3]) Описаніе народовъ II, стр. 162.

Вербицкій [1]), любитъ просторъ; ему тѣсно въ большомъ обществѣ, и потому аилы ихъ обыкновенно состоятъ не болѣе какъ изъ 3—5 юртъ, принадлежащихъ родственникамъ: отцу съ сыновьями и ихъ семействамъ. Незначительность поселковъ у кочевыхъ бурятъ подтверждаетъ сообщеніе Эрмана, который отмѣчаетъ, что описанный имъ поселокъ селенгинскихъ бурятъ состоялъ лишь изъ двухъ коническихъ юртъ. [2]) Вообще свѣдѣнія, что селеніе состоитъ лишь изъ самаго незначительнаго числа строеній, что даже часто семьи селятся въ одиночку, нерѣдки у различныхъ авторовъ. Въ числѣ причинъ, обусловливающихъ малолюдность селеній, на низшихъ ступеняхъ культуры по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ отвести одно изъ первыхъ мѣстъ соображеніямъ чисто экономическаго характера. Относительно черневыхъ татаръ (*йишъ-кижи*) покойный Н. М. Ядринцевъ отмѣчаетъ эту причину совершенно основательно: „лѣсники или черневые татары, которыхъ мы наблюдали, пишетъ онъ, никогда не живутъ нѣсколькими семьями, аулами, ихъ *аилъ*—это одинъ, много два, три шалаша съ семьями вмѣстѣ; большею частію по одному. Этому способствуетъ бѣдность пастбищъ въ лѣсахъ и стремленіе каждому имѣть шире право на охотничьи угодья. Лѣсной просторъ ничего не даетъ для пастбищъ; онъ препятствуетъ имъ; угодья въ лѣсахъ начинаютъ цѣниться какъ для скотоводства, такъ и для начинающагося первобытнаго земледѣлія“. [3]) Значеніе лѣса, какъ фактора, ограничивающаго свободу передвиженій, совершенно справедливо указано Н. М. Ядринцевымъ: этимъ значеніемъ слѣдуетъ повидимому объяснить, что алтайскіе тюрки, какъ и карагассы, перешли отъ звѣроловческаго быта почти непосредственно къ первобытнымъ способамъ обработки земли. Но и въ степяхъ, гдѣ простора больше, экономическія соображенія—необходимость прокормить многочисленныя стада, а слѣдовательно стремленіе сохранить кормъ, приводятъ къ тому же результату: разселенію небольшими группами, состоящими изъ родственниковъ и при возрастаніи группы къ дѣленію этой послѣдней на меньшія подгруппы; при изложеніи формъ жилищъ у степныхъ кочевниковъ намъ придется еще возвратиться къ этому во-

---

[1]) В. И. Вербицкій: Алтайскіе инородцы, стр. 12.

[2]) Erman: Reise. II, стр. 103.

[3]) Н. М. Ядринцевъ: Начало осѣдлости. Литературный Сборникъ (СПБ 1885), стр. 143.

просу, и мы увидимъ, что лишь стремленіе къ самосохраненію отъ нападеній внѣшнихъ враговъ, приводитъ къ нарушенію этого принципа и къ разселенію болѣе или менѣе значительными группами.

Изучая преемственность формъ, мы должны разсмотрѣть прежде всего тѣ типы жилищъ, происхожденіе которыхъ отъ первобытнаго коническаго шалаша несомнѣнно. Однимъ изъ наиболѣе близкихъ въ этомъ отношеніи къ шалашу типовъ слѣдуетъ считать переносное жилище степныхъ кочевниковъ, ихъ юрты или кибитки, извѣстныя подъ общимъ названіемъ **„рѣшетчатой юрты“**, или кибитки. Во многихъ мѣстахъ она служитъ единственнымъ жилищемъ; въ другихъ—среди скотоводческихъ народностей, перешедшихъ къ полукочевому быту и живущихъ зимой въ постоянныхъ помѣщеніяхъ, она является переноснымъ шалашомъ во время лѣтнихъ перекочевокъ. Отличіе рѣшетчатой юрты отъ конической въ существенномъ заключается въ слѣдующемъ: 1) она состоитъ изъ двухъ частей: нижней вертикальной стѣнки и самостоятельнаго верха; 2) нижняя стѣнка образована изъ рѣшетки, которая можетъ складываться. Этотъ видъ шалаша чрезвычайно удобопереносимъ и вполнѣ приспособленъ къ перекочевкамъ; онъ представляетъ высшую форму, до которой развился шалашъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ характерныя черты рѣшетчатой юрты настолько отличаютъ ее отъ конической, что предполагать, чтобы она сразу появилась въ томъ видѣ, въ которомъ мы застаемъ ее теперь, едвали возможно: рѣшетчатая кибитка внѣ сомнѣнія должна была пройти длинный путь, прежде чѣмъ развиться до настоящаго ея вида. Но прослѣдить это развитіе послѣдовательно нелегко: возможно на основаніи имѣющагося матеріала лишь намѣтить это развитіе въ общихъ чертахъ и высказать нѣкоторыя гипотезы.

Наиболѣе вѣроятнымъ отечествомъ рѣшетчатой кибитки повидимому слѣдуетъ считать степь: остовъ ея состоитъ изъ тонкихъ палокъ, деревянныя части ея сокращены до minimum'а; она чрезвычайно удобна для перевозки. Обитатели лѣса не имѣли нужды въ деревѣ: гдѣ бы они ни останавливались, они находили готовый матеріалъ для постройки себѣ жилища; кромѣ того, лѣсные жители не держатъ такихъ огромныхъ стадъ, какъ степные кочевники, которые для прокормленія скота вынуждены въ теченіе года обойти значительное количество верстъ. Только безлѣсныя пространства – и вызванная ими нужда въ лѣсѣ могли научить кочевника цѣнить

его; топливомъ ему начинаетъ служить кизякъ; прежнія толстыя жерди, составляющія остовъ шалаша въ лѣсныхъ пространствахъ, должны были по необходимости замѣняться болѣе тонкими: это дѣлали необходимымъ какъ сама растительность степей, гдѣ большія деревья рѣдки, но лознякъ и камышъ встрѣчаются по озерамъ, рѣкамъ и балкамъ, такъ и неувѣренность кочевника, что онъ найдетъ на мѣстѣ новой кочевки древесный матеріалъ для постройки шалаша, вслѣдствіе чего послѣдній долженъ былъ дѣлаться возможно портативнѣе.

Въ степныхъ мѣстностяхъ мы почти не находимъ типовъ, которые могли бы объяснить, появленіе обычая дѣлить юрту на верхнюю и нижнюю части, отдѣльно разбираемыя. Несомнѣнно, что коническій шалашъ, какъ бы великъ ни былъ діаметръ его основанія, представлялъ большое неудобство, вслѣдствіе наклона стѣнъ; поэтому должно было естественно сказываться стремленіе къ выпрямленію послѣднихъ. Наиболѣе простой способъ былъ надламыванье жердей. Мы уже говорили, что жерди коническихъ шалашей для устойчивости иногда скрѣпляются витыми кольцами. Если поставить жерди прямо и обломать ихъ у одного изъ колецъ, а затѣмъ свести ихъ концы, получится шалашъ, по контуру очень похожій на рѣшетчатую кибитку: именно, нижняя часть кольевъ будетъ соотвѣтствовать рѣшеткѣ, а верхняя часть кольевъ, наклоненныхъ къ центру—жердямъ, которыя составляютъ крышу рѣшетчатой юрты. Такой способъ постройки отмѣченъ Палласомъ среди татаръ на р. Сильгунѣ (притокъ Чулыма), которые именно такимъ образомъ устраивали свои лѣтніе шалаши, хотя имъ извѣстна была и коническая юрта: „здѣшніе крещеные татары, пишетъ Палласъ, [1]) живутъ лѣтомъ въ мерзкихъ юртахъ, кои состоятъ частію изъ сведенныхъ вверху шпицемъ кольевъ, частію же изъ березовыхъ кольевъ, кои, будучи съ самой земли около нѣкоторыхъ большихъ обручьевъ утверждены и обломаны, составляютъ видъ калмыцкаго шалаша, и устланы сильно разваренными и вмѣстѣ сшитыми бѣлыми берестами“. Отъ надламыванья верхнихъ концовъ жердей, до привязыванья къ кольямъ, образующимъ низъ шалаша, отдѣльныхъ кольевъ—только одинъ шагъ: подобныя юрты извѣстны алтайскимъ тюркамъ; онѣ состоятъ, по словамъ Радлова, изъ цилиндра,

---

[1]) Палласъ: Путешествіе. II, пол. 2-я, стр. 449.

вышиной приблизительно аршина $1^1/_2$, на верхній конецъ котораго опирается кегелеподобная крыша. Эти юрты не переносятся. Остовъ нижней, вертикальной стѣны юрты дѣлается изъ палокъ, вертикально воткнутыхъ въ землю, которыя на верху скрѣплены посредствомъ поперечныхъ колецъ. Къ верхнему концу каждой изъ стоящихъ прямо палокъ прикрѣплена жердь, образующая остовъ крыши; всѣ жерди вверху сведены вмѣстѣ, такъ что онѣ образуютъ коническую крышу; въ дверное отверстіе вставляется рама, закрываемая двойнымъ кускомъ кошмы. Остовъ покрывается кошмами, которыя обвязываются веревкой. „Эти юрты, замѣчаетъ В. Радловъ, значительно свѣтлѣе и обширнѣе, чѣмъ коническія; свѣтъ въ нихъ проникаетъ отчасти черезъ дверь, отчасти черезъ дымовое отверстіе, на много большее, чѣмъ въ конической юртѣ. Крыша этихъ юртъ значительно болѣе плоская, а діаметръ нижняго круга равняется 4—6 саженямъ. При переходѣ на другое мѣсто обитатель подобной юрты оставляетъ на мѣстѣ остовъ ея и приготовляетъ новый на новой остановкѣ, подобныя юрты встрѣчаются только въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ потеря деревяннаго остова не имѣетъ значенія. [1])

Въ описанныхъ типахъ мы видимъ уже отдѣленіе крыши отъ нижней части юрты, т.-е. первый характерный признакъ рѣшетчатой юрты. Что касается до появленія рѣшетки, то наиболѣе вѣроятнымъ окажется предположеніе, что колья, употребительные въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, необходимо было замѣнять палками изъ тонкаго лѣса въ степныхъ мѣстностяхъ, устраивать плетень, который и послужилъ прототипомъ рѣшетки. Такой именно плетень, быть можетъ, и разумѣлъ Палласъ [2]), когда при описаніи *непередвижныхъ* юртъ кундровскихъ татаръ онъ характеризуетъ нижнія стѣны юртъ слѣдующими словами: „круглыя оныхъ стѣны состоятъ изъ плетня изъ весьма тонкихъ палочекъ составленнаго, а крышка оныхъ ничто иное есть, какъ плосковатый сводъ нагнутыхъ палочекъ, кои однимъ концомъ къ плетню, а другимъ прикрѣплены къ обечайкѣ продушины, для дыму оставленной“.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ описываются эти юрты и въ „Описаніи народовъ“: [3]) „у кундровцевъ совсѣмъ отмѣнныя юрты.

---

[1]) Radloff. Aus Sibirien I, стр. 268.

[2]) Палласъ: Путешествіе III, пол. 2, стр. 141.

[3]) Изд. Миллера. II, стр. 41.

Онѣ въ поперечникѣ не будутъ и въ двѣ сажени, а составлены такъ, что *не можно* ихъ разбирать. Потолкомъ служитъ плоскій сводъ изъ согнутыхъ въ дугу колышковъ, которые ради отверстія же для дыму и свѣту сводятся въ кольцо; надъ отверстіемъ же симъ вѣшаютъ они для красы пеструю тряпицу. Стѣны сдѣланными изъ тростнику рогожами, а весь шалашъ войлоками покрывается такъ, что покрышки сей снимать нельзя". Что стѣны юрты въ данномъ случаѣ не представляютъ еще рѣшетки, слѣдуетъ заключить изъ того, что юрты кундровскихъ татаръ противопоставляются юртамъ кочевыхъ ногайцевъ, которыя „состоятъ изъ частокола, который при всякой перекочевкѣ ставится вновь". [1]) Въ пользу предположенія развитія рѣшетчатой юрты въ областяхъ безлѣсныхъ говоритъ и то, что деревянныя части юрты въ настоящее время пріобрѣтаются кочевниками иногда издалека. Въ восточномъ Алтаѣ, по словамъ Г. Н. Потанина, и въ другихъ безлѣсныхъ мѣстахъ юрточныя рѣшетки получаются изъ лѣсныхъ мѣстностей, гдѣ ихъ дѣлаютъ сами монголы. Въ г. Уляссутаѣ деревянныя части юртъ приготовляютъ китайцы; деревянный остовъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ стоитъ отъ 4—7 чаевъ. [2])

Рѣшетчатыя кибитки (монгольск. *гиръ, геръ,* тюркск. *юртъ*) широко распространены у тюркскихъ и монгольскихъ народностей, ведущихъ кочевой или полукочевой образъ жизни. Устройство ихъ повсюду въ существенномъ одно и то-же. По внѣшнему виду принято дѣлить ихъ на два типа: т. наз. *калмыцкій* и *киргизскій*, на томъ основаніи, что одинъ изъ нихъ господствуетъ среди калмыковъ, другой—у киргизовъ; въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что калмыцкій типъ рѣшетчатыхъ юртъ преобладаетъ у монгольскихъ народностей, киргизскій—у тюркскихъ, вслѣдствіе чего указанныя названія „калмыцкій" и „киргизскій" типы можно было бы замѣнять „монгольскимъ" и „тюркскимъ" [3]), причемъ однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что у тюрковъ нерѣдко встрѣчаются юрты монгольскаго типа (рис. 4), и на оборотъ. Отличіе калмыцкаго типа отъ киргизскаго заключается въ отношеніи къ контуру въ томъ, что первый представляетъ *конусообразный верхъ*, второй—*шарообразный*

---

[1]) Ibid. стр. 41.

[2]) Г. Н. Потанинъ: Очеркъ сѣверо-зап. Монголіи. II, стр. 109.

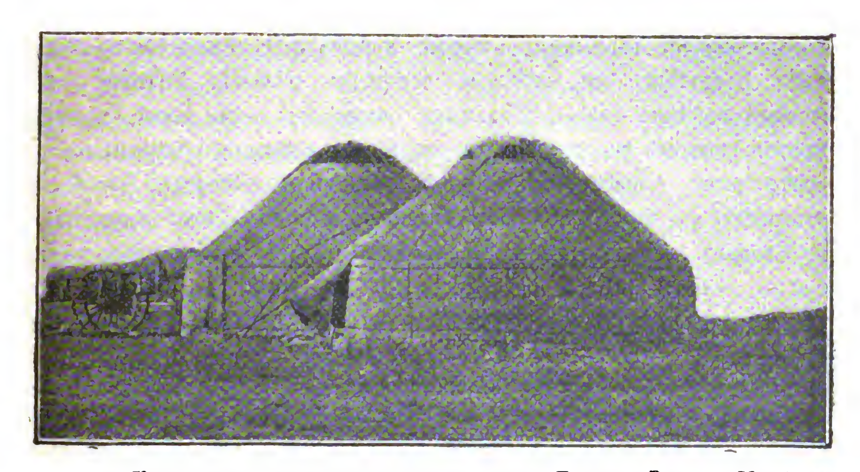
[3]) Сами киргизы называютъ монгольскій типъ юрты *торгоутъ-уй* (Потанинъ: Оч. С. З. Монголіи, стр. 108).

(рис. 5 и 6). Это различіе объясняется тѣмъ, что жерди, образующія крышу юртъ, у калмыцкихъ *прямы*, а у киргизскихъ—*выгнуты*. Если вообще считать, что изъ двухъ видовъ жилища одного и

4. Походная кибитка букеевскаго киргиза.

5. Калмыцкая рѣшетчатая юрта (съ фот. Дашков. Этногр. Муз.).

того же типа болѣе древнимъ является то, устройство котораго болѣе просто, то калмыцкій типъ слѣдуетъ признать болѣе древнимъ, такъ какъ онъ представляетъ просто шалашъ типа аблайчи, поставленный на рѣшетку, между тѣмъ какъ для устройства выгнутыхъ жердей киргизскихъ кибитокъ требуется извѣстная доля искусства.

6. Киргизская рѣшетчая юрта.

Въ способѣ устройства оба типа, кромѣ указаннаго различія, представляютъ много общаго, поэтому мы изложимъ ихъ параллельно. [1]) Основаніемъ юрты служитъ рѣшетка, называемая киргизами *кереге*, калмыками—*терме*; кереге приготовляется изъ тальника, растущаго по берегамъ степныхъ рѣчекъ. Готовитъ ихъ особый мастеръ—*уйче*. Тальникъ очищается отъ коры, высушивается, потомъ распаривается въ кучкѣ тлѣющаго бараньяго навоза; палки, образующія рѣшетку, нѣсколько выгнуты; выгибъ достигается съ помощью особаго прибора наз. *тезъ*; этотъ послѣдній, по словамъ г. Маковецкаго, представляетъ довольно толстую палку, одинъ конецъ которой укрѣпляется въ землѣ, а другой подъ угломъ 45° привязывается къ козламъ. Въ верхнемъ концѣ *тезя*

---

[1]) Н. Маковецкій: Юрта (лѣтнее жилище киргизовъ) въ Запис. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XV, вып. 3, стр. 3—11; Сусловъ: Очерки по исторіи древ. русск. зодчества, стр. 61, 62; Житецкій: Астраханскіе калмыки, стр. 2 и слѣд. Пѣвцовъ: Очеркъ путешествія по Монголіи, стр. 67—70.

дѣлается прорѣзъ, куда изготовляющій палки мастеръ вставляетъ тальникъ и тяжестью своего тѣла надавливаетъ на другой конецъ, чѣмъ палкамъ придается нѣкоторый выгибъ; эти палки оставляются обыкновенно круглыми, но калмыки часто обстругиваютъ ихъ, придавая имъ форму или сплюснутаго четырехгранника, или многогранника. Палки обыкновенно окрашиваются въ коричневый или желтый цвѣта, у калмыковъ изрѣдка и въ зеленый или синій. Изъ этихъ палокъ складывается рѣшетка, причемъ киргизы обыкновенно пробуравливаютъ палки въ мѣстахъ скрещиванья, и продѣваютъ въ отверстія ремешки, концы которыхъ укрѣпляются узелками. Калмыки просто связываютъ палки ремешками, но не на глухо, а такъ, что шесты въ извѣстныхъ предѣлахъ вращаются свободно, чѣмъ дается также, какъ и при киргизскомъ способѣ устройства рѣшетки, возможность, сжимая и растягивая ее, съ одной стороны увеличивать ея высоту, а съ другой—складывать ее при перевозкахъ. Само слово *кереге́*, по словамъ Вамбери, [1]) значитъ „растягиваемое", отъ *kermek*—растягивать.

Основаніе юрты составляется изъ нѣсколькихъ кусковъ рѣшетки, поставленныхъ въ кругъ; каждый отдѣльный кусокъ, составленный изъ 12 — 17 паръ палокъ, называется киргизами *канатъ*. Къ рѣшеткѣ привязываются жерди, называемыя киргизами *укъ* (*окъ*), монголами—*унинъ*. Эти жерди, какъ было указано выше у киргизовъ выгнутыя, у калмыковъ прямыя, вслѣдствіе чего юрты первыхъ имѣютъ куполообразный верхъ, у вторыхъ конусообразный. Величина укъ приблизительно аршина 4. Кромѣ формы укъ въ юртахъ тюркскаго и монгольскаго типа, — дальнѣйшее различіе въ способѣ устройства верха кибитки заключается въ томъ, что у калмыковъ верхній конецъ, который вставляется въ кругъ, заостренъ въ тупой клинъ, а нижній конецъ, круглый, имѣетъ отверстіе, черезъ которое продѣвается шерстяной шнурокъ, завязываемый петлей, при помощи которой жерди прикрѣпляются къ рѣшеткѣ [2]); у киргизовъ верхній конецъ жерди прямой, а нижній, по-

---

[1]) Vàmbèry: Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes. стр. 75.

[2]) Г. Н. Потанинъ сообщаетъ (Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи II, стр. 108), что въ южной Монголіи встрѣчается особый видъ юртъ — *сырхиныкъ*, который въ сѣверо-западную Монголію завозятъ только случайно. „У нихъ стрѣлы (унинъ) прикрѣплены къ верхнему обручу посредствомъ шалнера, такъ что юрта складывается и нагружается на телѣгу. Эпитетъ *сырхиныкъ* собственно

гнутый, упирается въ рѣшетку и привязывается къ ней. Уки (унинъ верхнимъ концомъ своимъ вставляется въ деревянный кругъ, называемый киргизами—*чангаракъ* (*чагаракъ*), монголами—*харачи* (*тонъ*). Чангаракъ дѣлается обыкновенно изъ березы и состоитъ изъ двухъ полукруговъ, связанныхъ между собой и сбитыхъ желѣзомъ. У калмыковъ харачи устраивается нѣсколько иначе: онъ склеивается изъ небольшихъ кусковъ, число которыхъ доходитъ до 15 и болѣе; въ ободѣ харачи наглухо прибиты съ внутренней стороны 4 или болѣе полуобруча (*цагрыкг*), перекрещивающихся взаимно и возвышающихся надъ плоскостью круга [1]). Киргизы также употребляютъ цагрыки, которые носятъ у нихъ, равно и у другихъ тюркскихъ народностей, снабжающихъ ими свои юрты,—названіе кульдереушъ (küldröüsch), но они дѣлаются только въ томъ случаѣ, когда устраиваютъ юрту съ коническимъ верхомъ, т. е. типа калмыцкаго (монгольскаго). Въ *чангаракъ*, *харачи*, продѣлываются отверстія, въ которыя вставляются верхніе концы жердей (*укъ*, *унинъ*). Число этихъ отверстій, а слѣдовательно и вставляемыхъ въ нихъ жердей зависитъ отъ размѣровъ кибитки: ихъ бываетъ отъ 100—200. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что въ бѣднѣйшихъ кибиткахъ, называемыхъ у киргизовъ *кошъ*, чангаракъ не употребляется; уки просто прикрѣпляются къ рѣшеткѣ, образующей основаніе коша, а верхніе концы ихъ сводятся къ одному центру и связываются, Этотъ видъ коша представляетъ уже болѣе развитой типъ сравнительно съ кошемъ, устройство котораго нами описано выше: онъ употребляется пастухами-табунщиками; въ аулахъ подобный кошъ ставятъ для гостей и наконецъ его употребляютъ въ качествѣ походнаго шалаша, при частыхъ перекочевкахъ. Дверь въ киргизскихъ кибиткахъ состоитъ изъ рамы, вышиной не больше $1^1/_2$ арш.; боковыя стороны рамы носятъ названіе — *босага* или *таяныгиъ*, нижняя часть — порогъ—*мандайча*; къ этой рамѣ прикрѣпляется обыкновенно кусокъ кошмы. Прежде,

---

придается къ верхнему обручу—*сырхиныкъ-тонъ*. Самъ я ихъ не видалъ". Не имѣя болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ видѣ юрты, мы затрудняемся, къ какому типу ее отнести. Во всякомъ случаѣ способъ скрѣпленія жердей (унинъ) съ верхнимъ кругомъ посредствомъ шалнеръ представляетъ интересный фактъ въ исторіи развитія переноснаго жилища кочевника.

[1]) По словамъ Г. Н. Потанина (Оч. С.-З. Монголіи, II, 108), обручъ называется *цагрикъ*, а крестовины *цамхыкъ*.

по словамъ г. Маковецкаго, дверь (*есыкъ*) представляла изъ себя просто рѣшетку *иткерме* «лишь бы собака не вошла въ юрту». Въ настоящее время дверь нерѣдко дѣлается двустворчатой «на манеръ русскихъ столярныхъ дверей. Въ боковыхъ сторонахъ дверной рамки, т. е. въ *босага*, имѣются выдолбленныя отверстія, за которыя двери привязываются къ кереге». Двустворчатая дверь составляетъ обыкновенно необходимую принадлежность калмыцкой кибитки; г. Пѣвцовъ отмѣчаетъ существованіе створчатыхъ дверей въ монгольскихъ кибиткахъ, даже какъ черту, отличающую монгольскія кибитки отъ киргизскихъ. Различіе въ устройствѣ створчатыхъ дверей между киргизами и калмыками заключается въ томъ, что у послѣднихъ обѣ половины двери на-глухо прикрѣплены къ боковымъ косякамъ, отчего дверь всегда перевозится нераздѣльно съ дверной рамой; снаружи надъ дверями калмыки однако продолжаютъ еще привѣшивать кошму — пережитокъ періода, когда дверь двустворчатая еще не была извѣстна. Направленіе двери обыкновенно на югъ или въ сторону противоположную вѣтру. Принадлежность юрты составляетъ еще *боканъ*—березовая палка, на одномъ концѣ которой дѣлается выемка или небольшія вилы, которой подпираютъ чангаракъ для предупрежденія юрты отъ паденія подъ напоромъ вѣтра. Бокановъ въ большихъ юртахъ бываетъ нѣсколько: 3 — 4. Въ кошѣ боканъ замѣняется веревкой, одинъ конецъ которой привязанъ къ мѣсту скрѣпленія уковъ, а другой къ колу, вбитому въ центрѣ коша. Въ юртахъ для этой же цѣли, кромѣ бокановъ привязываютъ къ чангараку два длинныхъ аркана (*джимъ-бау*), прикручиваемые также къ колу въ центрѣ юрты. Въ калмыцкихъ кибиткахъ бокановъ не дѣлается; онѣ прикрѣпляются какъ и коши веревками или тесьмами, протянутыми отъ харачи къ одному или двумъ кольямъ внутри юрты. Во время сильныхъ бурь юрты укрѣпляются и съ наружной стороны или посредствомъ соединенной кольцами тесьмы, которая набрасывается на конусъ, образующій верхъ юрты, или при помощи петли, сдѣланной изъ шерстяной веревки; къ бокамъ петли въ 2-хъ—3-хъ мѣстахъ привязываются веревки, которыя и прикрѣпляются къ вбиваемымъ по бокамъ кибитки кольямъ. Таковъ остовъ юрты: размѣры его варіируются; въ среднемъ юрты имѣютъ приблизительно 2—3 сажени въ діаметрѣ и вышиной доходятъ до 5—6 аршинъ.

Въ настоящее время киргизы и калмыки покрываютъ остовъ юрты обыкновенно войлоками (*кошмами*); это вполнѣ понятно при развитомъ въ настоящее время овцеводствѣ: «изъ домашнихъ животныхъ (у киргизовъ), справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Никольскій, наибольшее значеніе имѣютъ бараны, изъ шерсти которыхъ приготовляются кошмы, арканы, грубая метерія и широкія тесьмы, употребляемыя для прикрѣпленія кошмъ на юртахъ» [1]). Что однако не всегда юрты покрывались обѣими народностями этимъ матеріаломъ, можетъ служить доказательствомъ какъ фактъ, что и въ настоящее время подъ кошемнымъ покрытіемъ киргизы устраиваютъ еще промежуточное покрытіе изъ травы, такъ и сообщаемое г. Сусловымъ извѣстіе, что бѣдныя семейства астраханскихъ калмыковъ обиваютъ внѣшнія стороны своихъ жилищъ сухимъ болотнымъ растеніемъ—ситнякомъ (*зегесенъ*), хотя если юрта имѣетъ кошемное покрытіе, то оно накладывается непосредственно на остовъ—черта, которую Г. Н. Потанинъ считаетъ одной изъ характерныхъ, отличающихъ монгольскую кибитку отъ киргизскихъ [2]). Знакомство съ рѣшетчатыми кибитками у другихъ народностей лишь подтверждаетъ высказанное здѣсь предположеніе.

Наиболѣе подробныя, изъ извѣстныхъ намъ, свѣдѣнія о **покрытіи киргизскихъ юртъ** мы находимъ у г. Маковецкаго (l. c.); свѣдѣнія эти касаются азіатскихъ киргизовъ, но имѣющіяся литературныя данныя позволяютъ распространить ихъ и на киргизовъ, живущихъ въ предѣлахъ Европейской Россіи. «Съ наружной стороны кереге, пишетъ г. Маковецкій, при постановкѣ юрты, кругомъ обставляются *чіемъ*. Это родъ циновки, приготовляемой изъ высокой степной травы (по киргизски *чій*), солома которой довольно толста, а главное—гибка и очень прочна».—Далѣе, «при постановкѣ юрты употребляется много разной толщины и длины веревокъ (*арканъ*), приготовляемыхъ изъ бараньей шерсти со введеніемъ въ нее, для прочности конскаго волоса, и кромѣ того, всякая юрта должна имѣть *баскуръ*. Это тканый шерстяной поясъ, иногда съ довольно красивымъ узоромъ. Ширина баскура не больше двухъ четвертей, а длина разсчитана на величину окружности юрты». Баскуръ употребляется для связыванья рѣшетки въ ея верхней части, чѣмъ

1) А. М. Никольскій: Путешествіе на оз. Балкашъ. Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., VII, вып. 1, стр. 81.

2) Г. Н. Потанинъ: Оч. Сѣв. Зап. Монголіи, II, стр. 108.

юртѣ, придается прочность. Когда отдѣльныя части рѣшетки разставятъ въ кругъ и отдѣльные «канаты» свяжутъ вмѣстѣ, такъ, чтобы оставить свободнымъ только отверстіе, назначенное для двери, мужчины, ставши въ центрѣ круга поднимаютъ на боканахъ чангаракъ, въ который и вставляются тотчасъ уки, нижніе концы которыхъ привязываются къ рѣшеткѣ. Затѣмъ рѣшетки, въ верхней своей части стягивается баскуромъ и прикрывается чіемъ; послѣ этого приступаютъ къ покрытію остова кошмами: прежде всего кладутъ куски кошмы, извѣстныя подъ названіемъ *туурлыкъ*, состоящіе изъ 4-хъ квадратныхъ широкихъ кусковъ; они покрываютъ рѣшетку и $^1/_3$ часть (погнутую) укъ. Затѣмъ навѣшиваютъ сшитую въ два ряда кошму, закрывающую входъ (*есыкъ*); верхняя часть кошмы забрасывается на уки; есыкъ дѣлается обыкновенно изъ бѣлой кошмы, наружная сторона которой украшается узоромъ, а нижняя подбивается узорчатымъ чіемъ. Затѣмъ на уки кладется *узюкъ*, состоящій изъ двухъ частей, имѣющихъ каждая видъ трапеціи; узюкъ кладется на уки такъ, что онъ захватываетъ туурлыкъ, и доходитъ на верху до окружности чангарака; узюкъ тяжестью своей держитъ и верхній конецъ дверной кошмы; на нижнемъ краѣ узюка нашиваютъ небольшіе квадратные узоры (*додеге*), что дѣлается какъ для красоты, такъ и для того, чтобы прикрѣплять къ нимъ веревки. Наконецъ чангаракъ закрывается кускомъ кошмы — *тюндукъ*, представляющимъ форму удлиненнаго четырехугольника. Всѣ кошмы, употребляемыя для покрытія юрты, оторачиваются волосянымъ шнуркомъ (*джіекъ*) и, кромѣ того по концамъ туурлыка привязывается достаточно длинная веревка; узюкъ имѣетъ 6 такихъ веревокъ, по три съ каждой стороны, а тюндукъ—четыре длинныхъ веревки; ими связываются кошемныя части юрты, препятствуя соскальзыванію. Богатые киргизы покрываютъ юрты бѣлыми кошмами, что даетъ имъ особенно нарядный видъ. Этотъ обычай, встрѣчающійся въ настоящее время еще у киргизовъ, по крайней мѣрѣ въ Букеевской ордѣ, отмѣченъ еще въ XVIII в. [1]).

Переходя затѣмъ къ **внутреннему устройству киргизской юрты**, мы увидимъ, что оно не представляетъ сколько нибудь рѣзкихъ отличій отъ устройства коническихъ юртъ алтайскихъ инородцевъ

---

[1]) **Миллеръ**: Описаніе. II. стр. 129.

и карагассовъ. И здѣсь, какъ и тамъ, очагъ находится посрединѣ, причемъ огонь раскладывается или непосредственно на землѣ, или вмѣстилищемъ для топлива служитъ небольшое углубленіе (это мѣсто называется *отбасы*). Надъ очагомъ ставятъ треножникъ, на которомъ укрѣпляется котелъ, употребляемый при варкѣ пищи. По словамъ г. Маковецкаго, киргизы наблюдаютъ, чтобы промежутокъ между ножками треножника приходился противъ двери. Противъ двери, полукругомъ, продолжаетъ цитируемый авторъ, возлѣ рѣшетки устанавливаются на невысокихъ подставкахъ ящики (*сандыкъ*) съ различнымъ добромъ киргиза. Передъ ящиками лежатъ ковры и хорошія, обыкновенно вышитыя, кошмы (*сырмакъ*). Самое почетное мѣсто въ юртахъ—противъ двери, у ящиковъ. Здѣсь усаживается гость на коверъ или сырмакъ, иногда — на одѣяло. Это мѣсто называется, какъ и у алтайскихъ *тёръ*. —При входѣ, отъ дверей направо, нѣкоторая часть юрты отдѣляется ширмой изъ чія; она служитъ кладовой; здѣсь на кереге развѣшано мясо, стоитъ треножникъ, ведра и на деревянной невысокой подставкѣ—*саба*, кожаный мѣшокъ для кумыса; кромѣ того здѣсь-же помѣщается этажерка—*осадалъ*, на которой хранятся припасы, кровать (*тюсенъ-орунъ*), ящикъ (*кебеже*), въ которомъ хранятся лучшіе съѣстные припасы и все, что чаще нужно подъ рукой, напр. чайная посуда. Мѣсто хозяина или хозяйки въ юртѣ — передъ кроватью. Если въ семьѣ есть взрослыя дѣвицы или женатый (у бѣдняковъ) сынъ, то лѣвая часть юрты отъ входа отдается имъ и отдѣляется занавѣской. Это-же мѣсто служитъ для положенія умершихъ; тогда тоже оно отдѣляется занавѣсью. Болѣе богатые киргизы строятъ отдѣльныя юрты для взрослыхъ сыновей, гостей и пр. Гордость киргиза заключается и въ настоящее время въ обладаніи большимъ количествомъ юртъ и при томъ разнаго типа. Въ XVIII в. знатные и зажиточные киргизы устраивали особыя юрты «для женъ, дѣтей, стряпни, и для съѣстныхъ припасовъ» [1]). Если и въ настоящее время киргизскія юрты считаются, если оставить въ сторонѣ туркменскія, одними изъ наиболѣе богатыхъ по своему внутреннему устройству, то въ прежнее время онѣ были еще богаче въ этомъ отношеніи, когда украшеніемъ юрты служило оружіе; этотъ обычай въ настоящее время почти совершенно вывелся у большинства

---

1) Миллеръ: Описаніе II. 129.

киргизовъ, въ томъ числѣ и у букеевскихъ, у которыхъ развѣ только какъ исключеніе можно встрѣтить еще старинное оружіе, хотя этотъ способъ украшенія юрты и былъ имъ извѣстенъ еще сравнительно недавно [1]).

Что касается **покрытія и внутренняго устройства калмыцкихъ юртъ**, то наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія по этому вопросу помѣщены въ трудѣ г. Житецкаго [2]). Существенныхъ отличій отъ покрытія киргизскихъ юртъ мы здѣсь не находимъ; почти тождественъ и самый способъ установки остова. Въ общемъ, по словамъ г. Житецкаго, для покрытія юрты требуется не менѣе 12 кошемъ, а именно: 4 нижнія кошмы—*иргебчи*, каждая шириной въ 1 арш. и болѣе; онѣ употребляются для покрытія рѣшетки юрты снизу. Далѣе 4 среднія кошмы—*тургу*, соотвѣтствующія *узюкъ* на киргизскихъ кибиткахъ и имѣющихъ также низъ шире, чѣмъ верхъ, и бока вырѣзанные во внутрь. Онѣ накидываются на шесты, образующіе верхъ юрты, но такъ, что закрываютъ только часть, нижнюю половину, крыши, а нижними своими концами закрываютъ нѣсколько верхнюю часть иргебчи. Верхнія, кошмы *деберъ* которыхъ бываетъ двѣ, дѣлаются сходными по формѣ съ *турго*, но длиннѣе и шире ихъ; онѣ покрываютъ верхнюю часть юрты отъ дымоваго отверстія (харачи) и внизъ, налегая нижними краями на *турю* до рѣшетки. Дверная кошма (*ишиге удун*)—четыреугольная, продолговатая кошма, которая укрѣпляется нѣсколько ниже линіи прикрѣпленія *турю* надъ дверью и служитъ наружной занавѣской послѣдней. Въ противоположность киргизской двери-кошмѣ, она не украшается узорами ни у калмыковъ ни у другихъ монгольскихъ народностей. Наконецъ для прикрытія дымоваго отверстія служитъ еще четырехугольная кошма (*ӧркѐ*) съ вырѣзанными глубоко во внутрь боками, отчего получается четыре длинныхъ около аршина конца или угла, къ которымъ прикрѣплены четыре шерстяныя веревки; харачи посредствомъ *ӧркѐ* закрывается не на глухо, причемъ для пропуска свѣта и воздуха, при помощи веревокъ, легко загибается одинъ изъ угловъ *ӧркѐ*. Ко всѣмъ кошемнымъ частямъ прикрѣплены тесьмы, которыя и служатъ для закрѣпленія ихъ на деревянномъ остовѣ.

---

[1]) А. Харузинъ: Киргизы Букеевской Орды. I, стр. 73, 74.

[2]) И. А. Житецкій: Очерки быта астраханскихъ калмыковъ. Тр. От. Этнгр. И. О. Л. Е. А. и Этнографіи. XII, 1.

Внутреннее убранство калмыцкой кибитки представляетъ мало различій, въ существенныхъ по крайней мѣрѣ чертахъ, отъ киргизской: „противъ маленькой, низкой двери, пишетъ А. А. Ивановскій, обыкновенно стоятъ деревянные ящики съ имуществомъ хозяевъ, нагроможденные другъ на друга. По лѣвую сторону отъ ящиковъ ставится низкая складная кровать; передъ ней отъ верха кибитки до низу протянутъ занавѣсъ—кӧшкә. Отъ кровати къ дверямъ ставится разная домашняя утварь: котлы, треножники, кожанные мѣшки для айрана и молока, мѣдные чайники, ведра, ложки и т. п. По правую сторону ящиковъ кладутся принадлежности для верховой ѣзды: сѣдла, узды. Передъ ящиками разстилается на полу вышитая кошма, а передъ ней на низкихъ ножкахъ ставится круглый деревянный столъ. По срединѣ кибитки—очагъ". [1]) Къ этому можно, со словъ г. Житецкаго, прибавить, что на лѣво отъ кровати, т. е. почти непосредственно противъ дверей, оставляется небольшой промежутокъ—*таклын шире* (жертвенный столъ), гдѣ помѣщается *хобол* — ящикъ съ бурханами; далѣе, что рядомъ съ послѣднимъ, влѣво, ставится *барун-баран* „родъ кладовой и гардероба", составленный изъ поставленныхъ отчасти рядомъ, отчасти другъ на другѣ ящиковъ и сундуковъ, что такая же „кладовая", только меньшихъ размѣровъ (*зюн-баран*), находится и направо отъ кровати, и наконецъ, что около послѣдняго, ближе къ двери, привѣшивается *табиэ*—полка для постановки деревянныхъ чашекъ, ножей и кухонныхъ приборовъ.

У другихъ монгольскихъ кочевыхъ народностей, если оставить въ сторонѣ божницу, мы также не встрѣтимъ чертъ, рѣзко отличающихъ внутреннее убранство кибитокъ сравнительно съ киргизскими. Обширная божница, представляетъ раскрашенный ящикъ (шкатулку), поставленный на другой, болѣе простой ящикъ. „Не рѣдко, пишетъ Г. Н. Потанинъ, божница, бываетъ драпирована шелковыми матеріями. На шкатулкѣ выставляются бурханы, преимущественно въ видѣ иконъ, писанныхъ на бумагѣ или дабѣ; передъ ними рядъ мѣдныхъ чашечекъ, цокцо, въ которыя наливается вода и кладутся части отъ дневной пищи—сыръ, творогъ и проч. Тутъ-же ставятся искусственные цвѣты, рѣзныя фигуры

[1]) А. А. Ивановскій: Монголы-Торгоуты. Тр. Антропол. Отд. И. О. Л. Е А. и Этн. XIII, стр. 10, 11.

и другія украшенія. Подобные домашніе алтари устраиваются во всѣхъ юртахъ безъ исключенія; въ самой бѣдной юртѣ или хатгурѣ какого-нибудь обнищавшаго въ конецъ урянхайца найдется небольшой ящикъ, и передъ нимъ хоть одна мѣдная цокцо, а въ самомъ ящикѣ хранятся два, три печатанныя на бумагѣ изображенія Дзонкавы, Аюши, Манджишири, или глиняный покрытый сусальнымъ золотомъ медальонъ Джангырсэка; все это тщательно укутано сначала въ шелковыя, потомъ въ бумажныя тряпки, чтобы не ветшало отъ выставки". Въ общемъ, по словамъ того-же изслѣдователя, внутренность монгольской юрты гораздо больше наполнена утварью и скарбомъ, чѣмъ киргизская, и богаче громоздкой деревянной посудой. [1])

Полъ въ кибиткахъ обоихъ типовъ земляной, покрываемый часто кошмами или коврами, равно и камышевой настилкой, зимой иногда и звѣриными шкурами. Богатые монголы иногда устраиваютъ и деревянный полъ. [2])

При описаніи обоихъ типовъ юртъ мы имѣли въ виду жилища зажиточныхъ хозяевъ; въ общемъ юрта бѣднаго хозяина отличается отъ юрты богатаго только величиной и чистотой войлоковъ и внутреннимъ убранствомъ. Такъ напр., въ то время какъ у богатыхъ устраиваются отдѣльные коши для молодого или больного скота, у бѣдныхъ монголовъ, по словамъ г. Пѣвцова, въ юртѣ можно встрѣтить и новорожденныхъ телятъ, ягнятъ или козлятъ, помѣщающихся въ очищенномъ для нихъ тѣсномъ уголкѣ; внутренняя поверхность юрты, въ особенности у бѣдныхъ, заполнена копотью, „которая, по словамъ того-же автора, вмѣстѣ съ пылью образуетъ на куполѣ и перекладинахъ цѣлыя пряди, спускающіяся въ видѣ бахромы". Въ общемъ рѣшетчатыя кибитки по общимъ отзывамъ, не производятъ того непріятнаго впечатлѣнія, какъ коническія юрты; лѣтомъ онѣ прохладны и, открывая войлоки, покрывающіе рѣшетки, дается возможность проходить свѣжему воздуху. Зимой онѣ менѣе удобны: несмотря на то, что ихъ покрываютъ на зиму двойнымъ рядомъ войлоковъ, что въ срединѣ, въ очагѣ, горитъ почти безпрестанно огонь, онѣ довольно плохо защищаютъ отъ холода и вьюги.

---

[1]) Г. Н. Потанинъ: Очерки Сѣверо-Зап. Монголіи. II, стр. 109, 110.
[2]) Пржевальскій: Монголія и страна Тангутовъ. I, стр. 35.

Въ описанныхъ типахъ мы видѣли, что очагъ устраивается либо непосредственно на землѣ, либо въ углубленіи. У монголовъ, кочующихъ внѣ предѣловъ Россіи, очаги въ значительной мѣрѣ уже усовершенствованы. Для того, чтобы аргалъ (=кизякъ, сухой скотскій пометъ) горѣлъ лучше, употребляется, по словамъ г. Пѣвцова, бездонная цилиндрическая рѣшетка, въ которую и накладывается аргалъ; эта рѣшетка служитъ одновременно и таганомъ; „она состоитъ изъ плоскихъ желѣзныхъ обручей, отъ 8—12 вершковъ въ діаметрѣ, скрѣпленныхъ между собою параллельно четырьмя желѣзными пажилинами съ багровидными, выдающимися немного вверхъ концами, на которыхъ покоится сферическій котелъ". Рѣшетка имѣетъ обыкновенно 9—12 вершковъ высоты; благодаря свободному притоку воздуха съ боковъ, аргалъ въ рѣшеткѣ горитъ лучше. Въ послѣднее время, замѣчаетъ тотъ-же авторъ, въ западной Монголіи стали мало-по-малу появляться желѣзныя печи для нагрѣванія юртъ зимою. Монголы переняли ихъ отъ бійскихъ купцовъ, торгующихъ въ Кобдо и Улясутаѣ, употреблявшихъ подобныя печи для своихъ помѣщеній въ указанныхъ городахъ. Привезенныя такимъ образомъ изъ Бійска печи понравились нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ китайскихъ торгорцевъ, „заказавшихъ нашимъ купцамъ доставить такія же печи и для нихъ. По ввезеннымъ бійскими купцами образцамъ, желѣзныя печи въ Кобдо и Улясутаѣ стали приготовлять тамошніе купцы-китайцы на продажу сначала горожанамъ, а потомъ и окрестнымъ монголамъ. Листовое желѣзо для этихъ печей покупается у нашихъ купцовъ, и онѣ цѣнятся 10—12 ланъ (25—30 руб.), а потому доступны только зажиточнымъ монголамъ". [1])

Рѣшетчатая юрта широко распространена у многихъ кочевыхъ и полукочевыхъ инородцевъ: видоизмѣненія чрезвычайно незначительны; нѣкоторыя изъ нихъ однако необходимо имѣть въ виду для уясненія исторіи развитія этого вида переноснаго жилища. Если туркменская кибитка отличается отъ киргизской только подчасъ большей величиной и бо́льшимъ богатствомъ въ убранствѣ, то причины этого слѣдуетъ искать въ большемъ благосостояніи владѣльцевъ ихъ: въ общемъ-же она представляетъ повтореніе киргизской.

---

[1]) М. В. Пѣвцовъ: Очеркъ путешествія по Монголіи, стр. 69, 70.

Хотя **сарты** въ Хами и перешли отчасти уже къ полной осѣдлости, но въ нѣкоторыхъ частяхъ хамійскаго оазиса еще сохраняется полукочевой бытъ: на лѣто они покидаютъ свои фанзы и выселяются на пашни, гдѣ они живутъ въ юртахъ монгольскаго типа. Хотя внутренняя обстановка этихъ жилищъ, замѣчаетъ Г. Н. Потанинъ, кромѣ отсутствія ламайскихъ особенностей, ничѣмъ не отличается отъ монгольскихъ, нельзя однако думать, что это временное явленіе, вызванное дунганскимъ мятежемъ и разореніемъ, а не остатокъ стараго быта. Существованіе особой отъ монгольской номенклатуры для частей юрты, полный составъ кочевой обстановки, и наконецъ, увѣренія самихъ жителей, что они съ незапамятныхъ временъ жили лѣтомъ въ юртахъ, говорятъ противъ такого предположенія. [1])

У **башкиръ** мы встрѣчаемъ киргизскій типъ кибитокъ (*тērмюй*). Главное отличіе ея отъ киргизской заключается въ томъ, что дверь у башкирской юрты всегда деревянная двухстворчатая и никогда не дѣлается изъ кошмы. Занавѣсъ дѣлитъ башкирскую юрту на двѣ части: мужскую (*ишикъ-якъ*, т. е. дверная сторона, такъ какъ дверь находится въ мужской половинѣ) и женскую—*шаршау-уси* или *туръ-башъ*. Если у хозяина нѣсколько женъ, то шаршау бываетъ двѣ. Противъ дверей кибитки устраивается печь, сложенная изъ 4 плитъ, на которыя ставится казанъ. По сторонамъ печи вбиты 4 шеста, къ верхнимъ концамъ которыхъ привязана рама съ тонкими перекладинами; это—*лашъ*, мѣсто для сушки крута (родъ сыра). [2])

У **алтайскихъ инородцевъ** мы встрѣчаемся также съ рѣшетчатой юртой, которая строится ими по монгольскому типу, т. е. съ конусообразнымъ верхомъ. Мы видимъ у нихъ устройство дверной рамы, хотя обычай завѣшивать дверь звѣриной шкурой и продолжаетъ еще сохраняться, не смотря на то, что сама юрта покрыта кошмами. Въ общемъ рѣшетчатая юрта лучше, просторнѣе и свѣтлѣе, чѣмъ тотъ видъ алтайскихъ юртъ съ конусообразнымъ верхомъ, который нами описанъ выше, и который можетъ быть признанъ переходной формой отъ чисто конической юрты къ рѣшетчатой. Но

---

[1]) Г. Н. Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. II, стр. 12.

[2]) П. С. Назаровъ: Къ этнографіи башкиръ. Этног. Обозр. VI, стр. 179, 180.

кошмы у алтайцевъ, покрывающія остовъ рѣшетчатой юрты, обыкновенно стары и дырявы; даже богатые не имѣютъ хорошихъ покрышекъ, а остовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ хорошо сработанъ. В. Радловъ замѣчаетъ, что по Чуѣ онъ не видалъ ни одной рѣшетчатой юрты съ хорошо выдѣланнымъ остовомъ и что онъ не ночевалъ ни въ одной юртѣ, которая могла бы защитить его отъ дождя. Единственная хорошая рѣшетчатая юрта, которую В. Радловъ видѣлъ въ указанной мѣстности, покрытая новыми бѣлыми войлоками, была, по крайней мѣрѣ остовъ, привезена изъ Монголіи. [1])

Качинскіе татары живутъ въ настоящее время частью въ такихъ-же рѣшетчатыхъ юртахъ, какъ и алтайцы, [2]) и этотъ видъ жилища встрѣчался у нихъ еще въ XVIII в., но и тогда, какъ и въ настоящее время, онъ отличался бѣдностью; „юрты ихъ или палатки, пишетъ Палласъ, гдѣ они живутъ также и зимою, пространны и обиты войлокомъ, совершенно подобны киргизскимъ или калмыцкимъ. Но они живутъ, не выключая богатѣйшихъ, весьма не чисто“; [3]) а въ „Описаніи народовъ“ (изд. Миллера) [4]) мы находимъ интересное свидѣтельство о замѣнѣ покрытія кошмами берестой: „юрты ихъ сходны съ башкирскими въ видѣ и въ величинѣ. Зимою покрываютъ и они ихъ войлоками, а лѣтомъ вареною берестою“.

У **каракалпаковъ** юрты (киргизскаго типа) превышаютъ размѣрами киргизскія и туркменскія, но отличительный признакъ ихъ заключается, по Вамбери, въ томъ, что онѣ лишены всякихъ украшеній и въ большинствѣ случаевъ имѣютъ грязный и бѣдный видъ: вмѣсто пестрыхъ поясовъ, которыми прикрѣпляются кошмы къ остову, пишетъ тотъ-же авторъ, вмѣсто кошемъ употребительныхъ у другихъ кочевниковъ, здѣсь часто въ качествѣ наружнаго покрытія выступаютъ шкуры животныхъ, а изукрашенное у другихъ кочевниковъ внутреннее помѣщеніе занято у каракалпаковъ телятами. Прекрасные ковры, и подчасъ искусно вытканные мѣшки,— производство, которымъ туркменки гордятся не безъ основанія,—

---

1) Radloff. Aus Sibirien I, стр. 268—269.
2) ibid. стр. 376.
3) Палласъ: Путешествіе. II. пол., 2. стр. 461.
4) т., II. стр. 153.

отсутствуютъ здѣсь окончательно, а чистоты, даже въ жилыхъ помѣщеніяхъ наиболѣе богатыхъ лицъ, здѣсь не встрѣтишь. [1])

Кибитки **Кундровскихъ татаръ** представляютъ калмыцкій типъ, но палки, образующія рѣшетку скрѣпляются по способу киргизскихъ кереге; небезынтересно, что рѣшетка у кундровскихъ татаръ носитъ монгольское названіе—*тырмэ*, хотя остальныя части остова кибитки имѣютъ названія тюркскія (*ук*, *шангарак*); кромѣ обычнаго покрытія землянаго пола юрты кошмами, кундровцы покрываютъ его и рогожами, на которыя кладутся тюфяки, набитые шерстью или перины. [2])

У **бурятъ** мы встрѣчаемъ также рѣшетчатую войлочную юрту: она извѣстна какъ забайкальскимъ, такъ и сѣвернымъ бурятамъ, причемъ у послѣднихъ, по мнѣнію г. Хангалова, [3]) она появилась впослѣдствіи и заимствована ими у забайкальскихъ своихъ сородичей.

Калмыцкій-же типъ кибитки мы встрѣчаемъ и у родственныхъ кундровскимъ татарамъ **караногайцевъ**—съ монгольскимъ-же названіемъ *тэрмэ*. Рядомъ съ этимъ типомъ встрѣчается однако и киргизскій типъ юрты, называемый караногайцами *отовъ*, причемъ отовы устраиваются всегда меньшихъ размѣровъ, чѣмъ тэрмэ. Двери кибитокъ (одна-или двустворчатыя) деревянныя и пестро раскрашены; на зиму надъ дверями привѣшиваютъ еще вышитый войлокъ; окружность тэрмэ достигаетъ 12 саж., въ то время какъ высота ея только 1 саж.; дымовое отверстіе—1 кв. арш. Съ трехъ сторонъ внутри кибитки постланъ на землѣ плетеный камышъ, на которомъ разстилаютъ вышитые и простые войлоки; послѣдніе уставлены подушками. [4])

Во многихъ аулахъ караногайцевъ, пишетъ г. Г. Ананьевъ, [5]) можно встрѣтить *куй-мэ*—свадебную арбу, которая отличается отъ обыкновенныхъ арбъ тѣмъ, что она имѣетъ форму арбы съ кибиткой, причемъ послѣдняя сдѣлана не изъ рогожи или войлока,

---

[1]) Vámbéry. Das Türkenvolk стр. 380.

[2]) В, А. Мошковъ: въ Изв. О. Арх. Ист. и Этногр. при И. Каз. Ун. XII, вып. I, стр. 16, Vámbéry: Das Türkenvolk; стр. 555.

[3]) М. Хангаловъ: Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣв. бурятъ; въ Этногр. Обозр. X, стр. 145.

[4]) Ананьевъ: Караногайцы. стр. 38—40. въ Мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. XX.

[5]) ib. стр. 41.

а изъ досокъ; кибитка эта сзади и спереди прикрѣплена къ арбѣ дощечками, раскрашенными въ разные пестрые цвѣта. Позади арбы имѣется маленькое квадратное отверстіе, а спереди двухстворчатыя дверцы; въ такихъ арбахъ возятъ невѣстъ въ домъ жениховъ, чтобы никто ихъ не могъ видѣть. Мы имѣемъ здѣсь дѣло очевидно съ пережиткомъ вида, т. ск. подвижнаго жилища, который сохранился лишь при свадебномъ обрядѣ. Дѣйствительно караногайцы, насколько намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, представляютъ единственный примѣръ народности изъ числа живущихъ въ предѣлахъ Россіи тюрковъ или монголовъ, которые сохранили еще подвижныя, перевозимыя цѣликомъ жилища. До настоящаго времени, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ тѣмъ-же авторомъ, при перекочевкахъ (лѣтомъ онѣ совершаются нѣсколько разъ) тэрмэ разбираются, а „*отовы* поднимаются цѣликомъ и ставятся на арбу, причемъ колеса арбы не касаются стѣнокъ отова, ибо діаметръ основанія его въ $1^1/_2$ раза больше ширины арбы съ колесами“. Способъ перекочевки, подобный только что описанному у караногайцевъ, въ прежнее и притомъ еще не очень отдаленное время былъ распространенъ значительно шире. Мы считаемъ поэтому необходимымъ остановиться на немъ, такъ какъ онъ представляетъ интересный моментъ въ исторіи развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей.

Объ употребленіи кочевыми народами крытыхъ телѣгъ извѣстно еще со словъ писателей классическаго міра, начиная съ Геродота. О существованіи ихъ у тюрковъ и монголовъ мы узнаемъ отъ средневѣковыхъ писателей. Такъ напр. Марко Поло, говоря о татарахъ упоминаетъ отдѣльно объ ихъ кибиткахъ и объ крытыхъ повозкахъ: въ то время какъ первыя состояли изъ кольевъ, покрытыхъ войлоками, имѣли круглую форму и складывались въ связку при переочкевкахъ на 4-хъколесныя телѣги, — вторыя представляли повозки о двухъ колесахъ, „также покрытыя войлокомъ и превосходныя до того, что татары, сидя въ нихъ, выдерживаютъ цѣлый день дождь, не промокнувъ; эти телѣги тащатъ волы и верблюды, продолжаетъ путешественникъ, въ нихъ возятъ татары своихъ женъ и дѣтей, домашнюю посуду и необходимыя припасы“. [1])

[1]) Путешествія Марко Поло, пер. Шемякина, стр. 178, 179.

То-же подтверждаетъ и Плано Карпини, хотя изъ его свидѣтельства становится уже яснымъ, что рѣчь идетъ не о крытыхъ повозкахъ, а объ кибиткахъ, перевозимыхъ на колесахъ: „иныя (жилища) скоро разбираются и опять складываются и навьючиваются на скотину, другихъ же разбирать нельзя, а ставятъ ихъ на повозки. Куда бы они ни ходили, на войну или съ мѣста на мѣсто, всегда берутъ ихъ съ собою». [1])

Наконецъ у третьяго писателя XIII-го в. Рубруквиса мы встрѣчаемъ нѣкоторыя подробности сравнительно съ двумя, упомянутыми выше: о складныхъ кибиткахъ Рубруквисъ ничего не говоритъ, причемъ относительно кибитокъ на колесахъ можно вывести заключеніе, что онѣ устраивались изъ плетня, и только верхъ ихъ покрывался кошмами: „дома ихъ утверждены на колесахъ и состоятъ изъ переплетеныхъ кусковъ дерева и кончаются наверху отверстіемъ на подобіе камина, покрытымъ бѣлымъ войлокомъ". Дверь закрывается узорнымъ войлокомъ. „Эти дома у нихъ бываютъ такихъ размѣровъ, что они имѣютъ до 30-ти футовъ длины; я нѣсколько разъ измѣрялъ одинъ, который имѣлъ отъ одного колеса до другого 20 футовъ; и когда этотъ домъ былъ поставленъ на колеса, онъ выходилъ за ихъ предѣлы... я насчиталъ до 22 воловъ, чтобы свезти одинъ изъ такихъ домовъ: одиннадцать съ одной стороны и одиннадцать съ другой". Такимъ же образомъ устраивали татары, по словамъ Рубруквиса, и маленькія кибитки, въ которыхъ они перевозили свое имущество. [2])

Въ XVIII в. этотъ обычай перевозить кибитку на арбѣ былъ еще распространенъ среди астраханскихъ татаръ [3]), кибитки которыхъ представляли настолько крѣпкое цѣлое, что остовы или оставлялись при перекочевкахъ на старомъ мѣстѣ, или перевозились на арбахъ. Подобныя кибитки служили исключительно лѣтнимъ жилищемъ; онѣ имѣли отчасти круглый, отчасти угловатый видъ (вѣроятно въ зависимости отъ матеріала), были очень низки, „такъ что едва въ нихъ прямо стоять можно"; въ нихъ огонь рѣдко разводили, такъ какъ для приготовленія пищи устраивались особыя

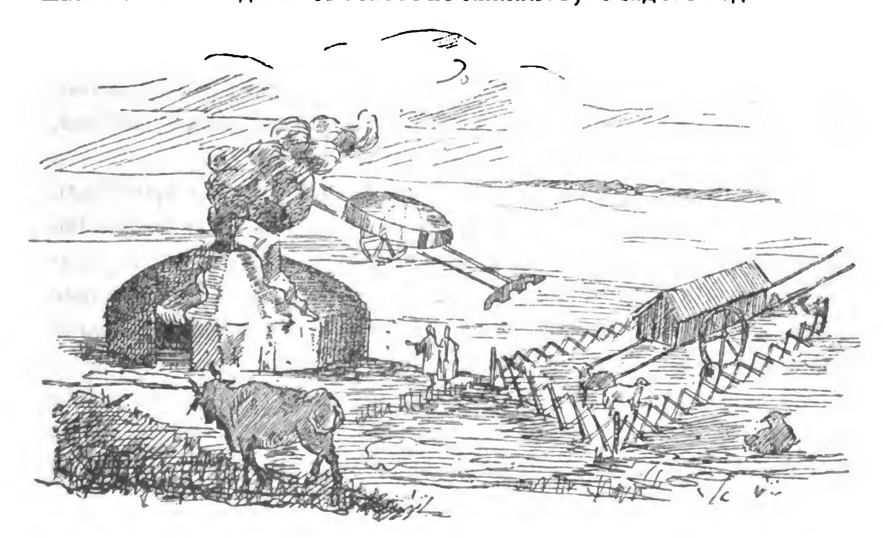
---

[1]) **Плано Карпини**, кн. II. гл. 2. въ Собр. путешествій къ татарамъ (СПБ. 1825), стр. 81.

[2]) Voyage de Rubruquis en Tartarie. стр. 6 — 7. Bergeron Voyages faits en Asie. I. (1735 г.).

[3]) **Гмелинъ**: Путешествіе по Россіи въ 1759—1770 г. II., стр. 174, 175.

юрты. Палласъ [1]) лично посѣтившій кочующія селенія кундровскихъ татаръ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Мы видѣли, пишетъ онъ, три ихъ кочующія селенія. Ихъ юрты видомъ и строеніемъ весьма различествуютъ отъ употребляемыхъ калмыками и другими азіатскими кочующими народами. Ихъ не можно по частямъ разбирать, но тѣмъ удобнѣе ихъ ставить можно такой вточь величины, что могутъ установиться на большой телѣгѣ и въ поперечникѣ не много болѣе 4—5 арш.... для переношенія сихъ кибитокъ съ мѣста на мѣсто ставятъ они ихъ на высокую двуколесную телѣгу, наз. арба, такъ что они какъ спереди, такъ и сзади лежатъ на оси и на подобіе зонтика покрываютъ всю телѣгу и съ колесами. На телѣгу кладутъ они все ихъ малое стяжаніе, сундуки, посуду и т. п., потомъ садятъ жену и дѣтей и со всѣмъ тѣмъ отъѣзжаютъ. У богатыхъ бываетъ такихъ кибитокъ по двѣ и болѣе, смотря по семьѣ, сверхъ того еще телѣга съ построеннымъ на оной спальнымъ чуланцомъ, въ коихъ они съ женами своими покоятся. Когда они лѣтомъ, когда видятъ, что на одномъ мѣстѣ не могутъ долго прокормить свой скотъ, то юртъ и всего домашняго своего снадобья съ телѣгъ не снимаютъ, но сидятъ подъ оными...

7. Юрта и спальный чуланъ на колесахъ у татаръ XVIII в.

[1]) Палласъ: Путешествіе. III, пол. 2-я, стр. 140—141.

и подъ тѣнію юрты отправляютъ свои работы. (рис. 7 [1]) „Ежели они въ лѣтнюю пору травятъ гдѣ-ни есть короткое только время, то не снимаютъ они юртъ своихъ съ телѣгъ, но подъ оными сидятъ, ѣдятъ и спятъ. Зажиточные люди имѣютъ по двѣ и больше юртъ на телѣгахъ; нѣкоторые же строятъ и деревянные спальные чуланы на таковыхъ телѣгахъ: почему кочевья ихъ кажутся подвижными деревнями или станами» (ibid. стр. 41.)

Отъ XVIII-го вѣка мы имѣемъ свидѣтельство Клемана объ существованіи этого же обычая среди татарскаго населенія, кочевавшаго между Бендерами и Очаковымъ. Въ то время бессарабскіе татары имѣли уже рѣшетчатыя юрты, которыя, судя по описанію Клемана, въ способѣ своего устройства ничѣмъ не отличались отъ современныхъ рѣшетчатыхъ юртъ, если откинуть обычай надъ дымовымъ отверстіемъ вывѣшивать на шестѣ нѣчто въ видѣ флага (бѣлый съ синимъ),—обычай прежде болѣе распространенный и выведшійся у большинства описанныхъ народностей въ настоящее время. Подобную рѣшетчатую юрту можно было перевозить не разбирая на телѣгѣ, запряженной верблюдомъ. [2]) Въ этомъ же смыслѣ слѣдуетъ, повидимому, понимать и слова Мартына Броневскаго, имѣвшаго возможность наблюдать крымскихъ степныхъ татаръ въ XVI в.: „въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (татары) откочевываютъ съ женами, дѣтьми, семьею, рабами и съ кибитками. Эти кибитки круглы и покрыты войлоками, но едва могутъ вмѣщать въ себя отъ 4—5 человѣкъ. Татары укладываютъ все на двуколесные возы, запряженные однимъ или двумя верблюдами, иногда волами... татары отправляются (кочевать) въ Перекопъ... иногда въ самую Таврику... иногда въ Азовъ". [3]) Неясное въ словахъ Броневскаго, касающееся интересующаго насъ вопроса въ достаточной степени выясняется свидѣтельствомъ путешественника XVII в., доминиканца де-Люка, замѣчающаго, что у перекопскихъ татаръ лѣтнія жилища представляютъ „круглые верхи (кибитки), арбы (плетеныя) изъ ивы, которые ставятся на колеса; такъ какъ лѣтомъ у нихъ вовсе нѣтъ постояннаго мѣтопребыванія, то перевозятъ эти жилища туда, гдѣ на-

[1]) Рисунокъ 7 заимствованъ изъ „Описанія народовъ", изд. Миллера. II, стр. 6.

[2]) Kleemann's Reisen, стр. 83, 84.

[3]) Описаніе Крыма Tartariae descriptio, Мартына Броневскаго въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древ. VI, стр. 377, 338.

ходятъ пастбище" [1]), равно и замѣчаніемъ Палласа (l. c.), когда онъ вслѣдъ за описаніемъ кундровскихъ татаръ говоритъ, что „по достовѣрнѣйшимъ повѣствованіямъ, крымскіе и бессарабскіе татары нравами, видомъ и родомъ жизни совершенно сходствуютъ съ описанными татарами".

Какое мѣсто слѣдуетъ удѣлить этимъ кибиткамъ на колесахъ въ исторіи развитія жилища у тюрковъ и монголовъ? Н. М. Ядринцевъ, первый изъ русскихъ изслѣдователей, пытавшійся начертать на основаніи преемственности типовъ исторію жилища у тюрковъ, былъ, повидимому, склоненъ отводить имъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи развитія жилища кочевника. Такъ, говоря о способахъ современнаго кочеванія и правилахъ, регулирующихъ послѣднее, онъ замѣчаетъ, что „историческія изысканія доказываютъ, что прежде способы кочеванія были другіе. Хунну и гіенъ-ну (тюрки), а затѣмъ монголы имѣли болѣе простора. Передвиженіе было постоянное; кочевникъ даже не зналъ, гдѣ онъ остановится. Самое жилище или юрта была не только походная, складная, какъ нынѣ, но кибитка была поставлена на телѣги и съ телѣгами перевозилась". [2]) Другой изслѣдователь первобытной культуры тюрковъ Вамбери, полагаетъ, что кибитка на колесахъ ногайцевъ замѣнила *кедшеве* или *палеки*—плетеныя мѣста сидѣнья на верблюдахъ или муллахъ, и что эти кибитки употреблялись во всякомъ случаѣ только во время странствованій. Монголы, продолжаетъ тотъ же авторъ, также употребляли ихъ (кибитки на колесахъ) при Чингисѣ и его потомкахъ, но только въ волжскихъ областяхъ, а не на родинѣ [3]), чему однако противорѣчитъ вышеприведенное свидѣтельство Марка Поло, который имѣетъ въ виду не волжскихъ степныхъ татаръ, а кочующихъ зимой въ равнинахъ, лѣтомъ въ горахъ, т.-е. во всякомъ случаѣ азіатскихъ татаръ, а равно и сообщенія Плано Карпини.

Въ пользу мнѣнія Вамбери, что кибитки на колесахъ служили только временнымъ жилищемъ, говоритъ и то, что ни одинъ изъ цитованныхъ нами писателей и не говоритъ о нихъ, какъ жилищахъ постоянныхъ. Кромѣ того, скотоводческій бытъ, изобрѣ-

---

[1]) Описаніе перекопскихъ и ногайскихъ татаръ Жана де-Люка въ Зап Одесск. Общ. Ист. и Древ. XI, стр. 483.

[2]) Н. М. Ядринцевъ: Сибирскіе инородцы, стр. 246, 247.

[3]) Vàmbèry: Das Türkenvolk, стр. 551.

теніе колеснаго экипажа, пріученіе животныхъ къ перевозкѣ являются сравнительно высокой стадіей развитія, которой предшествовалъ звѣроловческій періодъ жизни народа, а типы жилищъ, которые представляетъ этотъ періодъ среди тюркскихъ народностей, мы описали уже выше. Необходимость совершать перекочевки и подчасъ переселенія съ женами и дѣтьми должна была вызвать потребность къ прикрытію телѣгъ отъ непогоды; съ развитіемъ жилища въ легко переносимое первоначальное прикрытіе должно было замѣняться перевозомъ на арбѣ цѣлой кибитки: это было вызвано необезпеченностью степного кочевника въ матеріалѣ, необходимомъ ему для постройки себѣ шалаша. Мы и видимъ дѣйствительно, что кибитка, уставляемая на колеса, видоизмѣняется по мѣрѣ измѣненія и развитія жилища; такъ кундровскіе татары ставили на арбы свои небольшія юрты, которыя мы считаемъ въ числѣ переходныхъ формъ отъ первобытнаго шалаша къ рѣшетчатой юртѣ; съ появленіемъ этой послѣдней бессарабскіе татары перевозятъ ее не разбирая, наконецъ современные караногайцы дѣлаютъ это также съ рѣшетчатыми юртами (*отовами*), которыя появились у нихъ въ замѣнъ описанныхъ у ногайцевъ же XVIII в. юртъ переходнаго къ рѣшетчатой юртѣ типа. Что этотъ обычай продолжаетъ существовать и въ настоящее время у караногайцевъ, не должно удивлять: съ одной стороны перевозить кибитку не разбирая несомнѣнно менѣе хлопотливо, чѣмъ разбирать ее и снова установлять на новомъ мѣстѣ, съ другой стороны, если маленькіе, неудобные отовы продолжаютъ вообще существовать у караногайцевъ, несмотря на знакомство ихъ съ болѣе обширными кибитками, то это объясняется вообще консерватизмомъ народа въ отношеніи къ прежнимъ формамъ жилищъ, съ которыми онъ не легко разстается, и примѣры чего намъ еще придется неоднократно встрѣтить. Въ описанной г. Ананьевымъ свадебной арбѣ не трудно узнать спальные чуланы кундровцевъ, о которыхъ упоминаетъ Палласъ: помѣщеніе, прежде постоянное, устраиваемое себѣ супругами, обратилось въ ритуальный экипажъ для перевоза невѣсты.

Такимъ образомъ въ общей исторіи развитія жилищъ у тюрковъ и монголовъ кибитка на колесахъ, являются, на нашъ взглядъ, только отпрыскомъ, вызваннымъ условіями жизни этихъ народностей: большими передвиженіями въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ — отпрыскомъ, который не далъ никакихъ самостоятельныхъ формъ и

исчезъ почти совершенно, съ появленіемъ новыхъ болѣе усовершенствованныхъ типовъ жилищъ и съ сокращеніемъ района кочеванья.

Возвращаемся къ рѣшетчатой юртѣ. Мы видѣли, что она широко распространена. Какъ бы ни было рѣзко отличіе современной рѣшетчатой юрты въ ея развитомъ видѣ отъ первобытнаго коническаго шалаша, предшествующее изложеніе показало, что она появилась не сразу, что можно намѣтить промежуточныя звенья, связующія ее съ первобытнымъ шалашомъ. Даже послѣ появленія складной рѣшетки нѣкоторыя черты прежняго типа продолжаютъ еще сохраняться: кошемныя покрытія не сразу вытѣсняютъ обычай покрывать юрту берестой или камышемъ, и до настоящаго времени у нѣкоторыхъ изъ описанныхъ нами народностей сохраняется покрытіе остова циновками, или употребленіе циновокъ въ качествѣ нижняго покрытія остова, подъ кошмами. Особыя условія быта поддерживаютъ до настоящаго времени среди каракалпаковъ обычай покрыванья юртъ кожами животныхъ и т. д.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно цѣнны нѣкоторыя указанія, которыя можно почерпнуть изъ сравненія описаній ногайскихъ юртъ у прежнихъ путешественниковъ. Такъ напр., Олеарій описываетъ ихъ юрты въ слѣдующихъ словахъ: онѣ (юрты) сдѣланы только изъ камыша или тростника, круглы и какъ-бы сводчатыя. На верху у нихъ отверстіе, служащее трубой, черезъ которое они (татары) пропускаютъ палку съ кускомъ кошмы, которую они могутъ повертывать по вѣтру, съ цѣлью облегчить выходъ дыма, и который они опускаютъ, когда дрова или кизякъ выгорѣли; при большомъ холодѣ они окружаютъ всю кибитку большой покрышкой изъ войлока (кошмой), при помощи которой они хорошо сохраняютъ тепло [1]). Черезъ нѣсколько десятилѣтій Корнилій де-Бруинъ, бывшій въ Россіи въ первыхъ годахъ XVIII в., отмѣчаетъ для астраханскихъ татаръ, что палатки ихъ сдѣланы уже изъ рѣшетинокъ или планокъ, и покрыты уже цѣликомъ войлокомъ; но войлокъ не доходитъ до земли, а находится выше ея на 1—2 фута; кромѣ того юрты плотно покрыты еще тростникомъ; дѣлаются богатыми, кромѣ того еще и полотняные навѣсы [2]).

---

1) A. Olearius: Voyage, стр. 458,459 (Amsterd. 1727).

2) Корнилій де-Бруинъ: Путешествіе черезъ Московію; стр. 197.

Если бросить взглядъ на границы распространенія рѣшетчатой юрты легко замѣтить, что она господствуетъ именно среди кочевниковъ, живущихъ въ областяхъ бѣдныхъ лѣсомъ. Если мы встрѣчаемъ ее и въ лѣсистыхъ мѣстахъ, то тамъ она не является господствующимъ типомъ, что приводитъ къ заключенію, что она заимствована у степныхъ сосѣдей: алтайскіе инородцы далеко не всѣ обзавелись рѣшетчатыми юртами: онѣ принадлежатъ лишь болѣе состоятельнымъ, а сѣверные буряты заимствовали ихъ, повидимому, какъ было указано выше, отъ своихъ болѣе южныхъ сосѣдей. Географическое распредѣленіе рѣшетчатой юрты говоритъ въ пользу высказаннаго нами выше предположенія о развитіи этой формы жилища въ степяхъ.

Рѣшетчатая юрта является наиболѣе высшимъ типомъ, до котораго развилось жилище кочевника, высшей формой развитія шалаша. Несмотря на то, что она вся составная и легко раскладывается, она представляетъ, когда она составлена, настолько крѣпкое цѣлое, что ее можно переносить не разбирая [1]); съ другой стороны установка разобранной кибитки требуетъ лишь очень незначительнаго времени.

Наконецъ, въ описанныхъ выше типахъ рѣшетчатыхъ кибитокъ можно подмѣтить слѣдующія измѣненія, которыя являются элементами для развитія болѣе сложныхъ типовъ жилья, а именно: прочное устройство дверей, вынесеніе башкирами очага изъ юрты наружу и замѣну его первобытной печью. Вынесеніе очага за предѣлы кибитки является вполнѣ естественнымъ среди башкиръ, у которыхъ рѣшетчатая войлочная юрта служитъ только лѣтнимъ жилищемъ, въ теченіе жаркаго времени года; естественнымъ является и огражденіе очага камнями,—пріемъ который, приводитъ къ развитію прочной печи. Изъ другихъ чертъ въ развитіи кибитки, отмѣтимъ раздѣленіе ея на части посредствомъ занавѣси или перегородокъ, сплетенныхъ изъ травы. Наконецъ среди бурятъ мы встрѣчаемъ примѣръ развитія кибитки еще въ томъ отношеніи, что въ ней продѣлывается иногда окно, что не мѣшаетъ ей во всемъ

---

[1]) Опредѣлить, который изъ двухъ типовъ рѣшетчатыхъ юртъ болѣе устойчивъ довольно трудно: Г. Н. Потанинъ (Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи II. стр. 108) замѣчаетъ однако что устройство конусообразнаго верха „дѣлаетъ монгольскую юрту, по сознанію самихъ киргизовъ, устойчивѣе киргизской и лучше выносящею удары вѣтра“.

остальномъ сохранять всѣ черты, типичныя для обыкновенной рѣшетчатой юрты.

Въ способахъ разселенія и послѣ появленія рѣшетчатой юрты не происходитъ замѣтныхъ измѣненій; въ основу устройства кочевки лежатъ какъ и раньше два принципа: 1) родственный, который заставляетъ родственныя другъ другу семейства кочевать вмѣстѣ или по крайней мѣрѣ вблизи другъ отъ друга, и 2) экономическій, не позволяющій вслѣдствіе скудости пастбищъ селиться большими группами; вслѣдствіе этого у большинства писателей мы находимъ извѣстія, что аулы состоятъ обыкновенно изъ сравнительно ничтожнаго количества юртъ. Такъ полуосѣдлые башкиры, жившіе еще въ XVIII в. зимой въ большихъ деревняхъ, разбивались на лѣто на небольшія группы, состоявшія изъ 5 — 20 юртъ [1]). Г. Пѣвцовъ отмѣчаетъ въ качествѣ характерной черты малолюдность монгольскихъ улусовъ: «на всемъ длинномъ пути по Монголіи, пишетъ онъ, (около 5000 верстъ) мы нигдѣ не встрѣчали большихъ улусовъ: величина ихъ колеблется отъ 5 до 8 юртъ и рѣдко отъ 8 до 12. ...Малолюдность монгольскихъ улусовъ, продолжаетъ авторъ, объясняется отчасти недостаткомъ обширныхъ привольныхъ пастбищъ, отчасти родственными отношеніями, лежащими въ основѣ общежитія монголовъ, поселенія которыхъ составляются преимущественно изъ юртъ близкихъ родныхъ. Привыкнувъ кочевать разсѣянно, монголы и на тучныхъ пастбищахъ, встрѣчающихся изрѣдка въ ихъ странѣ и способныхъ питать многочисленныя стада, не селятся сплошь большими улусами, а разбиваются на незначительныя группы изъ 4 — 8 юртъ, состоящія иногда въ полуверстѣ одна отъ другой. Исключеніемъ служатъ развѣ только княжескія ставки и большіе монастыри, около которыхъ встрѣчаются болѣе многолюдные улусы» [2]). Тотъ-же фактъ малолюдности монгольскихъ селеній въ Монголіи можно отмѣтить и на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Я. П. Дубровымъ [3]). Аулы караногайцевъ состоятъ самое большое изъ 30—40 юртъ, при среднемъ количествѣ въ 8 или 10 [4]). То-же самое видимъ мы и среди калмыковъ

---

[1]) Описаніе... народовъ, изд. Миллера II, стр. 89.

[2]) М. В. Пѣвцовъ: Оч. пут. по Монголіи, стр. 67.

[3]) Я. П. Дубровъ: Поѣздка въ Монголію въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVI, № 1—3.

[4]) Г. Ананьевъ: Караногайцы, стр. 41.

Астраханской губ. Собраніе кибитокъ (*хотонъ*) состоитъ изъ лицъ, находящихся въ ближайшемъ родствѣ, и семейно-родственное начало составляетъ, пишетъ г. Житецкій, главное основаніе для группировки кибитокъ въ хотонъ, хотя съ измѣнившимися условіями жизни этотъ принципъ и терпитъ нарушенія; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще сохраняется обычай, что въ составъ хотона кибитка посторонняго лица принимается не иначе, какъ послѣ обѣщанія послѣдняго подчиняться обычаямъ хотона [1]). Подобныхъ свидѣтельствъ можно было-бы привести много. Исключеніемъ изъ этого общаго правила составляютъ тѣ кочевыя или полукочевыя народности, которыя еще недавно представляли воинственное населеніе: потребности самозащиты вынуждали ихъ селиться большими группами; въ случаѣ тревоги селеніе доставляло быстро готовое войско. Киргизы селились большими группами, причемъ и въ настоящее время среди азіатскихъ киргизовъ встрѣчаются еще селенія въ 50—80 юртъ. Но въ мѣстностяхъ, гдѣ замиреніе киргизовъ произошло уже сравнительно давно, какъ напр. въ Букеевской ордѣ, селенія распадаются на незначительныя группы. Въ эпоху воинственной жизни тюркскихъ и монгольскихъ народностей ставки однако были многолюднѣе, и древніе путешественники отмѣчаютъ, что онѣ отличаются большимъ количествомъ юртъ, какъ напр. Рубруквисъ, который относительно ставки Батыя замѣчаетъ, что издали она показалась ему большимъ городомъ; впрочемъ онъ оговаривается, что такъ какъ у татаръ процвѣтало многоженство, и такъ какъ каждая жена имѣла свои повозки, то женское населеніе въ ставкахъ было вообще болѣе обширно, чѣмъ мужское [2]). До послѣдняго времени каракиргизы жили не аулами, а цѣлыми родами, устраивали зимнія стойбища по берегамъ рѣкъ, располагая юрты непрерывнымъ рядомъ часто на 20 и болѣе верстъ. Они такимъ-же образомъ устраивали и лѣтнія перекочевки въ горы. Этотъ способъ кочеванія, пишетъ В. Радловъ, объясняется отчасти условіями страны, отчасти значительно болѣе воинственнымъ (чѣмъ у киргизъ-кхазаковъ) характеромъ народа. При подобномъ способѣ установки юртъ каракиргизы могли въ нѣсколько часовъ имѣть цѣлое войско готовымъ къ нападенію или къ защитѣ. Но уже въ 1864 г.—время,

---

[1]) **Житецкій**: Очерки быта астрах. калмыковъ, стр. 34—35.

[2]) Rubruquis: Voyage, гл. XXI; ср. также ibid: гл. XII и XVII.

къ которому относится путешествіе В. Радлова, авторъ слышалъ, что каракиргизы, послѣ подчиненія ихъ русскимъ, т. е. послѣ минованія необходимости поддерживать военный строй, — начали мѣнять прежній способъ кочевки и стали разбиваться на аулы, какъ и киргизъ-кхазаки [1]). Во всякомъ случаѣ съ упадкомъ родового быта, съ увеличеніемъ безопасности со стороны внѣшнихъ враговъ, и съ упадкомъ воинственнаго духа, поддерживавшаго вражду родовъ, экономическій принципъ при разселеніи сказывается съ большей интенсивностью, и заставляетъ устраивать малолюдные аулы, дабы у каждой группы не было недостатка въ травѣ и ей давалась возможность дольше оставаться на одномъ и томъ-же мѣстѣ не перекочевывая.

Чтобы покончить съ кочевымъ жилищемъ, остается сказать еще нѣсколько словъ о **развитіи двора**. Размѣры кибитокъ настолько незначительны, что съ развитіемъ благосостоянія онѣ не могутъ вмѣщать въ себя всего имущества кочевника; разростаніе семьи также не даетъ возможности всѣмъ членамъ ея помѣщаться подъ одной кровлей; вотъ почему уже отъ XIII в. мы имѣемъ свидѣтельства, о построеніи особыхъ помѣщеній для перевозки имущества, женъ, дѣтей и т. д. Рубруквисъ (l. c.) говоритъ, что небольшія юрты, устраиваемыя по образцу большихъ, жилыхъ юртъ, и служащія для перевозки имущества, всегда слѣдовали при перекочевкахъ за жилыми помѣщеніями, но въ то время, какъ послѣднія снимались на ставкахъ, послѣднія всегда оставались на повозкахъ, лѣтомъ—на колесныхъ, зимой на саняхъ. Члены семьи и жены имѣли также особыя повозки: такимъ образомъ развитіе жилища кочевника, его подвижнаго двора, заключается прежде всего въ увеличеніи, соотвѣтственно количеству членовъ семьи, числа какъ жилыхъ помѣщеній, такъ и подвижныхъ кладовыхъ. Впослѣдствіи по свѣдѣніямъ отъ XVIII в. и въ настоящее время мы находимъ у киргизовъ и калмыковъ тоже раздѣленіе семьи на нѣсколько кибитокъ, причемъ отдѣльныя кибитки строятся иногда спеціально для приготовленія кушанья [2]). Гмелинъ упоминаетъ о существованіи обычая строить отдѣльныя «поваренныя кибитки» у астраханскихъ татаръ [3]). О спальныхъ чуланахъ у волжскихъ татаръ

---

1) W. Radloff: Aus Sibirien, I, стр. 527,528.

2) Ср. Описаніе... народовъ, изд. Миллера, II, стр. 129.

3) Гмелинъ: Путешествіе по Россіи. II, стр. 175.

мы выше говорили со словъ Палласа. Относительно существованія обычая устраивать особую юрту для жены, дѣтей и для варки пищи у бессарабскихъ татаръ въ XVIII в. мы имѣемъ свидѣтельство Клемана [1]). Обычай отдѣлять взрослыхъ лицъ въ особыя кибитки и устраивать отдѣльныя помѣщенія для варки пищи встрѣчаемъ мы и у астраханскихъ калмыковъ [2]). Условія, при которыхъ приходится жить кочевнику, не позволяютъ ему расширять размѣры жилого помѣщенія: онъ въ силу необходимости вынужденъ увеличивать только число помѣщеній для семьи и для храненія своего имущества — и этотъ принципъ, выработанный при условіяхъ кочевой, постоянно подвижной жизни, сохраняется, какъ мы это увидимъ ниже, и при переходѣ къ болѣе прочнымъ видамъ жилища.

Что касается устройства помѣщенія для скота, то кочевникъ—скотоводъ отсталъ въ этомъ отношеніи сравнительно съ развитіемъ своего жилого помѣщенія; въ то время, какъ послѣднее вполнѣ оказалось приспособленнымъ къ постояннымъ передвиженіямъ, помѣщеніемъ для скота еще долго продолжаютъ служить простые загоны. При условіяхъ жизни, которыя заставляютъ кочевника мѣнять мѣста своего жительства, и зимой, для отысканія пищи скоту, при обширности стадъ, не можетъ быть и рѣчи о прочномъ укрытіи скота отъ зимнихъ вьюгъ. Такъ напр., монголы, живущіе внѣ предѣловъ Россіи, перекочевываютъ и зимою, хотя эти передвиженія и совершаются рѣже, чѣмъ лѣтомъ; «скотъ у нихъ круглый годъ остается подъ открытымъ небомъ, безъ всякаго крова. Только для барановъ и козъ дѣлаютъ иногда на продолжительныхъ зимнихъ стоянкахъ, круглыя ограды изъ камней, высотою фута въ три, въ которыя загоняютъ этихъ животныхъ на ночь» [3]). Молодыхъ животныхъ укрываютъ обыкновенно въ жилыхъ юртахъ. Исключеніе составляютъ только богатые монголы: такъ одинъ изъ ноёновъ, видѣнныхъ Я. П. Дубровымъ, жилъ въ большой чистой юртѣ, близъ которой была устроена другая поменьше: это *тогоней-гыръ* — кухня; въ ней жили рабочіе. Около тогоней-гыра былъ устроенъ дворикъ для загона табуновъ,

---

[1]) **Kleeman**: Voyage, стр. 73.

[2]) **Житецкій**: l. c. стр. 18, 34.

[3]) **М. В. Пѣвцовъ**: l. c., стр. 67, 68.

и наконецъ былъ поставленъ деревянный амбаръ для домашняго скарба[1]). Развитіе двора начинается при переходѣ кочевника къ полуосѣдлости; впрочемъ, пока онъ еще сохраняетъ въ качествѣ зимняго жилья свою кибитку,—изгороди, иногда только крытыя, для скота служатъ послѣднему единственной защитой. Такъ напр., киргизы, которые живутъ около оз. Балкашъ и по теченію р. Или и зимуютъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, зимой продолжаютъ жить въ кибиткахъ, — устраиваютъ простые загоны для скота: съ появленіемъ снѣга въ степи, они направляются на зимовки, которыя они располагаютъ въ мѣстностяхъ обильныхъ камышемъ; камышевымъ заборомъ они, въ предупрежденіе снѣжныхъ заносовъ, обносятъ свои юрты, изъ камыша-же дѣлаютъ и загоны для барановъ; эти загоны представляютъ совершенно закрытый шалашъ съ маленькимъ входнымъ отверстіемъ, которое на ночь прикрывается снопомъ камыша[2]). У караногайцевъ «зимой кибитки, по словамъ г. Ананьева (l. c.), огораживаются съ запада, сѣвера и востока стѣнами изъ бурьяна, для защиты отъ холодныхъ вѣтровъ; такія стѣны дѣлаются для загона скота, овецъ и лошадей во время булановъ и метелей“. Подобныя-же загороди были въ употребленіи и у степныхъ крымскихъ татаръ до перехода ихъ къ осѣдлости, причемъ загороди продолжали существовать и у тѣхъ, немногихъ въ то время, степныхъ татаръ, которые строили себѣ на зиму болѣе прочныя помѣщенія; такъ въ отчетѣ таврическаго вице-губернатора А. Шостака отъ 1804 г., лично знакомившагося съ хозяйственнымъ бытомъ татаръ, говорится: „я нашелъ ихъ (татаръ) хотя занимающимися хлѣбопашествомъ, но кочующими въ лѣтнее время съ мѣста на мѣсто. На зиму хотя возращаются они туда, гдѣ заготовляютъ топливо и сѣно и гдѣ у *нѣкоторыхъ* есть небольшія хижины и отчасти загорожи изъ бурьяна, однакожь сіе ничуть не служитъ защитой отъ стужи, а скотъ ихъ и табуны, будучи безъ всякихъ загоновъ, всегда подвержены гибели. Зимовники ихъ въ томъ единственно заключаются, что каждое се-

---

1) Я. П. Дубровъ: Поѣздка въ Монголію, въ Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XV. № 1—2, стр. 73.

2) А. М. Никольскій: Путешествіе на оз. Балкашъ, стр. 81; Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. VII, вып. 1; см. также В. Фишеръ: Оз. Балкашъ и теченіе р. Или, стр. 17, ibid. т. VI.

мейство или, по ихъ названію казанъ, отдѣляется небольшимъ окопомъ» [1]).

Какъ ни просты эти загоны, но уже въ описанныхъ формахъ мы видимъ извѣстное развитіе отъ простой изгороди до формы, приближающейся къ понятію двора; изгороди дѣлаются изъ камыша, у киргизовъ на Балкашѣ онѣ принимаютъ форму крытаго шалаша, у другихъ встрѣчаются окопы и обставливаніе кибитокъ изгородями изъ камыша — все это элементы, изъ которыхъ впослѣдствіи складывается дворъ при развитыхъ зимовкахъ полукочевника. Наиболѣе развитую форму двора у кочевника, при сохраненіи въ качествѣ зимняго жилища рѣшетчатой юрты, мы встрѣчаемъ у бессарабскихъ татаръ конца XVIII в.; около юртъ, располагались, по словамъ Клемана [2]), стойла, въ стѣны которыхъ при устройствѣ не входило ни камней, ни кирпичей; онѣ составлены были изъ тростника или дранокъ, снаружи обмазаны коровьимъ навозомъ и покрыты тростникомъ, на который накладывали сѣно и навозъ, и были окружены камышевымъ заборомъ. Въ описанной Клеманомъ формѣ мы видимъ уже дворъ, который лишь съ небольшими видоизмѣненіями и въ нѣсколько болѣе сложномъ видѣ мы встрѣтимъ у степныхъ полуосѣдлыхъ народовъ, перешедшихъ уже къ болѣе высокимъ формамъ жилища.

Н. Харузинъ.

(*Окончаніе будетъ*).

---

[1]) А. Скальковскій: О ногайскихъ татарахъ, въ Ж. М. Н. Пр. 1843. ч. XI, отд. II, стр. 156.

[2]) Kleeman: Voyage, стр. 73.

Разбойники Бессарабіи въ разсказахъ о нихъ.

Если вы попросите молдованина разсказать что-нибудь про старину (*дин ботрыінь* или *дин трекýт*) или просто даже какой нибудь разсказъ (*повéсти*) или сказку (*басм*), то онъ непремѣнно предлóжитъ вамъ разсказать про разбойника (*гоц*). И удивительно: молдованинъ вообще плохой разсказчикъ; нѣкоторые изъ нихъ говорятъ хорошо, и то только чисто юмористическія сцены про цыганъ, про жидовъ, про малороссовъ;—а начнетъ онъ говорить про разбойниковъ, и самъ весь оживляется и слушатели его тоже. Разсказъ дышитъ необыкновеннымъ сочувствіемъ къ своему герою, увлеченіемъ имъ, даже какимъ-то обаяніемъ; а слушатели, кажется, живутъ вмѣстѣ съ разбойникомъ, совершающимъ подвиги свои одинъ за другимъ. Правда, самый разсказъ, т.-е. собственно фабула, по большей части очень увлекателенъ, полонъ приключеній, неожиданностей, счастливыхъ для героя совпаденій, и заставляетъ слушателя съ напряженнымъ вниманіемъ ждать счастливаго исхода,—но это все неважно; разсказы про гоцовъ привлекаютъ къ себѣ слушателя картинностью, необычайной жизненностью и законченностью личности своего героя. Разбойникъ всегда надѣленъ положительными чертами; онъ красивъ, статенъ, силенъ, ловокъ, смѣлъ, въ опасности хитеръ и рѣшителенъ, для бѣдняковъ добръ и нѣженъ, а главное справедливъ. Когда разсказчикъ нарисуетъ самыми яркими красками фигуру подобнаго разбойника, трудно представить себѣ, чтобы такой человѣкъ могъ грабить и безжалостно убивать людей. Нѣтъ! это—герой, котораго народное представленіе надѣляетъ самыми симпатичными чертами; это—идеалъ народа, воплотившій въ себѣ, быть можетъ, идею освобожденія отъ того тяжелаго ига, которое давило несчастный румынскій народъ впродолженіи четырехъ вѣковъ, которое убило въ немъ много жизни, энергіи, самолюбія....

Иго это—турецкое владычество, оставившее по себѣ въ народѣ такую мрачную, вѣковую память. Многіе склонны думать, что всѣми своими несимпатичными чертами народъ этотъ обязанъ единственно турецкому игу, этому сплошному произволу, о кото-

ромъ всѣмъ хорошо извѣстно. Не къ чему приводить грустные факты, свидѣтельства лѣтописей; достаточно прислушаться къ голосу одной коротенькой народной пѣсни, очень распространенной по Бессарабіи и протяжно напѣваемой грустнымъ, заунывнымъ мотивомъ:

Вин туршь
Ку мачю́жь,
Дау ын кап,
Ду́пъ кап,
Ку́ржи сынжь
Рошъор,
Дау дин вали
Д-ён кишёрь.

„Съ дубинами приходятъ турки, по головѣ бьютъ и позатылку. Течетъ красноватая кровь. Швыряютъ за ноги въ долину" (м. Ганчешты, Кишиневскаго уѣзда. Отъ Іона, т.-е. Ивана, Нистора, старика 80-ти лѣтъ).

Стоитъ только внимательно вслушаться и вникнуть въ смыслъ этой небольшой пѣсенки, чтобы понять, сколько живыхъ силъ утратилъ этотъ народъ подъ гнетомъ ига турецкаго. Ни въ содержаніи пѣсни, ни въ ея мелодіи, ни въ исполненіи—вы не услышите ни намека на жалобу, на страданіе, на горе: молдованинъ такъ убитъ горемъ, такъ подавленъ страданіемъ, что у него, кажется, исчезъ и самый инстинктъ избавленія отъ горя. Глубокія морщины на лбу народнаго сознанія, если и расправятся, то для этого нужны сотни лѣтъ. Въ этой пѣснѣ слышится одно только безъисходное положеніе, мертвенность всякой мысли, отсутствіе даже возможности протеста, слышится одна только тупая боль, къ которой молдованинъ даже *привыкъ*. Народъ покоренъ игу, спасенія нѣтъ... Одинъ развѣ исходъ — бѣжать въ чащи лѣсовъ, на перекрестки большихъ дорогъ, и протестовать только тѣмъ, чѣмъ характеризовались тѣ вѣка, по выраженію историковъ, «вѣка дикаго произвола, гнуснаго насилія и грубой расправы».

А пѣсенъ такихъ не мало. Въ одной изъ нихъ поется:

Фру́ндзы ве́рди стынживе́й.
Мъй, бади́цы, ба́ди, гъй!
Фужь ка вынтул,
Фужь ка гындул:
Ту́рши бати пи ной
Ши тъйе́, ка пи ой...

«Зеленый листъ тополя. Братецъ мой, братикъ, послушай-ка! Бѣги какъ вѣтеръ, бѣги какъ мысль: насъ бьютъ турки и рѣжутъ какъ овецъ» (с. Чучулены, Кишиневскаго у., отъ Василія Гепоцкаго, 30-ти лѣтъ).

Въ пѣснѣ этой еще свѣтится мысль: нужно убѣгать съ быстротой вихря; но сравненіе самихъ-себя со стадомъ беззащитныхъ, глупыхъ и покорныхъ овецъ, именемъ которыхъ сами-же молдоване бранятъ тупыхъ, совершенно неспособныхъ людей,— убиваетъ, кажется, всякую мысль о возможности сопротивленія. Овца, баранъ—синонимы покорности. Вотъ еще пѣсенка, хорошо характеризующая тупую покорность барана:

— Ун-ти души, ту мéлули?
— Ла грьди́ны (bis), дóмнули.
— Ши сы фашь, ту мéлули?
— Сы паск ярбы (bis), дóмнули.
— Шинь ти приндь, ту мéлули?
— Грьдинáрю (bis), дóмнули.
— Шинь ти тай, ту мéлули?
— Мъгелáрю (bis), дóмнули.
— Шинь ти фрижь, ту мéлули?
— Букътáрю (bis), дóмнули.
— Шинь т-ё мынынкъ, ту мéлули?
— Дуни-воáстры (bis), дóмнули.

«Куда идешь ты, барашекъ? — Въ садъ, баринъ. — Что тамъ будешь дѣлать? — Буду ѣсть траву. — Кто тебя поймаетъ? — Садовникъ? — Кто тебя зарѣжетъ? — Рѣзникъ. — Кто тебя изжаритъ? — Поваръ. — Кто тебя съѣстъ? — Ваша милость!» (с. Жаврены, Оргѣевскаго у., отъ Дёрдія, т. е. Георгія, Боргилы, 65-ти лѣтъ).

Однообразіе стиховъ, соразмѣрность вопросовъ и отвѣтовъ и монотонныя повторенія дѣлаютъ эту пѣсню необыкновенно грустной и тяжелой. Правда, во всемъ этомъ многое усилено, а пѣвецъ этой грустной пѣсни сейчасъ-же споетъ вамъ самую пошлую, веселую и безсодержательную пѣсню; но, если вслушаться и въ нее, и она, пожалуй, подтвердитъ ту же мысль о вѣковомъ рабствѣ.

Разбойники, о которыхъ молдоване такъ охотно говорятъ, являлись преимущественно въ XVIII и въ началѣ нынѣшняго вѣка, когда историческія условія сдѣлали жизнь простолюдина-молдованина невыносимой.

Ровно сто лѣтъ описываемой эпохи престолъ Молдавіи занимали исключительно греки-фанаріоты, правленіе которыхъ такъ тяжело было для народа и оставило по себѣ такую дурную память, что изгладило всѣ черты и даже лица предшествующихъ эпохъ. О прошломъ своемъ молдованинъ ничего не знаетъ; онъ помнитъ только, что прежде здѣсь были турки, что было хуже, а событіе, по его мнѣнію, очень давнее относитъ ко времени „воеводъ“ (*дин воевóзъ*). Въ памяти народной живутъ еще только имена замѣчательныхъ правителей: двухъ хорошихъ — Александра Добраго (1401—1432) и Стефана Великаго (1450—1504) и одного злого тирана—Влада Дракула (1456—1562 и 1576—1579); а остальное— все забыто: ни черты, ни штриха...

Не входя въ разборъ и оцѣнку эпохи фанаріотовъ, слѣдуетъ охарактеризовать ее болѣе типичными свидѣтельствами. Всѣ лѣтописи, по выраженію одного писателя, клеймятъ позоромъ эту эпоху, въ которую богатая страна пришла въ разореніе. Ту главу, гдѣ говорится объ этой эпохѣ, С. Н. Палаузовъ начинаетъ словами: „изъ всѣхъ несчастій испытанныхъ Молдавіей и Валахіей со времени ихъ основанія, ни одно не было для нихъ такъ гибельно, какъ назначеніе въ эти страны князей фанаріотовъ (Румынскія господарства... СПБ. 1859, стр. 123-я). То же почти говоритъ и другой писатель-историкъ Вилькиньонъ: „изъ событій, имѣвшихъ вліяніе на политическое состояніе Валахіи и Молдавіи и общественное мнѣніе княжествъ, ни одно не было такъ гибельно для нихъ, какъ система управленія, внесенная въ эти государства греками

фанара во время ихъ назначенія въ правители этихъ княжествъ" (Tableau historique... de la Moldavie... P. 1821). Вотъ еще слова одного писателя, представившаго въ нѣсколькихъ словахъ всю тяжесть той эпохи..."Грустные памятники,"говоритъ онъ, "народнаго униженія, нравственнаго безсилія страны, ничѣмъ не обезпеченнаго отъ произвола, самаго злобнаго и коварнаго, перешли въ преданіе, сдѣлались достояніемъ исторіи и молвы народной, не отличающей уже событій правдивыхъ отъ вымышленныхъ воображеніемъ сказокъ... Но исторія и преданіе ни о комъ и ни о чемъ не сохранили столько разсказовъ, столько эпизодовъ, какъ о фанаріотахъ, тяготившихъ надъ бѣдными румынами гораздо болѣе столѣтія". Затѣмъ авторъ передаетъ цѣлый рядъ самыхъ возмутительныхъ фактовъ "кровавой расправы произвола и животныхъ инстинктовъ" (Бессарабскія Областныя Вѣдомости 1861 г., № 23, стр. 187-я).

Получавшіе престолъ княжества за золото, ласкательства, постоянно находясь подъ опасеніемъ смерти, доноса, возмущенія, ожидая другого соискателя, который предложитъ Портѣ больше золота, помня недавнюю казнь своего предшественника,—греки-фаваріоты, эти «калифы на часъ», старались поскорѣе нажиться, выручить деньги, затраченныя на покупку престола, и не дорожа ни своей, плохо обезпеченной жизнью, ни жизнью другихъ, они давали волю своимъ страстямъ... Заботиться о княжествѣ имъ не было ни цѣли, ни даже причины; чуждые молдавской національности, получивъ отъ султана престолъ и княжество «на откупъ», они всегда являлись покорными исполнителями воли султана, такъ какъ намекъ на ослушанье грозилъ имъ смертью. Господари являлись не одни; они являлись «въ сопровожденіи множества грековъ, которые прилѣплялись къ нему, какъ прахъ къ ногамъ»(Xenopol. Istoria Românilor; томъ V, стр. 532), и "подобно голодной саранчѣ, налетали на княжества вслѣдъ за новымъ назначеніемъ" (Zalloni. Essai sur les Fanoriots, стр. 40). Едва-ли церковь могла поддерживать угнетенный народъ, такъ какъ высшее духовенство были греки, низшее, исключая черное духовенство, было необразовано, церкви бѣднѣли, оставались безъ священниковъ... Надъ княжествомъ пронеслось зловѣщее слово—деморализація... [1])

Не лучше характеризуютъ грековъ-фанаріотовъ и народныя молдавскія пѣсни. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, поется:

«Къ намъ идутъ все греки да греки—и нѣтъ конца ихъ приходу! Къ намъ идутъ все греки незнатнаго рода и совсѣмъ не богатые—а голь совершенная! Къ намъ идутъ побуждаемые голо-

[1]) Краткій, весьма талантливый очеркъ времени правленія фанаріотовъ представленъ въ предисловіи къ изслѣдованію А. Г. Стадницкаго, теперь о. инспектора Новгородской семинаріи (Гавріилъ Банулеско-Бодони, экзархъ молдо-влахійскій. Кишиневъ. 1894 г., стр 8—27-я).

домъ, одни лишь неопрятные греки. Перейдя границу, по эту сторону Дуная, они бы и желали похвалиться своимъ прежнимъ житьемъ-бытьемъ,—да вотъ бѣда, что стыдно: *полотенца на головахъ и ремни на обуви* не дозволяютъ имъ и помыслить о тщеславіи, къ чему они такъ падки» (Бессарабскія Обл. Вѣд. 1860 г., № 43, стр. 405).

Румыны грековъ называютъ *лимонджіями* (турецк.), т. е. продавцами лимоновъ (С. Н. Палаузовъ. Румынскія господарства, стр. 204), а бессарабскіе молдоване говорятъ, что если взять 10 жидовъ, 10 турокъ да 10 паршивыхъ собакъ, положить въ виноградный прессъ (*тяск*) и давить его, то потечетъ чистая греческая кровь. А вотъ еще пословица и поговорка, которыя говорятъ то же: «Каждый грекъ прошелъ сквозь рѣшето и сито, сквозь воду и землю» (тот гре́ку о трекўт прин шур ши прин сыт, прин а́п ши пъмынт); «Повѣрь мнѣ! Не будь грекомъ, который говоритъ: то только, что въ карманѣ, навѣрное мое» (Кредзь ніи! Ну шій к-он гре́ку, ка́ри спу́ни: ну́м ши й ын бузуна́ри, й адивъра́т а-нье́у).

Если припомнить ко всему этому буджакскихъ татаръ, кочевавшихъ по южной Бессарабіи, частыя войны съ турками, голодъ, моръ и т. д., то время это съ увѣренностью можно назвать самымъ тяжелымъ, безотраднымъ, мрачнымъ.

И вотъ въ это тяжелое время, среди такихъ условій, какъ-бы на смѣну другъ-другу, являются смѣльчаки-разбойники, получившіе окраску героевъ, получившіе образъ идеальныхъ избавителей угнетаемаго народа отъ насилія властей. Они не только не повиновались этимъ притѣснителямъ, но рѣшались грабить ихъ самихъ, несмотря на крѣпкую охрану при нихъ, а иногда даже очень зло издѣваться надъ ними въ отместку за страданія бѣдняковъ. Именно въ такое время, когда негдѣ было найти суда-защиты, эти разбойники, въ появленіи которыхъ замѣчается нѣкоторая преемственность, грабили богатыхъ купцовъ, исключительно иностранцевъ, и своихъ-же помѣщиковъ, ненавистныхъ бѣднякамъ, и какъ нельзя ближе пришлись по душѣ изстрадавшемуся народу.

Вѣдь нынѣшніе разбойники, которые время-отъ-времени появляются и теперь въ Бессарабіи, иногда даже шайками,—совсѣмъ не то; а по своимъ преступленіямъ они, пожалуй, отъ прежнихъ разбойниковъ-героевъ мало чѣмъ и отличались. Когда вамъ разсказываютъ про прежняго разбойника, никогда не назовутъ его словомъ „талга́ръ", т. е. разбойникомъ-воромъ, синонимомъ хитраго обманщика, мошенника; такъ они называютъ тѣхъ современныхъ разбойниковъ, такъ-же они называютъ цыганъ-конокрадовъ, такъ-какъ конокрадство въ глазахъ молдованина самое тяжелое преступленіе. А для разбойника-героя существуетъ почетное названіе „гоцъ" (*г* съ мягкимъ произношеніемъ—hoțŭ), „гайдукъ";

это все равно, что „войникъ“, т. е. молодецъ, удалой, герой. Про ловкаго, отважнаго парня молдоване говорятъ, что онъ похожъ на гоца; этимъ же именемъ они называютъ своихъ любимыхъ лучшихъ лошадей, охотничьихъ собакъ; но вола, какимъ хорошимъ ни будь онъ, гоцомъ никогда не назовутъ, точно также и кошку. Гоцъ всегда красивъ, мужественъ, добродѣтеленъ; ничего подобнаго вы не услышите про современныхъ разбойниковъ, про которыхъ даже и не ходятъ разсказы. Говорятъ только, что они воры, цыгане-конокрады и „фараоны“—самое позорное изъ бранныхъ прозвищъ для молдованина.

Такимъ образомъ, разбойниковъ-героевъ создало само время; прошла тяжелая пора для которой *нужны* были подобные герои, настало время, когда справедливость возстановляется иными путями, и исчезли самые разбойники-герои. Слѣдовательно, эти разбойники нужны были для народа не столько какъ реальные его защитники, а больше какъ сама идея избавленія отъ страданій, идея возможности иначе жить. Они имъ были пріятны уже по одному тому, что народъ видѣлъ, а больше слышалъ, что вотъ гдѣ-то, собственно даже недалеко, есть люди, которые заботятся о нихъ и чѣмъ нибудь мстятъ утѣснителямъ ихъ. Вѣдь едва ли можно допустить, чтобы помощь и защита этихъ героевъ отражались на самой жизни многихъ бѣдняковъ, а скорѣе ихъ бодрили самые разсказы. Современныхъ разбойниковъ народъ не любитъ, боится ихъ, и воспѣваетъ ихъ почти-что дѣйствительными чертами, безъ художественной окраски, безъ теплоты, безъ участія.

Рѣдко можно встрѣтить старика, который бы не зналъ двухъ-трехъ разсказовъ про гоцовъ, а большинство знаетъ ихъ десятками и съ охотой и одушевленіемъ разскажетъ вамъ, по первой же просьбѣ и скорѣе, чѣмъ что нибудь другое. Такимъ образомъ, по Бессарабіи ходитъ масса разсказовъ про гоцовъ; нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ типичны, а остальные разсказываются по одной и той же канвѣ и разнятся другъ отъ друга только собственными именами, мѣстными названіями да еще подробностями, по большей части, мало характерными и не всегда даже значительными и важными. Вотъ, напримѣръ, схема самаго типичнаго разсказа, набросанная на основаніи одиннадцати текстовъ, изъ которыхъ выдѣлены подробности и собственныя имена:

Человѣкъ богатый (купецъ, помѣщикъ, сборщикъ податей для турокъ) проѣзжаетъ чрезъ лѣсъ; онъ окруженъ вооруженной стражей, такъ какъ, по большей части, предупрежденъ самимъ гоцомъ. Гоцъ выѣзжаетъ ему навстрѣчу верхомъ на конѣ, который, между прочимъ, тоже имѣетъ свою физіономію, какъ всякій конь героя: онъ—невеликъ, выносливъ, сообразителенъ въ бѣдѣ, иногда изворотливъ и хитеръ, а главное—онъ преданъ своему хозяину

и ни за что не измѣнитъ ему. За широкимъ поясомъ у красиводѣтаго гоца—пистолеты и кинжалъ, которые впрочемъ онъ рѣдко пускаетъ въ дѣло, развѣ—въ случаѣ сопротивленія или оскорбленія его: вѣдь у гоца есть сила болѣе могучая, болѣе вѣрная. Своимъ величавымъ видомъ, спокойствіемъ, повелительнымъ и внушительнымъ голосомъ, онъ останавливаетъ экипажъ. Кучеръ и стража забываютъ даже о возможности защиты или бѣгства, а баринъ—какъ-бы подъ вліяніемъ внушенія—весь свой кошелекъ отдаетъ гоцу, прямо приступающему къ нему съ требованіемъ: *отдать* ему деньги. Тогда гоцъ благодаритъ барина, говоритъ, что отъ этихъ денегъ онъ возьметъ себѣ самые пустяки, а остальное онъ *долженъ* отдать бѣднякамъ. Въ заключеніе онъ предлагаетъ барину благодарить Бога за то, что ему сохранена жизнь и онъ невредимъ, молиться за грѣшнаго гоца,—и исчезаетъ, иногда даже невидимо для барина и его свиты. Въ особенности трогательна одна подробность, которую сообщаютъ нѣкоторые разсказчики: гоцъ проситъ барина, чтобы онъ заповѣдалъ своимъ малымъ дѣткамъ молиться о прощеніи гоцу всѣхъ преступленій его, такъ какъ только изъ-за дѣтей барину сохранена жизнь.

Это—канва самаго обыденнаго разсказа, который можно услыхать въ тысячахъ пересказовъ съ массой измѣненій. Но интересны, главнымъ образомъ, тѣ разсказы, которые своими подробностями и добавленіями рисуютъ извѣстную черту гоца. Такъ напримѣръ, одинъ разсказъ про гоца Барагана характеризуетъ чисто рыцарское, идеальное его благородство и честность, доведшія гоца до тюрьмы.

Начало разсказа идетъ по обычной нами приведенной канвѣ. Бараганъ отнимаетъ у помѣщика толстый кошелекъ и скачетъ въ городъ къ своей возлюбленной. Когда онъ раскрылъ взятый кошелекъ, то нашелъ тамъ, среди денегъ, маленькій мѣдный образокъ на голубой ленточкѣ. Деньги онъ взялъ себѣ, а образокъ рѣшилъ возвратить помѣщику, потому что *этого онъ у него не требовалъ*, да при томъ, образокъ вещь святая и, по всей вѣроятности, принадлежалъ этотъ образокъ невинному младенцу; а гоцъ—благочестивъ. И вотъ, съ тѣхъ поръ гоцъ не находилъ себѣ покоя и всегда искалъ случая возвратить образокъ. Вся бѣда въ томъ, что онъ не зналъ ни имени, ни фамиліи помѣщика, ни его села, ни даже его наружности, такъ какъ дѣло было подъвечеръ, и Бараганъ не хорошо разсмотрѣлъ лицо его. Три года Бараганъ не забываетъ о своей обязанности и носитъ образокъ съ собой. Разспросы наводятъ его на слѣдъ, и узнаетъ онъ, что теперь этотъ помѣщикъ пріѣхалъ въ Оргѣевъ (нынѣшній уѣздный городокъ, на сѣверъ отъ Кишинева) на базаръ. Какъ разъ въ это время вся полиція была поднята на ноги и разыскивала его очень дѣятельно, потому что смѣлость его послѣднихъ грабежей

перешла границы. А главное, Бараганъ зналъ, что его непремѣнно ждутъ въ Оргѣевѣ, по случаю большой конской ярмарки. На мосту при въѣздѣ въ городъ его ждали чауши, пандуры и армаши съ самимъ исправникомъ во главѣ. Тогда Бараганъ пустилъ коня своего вплавь и переплылъ разлившійся Реутъ. Его замѣтили съ моста, окружили, ловко обезоружили, связали и отвезли въ тюрьму. Тамъ онъ молитъ стражей отпустить его хоть на часъ, отдать послѣдній долгъ предъ смертью. Тѣ не соглашаются. Тогда Бараганъ обѣщаетъ имъ за это указать мѣсто, гдѣ имъ зарыто три большихъ казана съ червонцами. Противъ такого обѣщанія стража не устояла и выпустила его. Гоцъ ходитъ по базару, находитъ помѣщика, остолбенѣвшаго при видѣ знакомаго гоца, отдаетъ ему маленькій мѣдный образокъ и покорно возвращается въ тюрьму (м. Ганчешты, отъ пастуха, Нигалаки т. е. Николая, Шёры, 45-ти лѣтъ). Конечно, народный разсказъ не даетъ своему любимому герою погибнуть гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ или на висѣлицѣ, а заставляетъ его спастись изъ тюрьмы самымъ чудеснымъ образомъ и умереть гдѣ-нибудь въ монастырѣ своею смертью или на службѣ у русскаго великаго царя, гдѣ онъ за свою храбрость скоро дослуживается до генерала и не щадитъ турокъ.

Гоцъ гордъ и самолюбивъ, въ положительномъ и самомъ симпатичномъ значеніи этихъ словъ. Вотъ отрывки изъ одного разсказа, характеризующаго эту черту гоца. Гоцъ Бодянъ однажды ограбилъ одного знатнаго сардаря (сардарь—откупщикъ податей для турокъ). Его вскорѣ поймали и привели къ господарю Іону на судъ. Судъ необыкновенно торжественный: придворные чины, войска, народъ. Господарь спрашиваетъ Бодяна, куда онъ дѣлъ *украденныя* деньги. Бодянъ молчитъ; онъ оскорбленъ. „Только воры-фараоны (т. е. цыгане) крадутъ“—отвѣчаетъ онъ. Тогда господарь предлагаетъ ему вопросъ въ иной формѣ: „Гдѣ деньги, *взятыя* у сардаря?“ Гоцъ отвѣчаетъ:

„Дрептъ спуй, к-ам луàт ерь
О суты гàлбинь дин бойѐр;
Ш-ам дат ла бамень мулц сърàшь,
Ка съ ку̀мпъръ лорь кълàшь!“

„Ты правду говоришь, что у барина я взялъ вчера сто червонцевъ. И роздалъ я ихъ многимъ бѣднякамъ, для того чтобы они купили себѣ калачей (Ганчешты, отъ Іона Моряря, 50-ти лѣтъ).

Этотъ коротенькій отвѣтъ гоца Бодяна, прямой и гордый, какъ нельзя лучше показываетъ, почему гоцъ такъ симпатиченъ народу: типичный гоцъ-герой—*разбойникъ* только для богатыхъ, для турецкихъ властей, обходившихся съ народомъ жестоко, а для самого народа, т.-е. для бѣдняковъ, гоцъ—*благодѣтель*, единственный защитникъ въ тяжелыя времена.

Та-же мысль сквозитъ и въ другой пѣснѣ, а именно въ отвѣтѣ гоца Кодряна на судѣ у господаря, который спрашиваетъ гоца:

„Мъй, Кодряни, войнишѐли!
Я спун-ній домніи мѐлій,
Кыт крѣшти́нь ай оморы́т,
Кынд ла ц'ры ай гоцыт?“
„Домнули, Мърія Та!
Жюр пе Майкъ пречисто́:
Кынд ла цар' ам войничѝт,
Нишь он кръ́штин н-ам оморы́т.
Кывд бога̀т еу ынтыльня́м,
Ку паро́ли ымпърця́м;
Дар д-ынты́льням съраку́л,
Еу аску́ндям бълтажю́л.
Ш' ын бръу мы́нъ еу бъга̀м,
Ши кыт требу-й, а-тыт дам.“

„Послушай-ка, Кодрянъ-молодецъ! А ну-ка скажи мнѣ (моему господству), сколькихъ ты православныхъ умертвилъ, когда разбойничалъ въ странѣ?—Господинъ, ваше высочество, клянусь пречистою Матерью: когда я отличался въ странѣ, я не убилъ ни одного православнаго. Когда я встрѣчалъ богатаго, то дѣлился съ нимъ (деньгами); но при встрѣчѣ съ бѣдняками, я пряталъ свой болтъ, запускалъ свою руку въ поясъ (кошелекъ, кисетъ) и давалъ ему, сколько нужно“ (с. Боюканы, предмѣстье Кишинева, отъ Елисаветы Баланарь, 55-ти лѣтъ).

Характеренъ также одинъ разсказъ, переданный сыномъ того крестьянина, съ которымъ будто-бы этотъ фактъ и произошелъ. Гоцъ одѣляетъ бѣдняковъ деньгами не изъ жажды извѣстности, не изъ рыцарскаго чувства; у него мысль гораздо выше, а планъ шире: онъ хочетъ, чтобы съ его легкой руки бѣднякъ сталъ трудиться, зажилъ бы лучше.

Одинъ изъ самыхъ популярныхъ гоцовъ, а именно Тобольтокъ, входитъ въ корчму и видитъ, что одинъ знакомый ему бѣднякъ, недавно одѣленный имъ деньгами, пьетъ и угощаетъ цѣлую компанію оборванныхъ бродягъ. Это и былъ отецъ разсказчика. Тобольтокъ былъ внѣ себя отъ гнѣва; онъ разогналъ своимъ арапникомъ всю компанію, отколотилъ бѣдняка того и отнялъ оставшіяся у него деньги, говоря: „не умѣлъ распоряжаться, вотъ и платись на всю жизнь!“ (с. Лапушна Кишиневск. у., отъ Костанки, т.-е. Константина, Кучу, 50-ти лѣтъ).

А въ другомъ разсказѣ интересна одна подробность, точно также характеризующая благотворительные планы гоца. Въ немъ говорится, будто-бы гоцъ Бараганъ купилъ для одного бѣдняка, просившаго у него денегъ, топоръ и заставилъ его жить трудомъ. По словамъ разсказчика, Бараганъ зналъ, что этотъ человѣкъ лѣнтяй и все-равно деньги всѣ пропьетъ (отъ него же).

Гоцъ необыкновенно ловокъ и находчивъ. Когда нужно, онъ переодѣвается въ какое угодно платье; часто въ одеждѣ монаха или женщины онъ пробирается въ самыя укромныя мѣста. Достигнувъ желаемаго, онъ сразу выпрямляется и могучимъ голосомъ называетъ себя по имени. Всѣ поражены, а онъ, пользуясь паникой, скрывается. Гоцъ любитъ эффектъ, и иногда, повидимому спеціально съ цѣлью произвести такой эффектъ, произноситъ въ опасности, когда дорога каждая секунда, цѣлыя тирады. Вообще

всѣ его слова и дѣйствія очень красивы и картинны. Одинъ весьма увлекательный разсказъ передаетъ ловкость гоца Урсу.

Однажды въ корчмѣ Урсу познакомился съ однимъ бѣднымъ парнемъ, влюбленнымъ въ богатую красавицу, которую отецъ не хотѣлъ выдавать за „нищаго". Парень грустилъ и отказывался отъ вина, которое предлагалъ ему гоцъ. Зашелъ разговоръ пооткровеннѣе, поглубже. Гоцу очень понравился тихій, симпатичный парень; онъ вспомнилъ и свою неудачную любовь и рѣшилъ помочь парню. Дѣло стояло за деньгами; нужно было достать ихъ поскорѣе. Въ это время, какъ донесли гоцу его товарищи, собирался въ Кишиневъ одинъ богатый помѣщикъ. Наканунѣ его выѣзда во дворъ въѣзжаетъ на конѣ вооруженный всадникъ и велитъ передать барину, чтобы онъ прихватилъ съ собою въ дорогу сотню червонцевъ, такъ какъ онъ будетъ осчастливленъ встрѣчей съ Урсу, который ужасно *не любитъ бѣдныхъ помѣщиковъ*. Всадникъ скрылся. Въ домѣ поднялся переполохъ, дали знать полиціи, разставили по дорогѣ конныхъ и вооруженныхъ мужиковъ; другая партія поѣхала по боковымъ дорожкамъ искать дерзкаго гоца. Дѣло у помѣщика было спѣшное, и, скрѣпя сердце, онъ отправляется, окруживъ свой экипажъ сотней хорошо вооруженныхъ всадниковъ.

Одинъ изъ сторожевыхъ постовъ стоялъ недалеко отъ деревни. Лилъ въ это время дождь, было темно, холодно, и стражи зашли въ корчму пообсушиться и погрѣться.

Тамъ увлеклись, засидѣлись, перепились и забыли про службу. Вдругъ въ корчму входитъ самъ Урсу. У стражей весь хмѣль прошелъ, а гоцъ начинаетъ ихъ бранить за то, что они не исполняютъ своей службы, надуваютъ своего барина; и ударами арапника выгоняетъ ихъ изъ корчмы.

Около полуночи помѣщикъ со всѣмъ поѣздомъ проѣзжаетъ черезъ чащу лѣса. Свѣтитъ луна. Вдругъ по дорогѣ, впереди, показывается всадникъ и раздается пистолетный выстрѣлъ. Свита пускается въ погоню за всадникомъ, въ которомъ всѣ узнали Урсу. Экипажъ помѣщика принужденъ не отставать отъ свиты, и лошадей пускаютъ вскачь. Выстрѣлы продолжаются, свита отвѣчаетъ... Крики, свистъ на лошадей, замѣшательство... Все это мчится впередъ. Пользуясь суматохой, Урсу спрятался въ тѣнь лѣса и, поровнявшись съ экипажемъ, вмѣшался въ толпу мчавшихся всадниковъ, кричалъ и рвался впередъ больше всѣхъ: «держи его, стрѣляй въ мошенника»! Въ это время онъ ловко перескакиваетъ съ коня на экипажъ, садится рядомъ съ обезумѣвшимъ отъ страха помѣщикомъ, здоровается съ нимъ и говоритъ: «вотъ видишь-ли, Урсу—благороднѣйшій и точнѣйшій человѣкъ; обѣщалъ проѣхаться съ тобой въ одномъ экипажѣ—и исполнилъ. За это ты долженъ дать мнѣ назначенную сотню». Ни

слова не говоря, помѣщикъ отдаетъ ему мѣшечекъ съ деньгами. Урсу благодаритъ, и перескакиваетъ на своего коня, скакавшаго все это время рядомъ съ экипажемъ. Никто этого такъ и не замѣтилъ. Всѣ летѣли впередъ; раздавались выстрѣлы, крики. Вскочивъ на коня, Урсу рванулся впередъ и сталъ лупить арапникомъ по спинамъ всадниковъ: «вотъ вамъ, чертямъ, за то, что проглядѣли Урсу!..» Вылетѣлъ онъ впередъ изъ толпы, выстрѣлилъ на воздухъ и скрылся (с. Бутучены, Оргѣевскаго у., отъ Іона Гиленскаго, 75-ти лѣтъ).

Народная фантазія одѣляетъ гоца сверхъестественной силой. Про нѣкоторыхъ гоцовъ говорятъ, будто они были колдунами, оборотнями, имѣли талисманы, наводили «туманъ» и т. п. Вотъ отрывокъ изъ народной поэмы про Кодряна. Разставленная стража окружаетъ гоца и стрѣляетъ въ него. Одна пуля попадаетъ ему въ грудь. Тогда Кодрянъ спокойно вынимаетъ ее изъ раны, заряжаетъ ею карабинъ свой и стрѣляетъ въ стражу, которая валится на землю. «Но Леонтій арнаутъ,—чтобъ его земля поглотила!—вынулъ серебряныя пуговицы, зарядилъ ими ружье, выстрѣлилъ въ Кодряна и ранилъ его». (Очерки Бессарабіи. Народная литература у молдованъ. Г. Филатова. Бессарабскія Областныя Вѣдомости 1861 г., № 13, 14, 15 и 16).

Въ сказкахъ молдавскихъ весьма обычно рисуется картина, какъ свинцовыя пули отскакиваютъ отъ вѣдьмъ, колдуновъ и заговоренныхъ героевъ. Но когда въ нихъ стрѣляютъ серебряными пуговицами или деньгами, то заговоры не помогаютъ, и они получаютъ раны. Слѣдовательно, и разбойниковъ народъ считаетъ заколдованными. Про одного разбойника говорятъ, что онъ обладалъ ковромъ-самолетомъ (Гунза). Интересно въ приведенномъ отрывкѣ то, съ какимъ пожеланіемъ говоритъ пѣсня объ арнаутѣ, ранившемъ гоца: «чтобъ его земля поглотила!»

Гоцъ справедливъ. Онъ сознаетъ свои заслуги предъ бѣдняками, но Боже упаси говорить о немъ дурно, да притомъ безъ основанія. Вотъ замѣчательно-характерный разсказъ про того же Кодряна, физіономія котораго—самая симпатичная, и который идеализированъ больше другихъ.

Была зима. Снѣгомъ покрыло всѣ дороги и нанесло глубокіе сугробы. Ночью черезъ Оргѣевскій лѣсъ ѣхалъ вамишъ (турецкій исправникъ, собственно сборщикъ податей) и заблудился. Снѣгъ валилъ попрежнему; ѣхать дальше было невозможно, и лошадей остановили. И вотъ, въ лѣсной чащѣ приходилось проводить ночь. Картина самая мрачная: вокругъ темно, валитъ снѣгъ, завываетъ вьюга и голодные волки. Вдругъ кучеръ замѣчаетъ гдѣ-то вдали огонекъ. Двухъ арнаутовъ оставили при повозкѣ, а самъ вамишъ, одинъ арнаутъ и кучеръ-мужикъ отправились по направленію огня. Итти было трудно и не скоро до-

стигли они сторожки, занесенной снѣгомъ, изъ окна которой и свѣтился огонекъ. У дверей стояла лошадь. Заблудившіеся путники вошли въ избушку. У огня сидѣлъ красивый, статный гоцъ—Кодрянъ. Они его не узнали. Гоцъ предложилъ имъ подсѣсть къ огню и угостилъ ихъ водкой изъ фляги. Въ избушкѣ было тепло и уютно, и путники рѣшили дожидаться здѣсь утра. Неизвѣстный для нихъ человѣкъ оказался весьма занимательнымъ собесѣдникомъ, интереснымъ разсказчикомъ и хорошимъ пѣвцомъ. Время проходило незамѣтно и весело. Скоро разговоръ ихъ перешелъ на современную злобу дня, на Кодряна, о которомъ говорила вся Бессарабія, и незнакомецъ съ живымъ интересомъ сталъ разспрашивать собесѣдниковъ про гоца. Вамишъ былъ очень плохого мнѣнія о немъ; онъ называлъ его жестокимъ мучителемъ, кровопійцей, выркулакомъ (миѳическое существо), помѣшаннымъ и просто жуликомъ. Арнаутъ сказалъ, что гоцъ—прямо молодецъ, герой, не боится полиціи совсѣмъ и продѣлываетъ съ ней самыя забавныя штуки. Кучеръ-бѣднякъ хвалилъ Кодряна, называлъ его самыми ласковыми и лестными именами, говорилъ, что еслибы побольше было подобныхъ ему гоцовъ, то бѣднякамъ легче жилось бы на свѣтѣ, а турки были бы поосторожнѣе. Вамишъ велѣлъ ему замолчать, сказавъ, что онъ говоритъ чепуху, и продолжалъ бранить Кодряна, передавая самыя несообразныя небылицы и ходившіе про гоца разсказы въ искаженномъ, невыгодномъ для гоца видѣ. Незнакомецъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его. «Ну, а скажи, пожалуйста»,—спросилъ онъ,—«каковъ Кодрянъ по отношенію къ религіи»?—»Басурманъ, хуже всякаго татарина и жида»,—отвѣчалъ вамишъ и разсказалъ, будто бы Кодрянъ, однажды во время служенія, въѣхалъ въ церковь на конѣ, кощунствовалъ тамъ, убилъ священника и ограбилъ церковь. Невыносимо тяжело было слушать Кодряну подобную клевету. «Ну хорошо»,—сказалъ онъ: «вѣдь Кодрянъ, по твоему, во всемъ гадокъ; но, быть можетъ, онъ хорошъ хоть для бѣдняковъ, для женщинъ и дѣтей»? Вамишъ разсмѣялся и сказалъ, что богатыхъ и могучихъ Кодрянъ-то и боится, а бѣдняковъ онъ иногда даже мучитъ для своего удовольствія самымъ жестокимъ образомъ, чему и привелъ нѣсколько вымышленныхъ примѣровъ. Не стерпѣлъ этого Кодрянъ, схватилъ вамиша, повалилъ на землю, обезоружилъ, связалъ его и двоихъ его спутниковъ для того, чтобы тѣ не могли защищать своего господина. Затѣмъ онъ вынулъ изъ сумки четыре подковы, гвозди, молотокъ и подковалъ вамиша на руки и на ноги. «Вотъ тебѣ»,—сказалъ гоцъ, кончая работу,—«за церковь и бѣдняковъ; про все можешь врать, сколько тебѣ угодно; но про нихъ, навѣрное, больше не станешь!» Развязывая кучера, онъ сказалъ: «Но не приведи Богъ тебѣ сказать что-нибудь подобное; снялъ бы шкуру съ тебя и посыпалъ солью»! Занималась заря. Общими силами они снесли впавшаго въ забытье,

измученнаго вамиша на повозку. Кодрянъ далъ всѣмъ денегъ и велѣлъ везти поскорѣе вамиша, куда ему было нужно (с. Бутучены, Оргѣевскаго у.; отъ Іона Гиленскаго).

Въ этомъ разсказѣ характерны тѣ слова, съ которыми гоцъ обращается къ бѣдняку. Еслибы и бѣднякъ плохо отозвался о немъ, то вся идея, весь смыслъ существованія гоца, его дѣятельности пропалъ бы. Еслибы и бѣднякъ не понялъ его цѣли, его задачи, то все напрасно: падаетъ *сама идея гоца* и онъ уничтоженъ въ своихъ же глазахъ.

Такимъ образомъ, гоцъ раздастъ бѣднякамъ всѣ деньги, по большей части просто взятыя у богатыхъ; мало того, онъ заботится и о томъ, чтобы деньги эти шли впрокъ, не пропивались. Замѣчательно, что гоцъ—страшилище для богатыхъ, у котораго рука не содрогается при убійствѣ, который твердымъ внушающимъ голосомъ заставляетъ богатыхъ повиноваться ему,—что тотъ самый гоцъ—добръ, обходителенъ съ бѣдняками; мало того, онъ ласковъ до женственности и заботится до мелочей о бѣднякахъ съ необыкновенной нѣжностью. Одинъ разсказъ ярко рисуетъ истинно-христіанскую душу гоца.

Пасхальная ночь. Церковь залита огнями, идетъ торжественная служба. Позади всѣхъ, у стѣны стоялъ высокій, красивый гоцъ Тобольтокъ и молился. Онъ замѣчаетъ возлѣ себя бѣдно одѣтую женщину съ утомленнымъ, блѣднымъ лицомъ и возлѣ нея—худенькую, жалкую дѣвочку. Женщина убита горемъ, равнодушно смотритъ впередъ. Тобольтокъ спрашиваетъ ее, почему она такъ грустна въ такой праздникъ. Женщина вздохнула и со слезами разсказала печальную исторію, какъ два года тому назадъ мужъ ея утонулъ во время ледохода въ Днѣстрѣ, а она осталась съ кучей малыхъ дѣтей безъ гроша; здоровье у нея слабое, дѣти хвораютъ, и вотъ живутъ они впроголодь и въ холодной хатѣ. Тобольтокъ спросилъ, гдѣ ея хата, и вышелъ изъ церкви. Онъ быстро прошелъ всю деревню, вскочилъ на первую попавшуюся изъ пасшихся на лугу лошадей и помчался къ помѣщичьей усадьбѣ, лежавшей верстахъ въ четырехъ отъ того села. Когда онъ подъѣхалъ къ помѣщичьему дому, блиставшему огнями, на него бросились собаки, но онъ разогналъ ихъ нагайкой. Онъ смѣло вошелъ въ освѣщенную залу, гдѣ за накрытымъ пасхальнымъ столомъ сидѣла уже вся семья помѣщика и много веселящихся, шумѣвшихъ гостей. «Я—Тобольтокъ», — сказалъ онъ твердымъ спокойнымъ голосомъ,—«но вы не бойтесь: я пришелъ немного пооблегчить вашъ столъ». Затѣмъ онъ снялъ скатерть, насыпалъ на нее со стола всего по немногу, связалъ ее, взвалилъ на плечи и вышелъ, сказавъ: «скатерть вы получете на-дняхъ. За все—большое спасибо!» Паническій ужасъ такъ поразилъ всѣхъ, что никто не могъ ничего ни сказать, ни двинуться съ мѣста. Даже слуги, вошедшіе для того, чтобы убрать Тобольтока, остолбенѣли.

Также быстро Тобольтокъ добрался до села, слѣзъ съ лошади, отыскалъ хату бѣдной вдовы, вошелъ въ нее, зажегъ привезенныя съ собой свѣчи и убралъ по-пасхальному столъ. Проснувшіяся дѣти были очень рады доброму незнакомцу и неожиданному угощенію. Когда вдова, послѣ окончанія службы, подходила къ своему дому съ тяжелой мыслью, что нечѣмъ будетъ даже разговѣться, она къ ужасу замѣчаетъ яркій свѣтъ въ окнахъ своей хаты. Она рѣшила, что это не ея хата, и прошла дальше. Затѣмъ, убѣдившись, что она не обманулась, снова вернулась и рѣшилась войти въ хату. Когда она вошла, ей представилась такая картина. На лавкѣ сидитъ незнакомецъ, говорившій съ ней въ церкви, и кормитъ самого маленькаго мальчика. Остальныя дѣти сидятъ вокругъ него и разговляются (с. Боюканы, предмѣстье Кишинева; отъ Елисаветы Баланарь).

Интересно, что этотъ трогательный разсказъ записанъ со словъ женщины. Разсказчица прибавляла, что Тобольтокъ далъ вдовѣ еще денегъ и неразъ помогалъ ей впослѣдствіи. Объ этомъ узнала полиція и подстерегала его у дома вдовы, но все было безуспѣшно. Тогда кто-то изъ полиціи предложилъ вдовѣ большую сумму денегъ, гораздо больше, чѣмъ могъ дать ей гоцъ. Вдова не устояла и выдала Тобольтока, котораго поймали и гдѣ то казнили.

Это прибавленіе не вяжется съ самимъ разсказомъ. Не есть ли это намекъ на то, что *при жизни* разбойники не всегда понимались даже самими бѣдняками. Наконецъ, идея этого прибавленія, быть можетъ, самая общая, а именно, что за добро *обыкновенно* платятъ зломъ.

Народный разсказъ сочувственно относится къ своимъ героямъ. Онъ не позволяетъ полиціи поймать героя, а заставляетъ его всякій разъ ловко уйти изъ самыхъ крѣпкихъ запоровъ и, переставъ разбойничать и покаявшись, въ глубокой старости умереть своею смертью. Когда положеніе гоца совсѣмъ ужъ безвыходное: онъ въ темницѣ, стража окружаетъ ее, слѣдитъ за гоцомъ, и убѣжать нѣтъ ровно никакой возможности,—народный разсказъ призываетъ на помощь чудесный элементъ. Гоцу снится во снѣ потайной выходъ, чудодѣйственныя слова и заговоры, и онъ спасается. Одна пѣсня поэтично рисуетъ картину спасенія гоца, заключеннаго въ темницѣ, слезами трехъ сестеръ и матери его:

Фрўндзы вéрди падурéц.
О лелё, фрáти рызлéц!
Кум те-душь, ши ну ни-ведзь,
Кум ти плынг сорбарили
Пи тоати кэлърили.
Те плынжé шея май мáри
Ку пър гáлбын ши скинáри;
Кум те плыньжи мижлошіи
Ку пъру пън ын кълкыи,
Кум те плынжи шея мúкы,
Фрунз'ын кóдру сы дишпикы.
Кум те плынжи майкулица
Сы дишпикы ши темн'ца

„Зеленый листъ лѣсной яблони. О милый, разлученный съ нами братъ! Съ тѣхъ поръ какъ ты ушелъ, ты насъ не видишь. Ты не видишь, какъ по всѣмъ тропинкамъ оплакиваютъ тебя твои

сестры. Тебя оплакиваетъ старшая сестра, съ русыми косами, спускающимися по спинѣ. Какъ оплакиваетъ тебя средняя сестра, съ косами до самыхъ пятокъ. Когда оплакиваетъ тебя младшая сестра, тогда разступается зелень лѣсовъ. Когда оплакиваетъ тебя матушка, раскрывается и темница". Съ гоца падаютъ цѣпи, онъ выходитъ на волю и мчится къ ожидающей его семьѣ (с. Боюканы, отъ Елисаветы Баланарь).

Въ этой пѣснѣ, какъ нельзя лучше, выражена мысль о силѣ материнскихъ слезъ. Слезы матери всесильны.

Въ другой пѣснѣ мать оплакиваетъ раненнаго гоца:

„На высокую гору взбирается окованный желѣзомъ возъ съ раненнымъ гайдукомъ. А возлѣ повозки идетъ мать гайдука: она все плачетъ да плачетъ, вытираетъ его раны отъ крови и все повторяетъ, обращаясь къ воламъ: „со слезами прошу я васъ, везите потише, такъ какъ на возу—мой бѣдный раненный сынъ". Волы идутъ покачиваясь, а войникъ вздыхаетъ: „уходи матушка, съ счастьемъ, а меня оставь здѣсь съ несчастьемъ (съ огнемъ), такъ какъ теперь даже мать не можетъ выхватить меня у смерти! Прежде я былъ невредимъ, прошелъ много разныхъ путей, многихъ перерѣзалъ, для того чтобы *очистить* землю, а теперь пришла и моя очередь, чтобы пойти мнѣ, подобно мысли, пойти мнѣ отсюда туда, гдѣ мука (рум. robota, слав. робота) въ огнѣ (V. Alexandri. Poesiĭ poporale. Buc. 1894, стр. 122 и 123-я).

Среди бессарабскихъ молдованъ ходитъ очень много пѣсенъ, авторами которыхъ называютъ извѣстныхъ гоцовъ. Но характернаго чего нибудь въ подобныхъ пѣсняхъ найти нельзя: та же пастушеская тихая любовь, которая служитъ темой для большинства молдавскихъ пѣсенъ. Въ этихъ пѣсняхъ одно только можно замѣтить: гоцамъ приписываются пѣсни лучшія по содержанію, по глубинѣ чувства, и болѣе красивыя по внѣшности. (Эти пѣсни будутъ указаны въ общемъ собраніи молдавскихъ пѣсенъ).

Уже давно было замѣчено, что гоцкія или гайдуцкія пѣсни самыя лучшія и содержательныя (А. Защукъ. Матеріалы для географіи... Бессарабская область. С.-ПБ. 1862, стр. 491-я). Не считая отрывковъ изъ цѣльныхъ поэмъ, отрывковъ повѣствовательнаго содержанія, въ числѣ гоцкихъ пѣсенъ слѣдуетъ указать на лирическія пѣсни или „дойны". Дойна—это общее названіе для пѣсни (сравн. литовск. *дайн*), и этимъ словомъ можно назвать любую пѣсню изъ трехъ видовъ: *дор*—любовная скорбь, *драгосте*—любовь, и *жале*—грусть общаго характера. Но подъ словомъ „дойна" молдованинъ скорѣе всего пойметъ одну изъ гоцкихъ пѣсенъ, совмѣстившихъ въ себѣ къ тому-же еще два элемента, необходимые въ молдавскихъ пѣсняхъ: пастушескій и любовный. Дойна, по увѣренію молдованъ,—національная пѣсня; она сложилась, по всей вѣроятности, среди жителей горъ сѣверной Молдавіи (Мунтеній), или собственно Валахіи, и живетъ въ средней,

лѣсной полосѣ Бессарабіи, извѣстной у молдованъ подъ именемъ „Лѣсовъ“ (Кỏдрій). Такимъ образомъ, подъ дойной понимаютъ извѣстную пѣсню отъ лица гоца: варіантовъ дойнъ очень много, но самая типичная между нѣсколькими собранными дойнами— слѣдующая:

Фру́ндзы ве́рди ш-ё съмы́нцы.
Ле́лицо, лелё Мари́цо!
Албы ла пели́цы,
Ня́гры ла коси́цы,
Гу́ргуи ла цы́цы,
А-ба́дій драгу́цы!
Я май дзы дин фру́пдзы,
Кум дзышéй а-са́ры
Пи супт марджіоа́ры.
Пи дин жёс ди моа́ры.
Я май дзы ши ясъ-да́ты
Ти ру́пи ши ше́я бука̀ты.
О лелё, ши вай ди ми́ни!
Быррр... гаря́м!
Кóдрули, кодря́нули!
О ній дра́гы Кóдрул дес,
Еў дин ти́ни н'ам сы ес,
Кы ди ку́жет ни с-о але́с,
К-ам ынтра́м тъ́нър фър ди мустя́цы,
Дар аму́ ынра́д ба́рбы ку рунтя́цы,
Н-ой мъ коноштé а-ка́сы...
О лелё, боля́к ди ми́ни!
Быррр... гаря́м.
Олтули, олтя́нули!
Кряск ар я́рбы ши дудъ̆
Пи ма́лул тъу,
Ка сы па̀скы ши Му́ргул меу;
Кы ди Ду́нъръ ши пън Прут
Му́ргул апы н-о бъу́т,
Ни́шь о я́рбы н-о паску́т.
О лелё ши вай ди ми́ни!
Быррр... гаря́м.
Супт шей пóалы ди кодр ве́рди
Ши зари́ ди фок сы ве́ди?
Дин дипа́рти—па́ркы за́ри,
Дар д'апрóапи—ый фок ма́ри.
Пин прежю́рул фóкулуй
Шъд гайду́ши кóдрулуй.
Ну штіу: зъ́ши орь шиншьспръ́ши
Пи́шти су́ты ну май тръ́ши,
Ши мел фри́гу п-ё бербе́шюл.
Ну мел фри́гу, кум сы фри́жи,
Дар мел ынтóрк пи кырли́жи
Ши мел чюче́ск пи белшю́жи.
О лелё, боля́к ди ми́ни!
Быррр... гаря́м.
Кóдрули, кодря́нули!
Я май ла́сы ц пóалили,
Сы мя кóпырь а́рмили,
Кы ди-кынд л'ам кумпъра́т,
Нишь он бан н-ам кышлига́т.
Ш'ам ынтра́т ты́нер копки́л,
Дар аму́ ыс май мулт ботры́н.
О лелё, лелё, лелё!
Быррр... ойцы!
„ драгу́цы!
„ гаря́м!

„Зеленый листъ и одно сѣмя. Милочка моя, милая Марія! съ бѣлой кожицей, съ черной косой и твердыми грудями, моя (братца) дорогая! А-ну-ка, спой мнѣ пѣсню, какъ пѣла ты вечеромъ надъ обрывомъ, внизу подъ мельницами; а-ну-ка спой мнѣ еще разъ и порви и тотъ кусокъ (отъ меня, который остался). О, милая моя, и горе мнѣ! О лѣсъ, о житель лѣсовъ! Дорогой мой густой лѣсъ; я не выйду изъ тебя, потому что судьба предназначила мнѣ войти (въ тебя) молодымъ безъ усовъ; а теперь я брѣю бороду бритвой. Меня не узнаютъ до́ма. О милая, зазноба (болѣзнь моя)! О Олтъ, о житель Олта, рости бы по твоему берегу травѣ и бурьяну, чтобы гнѣдой мой пасся; потому что отъ Дуная и до самаго Прута онъ не пилъ воды и не ѣлъ травы. О милая, и горе мнѣ! Что за зарево огня виднѣется подъ навѣсомъ зеленаго лѣса?---издали, какъ будто огонекъ; а вблизи—огонь большой. Вокругъ костра сидятъ гайдуки лѣсовъ. Не знаю: десять ихъ или пятнадцать, но (число ихъ) не перевалитъ черезъ сотню. И жарятъ они барана. Не жарятъ они, какъ обыкновенно это дѣлается, но выворачива-

ютъ его на крючьяхъ и крутятъ его на кольцахъ. О милая, зазноба моя! О лѣсъ, о житель лѣсовъ! А ну-ка опусти свой навѣсъ и прикрой мое оружіе, потому что я не заработалъ ни одного гроша, съ тѣхъ поръ какъ купилъ его. И вошелъ я (въ тебя) молодымъ мальчикомъ, а теперь я—глубокій старикъ. О милая, милая, милая. Брррр... овечка, дорогая! (с. Чучулены, Кишиневск. у.; отъ Василія Черешни, 35-ти лѣтъ; отъ него же записанъ и мотивъ дойны).

Въ этой красивой дойнѣ многое можетъ остаться непонятнымъ безъ слѣдующихъ объясненій:

Строка. 1. *Фрундзы верди.* Такимъ обращеніемъ къ „зеленому листу" начинаются всѣ молдавскія пѣсни. Обыкновенно къ слову „фрундзы" прибавляется названіе растенія, напримѣръ: фрундзы керди стынжиней=зеленый листъ тополя; ф. в. барабой=з. л. долокольчика; ф. в. поамы нягры=з. л. чернаго винограда; ф. в. ди овъс=з. л. овса; ф. в. ди брѫндушь=з. л. подснѣжника; ф. в. ди олунь=з. л. (лѣсного) орѣшника: ф. в. ди тютюн=з. л. табака; ф. в. зарзъреш=з. л. абрикосоваго дерева; ф. в. падурец=з. л. лѣсной яблони; ф. в. ди мър дульши=з. л. сладкаго (садоваго) яблока; ф. в. ярбы грасы=з. л. „полной" травы; ф. в. ди пелин=з. л. полыня и мн. др. Всѣ приведенныя обращенія — самыя обычныя въ молдавскихъ пѣсняхъ. Интересно, что современнымъ авторамъ народныхъ пѣсенъ обращенія къ такимъ „простымъ" растеніямъ не нравятся; поэтому, пѣсни свои они начинаютъ такими обращеніями: ф. в. алъмыи=з. л. лимона; ф. в ди гранат=з. л. граната; ф. в. мъргъринтъ=з. л. маргарита; ф. в. ди чикоаре=з. л цикорія; ф. в. ди кафе=з. л. кофейнаго дерева; ф. в. ди мигдали=з. л. миндаля; ф. в. ди маслини=з. л. масличнаго дерева и т. п. Замѣчательно, что современемъ утрачивается первоначальный смыслъ обращенія къ царству растительному; въ то же время извѣстная архаичность не позволяетъ начинать пѣсни другимъ обращеніемъ. Поэтому, въ такихъ обращеніяхъ слово „листъ" остается, но соединяется не съ названіями растеній, такъ что получаются весьма курьезныя сочетанія, напримѣръ: ф. в. ди кетраш=з. л. камешка; ф. в. ди фынтыны=з. л. колодца; ф. в. ди пара=з. л. пары (назв. турецкой монеты); ф. в. солдз ди пешти=з. л. рыбьей чешуи; ф. в. ди топор=з. л. топора; ф. в. ди бардицы=з. л. топорика и др.

2. *Лелицо, лелё*—формы звательнаго падежа отъ слова *леля*= тетушка, почти не встрѣчающагося въ именительномъ падежѣ. Несомнѣнно, что это обращеніе славянскаго происхожденія и заимствовано уже въ готовой формѣ звательнаго падежа, скорѣе всего, изъ болгарскаго языка. Это обращеніе *лелё-лелицо* прибавляютъ къ собственному имени дѣвушки или молодой женщины; это слово не формальное обращеніе, но придаетъ оттѣнокъ ласки, нѣкоторой нѣжности: такъ, напр., во время спора или при разго-

ворѣ съ несимпатичной особой, это обращеніе не употребляется. Поэтому, весьма возможно, что это слово *лелё* одного корня съ русскимъ глаголомъ *лелѣять* Къ такому предположенію склоняютъ и другія молдавскія обращенія, несомнѣнно славянскаго же происхожденія; такъ, напримѣръ, къ мужчинамъ равнымъ говорящему лицу говорятъ *мой бре*, или болѣе глухо—*мъй бръ*. Нельзя-ли это обращеніе объяснять, какъ порчу славянскихъ формъ *мой брате*,—на что указываетъ уже А. Накко въ своей Исторіи Бессарабіи (ч. II-я, стр. 281-я)? Далѣе, къ старшимъ мужчинамъ говорятъ *бядя*, *бадей* (изъ бадя-гей), *бадика*; очень близки эти обращенія къ слову *дядя*; къ старикамъ говорятъ *мош*, *мошуле* (*ле* — опредѣленный членъ, который въ молдавскомъ языкѣ приставляется къ концу слова)=дѣдъ, дѣдушка,—одного корня съ словами *мочь*, *мощъ*, польск. mosci. А. Накко объясняетъ это названіе тѣмъ, что въ рукахъ стариковъ, какъ родоначальниковъ. сосредоточивалась вся власть (тамъ-же, стр. 161 и 162-я) Къ старухамъ и пожилымъ женщинамъ говорятъ *баба*; это слово означаетъ и *жена*; къ молодымъ женщинамъ—*невасты* (*невѣстка*); къ лицамъ начальнымъ — *бойер* = баринъ (слав. *боляринъ*, *бояръ*); къ лицамъ духовнымъ — *попа* (*попъ*): къ друзьямъ — *прійетен* (пріятель); *кумътри* (кумъ) и мн др.

3—6. *Албы ла пелицы* и т. д.—типичное описаніе молодой дѣвушки; весьма обычно въ молдавскихъ пѣсняхъ.

7. *Дзы дин фрундзы*, въ буквальномъ переводѣ=скажи, вырази *листомъ*. Это чрезвычайно красивая фигура, гдѣ *листъ* замѣняетъ *пѣсню*. Такъ-какъ всѣ почти молдавскія пѣсни начинаются обращеніемъ къ «листу», то такой оборотъ весьма возможенъ; и по обращенію, т. е. по части названа пѣсня, т. е. цѣлое.

14. *Бырр... гарям...*—междометіе; такими звуками пастухи гонятъ отставшихъ отъ стада овецъ. Изъ другихъ междометій съ такимъ же значеніемъ отмѣтимъ слѣдующія: воламъ — гъй гаря (впередъ), ца-ца и чала (направо), гойс-гъйс (налѣво), а-го-го-гого (чтобы остановились); собакамъ—ня-кучу (призываютъ; вторая его часть, несомнѣнно, отъ турецкаго *кучук*=собака), цыба (прогоняютъ); свиньямъ—гудзь-гудзь (подзываютъ), гудё брынкы (прогоняютъ); кошкамъ—кыц-мыц (призываютъ: вторая часть *мыца*= кошка), брыц (прогоняютъ); курамъ—пуй-пуй (*пуй*=цыпленокъ) и др.

15. *Кодрули*, *кодрянули*. Въ Бессарабіи „Кодрами" называютъ лѣса, покрывающіе Оргѣевскій уѣздъ (гербъ г. Оргѣева и его уѣзда—дерево, въ знакъ „обилія лѣсовъ". Полн. Собр. Зак. т. I, № 232-й). *Кодру* означаетъ вообще старый, дремучій, густой лѣсъ, а обыкновенно для обозначенія „лѣса" служитъ слово *падуря*. Такъ какъ въ Бессарабіи лѣса сохранились только въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, а остальная Бессарабія или безлѣсная или совершенно степная, то и названіе *кодрій* изъ нарицательнаго стало собственнымъ. Съ кодрами связано большинство разсказовъ

о гоцахъ. А „Кодрянами“ молдоване называютъ жителей Оргѣевскихъ лѣсовъ. Кодрями называется еще одна мѣстность въ Румыніи, въ Ясскомъ уѣздѣ; но къ „дойнѣ“ это названіе не имѣетъ отношенія.

24. *Олтули*, *олтянули*. Подъ названіемъ „Олтъ“ въ Румыніи существуетъ нѣсколько рѣчекъ и масса селеній. Но Олтъ, упоминаемый въ „дойнѣ“,—большая рѣка въ Румыніи, впадающая въ Дунай; свое начало Олтъ беретъ въ Трансильванскихъ Карпатахъ и протекаетъ чрезъ всю Валахію, принимая въ себя много притоковъ. Въ древности Олтъ назывался „Алута“. Долина р. Олта связана для румына съ важными для него событіями: съ этой долины переселился къ верховьямъ р. Дымбовицы Раду-Негру, основатель Валахскаго княжества въ 1241-мъ году (Н. С. Палаузовъ. Румынскія господарства стр. 22-я). Олтянъ—житель долины р. Олта, слѣдовательно—валахъ.

25. *Дудŭу* — дикое растеніе, по-русски „болиголовъ“ (франц. la siquë). Въ Бессарабіи есть нѣсколько мѣстностей, называемыхъ этимъ именемъ. Такъ напр., возлѣ с. Ворниченъ, по дорогѣ къ Кипріяновскому мон., есть небольшая площадка съ такимъ названіемъ—*Дудеу*. Съ такимъ же названіемъ существуетъ мѣстность въ Румыніи, въ Ясскомъ уѣздѣ.

27. *Мургул*—собственное имя лошади. Обыкновенно молдоване даютъ названія лошадямъ и воламъ по цвѣту шерсти: *мургул* собственно означаетъ *гнѣдую масть* лошади. Такъ большинство именъ для лошадей дается молдованами за ихъ масть, напр.: „Негру“=вороной, „Сур“=сѣрый, „Албу“=бѣлый, „Балан“=бѣлый, собств. блондинъ, „Цыган“=смуглый, черный, „Ройбу“=рыжій, собств. цвѣта лисицы, и др.

39. *Дзъши оръ шинчьспръши* и т. д., дословно = не знаю: десять или пятнадцать; но до ста (число ихъ) не дойдетъ. Это извѣстный эпическій пріемъ въ молдавскихъ пѣсняхъ для того, чтобы выразить большое число; такъ что все это выраженіе слѣдуетъ понимать, какъ *эпическое число*.

43 и 44. Это все выраженіе слѣдуетъ считать необъяснимымъ; по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ передававшихъ „дойну“ не могъ его объяснить. Во всякомъ случаѣ, все выраженіе показываетъ, что гоцы жарятъ барана не обыкновеннымъ способомъ, а какъ-то особенно.

При нѣкоторомъ знакомствѣ съ нѣсколькими отрывками какихъ-то пѣсенъ про гоцовъ, является весьма важный вопросъ: нельзя ли считать эти отрывки частями цѣльныхъ гоцкихъ поэмъ? Покуда приходится отвѣтить на это отрицательно, такъ какъ болѣе цѣльная, законченная поэма существуетъ только про гоца Кодряна, самаго популярнаго и самаго симпатичнаго гоца. Эта поэма приведена въ нѣсколькихъ отрывкахъ у А. Защука (Матеріалы для геогр. и статист. Бесс. обл. т. I, стр. 492—493-я), взятая

имъ изъ какого-нибудь румынскаго изданія, такъ-какъ онъ не всегда даже вѣрно прочитывалъ румынскій текстъ, напр. *цел* вм. *чел* (рум. cel), *дуцем* вм. *дучем* (рум. ducem) и др. Отрывки приведенные у А. Защука касаются одного только эпизода изъ жизни Кодряна, а именно, гдѣ говорится, какъ Кодряна поймали и привели къ господарю, и ничѣмъ не связаны между собой. Такимъ образомъ, судя по этимъ отрывкамъ, можно было только предполагать, что о Кодрянѣ была когда-то поэма.

Нынѣшнимъ лѣтомъ записанъ новый текстъ цѣльной поэмы, содержаніе которой слѣдующее:

По улицамъ и переулкамъ г. Могилева гуляетъ гоцъ Кодрянъ. Его никто не узнаетъ: онъ въ широкой накидкѣ (мантѣ) и высокой пастушьей шапкѣ. Онъ ищетъ для себя коня, коня рыжаго, съ вьющейся шерстью. Онъ пробуетъ многихъ лошадей, но повкусу своему не находитъ. Сколько бѣгуновъ ему ни показывали, онъ бралъ ихъ за гриву и перебрасывалъ чрезъ кусты. Видитъ онъ, что не судьба ему найти такого коня. Беретъ онъ свой кистень (собств. болтъ) и идетъ въ долину, гдѣ проѣзжаютъ моканы (румыны-торговцы сѣв. Молдавіи) съ солью. Повстрѣчавшись съ ними, онъ говоритъ: „Добрая дорога, горецъ"! Моканъ его благодаритъ, называя „братцемъ Кодряномъ". Кодрянъ спрашиваетъ его, нѣтъ ли у него на-промѣнъ коня; а за него онъ предлагаетъ крестьянскую накидку и большой возъ съ солью, запряженный восмью волами. Моканъ отвѣчаетъ, что у него нѣтъ коня для продажи ему, такъ какъ тѣ же деньги ему дадутъ и въ Могилевѣ. Кодрянъ начинаетъ умолять мокана продать ему коня. Моканъ предлагаетъ гоцу попробовать его коня. Кодрянъ садится на коня и со смѣхомъ пускаетъ его впередъ. Моканъ кричитъ ему вслѣдъ, чтобы тотъ далъ ему условленную плату, но Кодрянъ ему отвѣчаетъ: „побей тебя крестъ! скажи, что ты подарилъ своего коня Кодряну. Я вернусь назадъ и, вмѣсто воза съ восмью волами, угощу тебя кулакомъ"—и мчится впередъ до самаго солнечнаго заката.

Къ вечеру Кодрянъ спускается въ долину и подъѣзжаетъ къ овчарнѣ. Всѣ пастухи испугались его гику и свисту и разбѣжались; одинъ только пастухъ остался у огня и представился больнымъ. Кодрянъ бранитъ его: „съѣли бы тебя волки! Чего ты представляешься? Вотъ я ударю тебя ятаганомъ и сниму голову, какъ годовалому зайцу. Встань и принеси мнѣ барашка, толстаго, молодого и кругленькаго!" Взявъ барашка, онъ ѣдетъ къ корчмѣ, тамъ пьетъ и любезничаетъ съ хозяйкой, красавицей съ большими глазами, а о расплатѣ и не думаетъ. Хозяинъ весь пожелтѣлъ и требуетъ отъ Кодряна денегъ. Кодрянъ денегъ ему не даетъ, а говоритъ: если онъ хочетъ остаться цѣлымъ, то пусть дастъ ему плоску (флягу) Одобештскаго лучшаго вина. На прощанье онъ цѣлуетъ хозяйку и уѣзжаетъ. Его лошадь приноситъ къ Яссамъ,

на холмъ Копоу, любимое мѣсто гоца. Тамъ онъ располагается въ тѣни, жаритъ барашка и устраиваетъ хорошій обѣдъ. Онъ ѣстъ, веселится и не думаетъ о сыщикахъ. А сыщики-арнауты подбирались къ нему въ травѣ. Кодрянъ замѣтилъ ихъ и поднесъ къ губамъ флягу съ виномъ, а арнауты ему говорятъ: „Кодрянъ, позволь намъ связать тебя; а не то, мы тебя изломаемъ!" Въ отвѣтъ на это, Кодрянъ предлагаетъ имъ раздѣлить съ нимъ его столъ: „мой барашекъ", говоритъ онъ, „жиренъ, а фляга полна". Арнауты стрѣляютъ въ гоца и ранятъ, но Кодрянъ вынимаетъ изъ своей раны пулю, заряжаетъ ею свое ружье и стрѣляетъ въ арнаутовъ; тѣ падаютъ и обливаются кровью. Но одинъ изъ нихъ, Леонтій—заряжаетъ свое ружье серебряной пуговицей и стрѣляетъ Кодряну прямо въ голову. Гоцъ падаетъ и арнауты его связываютъ.

Кодряна приводятъ въ Яссы къ господарю Ильяшу. Его вводятъ во дворецъ, гдѣ господарь въ кафтанѣ и въ чалмѣ стоитъ, опираясь на буздуганъ возлѣ цареградскаго грека. Слѣдуетъ воросъ съ многозначущимъ отвѣтомъ Кодряна (см. выше). Въ этой поэмѣ Кодрянъ продолжаетъ: «но стоитъ мнѣ только увидѣть грека, какъ во мнѣ что-то загорается и горитъ, пока я не срублю ему голову и выброшу ее чернымъ воронамъ». Услыхавъ это, тотъ грекъ, который стоялъ возлѣ господаря, сразу пожелтѣлъ, упалъ въ ноги на коверъ и сказалъ: «если бы Кодрянъ прожилъ еще хоть годъ, то вымелъ бы изъ страны всѣхъ грековъ. Господарь, Ваше Высочество! Ты не прощай Кодряна, такъ какъ онъ съѣстъ твою голову, зажжетъ весь городъ и украдетъ твою княгиню». Кодрянъ на это отвѣчаетъ: «Господарь, Ваше Высочество, ты не слушай этихъ грековъ, такъ какъ они сокращаютъ твою жизнь. Ковы грековъ—враждебны, языкъ ихъ — ядовитъ, а болѣзнь—прилипчива и проникаетъ до самыхъ костей. А если ты хочешь моей смерти, то позволь мнѣ хоть примириться съ Богомъ, позволь мнѣ исповѣдаться, приготовиться къ смерти и прослушать великую службу». Господарь позволяетъ это Кодряну и даетъ знакъ армашамъ (придворная стража) отворить двери.

Послѣдняя картина—Кодрянъ въ церкви. Онъ стоитъ въ притворѣ съ цѣпями на ногахъ. Священникъ служитъ и готовитъ его къ смерти. Кодрянъ умилился и вздыхая говоритъ: «батюшка, освободи мнѣ правую руку, чтобы мнѣ можно было перекреститься, поклониться и умереть православнымъ христіаниномъ"! Священникъ освободилъ его руку. Кодрянъ вынимаетъ изъ-за пазухи палашъ и разрываетъ имъ цѣпи. Арнауты въ ужасѣ доносятъ объ этомъ господарю и затворяются отъ Кодряна вмѣстѣ съ придворными. А Кодрянъ зоветъ своего коня-молодца, чтобъ онъ спасъ его изъ бѣды. Услышалъ конь голосъ своего хозяина и прибѣжалъ изъ яслей веселый, безъ сѣдла и безъ узды. Кодрянъ вскочилъ на него, перескочилъ чрезъ стѣну господарскаго двора

и пожелалъ господарю на-прощанье здоровья и счастья, «а я пойду разбойничать!» (с. Ворничены, Кишин. у.; отъ свящ. о. Өеофила Гепецкаго).

Незнакомство съ румынской литературой по этому вопросу не позволяетъ дѣлать какихъ-либо предположеній относительно существованія цѣльныхъ поэмъ. То же незнакомство не позволяетъ выдѣлить оригинальные бессарабскіе разсказы; возможность позднихъ заимствованій изъ румынскихъ преданій, что показываетъ напр. упоминаніе гоца Тунзы, гоца 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, подвизавшагося главнымъ образомъ возлѣ г. Букареста,— склоняетъ многое считать обще-румынскимъ, какъ напр. и приведенную поэму о Кодрянѣ. Гоцкіе разсказы послужили сюжетомъ для многихъ румынскихъ литературныхъ переработокъ, и лубочная народная литература въ Румыніи переполнена романами изъ жизни гоцовъ. Такимъ образомъ, эти работы могутъ дать новые взгляды на степень оригинальности бессарабскихъ преданій о гоцахъ и выяснить ихъ отношеніе къ румынскимъ, существованіе которыхъ несомнѣнно.

При собираніи и изученіи преданій о гоцахъ, сдѣлано небольшое, но чрезвычайно важное наблюденіе: всѣ разсказы про гоцовъ застаютъ своихъ героевъ уже настоящими «гоцами» и ни въ одномъ нѣтъ ни намека, почему герой его сталъ «гоцомъ». На такіе вопросы отвѣты давались самые разнообразные и самые обычные, очевидно, отъ самого же разсказчика: трудно было въ то время жить, не было правды, молодой душѣ хотѣлось пожить, развернуться и т. п. Только про одного гоца, а именно Бужора, старуха говорила, будто онъ сталъ гоцомъ вслѣдствіе несчастной любви къ одной красавицѣ, дочери знатнаго князя-боярина.

Далѣе, два раза пришлось слышать споръ разсказчиковъ между собой о національности гоца. Одинъ разъ спорилъ молдованинъ (Сорокскаго уѣзда) съ райяномъ (руснакомъ Хотинскаго у.) относительно Тобольтока, и каждый приписывалъ гоцу свою національность; другой подобный же споръ происходилъ относительно Барагана. А когда кто-то сказалъ, что онъ слыхалъ, будто Бараганъ былъ турокъ, молдованинъ обидѣлся. Все это говоритъ въ пользу той мысли, что память о гоцахъ дорога для молдованъ.

Память о гоцахъ живетъ еще въ играхъ у молдавскихъ дѣтей-сельчанъ. Игра въ гоца—самая любимая игра, самая занимательная и самая разнообразная. Обыкновенно роль гоца достается самому ловкому и сильному мальчику, а остальныя дѣти играютъ полицію, мирового, барина, стражу. Гоцъ грабитъ барина, его ловятъ, ведутъ на судъ; затѣмъ сажаютъ въ тюрьму, откуда онъ долженъ убѣжать. Тогда игра начинается снова. Но гоцъ въ народныхъ играхъ привлекаетъ дѣтей своей внѣшней стороной, а самая идея гоца, его смыслъ какъ будто уже утрачивается. Такъ, напримѣръ, въ дѣтскихъ играхъ не встрѣчалось роли бѣдняковъ.

Затѣмъ, память о гоцахъ находимъ въ преданіяхъ о кладахъ, названіяхъ пещеръ и нѣкоторыхъ урочищъ, главнымъ образомъ въ Оргѣевскомъ лѣсу.

О кладахъ гоцовъ молдоване разсказываютъ такъ. Денегъ у гоцовъ было всегда много; но всего они не раздавали, а зарывали въ землю про всякій случай. Интересно, что на вопросъ: «не прятали-ли гоцы деньги для того, чтобы подкупить стражу, когда имъ грозила смерть»,—разсказчикъ отвѣчалъ, что гоцы *были увѣрены*, что ихъ не казнятъ, и что судьба ихъ выручитъ изъ всякой бѣды. Деньги эти закапывались обыкновенно въ горшкѣ (оалы) или кожаномъ мѣхѣ (капры, собств. коза). Мѣста для кладовъ выбирались по большей части типичныя: на опушкѣ лѣса, на востокѣ, у одной изъ трехъ примѣтъ, напр. колодца, камня, дерева и т. п. При закапываніи кладовъ, на него налагались заклинанія: кто его откопаетъ и завладѣетъ имъ, къ тому перейдутъ всѣ грѣхи не только самого гоца, но и всѣхъ тѣхъ, отъ кого деньги эти взяты. Впрочемъ, эти заклинанія назначались иногда на нѣсколько лѣтъ; проходилъ назначенный срокъ, и кладомъ можно воспользоваться безъ страха и безъ дурныхъ послѣдствій. И вотъ, по Бессарабіи ходитъ множество преданій о кладахъ, зарытыхъ гоцами, такъ что нѣкоторыя мѣстности называются «комоары», т. е. кладъ; но копать эти клады молдоване не рѣшаются, такъ какъ «до срока» клады охраняются нечистыми духами.

Вотъ тѣ пещеры по берегамъ Днѣстра и Реута, которыя связаны съ именами гоцовъ:

I. *Бакирева пещера* возлѣ г. Сорокъ, въ одной верстѣ на югъ отъ города. Въ ней, говоритъ преданіе, скрывался разбойникъ Бакиръ, отъ имени котораго она и получила свое названіе. Пещера подробно описана, вмѣстѣ съ относящимися къ ней преданіями въ Бессарабскомъ Вѣстникѣ (А. И. Яцимирскій. Древности по берегамъ Днѣстра. V, 1893 г., № 958 и 968-й «Бакирева пещера въ г. Сорокахъ»). Эта пещера представляетъ собой небольшую молельню, описанную такъ: «красивая дверь закругленная вверху, ведетъ въ небольшую четыреугольную пещеру. Предъ дверьми — невысокій порогъ; все изъ камня и сохранилось довольно хорошо... Сейчасъ налѣво у входа—очагъ, за нимъ въ стѣнѣ—углубленіе для огня. Это уже правильная печка; вверху печки—отверстіе для дыма... Направо, подъ окномъ оставленъ четыреугольный камень для сидѣнья. Правая стѣна на всемъ своемъ протяженіи въ верхней половинѣ уставлена нѣсколькими колонками, красиво высѣченными изъ той же скалы, съ гармоничными капителями вверху. Капители прямо упираются въ низкій потолокъ. При жизни отшельника, между колонками стояли иконы, теперь—только мѣста для нихъ, и вырѣзаны кресты. Надъ иконами—отверстія для гвоздей, на которыхъ висѣли лампадки». Судя по преданіямъ, въ этой пещерѣ жилъ впослѣдствіи отшельникъ.

II. *Борта* (древн.-русск. борть=дупло) *гоцулуй*, т. е. пещера (первон. *дыра*) гоца въ с. Мерешевкѣ, на берегу р. Днѣстра въ Сорокскомъ уѣздѣ, на сѣверъ отъ г. Сорокъ, недалеко отъ большой разсѣлины въ скалѣ, извѣстной подъ именемъ «Борта некуратулуй», т. е. пещера нечистаго.

III. *Пештеръ гоцулуй* — въ Цыбовскомъ, иначе въ Городиштянскомъ скитѣ, на р. Днѣстрѣ, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ. Весь этотъ скитъ высѣченъ въ скалѣ и напоминаетъ собой, конечно въ миніатюрѣ, извѣстные пещерные города въ Крыму. Пещера гоца—одна изъ крайнихъ пещеръ на сѣверъ отъ храма, одна изъ тѣхъ пещеръ, которыя обваливаются все больше и больше, такъ что отъ нѣкоторыхъ остались только альковы. Краткое описаніе и изображеніе этого скита у П. Н. Батюшкова. (Бессарабія. Спб. 1892 г., стр. 29, Приложеніе стр. 65—66).

IV. *Пештяръ талгарюлуй*, т. е. пещера вора—одна изъ южныхъ пещеръ скальнаго заброшеннаго монастыря въ с. Соколы, на берегу Днѣстра, Оргѣевскаго уѣзда. Эта пещера, говорятъ, была келліей въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ для покаявшагося разбойника. Интересно, почему слово «гоцъ» замѣнено браннымъ словомъ «талгарь», которое имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ? Несомнѣнно одно, а именно, что на эту замѣну могли повліять монахи, для которыхъ всякій гоцъ является преступникомъ.

V. Недоступная *пещера* надъ скальной церковью *въ с. Бутученахъ*, на р. Реутѣ, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ. Объ этой пещерѣ существуетъ четыре преданія и самое распространенное изъ нихъ называетъ ее пещерой гоца, занесеннаго туда двумя орлами и тамъ умершаго Говорятъ также, что до сихъ поръ еще въ пещерѣ цѣлыя горы золота, которое свѣтится, если подъѣзжать ночью къ скалѣ со стороны с. Требуженъ.

Наконецъ, имена гоцовъ Кодряна, Тобольтока, Лопушняна и другихъ носятъ нѣкоторые овраги, ущелья, прогалины въ Оргѣевскомъ лѣсу. Проѣзжая нѣкоторыя мѣста этого лѣса, молдованинъ крестится; здѣсь, говоритъ онъ, былъ убитъ такой-то помѣщикъ и т. п. Далѣе, про извѣстную корчму «Ботну», на половинѣ дороги изъ г. Кишинева въ м. Ганчешты (на рѣкѣ Ботнѣ), ходитъ очень много разсказовъ: въ этой корчмѣ гоцы пировали, прятали деньги и грабили останавливавшихся богачей. Возлѣ корчмы на огородѣ, на юго-западъ отъ самой корчмы, есть три надгробныхъ камня безъ надписей; подъ ними, говорятъ, похоронены разбойники изъ шайки гоца Тобольтока. Въ такомъ же родѣ преданія существуютъ и относительно корчмы, теперь полуразрушенной, находящейся по правую руку Ганчештской дороги, при самомъ выѣздѣ изъ Кишинева. Не мало и другихъ свидѣтелей жизни гоцовъ разсѣяно и по другимъ мѣстностямъ Бессарабіи, пока не изслѣдованнымъ.

Если обратимся къ источникамъ письменнымъ, лѣтописямъ, то

найдемъ въ нихъ тоже не мало указаній и упоминаній о гоцахъ. Незнакомство съ румынскими лѣтописями не даетъ возможности составить историческій очеркъ «разбойничества», главнымъ образомъ, въ Молдавіи, исторія которой наполнена цѣлыми рядами мелкихъ войнъ, стычекъ, набѣговъ и возстаній, въ которыхъ фигурировали лица, очень похожія на гоцовъ. Восточные сосѣди Молдавіи—запорожскіе казаки и буджакскіе татары—дѣлали набѣги каждый почти годъ, такъ что лѣтопись отказывается отличать серьезныя нападенія ихъ отъ незначительныхъ, похожихъ на простые грабежи. Осколки этихъ войскъ-шаекъ, разбитыхъ въ бояхъ, бродили по странѣ, опустошали ее; во главѣ ихъ являлись атаманы. Это и былъ прототипъ чисто разбойническихъ шаекъ. Въ особенности часто это можно наблюдать въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ. А. Накко въ своей «Исторіи Бессарабіи» передаетъ со словъ лѣтописи такой отрывокъ: «въ правленіе Кантемира (1685—1693) Бессарабія и Молдавія видѣли множество разбойническихъ шаекъ, образовавшихся изъ бояръ, боярскихъ сыновей и ихъ служителей, которые въ предшествовавшія царствованія бѣжали въ Польшу и Венгрію. Эти шайки грабили разоряли и опустошали страну, истребляли и убивали жителей и довели ее до того, что она представляла картину небывалыхъ бѣдствій Чтобы очистить Молдавію отъ разбойниковъ, Кантемиръ поступалъ съ ними самымъ жестокимъ образомъ: однихъ сожигалъ живыми, другихъ четвертовалъ, третьимъ, наконецъ, рубилъ руки и ноги и оставлялъ ихъ умирать въ страшныхъ мученіяхъ; много погибло тогда разбойниковъ и трупы ихъ валялись цѣлыми кучами» (вып. II, стр. 317 и 318). Тамъ же мы находимъ свидѣтельство со словъ лѣтописца Некульчи, что при вступленіи на престолъ Николая Маврокордато (1709) страна была сильно разорена сосѣдями и въ особенности разбойничьими шайками (стр. 370 и 371). Еще въ XIX вѣкѣ, по словамъ Р. Куралеско, въ Букарестѣ была особая тюрьма для разбойниковъ, называвшаяся «Терзана» (Одесскій Альманахъ. 1840 г., стр. 45 и слѣд.).

Здѣсь весьма кстати отмѣтить любопытный фактъ. Въ извѣстномъ шутливомъ «Отвѣтѣ» Запорожцевъ турецкому султану, давшемъ сюжетъ для картины художника И. Е. Рѣпина, среди курьезныхъ эпитетовъ, даваемыхъ казаками султану, встрѣчаемъ эпитетъ «*мультанскій разбойникъ*». Присматриваясь къ другимъ эпитетамъ въ этомъ «Отвѣтѣ», мы находимъ въ нихъ немало этнографическихъ прозвищъ, а многія среди нихъ удивительно удачны Не указываетъ ли этотъ фактъ на то, что разбойничество,—конечно, понимая это слово въ его первоначальномъ смыслѣ,—безпокоило Валахію XVII вѣка и что за валахскими разбойниками настолько укрѣпилась дурная репутація, что слова «мультанскій разбойникъ» могли получить смыслъ эпитета, если не постояннаго, то во всякомъ случаѣ—весьма мѣткаго.

Такимъ образомъ, вмѣсто историческаго очерка, можно сдѣлать только краткій перечень отдѣльныхъ гоцовъ, имена которыхъ фигурируютъ въ разсказахъ современныхъ бессарабскихъ молдованъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно очень малое, а имена встрѣчаются только въ варіантахъ къ тому разсказу, который можетъ быть названъ типичнымъ и обычнымъ и канва котораго приведена нами раньше. Нѣкоторые изъ гоцовъ потеряли свои фамиліи и извѣстны подъ тѣми прозвищами, которыя даны имъ самимъ народомъ или товарищами; такъ что это какъ-бы «псевдонимы» ихъ. Для примѣра можно взять фамилію гоца Урсу, которая, собственно по-молдавски значитъ «медвѣдь» и, по одному разсказу, дана какому-то гоцу-малороссу молдованами Бессарабіи за его неуклюжую фигуру. Относительно нѣкоторыхъ фамилій трудно рѣшить: прозвища ли мы имѣемъ или настоящія фамиліи, напримѣръ: Кодрянъ собственно значитъ «житель лѣсовъ, залѣшанинъ», Лопушнянъ—житель с. Лопушны или прежде бывшаго Лопушнянскаго уѣзда, Бакиръ по-турецки значитъ «скала» (бэхэр), Бужоръ—имя нѣсколькихъ селъ въ Бессарабіи и очень многихъ въ Румыніи, Тундза—стрижка, руно, постриженная шерсть овецъ, Бараганъ—названіе огромнаго луга въ Румыніи, въ округѣ Яломицы, между рр. Яломицей и Дунаемъ, Грозеско—въ корнѣ своемъ имѣетъ слово, существующее въ молдавскомъ языкѣ съ такимъ же значеніемъ, какъ и въ русскомъ «гроза, грозный» и т. д. Съ другой стороны, нѣкоторыя изъ этихъ фамилій-прозвищъ существуютъ и теперь между бессарабскими молдованами; нѣкоторыя, напр. Кодрянъ, очень даже распространены, а изъ фамиліи Лопушняновъ извѣстны молдавскіе господари. Вотъ списокъ гоцовъ, упоминающихся въ слышанныхъ и записанныхъ разсказахъ; списокъ, сдѣланъ въ возможно-хронологическомъ порядкѣ.

I. Кодрянъ—первой половины XVII вѣка. Относительно времени его жизни существуетъ два мнѣнія; второе изъ нихъ, высказанное А. Защукомъ, не основано ни на чемъ (Матеріалы. I. стр. 492 я). Во всѣхъ пѣсняхъ указывается прямо, что Кодрянъ появляется въ Могилевѣ въ княженіе господаря молдавскаго Ильяша. Несомнѣнно, это—господарь Александръ V Ильяшъ, княжившій два раза: въ 1620—1622-мъ гг. и въ 1632-мъ году (А. Накко. Исторія Бессарабіи, Списокъ господарей, стр. 446-я), такъ какъ другихъ Ильяшей во всемъ спискѣ не встрѣчается. А. Защукъ говоритъ, что Кодрянъ появился «во время правленія въ Молдавіи Матвея Гики», слѣдовательно въ срединѣ XVIII вѣка (1753—1756); на чемъ основаны его слова, неизвѣстно. Свидѣтельство самой пѣсни оправдывается еще тѣмъ соображеніемъ, что для того, чтобы Кодрянъ могъ сдѣлаться такимъ общенароднымъ героемъ, необходимо немало времени.

Кодрянъ—самая симпатичная и, въ тоже время, самая могу-

чая и типичная личность. Ему приписываются лучшія, самыя грустныя пѣсни, и только о немъ одномъ мы знаемъ пока болѣе цѣльную поэму. Молдавскія преданія привязываютъ Кодряна къ „Кодрамъ“, къ лѣсамъ Оргѣевскаго уѣзда, откуда онъ почти-что и не выходилъ. О жизни его извѣстно очень мало; одинъ старикъ говорилъ, что Кодрянъ—княжескаго рода, выходецъ изъ Буковины, бѣжалъ изъ Яссъ отъ придворныхъ интригъ, былъ гоцомъ въ „Кодрахъ“ и окончилъ жизнь свою въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей (Ганчешты, Нигалаки Шёры).

II. Дѣтинка—второй половины XVII вѣка. Народный разсказъ прямо называетъ его малороссомъ и казакомъ. Когда въ Молдавіи, въ княженіе господаря Георгія I Стефана (1654—1658), уничтожены были „коренныя“ войска, Дѣтинка, по всей вѣроятности служившій въ молдавскомъ войскѣ, собралъ шайку, съ которой грабилъ сѣверную Бессарабію, преимущественно Хотинскій уѣздъ (А. Накко. Исторія Бессарабіи II, стр. 304-я). Имя Дѣтинки упоминается въ двухъ „типичныхъ“ разсказахъ, записанныхъ въ Хотинскомъ же уѣздѣ. Одинъ разсказчикъ прибавлялъ, что Дѣтинка утонулъ въ Днѣстрѣ, спасаясь отъ преслѣдованія татаръ.

III. Френца — начала XVIII вѣка. Френца былъ атаманомъ большой шайки, грабившей восточныя границы Молдавіи, берега Прута; время его появленія современно княженію господаря молдавскаго Михаила Раковицы (1716 — 1718). Вѣроятно, разбойники изъ его шайки переходили рѣку и являлись въ нынѣшней Бессарабіи. Во время безпорядковъ, наполняющихъ собой время княженія этого господаря, во власти Френцы находилась нѣкоторое время знаменитая Нямецкая лавра въ Карпатахъ, въ сѣверной Молдавіи(А. Накко. Исторія Бессарабіи. II, стр. 375-я). Его называютъ молдованиномъ; разсказъ о немъ записанъ въ Белецкомъ уѣздѣ.

IV Величко—современникъ Френцы. Въ шайкѣ Френцы, въ то время какъ онъ владѣлъ Нямецкой лаврой, кромѣ трансильванцевъ, было много молдованъ, которыми предводительствовалъ Величко. Пользуясь общими безпорядками во всемъ княжествѣ, разбойники рѣшились напасть на самого господаря; но господарь заперся въ какой-то крѣпости и нападеніе разбойниковъ окончилось неуспѣхомъ. «У воротъ дворца», оканчиваетъ это извѣстіе А. Накко, «стояли постоянно висѣлицы, на которыхъ каждый день вѣшали разбойниковъ за ноги, головами внизъ и заставляли палачей бить ихъ плетьми; изъ-за этихъ постоянныхъ казней бояре не могли проходить въ ворота дворца»(тамъ же, стр. 275—277-я). Имя его упоминается въ одномъ разсказѣ, записанномъ въ Кишиневскомъ уѣздѣ, и въ одной дѣтской игрѣ «въ гоца».

V. Лопушнянъ—второй половины XVIII вѣка. Разсказчики говорятъ, будто его шайка грабила Лопушнянскій уѣздъ (нынѣшнее с. Лопушна, Кишин. у., было прежде уѣзднымъ городомъ); но это,

вѣроятно, вымышлено самими же разсказчиками на основаніи совпаденія его фамиліи съ мѣстнымъ названіемъ. Другіе разсказы, что болѣе правдоподобно, считаютъ с. Лопушну его родиной; впрочемъ, какъ сказано раньше, Лопушняны—большая и знатная фамилія въ Молдавіи; изъ этой фамиліи происходилъ господарь Александръ IV Лопушнянъ, княжившій въ началѣ второй половины XVI вѣка два раза. По однимъ разсказамъ, Лопушнянъ былъ цыганъ, а въ началѣ кралъ даже лошадей и не былъ „настоящимъ" гоцомъ; по другимъ, пограбивъ около 20 лѣтъ, онъ покаялся, отправился пѣшкомъ въ Іерусалимъ на поклоненіе и на дорогѣ былъ замученъ турками. Одну рекрутскую пѣсню, по всей вѣроятности, довольно поздняго происхожденія, приписывали Лопушняну.

VI. Бакиръ—конца XVIII вѣка. Этотъ гоцъ грабилъ преимущественно въ Сорокскомъ уѣздѣ, гдѣ сохранилась о немъ даже вещественная память—пещера возлѣ г. Сорокъ (о ней см. выше. Въ этой пещерѣ онъ долго скрывался отъ преслѣдованія чаушей и убивалъ, бросая изъ пещеры камни, всѣхъ подходившихъ къ ней, съ цѣлью взять его. Святость мѣста (раньше въ этой пещерѣ жилъ святой отшельникъ, который ее и вырубилъ) спасла Бакира, и однажды, пользуясь темнотой ночи, онъ переправился чрезъ Днѣстръ и скрылся гдѣ-то въ Россіи. Теперь эта пещера извѣстна подъ именемъ Бакиревой и Бэхеревой; нѣкоторые «Бэхеръ» считаютъ именемъ этого отшельника. Старики, на основаніи разсказовъ своихъ отцовъ, помнятъ уже около 100 лѣтъ эту пещеру пустой. Говорятъ, что тѣнь гоца бродитъ и теперь возлѣ пещеры и часто можно видѣть ее по дорогѣ изъ Сорокъ въ Кишиневъ, особенно ночью.

VII. Василій Великій—конца XVIII вѣка. Разсказы бессарабскихъ молдованъ знаютъ его подъ именемъ «Васыли шел мари» т.-е Великаго, но, упоминая въ нѣсколькихъ разсказахъ только его имя, ничего не говорятъ о его жизни. Поэтому, весьма вѣроятно, что Василій болѣе фигурировалъ въ Молдавіи. Его характеристику мы находимъ у одного румынскаго писателя, поэта Константина Негруцци (1808—1869) и, между прочимъ, переводчика А. С. Пушкина. Онъ рисуетъ Василія Великаго человѣкомъ очень жестокимъ и гордымъ; его оружіемъ былъ большой топоръ, которымъ онъ разсѣкалъ на двѣ половины всѣхъ, кого ни встрѣчалъ (?), помѣщика, купца, мужика. И при такомъ кровавомъ звѣрствѣ онъ считалъ смертнымъ грѣхомъ ѣсть мясо по средамъ и пятницамъ. «Однажды, разсказываетъ К. Негруцци, онъ забрался со своей шайкой въ домъ одного купца. Самого хозяина онъ разсѣкъ на двое своимъ топоромъ, закололъ хозяйку, а дѣтей вышвырнулъ въ окно. Разбойники разсыпались по всему дому и начали шарить подъ поломъ, подъ кроватями; одинъ изъ нихъ нашелъ горшокъ съ масломъ и съ голоду началъ ѣсть. Увидя это, Василій быстро выхватилъ горшокъ, разбилъ его и отвѣсилъ тяжеловѣсную поще-

чину разбойнику, нарушившему постъ: «проклятый паршивецъ», бранилъ онъ его,—«неужели ты не боишься Бога, что ѣшь скоромное въ среду?» (Dacia litterara, 2 изд. Яссы. 1859. стр. 91-я).

VIII. Бужоръ—конца XVIII и начала XIX вѣка. Говорятъ, что онъ уроженецъ с. Бужоръ, Бужорской волости, Кишиневскаго уѣзда, гдѣ и теперь еще живутъ его правнуки. К. Негруцци считаетъ его личностью болѣе поэтичной, чѣмъ былъ Василій. Онъ былъ не менѣе Василія жестокъ, щадилъ только женщинъ и дѣтей и не зналъ пощады для господъ и купцовъ. Бужоръ ходилъ по городамъ и селамъ, отыскивалъ бѣдняковъ и помогалъ имъ средствами, отнятыми у богатыхъ. Поэтому и память о немъ не погибла совсѣмъ, но живетъ въ распространенной пѣснѣ: «Зеленый листъ нагара (полевое растеніе)! Вотъ входитъ въ село Бужоръ. Мученіе и убійство священника, знатныхъ онъ ввергаетъ въ оковы... Пойдемте, парни, за мной; вѣдь я хорошо знаю въ лѣсу дорогу. Тамъ, въ долинѣ у источника двѣ дѣвушки моютъ ленъ. Бужоръ держитъ ихъ за руки. Тамъ, въ долинѣ у потока двѣ дѣвушки моютъ пшеницу. Бужоръ держитъ ихъ за таліи и т. д. (Dacia litterara, стр. 92-я) У И. П. Липранди въ его „Запискахъ" мы находимъ отрывокъ: „въ продолженіи войны 1806—1812 годовъ двое изъ бояръ—Катаржи и Канта—прославились только участіемъ въ разбояхъ, съ извѣстнымъ въ той странѣ грабителемъ Бужоромъ...; они доставляли въ помѣстьяхъ своихъ убѣжище разбойникамъ, и за это дѣлились добычею. Всѣ трое были казнены нами въ Яссахъ." (Краткій очеркъ этногр., полит., нравств. и воен. состоянія христ. областей турецкой имп. Придунайскія княжества, стр. 9-я). Въ Архивѣ сенаторовъ, временно управлявшихъ Бессарабіей въ 1806—12 годахъ, хранится дѣло объ убійствѣ 12-ти евреевъ около г. Бельцъ въ 1808 году шайкой Бужора (А. Нанко. Очеркъ гражданскаго управленія. Записки Одеск. Общ. Ист. и Древн. т. XI, стр. 3 и 27-я; по отдѣльному оттиску).

IX. Войку—начала XIX вѣка. Разсказчики помнятъ о немъ только то, что онъ былъ еще во времена турокъ, т.-е. до 1812-го года, и что грабилъ онъ въ Оргѣевскомъ уѣздѣ. Небольшая ложбина по «Оргѣевской» (изъ г. Кишинева) дорогѣ, между селами Иванча и Пересѣчина, называется «валя Войку», т.-е. долина Войку. По однимъ разсказамъ, онъ здѣсь похороненъ; по другимъ здѣсь онъ закопалъ три клада: золотой, серебряный и мѣдный (?); по третьимъ въ этой долинѣ была хата любовницы гоца, которой называютъ даже имя Заншира, т.-е. Земфира; по четвертымъ, наконецъ, въ этой долинѣ онъ зарѣзалъ цѣлую семью одного знатнаго молдавскаго боярa. О немъ именно прибавляли разсказчики, что, поступивъ на службу къ русскому царю, онъ былъ такъ страшенъ для турокъ.

По отрывку изъ одного стиховоренія, приводимому А. Защукомъ (этнографическая часть труда А. Защука—перепечатки изъ

статей г. Филатова и другихъ, о которыхъ онъ, впрочемъ, ничего не говоритъ). Этотъ отрывокъ передаетъ очень характерный отвѣтъ гоца Войку судьямъ, къ которымъ его привели. Гоцъ говоритъ: „Богатства вамъ я не отдамъ; вы Войку вѣдь все равно повѣсите и возьмете его червонцы, ихъ проиграете въ карты, израсходуете на экипажи или промотаете на женщинъ! Я спряталъ ихъ въ деревьяхъ, чтобы нашли ихъ бѣдные и купили себѣ воловъ да коровъ“. (Матеріалы, ч. I-я, стр. 493 и 494-я).

X. Урсулъ—начала XIX вѣка. А. Ѳ. Вельтманъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ“ говоритъ, что разсказы объ Урсулѣ внушили поэту мысль написать поэму „Братья разбойники“; впрочемъ Л. Н. Майковъ сомнѣвается, на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, чтобы Урсулъ подалъ эту мысль Пушкину (Историко-литературные очерки. СПБ .1895., стр. 120, 121 и 126-я). А. Вельтманъ подробно передаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Бессарабіи“ разсказъ о поимкѣ гоца Урсула со всей его шайкой въ Кишиневѣ. „Это былъ“, говоритъ онъ, „начальникъ шайки, составившейся изъ разнаго сброда войнолюбивыхъ людей, служившихъ гетеріи молдавской и перебравшихся въ Бессарабію отъ преслѣдованія турокъ послѣ Скулянскаго дѣла“. Урсула поймали и посадили въ тюрьму; смотрѣть на него съѣзжался весь городъ. „Это былъ образецъ звѣрства и ожесточенія; когда его наказали, онъ не давалъ лѣчить себя, лежалъ осыпанный червями, но не охалъ“. (тамъ же, стр. 201-я). Видъ скованнаго, гордаго и величаво-спокойнаго гоца подалъ мысль А. Вельтману написать цѣлый разсказъ, героемъ котораго является Урсулъ, передающій съ поэтическимъ воодушевленіемъ всю исторію своей жизни. Онъ говоритъ о своей неудачной любви къ Илянѣ, о коварствѣ сестры ея Роксанды, отравившей ее для того, чтобы выйти за Урсула. Пораженный холодностью Роксанды, Урсулъ бѣжитъ въ горы, попадаетъ въ шайку и дѣлается гоцомъ; затѣмъ онъ разсказываетъ нѣсколько эпизодовъ, лишенныхъ, правда, всякой характерности. (Сто русскихъ литераторовъ, т. II-й, СПБ 1841, стр. 353—395-я. Тамъ же помѣщенъ рисунокъ, изображающій Урсула, входящаго къ спящей Марьёлѣ). О поимкѣ Урсула разсказываетъ также и Ф. Ф. Вигель. Онъ говоритъ, что шайки разбойниковъ безпрепятственно бродили въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, грабили, и слились въ одну подъ начальство гоца Урсула. Высланное противъ дерзкихъ разбойниковъ турецкое войско разсѣяло шайку Урсула, который съ нѣсколькими разбойниками переправился черезъ Прутъ и появился въ степяхъ Бессарабіи, усиливъ свою шайку приставшими къ нему арнаутами. Полиція ничего не могла съ ними подѣлать и только арестъ отдѣльныхъ разбойниковъ изъ шайки уменьшилъ число ихъ. Ихъ осталось всего трое. Живя неподалеку отъ Кишинева, въ мѣстности „Малина“, Урсулъ часто навѣщалъ городскихъ жидовъ, жившихъ въ нижней, старой части города. Полиція замѣ-

тила его посѣщенія и расположилась у въѣзда въ городъ. Урсулъ съ двумя товарищами успѣлъ проскакать мимо полиціи и понесся по улицамъ города, по направленію къ рѣчкѣ. За ними бѣжали массы народа, кричавшаго и пытавшагося ихъ задержать, но Урсулъ, держа въ зубахъ поводья, грозилъ двумя пистолетами и благополучно достигъ моста, лежавшаго чрезъ рѣчку Быкъ. Его конь попалъ ногой въ дыру между бревнами настилки, его товарищи налетѣли на него, сшибли на землю. Такимъ образомъ, всѣ трое легко были пойманы и посажены въ тюрьму. Ф. Вигель посѣтилъ знаменитаго гоца въ тюрьмѣ. „Я нашелъ Урсула", говоритъ онъ, „задумчиво сидящимъ на нарѣ, сложивъ руки. Онъ былъ лѣтъ сорока, широкоплечъ, черноволосъ, и весь обросъ бородой. Лицо его было не безъ благородства: оно не выражало ни страха, ни злости. Когда я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, онъ сказалъ мнѣ, что у него, исключая имени, даннаго ему валахами, есть еще другое, но объявить которое онъ не видитъ нужды. По показаніямъ сообщниковъ, никогда рука его не обагрялась кровью". Другой его товарищъ, Богаченко „доказывалъ права разбойниковъ вооруженной рукой собирать дань съ господъ, которые безъ всякаго труда и опасности грабятъ своихъ крестьянъ". Урсулъ былъ наказанъ плетьми. „Всѣ дивились твердости духа Урсула, который во все время казни не испустилъ ни единой жалобы, ни единаго вздоха. Послѣ тяжкаго наказанія кнутомъ, черезъ два дня умеръ". (Записки Ф. Ф. Вигеля. М. 1865. ч. VI-я, стр. 132—134-я). А. С. Пушкинъ точно опредѣляетъ время поимки Урсула: онъ былъ пойманъ въ апрѣлѣ 1823 года и въ томъ же году казненъ. (Сочиненія А. С. Пушкина, т. V-й, стр. 121-я и VII-й, стр. 58-я). Нѣкоторыя подробности въ описаніи поимки и казни гоца, переданныя Ф. Вигелемъ, исправлены И. П. Липранди. (Замѣчанія на Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, гл. 38-я, стр. 161-я).

XI. Кирджали—начала XIX вѣка. Кирджали сначала былъ сподвижникомъ знаменитаго Ипсиланти, вождя греческой гетеріи; послѣ неудачнаго возстанія онъ сдѣлался гоцомъ и оставилъ по себѣ память, преимущественно по лѣвому берегу Дуная въ Румыніи и отчасти въ Бессарабіи. Нѣсколько разсказовъ объ этомъ гоцѣ, личность котораго такъ поэтична, собрано въ 1862 году и опубликовано въ Бессарабскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ (№ 1 и 2, соч. подписано: К. К.). Кирджали послужилъ героемъ для небольшой поэмы А. С. Пушкина съ тѣмъ же заглавіемъ, отъ которой сохранился только отрывокъ Извѣстный польскій писатель Чайковскій написалъ изъ жизни Кирджали цѣлый очень красивый романъ въ двухъ частяхъ, гдѣ разсказывается масса случаевъ изъ жизни этого гоца (Czajkowsky. Kirdżali. Paris. 1859).

XII. Карналюкъ—начала XIX вѣка. Безъ сомнѣнія, это—искаженіе имени Кармелюка, имени извѣстнаго разбойника Подоліи и австрійской Буковины, разсказы о подвигахъ котораго имѣли

вліяніе на память о немъ и у молдованъ. Разсказы о Кармелюкѣ можно услышать только въ сѣверной Бессарабіи, въ Хотинскомъ уѣздѣ, гдѣ райяны-руснаки поютъ много пѣсенъ, называя авторомъ ихъ Кармелюка. Очень возможно, что эти пѣсни и самые разсказы не заимствованы только изъ Подоліи или Буковины, но что и самъ авторъ и герой ихъ бывалъ въ сѣверной Бессарабіи, такъ какъ для этого ему стоило только перейти Днѣстръ. Къ тому же большинство разсказовъ прикрѣплено къ извѣстнымъ мѣстностямъ Хотинскаго уѣзда и соединено съ памятью о лицахъ, внуки которыхъ будто бы и теперь живутъ. По содержанію своему, эти разсказы очень сходны съ тѣми, которые уже опубликованы въ слѣдующихъ изданіяхъ: Кіевской Старинѣ (1882 г., книга 8), Этнографическомъ Обозрѣніи (А. Малинка. Преданія о Кармелюкѣ, книга XX, стр. 131 и 132), Зорѣ (В. Боржковскій. Народное воспоминаніе о Кармелюкѣ. Львовъ. 1894 г., № 11) и другихъ.

XIII. Т у н з а — начала XIX вѣка. Бессарабскіе разсказы говорятъ о немъ очень мало, и память о немъ слѣдуетъ считать фактомъ заимствованія изъ разсказовъ румынскихъ поздняго происхожденія. Много разсказовъ, замѣчательно любопытныхъ, находимъ въ повѣсти румынскаго писателя Р. Куралеско, гдѣ собрано много характерныхъ эпизодовъ изъ жизни гоца, рисующихъ необыкновенную ловкость, находчивость и остроуміе его. Тунзу считали существомъ необыкновеннымъ, оборотнемъ и волшебникомъ; одни считали его княземъ, другіе—простымъ цыганомъ, третьи—богатымъ бояриномъ, наконецъ — жидомъ или даже женщиной. (Тунза. Валахская быль. Одесскій Альманахъ. 1840 г., стр. 45—96). Вотъ нѣкоторые изъ разсказовъ, приводимыхъ авторомъ Были. Въ воскресный день на базаръ пріѣхалъ арнаутъ, высокій, статный. Онъ бродилъ по базару, покупалъ. Затѣмъ подошелъ къ толпѣ, сыпнулъ въ нее горсть денегъ и велѣлъ сказать агѣ, что Тунза очень доволенъ порядкомъ на рынкѣ. Чауши и пандуры бросились съ ружьями, но гоцъ ускакалъ. Въ другой разъ ага слушалъ итальянскую оперетту; рядомъ съ нимъ сидѣлъ полный баронъ, прибывшій изъ Трансильваніи, который оказался большимъ любителемъ и знатокомъ музыки и занималъ своимъ разговоромъ агу. Въ антрактахъ ага предлагалъ нѣсколько разъ своему собесѣднику табакъ. Когда на другой день ага открылъ табакерку, то нашелъ въ ней записку: «Тунза благодаритъ агу за вчерашнее удовольствіе и непремѣнно прійдетъ въ гости къ агѣ». Одному мазылу Тунза велѣлъ приготовить для себя блюдо съ полу-махмудами и ожидать его въ назначенный день. Пандуры окружили деревню. Настала ночь, пошелъ дождь и пандуры, разставя часовыхъ, зашли въ корчму. Хвастаясь, что Тунзу не трудно поймать, лишь бы найти, они пили водку и заснули. Тунза своей шайкѣ велѣлъ перевязать пандуровъ и отсчитать имъ по

200 нагаекъ за плохое исполненіе обязанностей. Другому боярину Тунза велѣлъ положить въ дупло одного явора 200 червонцевъ, такъ какъ въ назначенный день онъ ихъ возьметъ. Стража ждала у дерева. Какъ разъ въ назначенный часъ къ дереву подходитъ оборванный цыганъ и беретъ деньги. Въ это время доносятъ, что Тунза подходитъ къ деревнѣ; стража растерялась, а цыганъ, взявъ деньги, спокойно ушелъ. Это былъ самъ Тунза. Тунза исполнилъ свое обѣщаніе и, переодѣвшись почтеннымъ бояромъ, посѣтилъ агу. На глазахъ аги онъ принялъ видъ монаха и наконецъ назвалъ свое имя. Тунза совѣтовалъ даже агѣ отмѣнить одно приказаніе, которое могло быть тяжело для простого народа. Наконецъ Тунза былъ пойманъ и казненъ. Въ разсказахъ бессарабскихъ молдованъ имя Тунзы встрѣчается сравнительно рѣдко и то только въ типичныхъ разсказахъ.

XIV. Тобольтокъ—начала XIX вѣка. О Тобольтокѣ ходитъ больше всего разсказовъ, имя его весьма популярно и живуче. Интересно, что въ самыхъ даже типичныхъ разсказахъ о подвигахъ Тобольтока сохраняется множество подробностей, по большей части, неважныхъ по своему содержанію, но во всякомъ случаѣ такихъ подробностей, которыя отсутствуютъ въ разсказахъ о другихъ гоцахъ. Описывая уѣздный г. Бельцы, І. Коль, нѣмецкій путешественникъ, посѣтившій южную Россію въ 30 годахъ, говоритъ, что главный доходъ города составляетъ скотопригонный рынокъ. «Но немного лѣтъ тому назадъ было совсѣмъ иное: тогда въ лѣсахъ свирѣпствовалъ со своей шайкой Тобольтокъ. Этотъ ужасный человѣкъ нѣсколько лѣтъ подрядъ, говорятъ—12 лѣтъ, провелъ въ различныхъ способахъ разбоя, кражи и грабежа. Онъ имѣлъ хорошо организованную шайку, которая по временамъ возростала до 200 душъ и злодѣянія которыхъ, при тогдашней мало-культурности страны и большомъ пространствѣ степей, долго могли оставаться безнаказанными. Два раза ловили Тобольтока, и оба раза онъ освобождался къ ужасу Бессарабіи; онъ прибѣгалъ къ подкупу и открывалъ стражѣ, въ какомъ мѣстѣ у него были зарыты сокровища. Когда онъ снова вырывался на свободу, то былъ предметомъ самыхъ интересныхъ разсказовъ въ Одессѣ, отъ которыхъ у полиціи сѣдѣли волосы. Это былъ красивый мужчина исполинскаго росту, съ широкой, обросшей волосами грудью и высокими плечами, — совершенно такая фигура, которая часто встрѣчается между молдованами, сплавляющими по Днѣстру лѣсъ. Наконецъ, одинъ молдавскій дворянинъ поймалъ его въ третій и послѣдній разъ. Онъ окружилъ своими людьми ту корчму, въ которой пировалъ Тобольтокъ со своими шестью товарищами. Онъ отважился выйти къ атаману шайки одинъ на одинъ и говорить съ нимъ наединѣ, безъ свидѣтелей. Когда Тобольтокъ, которому не разъ приходилось принимать подобнаго рода предложенія, выслалъ своихъ людей, то они мгновенно по-

пали въ ловко разставленную засаду драбантовъ помѣщика; а самъ атаманъ былъ схваченъ людьми помѣщика, сбѣжавшимися на помощь въ то время, когда оба они еще боролись. На этотъ разъ изъ тюрьмы спасла его одна только смерть. Во время его ареста, его посѣщало множество знатныхъ лицъ, и онъ выказалъ свое благородство души, такъ какъ отказался выдать своихъ товарищей и помощниковъ. Затѣмъ, въ Кишиневѣ онъ былъ засѣченъ кнутомъ до смерти»(I. G. Kohl. Reisen in Südrussland. Zweiter Theil. Dresden und Leipzig. 1841 г., стр. 39 и 40). Другой путешественникъ, А. Аѳанасьевъ-Чужбинскій передаетъ одинъ разсказъ про Тобольтока со словъ очевидца. Въ с. Нагоряны, Сорокскаго уѣзда, на берегу Днѣстра, жилъ помѣщикъ Фишеръ, человѣкъ богатый и хорошо относившійся къ своимъ крестьянамъ. Однажды, когда послѣ ужина вся семья расходилась спать, къ дому прискакала шайка Тобольтока и атаманъ ея потребовалъ свиданія съ помѣщикомъ. Фишеру ничего не оставалось дѣлать, какъ только согласиться. Въ кабинетъ къ нему вошелъ красивый мужчина въ національномъ костюмѣ, увѣшанный оружіемъ. Онъ назвалъ себя и сказалъ, что ему нужна извѣстная сумма. Помѣщикъ исполнилъ его просьбу. Тобольтокъ присѣлъ къ кругу семьи и успокоилъ всѣхъ, что онъ ничего дурного не имѣлъ по отношенію къ Фишеру, такъ какъ зналъ его гуманное отношеніе къ крестьянамъ (Поѣздка въ южную Россію, ч. II. Спб. 1863 г., стр. 138 и 139). М. Бюньонъ, авторъ Описанія Бессарабіи, разсказываетъ въ общихъ чертахъ про разбои Тобольтока, про дѣлежъ награбленныхъ богатствъ въ г. Измаилѣ на Дунаѣ. Его поймали въ г. Аккерманѣ и посадили въ одну изъ башенъ Генуэзской цитадели. Затѣмъ онъ былъ засѣченъ и умеръ. (M. Bunion. La Bessarabie ancienne et moderne. Odessa. 1846 г., стр. 66 и 67). Тобольтокъ былъ поэтомъ, и въ народѣ сохраняются пѣсни, которыя сочинялъ и пѣлъ Тобольтокъ уже въ тюрьмѣ, въ Кишиневѣ (Матеріалы, ч. I, стр. 491, прим. 3-е). Въ Кишиневѣ, на такъ называемой «Нѣмецкой» площади, въ сѣверномъ ея углу растутъ рядомъ два старыхъ красивыхъ тополя. Говорятъ, что между ними похороненъ Тобольтокъ; друзья его посадили ихъ въ головахъ и ногахъ гоца, такъ какъ полиція и духовенство не разрѣшали ставить надъ нимъ крестъ.

XV. Б а р а г а н ъ—второй четверти XIX вѣка. Его шайка грабила Кишиневскій уѣздъ, преимущественно его западную половину, въ окрестностяхъ м. Ганчештъ, гдѣ многіе старики прекрасно помнятъ его. Обильные подробностями разсказы про него отличаются своей реальностью и отсутствіемъ замѣтной идеализаціи. Въ немъ падаетъ уже идея гоца, какъ защитника слабыхъ. Имъ интересуются и хвалятъ его единственно за его ловкость и даже циничное нахальство. Типы Барагана и слѣдующаго за нимъ гоца Грозеско скорѣе могутъ быть отнесены къ современнымъ разбойникамъ.

XVI. Грозеско Иванъ—70-хъ годовъ. Типъ Грозеско совершенно современный; въ немъ нѣтъ ни черты прежнихъ гоцовъ-героевъ. Онъ трабилъ съ своей шайкой въ Аккерманскомъ и Измаильскомъ уѣздахъ и пришелъ въ Бессарабію изъ Румыніи, гдѣ его преслѣдовала полиція. (С. Ф. Д. Очерки возсоединенной Бессарабіи. Одесскій Вѣстникъ 1880 г.. № 121).

Конечно, нельзя считать этотъ списокъ полнымъ, но это все-почти, что извѣстно до сихъ поръ изъ литературы и изъ собственныхъ записей. Здѣсь кстати можно припомнить, что К. К. Стамати, румынскій ученый и литераторъ, отъ слова «гоцъ» производитъ названіе города и крѣпости Хотина и говоритъ, что въ древности Хотинъ назывался Клептидава (κλέπτης=воръ); такимъ образомъ, дако-румынское названіе есть только переводъ грекодакійскаго названія Klepti-dava. (Записки Одес. Общ. Ист. и Древ. т. II, отд. 2 и 3, стр. 907). Названіе Хотина производятъ разно и, по всей вѣроятности, совершенно гадательно. Скорѣе всего названіе *Hotin* можно сблизить съ греко-румынскимъ словомъ hotar, что означаетъ *границу*; тѣмъ болѣе, что р. Днѣстръ съ Хотинской крѣпостью такъ долго была пограничной для Молдавіи рѣкой.

Прошла тяжелая эпоха, выставлявшая непрерывный рядъ гоцовъ-героевъ, образъ которыхъ до сихъ поръ такъ дорогъ для народа. Народъ и теперь любитъ гоца, но любовь эта является исключительно фактомъ переживанія. Если *теперь* появляются гоцы, то нисколько не привлекаютъ симпатій народа. Правда, они ему могутъ нравиться, какъ ловкіе, храбрые удальцы; но идея защиты и помощи пала. Про нихъ нѣтъ ни пѣсенъ, ни разсказовъ. Вотъ двѣ позднѣйшія, искусственныя пѣсни, сочиненныя будто бы самими гоцами: „Въ лѣсахъ скрываются тѣ, что́ имѣютъ длинныя ружья, что́ косо посматриваютъ въ кошелекъ съ деньгами. Обходи дальше, берегись крещеный, если хочешь быть покойнымъ, если хочешь оставаться живымъ! Тамъ въ дубравѣ, гдѣ стонетъ сычъ. виднѣется огонекъ. Восемь молодцовъ съ широкими плечами, съ засученными рукавами стоятъ, имѣя заряженныя ружья. Трое изъ нихъ цѣлуютъ святой крестъ, трое борятся, одинъ наблюдаетъ, а одинъ поетъ: О лелё, чокой богатый, если бы тебя чертъ принесъ сюда, чтобы послать тебѣ въ спину съ пару пуль! О лелё, раскрасавица, еслибы ты зашла сюда ко мнѣ, я сдѣлалъ бы тебя еще красивѣе! О лелё часовой, почему не свищешь; пора намъ приняться за работу! (Матеріалы. II ч. стр. 494-я). Настроеніе пѣсни совсѣмъ иное; въ ней можетъ привлечь, пожалуй, удальство гоцовъ, картина ихъ свободы. Вотъ другая пѣсня, подобная этой: „Зима идетъ, проходитъ лѣто, и порѣдѣлъ ужъ лѣсъ. Днемъ снѣжная вьюга, ночью холодъ. Настала тяжелая жизнь. Что за долгая зима! Что намъ дѣлать бѣзъ лѣса, безъ солнца, безъ денегъ и безъ господъ богатыхъ? горе намъ! Дорогой воронъ, вороненокъ, сядь на эту вотъ сухую вѣтку, взгляни, не видно-ли путника на

дальней дорогѣ, путника съ полнымъ кошелькомъ и платкомъ, повязаннымъ на головѣ. Попробовать бы мнѣ свой заржавленный ножъ (собств. ржавчину) и отложить бы про зиму денегъ! Увы, о лѣсъ, о братъ мой, что стало съ тобой и твоей густой зеленью? Куда стать мнѣ въ засадѣ въ тѣнь, шумящую густыми листьями? Проходитъ лѣто, наступаетъ зима, и вотъ ты, лѣсъ, высохъ. Вѣдь не настало еще время работать, вынуть изъ-за пояса оружіе, намѣтить себѣ тропинку въ рощѣ и подходить къ проѣзжающему всаднику. Увы, дорогая весна, о если бы ты появилась тогда, когда этого захотѣлъ бы я для того, чтобы снова появился въ странѣ молодецъ и снова былъ бы на своемъ участкѣ въ лѣсу. Надвинуть бы мнѣ шапку на уши, распустить волосы на волю вѣтра, намѣтить свою прежнюю дорожку! Снова бы мнѣ почувствовать, что на плечѣ у меня ружье, снова увидѣть себя на этомъ мѣстѣ и увидѣть, что я связываю гайдуцкой веревкой пятерыхъ людей съ кованными пистолетами! Наслаждаться бы мнѣ боевымъ конемъ, гоняя его на плетеной веревкѣ! На свѣтлой зарѣ помчится онъ, и я ему скажу: какъ вѣтеръ —мчись, какъ мечта—лети! Послушай-ка, волшебный мальчикъ! Вѣдь не пришла еще очередь, не настало еще время, когда мы съ тобой вдвоемъ, молодецъ, будемъ держать въ своей власти лѣса и долины, когда мы запремъ дорогу для стражи и будемъ страхъ наводить на господъ!“ (I. Doncevŭ. Cursulŭ primitivŭ Kisinêŭ. 1865. стр. 246 и 247-я).

Едва ли эта пѣсня рисуетъ хорошія черты гоца; правда, она не лишена истиннаго поэтическаго чувства, въ ней есть высокохудожественныя картины, но идеи гоца не видно. Интереснѣе всего въ ней это отношеніе гоца къ природѣ, къ лѣсу и коню—двумъ его товарищамъ.

По большей части въ гоцкихъ пѣсняхъ не встрѣчается любви, или говорится о ней вскользь и очень мало. Поэтому интереснымъ является одно стихотвореніе румынскаго поэта, В. Александри, который для своихъ стихотвореній часто бралъ основой или, по крайней мѣрѣ, сюжетомъ чисто-народныя произведенія. (Ст. Cretzulescu. Vasilie Alecsandri. Revista Romàna, 1862 г. стр. 771—795-я.) Его стихотвореніе называется „Бѣлица и гоцъ“. «Вверху горы, въ монастырѣ плачетъ бѣлица въ саду. Плачетъ ночью и вздыхаетъ по счастливому міру: „съ самаго ранняго дѣтства я всѣми забыта и оставлена одинокой, безъ ласки моими родными. Я вижу, что съ тѣхъ поръ, какъ родилась я, мучусь безъ вины; я чувствую, что оторвана отъ всего распутнаго міра на вѣки. Дѣвочкой я жила въ любви, теперь глаза плачутъ, душа вздыхаетъ, и преждевременно угасаетъ моя жизнь, какъ виноградъ, падающій на землю. Ахъ! если бы скорѣе кончилась эта горькая жизнь! Прійди желанная смерть, какъ сладкое утѣшеніе...“—„Что говоришь ты, милая сестрица“, говоритъ ей изъ лѣсу гоцъ; „съ твоими глазами, какъ двумя ягодами ожины (ежевики), ты хочешь умереть, заплаканная красавица? О чудная минута! Неужели ты не страшишься Бога? Ми-

лая сестрица, молоденькая, перекрестись три раза и произнеси молитву, если хочешь, чтобы глаза твои заблестѣли, какъ рай веселья, и чтобъ душа твоя росла въ груди, какъ полевой цвѣтокъ. Пойдемъ со мной въ зеленый лѣсъ: ты услышишь тамъ грустную дойну, когда драбанты сходятъ въ долину по извилистой тропинкѣ. Ты увидишь, какъ ястребъ паритъ надъ скалой и убиваетъ ворона, падающаго въ глубокую пропасть. Затѣмъ ты увидишь, какъ кланяется мнѣ богачъ, когда видитъ меня на дорогѣ, какъ покорно падаетъ онъ на колѣна и снимаетъ съ себя суму. Я имѣю двухъ коней-змѣй для быстрой ѣзды, двухъ коней—ихъ и вѣтеръ не догонитъ! Имѣю я 12 товарищей, за поясомъ 4 пистолета, на груди крестикъ съ частицей св. Креста, со св. мощами, а въ груди горячее сердце, горячее, какъ твой ротикъ. Имѣю я неоцѣнимый камень, который и ночью свѣтится, какъ твои глаза, сулящіе мнѣ далекое счастье. Оставь все: черную келлію, поклоны, рясу и, если хочешь быть молодцомъ, иди въ міръ счастливыхъ съ молодцомъ, который зоветъ тебя. Вѣдь съ нимъ нечего тебѣ бояться, что ты снова сдѣлаешься монахиней". Ушла ли бѣлица или нѣтъ, неизвѣстно; только съ той норы никто не вздыхаетъ, никто не плачетъ на горѣ, въ монастырѣ» (тамъ же, стр. 243—245-я)

Въ разсказахъ о жизни болѣе близкихъ по времени гоцовъ одно можетъ только привлекать слушателя къ себѣ: это—свобода, близость къ природѣ, а съ съ нею вмѣстѣ ширь души и поэзія. Чертами, исполненными поэзіи, дышетъ разсказъ Н. Морского о разбойникахъ и цыганахъ (Еженедѣльное Новое Время. 1880 г. т. V-й, № 64-й, т. VI, № 67 и 73-й); такими же чертами дышутъ народные разсказы и искусственныя стихотворенія. Но идея, та идея, которая возвышала личность гоца до представлепія о героѣ—избавителѣ, защитникѣ слабыхъ отъ произвола сильныхъ, гоца, который въ народныхъ разсказахъ надѣлялся чертами чудесными, сверхъестественными, и теплыми, симпатичными чертами живетъ въ народѣ,—исчезаетъ. Память о тяжеломъ времени стушевывается и остаются одни общія впечатлѣнія, общіе образы, которые скорѣе, живутъ въ складѣ народнаго характера, въ физіономіи его духовной жизни, чѣмъ въ самихъ разсказахъ. Такимъ образомъ, если появленіе гоцовъ-героевъ такъ тѣсно связано съ періодомъ тяжелаго ига, угнетенія; то идеализированное представленіе о гоцахъ слѣдуетъ считать фактомъ переживанія. Тяжелыя историческія условія могли бы воскресить этихъ героевъ въ народной памяти, они снова стали бы нужны для народа, въ нихъ сходились бы всѣ лучи надежды; но прозаичная и мирная дѣйствительность, не нарушавшая формъ жизни уже около столѣтія, дѣлаетъ подчасъ непонятными дѣйствія гоца, и если бы личность гоца не была сама-по-себѣ такъ симпатична, то исчезла бы и сама память о нихъ.

А. И. Яцимирскій.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ВѢРОВАНІЙ И СКАЗАНІЙ БѢЛОРУССОВЪ.

Въ представленіяхъ бѣлорусса очень ярко выступаетъ подраздѣленіе явленій на двѣ грани—доброе и злое, нечистое; все доброе своимъ источникомъ имѣетъ Бога, а нечистое — діавола. Этотъ дуализмъ въ міровоззрѣніи бѣлорусса несомнѣнно восходитъ къ эпохѣ доисторической. Съ того времени онъ претерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія, принялъ наслоенія, но въ главныхъ своихъ чертахъ остался однимъ и тѣмъ-же. Христіанская религія оказала на міровоззрѣніе бѣлорусса громадное вліяніе, но всетаки нельзя сказать, что старыя вѣрованія измѣнились кореннымъ образомъ: они приняли лишь иныя формы. Подъ вліяніемъ христіанства всѣ добрыя существа, помогающія человѣку, слились въ представленіи бѣлорусса въ образъ Единаго Бога и его служителей—ангеловъ и святыхъ; злыя же существа, направляющія свою дѣятельность ко вреду человѣка и строящія для него разныя козни, соединились подъ собирательнымъ именемъ — чортъ, нечистый. Съ чортомъ бѣлоруссу приходится постоянно бороться, поэтому неудивительно, что онъ имѣетъ о немъ довольно отчетливое представленіе; подмѣтилъ въ немъ разныя характеристическія черты и сохранилъ въ своей памяти многія имена его, которыя уже не обозначаютъ отдѣльныхъ существъ, а только характеризуютъ чорта по его мѣстожительству и роду дѣятельности, напр., домовикъ—тотъ же чортъ, только живущій въ домѣ, лѣсовикъ—тоже чортъ, только живущій въ лѣсу и т. д.; даже русалки и тѣ часто сливаются у бѣлорусса съ понятіемъ о чортѣ.

Относительно представленія бѣлорусса о Богѣ мы можемъ узнать преимущественно изъ различныхъ версій и легендъ о хожденіи Бога по землѣ. Въ нихъ главнымъ образомъ выставляется на видъ доброта и милосердіе Божьи. Въ разсказахъ мы очень часто видимъ, какъ Богъ награждаетъ людей за добро и избавляетъ бѣдныхъ отъ ихъ горькой участи; при этомъ Онъ дѣйствуетъ не прямо, а какимъ-либо чудеснымъ образомъ; такъ, Онъ одному солдату далъ „скáцерку-самобрáнку", другому далъ „баранчика", которому стоило только „стрэпянуцца", чтобы съ него посыпались деньги, сыну царскому подарилъ волшебную „торбу" и такой же „кій" и т. д.

У бѣлорусса настолько слилось представленіе о Богѣ съ представленіемъ о добрѣ, что онъ не можетъ вообразить добра безъ особеннаго соучастничества въ немъ Бога. Интересенъ въ данномъ случаѣ разсказъ, слышанный мною въ м. Вселюбѣ Новогрудск. у. Минской губ.: „Разъ ксёндзъ гаварыў казань и папытаўся у людзей: „A gdzie Pan Bóg żyje?" Вотъ адзинъ чалавѣкъ и гавóрыць да яго: „А гдзѣ жъ, ксенже,—у N. N.: вонь у яго́ уже ку͡ольки ўнукаў есть, а ўся сямья ў злáгадзи жыве; кали хто што хоча рабиць, ту пытаящца у старога—усѣ старога слухаюць. Вотъ тамъ и Богъ жыве!"

Въ дополненіе къ сказанному о хожденіи Бога по землѣ привожу разсказъ объ этомъ, слышанный мною отъ кр. изъ д. Кремушевки того-же уѣзда: „Жыли тры братэ́—два разумныя, а трэйци дýрань. Разумныя братэ засярдавали нѣшта на дурня и прагнали яго зъ дому. Ни дали дурню братэ ниякихъ манáткаў, ту͡ольки тры баханэ хлѣба. Ўзяў дурань гэты хлѣбъ и пашоў, куды вочы глядзяць, а ноги панясуць. Идзе ёнъ сабѣ ды йдзе дарогаю. Сустрачая яго старэньки дзѣдъ. Стаў дзѣдъ прасиць у дурня хлѣба. Дурань выняў адзинъ боханъ и аддаў дзѣду. Дзѣдъ, якъ узяў хлѣбъ, дакъ и пашоў дáляй. Дурань изноў идзе сабѣ памаленьку. Сустрачаящца зноў яму дзѣдъ. Даў дурань и гэтаму дзѣду боханъ хлѣба. Пашоў дарань даляй. Адножъ бачыць—идзе трэйци дзѣдъ. Выняў дурань апошни боханъ хлѣба, разламаў яго па палавини и аддаў адну палавину дзѣду. Прайшоў ище трохи дурань и сустрѣў ище аднаго дзѣда. Выняў гэта дурань свой кусокъ хлѣба, адламаў трохи сабѣ, а рэ́шту аддаў дзѣду. А сустрачаў ўсё гэта дурня ня дзѣдъ, а самъ Богъ. Вотъ Богъ за добрасьць

дурняву даў яму дзьвѣ травѣ: адну, адъ каторай усяки чалавѣкъ захварѣя, а другую, што ўсякую хваробу вылѣчвая. Прышоў дурань да дому къ братóмъ и зрабиў, кабъ яны захварѣли. Пахварѣли трохи братэ, а посля дурань ўзяў ды вылячыў ихъ. Стаў гэта дурань лячыць па трошки и другихъ, а посьля такъ дóбра ўсѣ нядужыя съ цѣлаи вокруги ѣхали къ яму лячыцца. Дурань вылѣчваў ўсихъ. Прыѣхали разъ за дурнямъ, кабъ ёнъ ѣхаў къ хвораму пану. Паѣхаў дурань. Падышоў гэта ёнъ къ нядужаму пану. А панъ и гавóрыць яму: „Кали можашъ лячыць, дакъ лячы,—я табѣ многа грошай дамъ". Прыгледзяўся дурань на нядужага, адножъ у яго ў галавахъ стаиць сьмерць. Пачаў дурань прасиць сьмерци, кабъ тая ня душыла пана. Злитавáлася сьмерць и адступилася адъ пана. Выздаравѣў панъ и даў дурню вельми многа грошай. Жыў дурань доўга на сьвѣци—лячыў ўсё людзей, а посьля занядужаў и памеръ. Хацѣў дурань и на томъ сьвѣци камандавацъ сьмерцью гэтакъ, якъ и на гэтумъ. Бывала, ўздумая сьмерць ици да Бога пытацца, якихъ людзей брацъ; дакъ дурань ў крыкъ: „што? я у Бога лѣпшы гаспадаръ, якъ ты,—я пайду!" Пойдзя дурань да Бога. Богъ яму скажа, кабъ сьмерць ишла душыць старыхъ людзей. А дурань прыдзя ды гаворыць сьмерци, кабъ яна ишла грысьци тоя дзéрава, што паваляляся. Сьмерць идзе и грызе. Прыходзиць изноў пара́ ици сьмерци да Бога пытацца, якихъ людзей брацъ. А дурань зноў у крыкъ и ґвалтъ: „Я лѣпшы за цибе у Бога гаспадаръ. Чаго ты лѣзяшъ, куда ня трэба? Я пайду!"—и йдзе самъ да Бога. Богъ яму кажа, кабъ сьмерць ишла душыць маладыхъ людзей; а дурань прыходзиць и кажа сьмерци, кабъ яна ишла грысьци маладнякъ, и ще прыгавóрыць: „циперъ табѣ будзя трохи лѣпяй, якъ той разъ". Пашла сьмерць ў лѣсъ и стала грысьци маладнякъ. Палажыла яна яго пóкатамъ. Прыходзиць сьмерць зноў да дому и хоча ици да Бога, кабъ Ёнъ даў ёй работу. А дурань уперся: „нѣ, я пайду и циперъ!" Пашоў ёнъ да Бога. Богъ сказаў, кабъ сьмерць брала сярэднихъ людзей. Прыходзиць дурань да дому и гаворыць: „циперъ табѣ нябось трудна будзя, упацѣяшъ добра — казаў Богъ, кабъ ты ишла грысьци тавáръ (строевой лѣсъ)". Пашла сьмерць ў лѣсъ и пазгрызала ўвесь таваръ. Пашла нѣкъ разъ дурань и сьмерць разамъ да Бога. Сьмерць и пытаяцца у Бога: „Ци праўда, што Ты казаў наўпéрадъ мнѣ грысьци ляжачая дзерава, а

посьля маладнякъ ды таваръ?“ Богъ кажа: „Я гэтакъ ни разу ни казаў“. Тогда сьмерць назнала, што дурань ўсё падма́нваў яе. А Богъ ничо́га—пасьмяяўся туольки“.

Хотя христіанство несомнѣнно оказало громадное вліяніе на возвышеніе идеи о Богѣ у бѣлорусса, однако она не достигла должной высоты, и часто приходится слышать вещи, составляющія положительный контрастъ съ нею. Не говоря уже о томъ, что нерѣдко дѣти и даже подростки разсказываютъ, какъ они видѣли Бога въ человѣческомъ образѣ, у взрослыхъ крестьянъ бываютъ довольно странныя и смутныя представленія о Богѣ.

Въ с. Никольскѣ Минск. у. мнѣ разсказывали, что одинъ крестьянинъ во время исповѣди на вопросъ ксендза: „A wiele jest bogów na świecie?“—отвѣтилъ: „Зачака́й, пане ксенже, пайду пацытаю“, — и сталъ считать въ костелѣ иконы. Вообще иконы очень часто обоготворяются бѣлоруссами, и не разъ приходится видѣть, какъ женщина, указывая дитяти на икону, говоритъ: „вотъ Богъ, пацалуй Бога!“

Не безынтересенъ, я думаю, въ этомъ отношеніи слѣдующій разсказъ, записанный мною въ м. Вселюбѣ, Новогрудск. уѣзда.

— Жыла вельми ке́пска адна жонка съ сваимъ мужыкомъ. Пара́дзили ёй паставиць сьвѣчку на свайго мужыка и разамъ уже зъ гэтымъ имшу закупиць. У нядзѣлю пашла гэта жонка да царквы̀. Сустрѣла яе сусѣдка и пытая: „куды ты гэта, кумка, по́йдзяшъ?“—„А вотъ думаю пайци ў цэркаў, закупиць имшу на свайго *лютара* [1]), нябожника“.—„Дакъ ты, кумка, глядзи, якъ-не́будзь ня абмыли́ся, ня закупи имшы́ да Пана Язу́са: яны мупцыны усѣ роўныя—адзинъ за другога, якъ жыдъ за жыда, цягнуць. Дакъ хоць ты й закупишъ да яго мшу, але ёнъ мо́жа такъ зрабі́ць, кабъ твайму мужыку было до́бра. Лѣпяй ты закупи имшу да Найсьвенчаи Матки Бо́скаи“. Паслухала гэтая жонка кумы, прышла ў цэркаў и доўга тамъ шукала вобраза Найсьвенчаи Матки [2]).

По представленію бѣлорусса, Богъ живетъ на небѣ въ огром-

[1]) Бранное слово, равнозначущее слову „Каинъ“, отъ собственнаго имени „Лютеръ“.

[2]) Ср. поговорку: „И Богъ ня укрыя, кали Матка Найсьвенчая дапусьциць“.

номъ домѣ (палацу). Небо есть громадный сводъ, сдѣланный изъ вещества, похожаго на стекло. Звѣзды — это свѣчи, которыя, съ наступленіемъ вечера, зажигаются ангелами. Иные же считаютъ звѣзды за что-то похожее на ивановскихъ червяковъ (свѣтляковъ).

Изъ святыхъ угодниковъ Божіихъ у бѣлоруссовъ особенно почитается великомученикъ Георгій. Бѣлоруссъ считаетъ его покровителемъ своихъ стадъ и даже дикихъ звѣрей. Празднованіе въ честь св. Георгія совершается 23 апрѣля, какъ разъ въ то время, когда впервые приходится выгонять скотъ въ поле. „Да Юръя кабъ было сѣна и ў дурня“—гласитъ бѣлорусская пословица. Хотя въ настоящее время овцы и даже рогатый скотъ выгоняются въ первый разъ въ поле нѣсколько ранѣе 23 апрѣля, однако традиція требуетъ, чтобы въ этотъ день скотъ выгонялся на „Юръеву расу́“. Замѣчательно то обстоятельство, что „памижъ Юръёў“, т. е. между 23 апрѣля новаго стиля и 23 апр. стараго стиля, строго воспрещается выгонять въ первый разъ скотину въ поле (запа́свацъ) [1]. Также строго воспрещается переносить изъ села въ село въ это время „бердо“, „кабъ воўкъ ня душыў скацины“ [2].

23 апрѣля у бѣлоруссовъ есть обычай устраивать на полѣ „ро́су“. Для этого обыкновенно заготовляютъ много разныхъ печеній крестьянской кухни, и поселяне, собравшись гурьбой, идутъ подъ вечеръ на поле и устраиваютъ тамъ пиръ. Во время пути на поле и обратно поются пѣсни, пріуроченныя къ сему случаю, а порой играетъ кто-либо на скрипицѣ; пѣсни поются также и на полѣ, и при этомъ всѣ катаются по ржи. Въ с. Никольскѣ Мин. у. есть обычай въ этотъ день втыкать въ расщелины земли кости отъ освященныхъ на Пасху животныхъ: поросенка, курицы, гуся и пр. [3].

---

[1]) Тоже и „мижъ Благавѣщынъ“.

[2]) Кстати замѣчу, что „бердо“ кладется у порога въ хлѣвѣ, когда въ первый разъ скотъ выгоняютъ въ поле, и скотъ долженъ проходить через него. Кромѣ того, въ это время тамъ же кладется „навой“ (обрубокъ дерева, на который навиваютъ „основу“ или же полотно) и яйцо, которое непремѣнно отдается нищимъ для молитвы за „скацинку“.

[3]) Скорлупа съ освященныхъ яицъ втыкается въ расщелины бревенъ въ избѣ, „кабъ прусаке́ ня вадзилися“.

По представленію бѣлоруссовъ, „Юрай“ наканунѣ 23 апрѣля, ночью, „празначáя вáукóмъ, што хапáць на цѣлы годъ“. Объ этомъ предметѣ мною записаны въ с. Никольскѣ Мин. у. два разсказа.

а)—Пярадъ Юрьямъ адзинъ дзякъ пашоў ў лѣсъ на палявань-не и заблудзиў. Прахадзиў ёнъ па лѣси ажъ да цемнаи ночы и ни знашоў дароги. Застаўся ёнъ гэта ў лѣси начаваць Пабаяўся ёнъ гэта на зямли спаць, але залѣзъ на хвою, прыпёрся нѣкъ тамъ и заснуў. Подъ пóўначъ гэты дзякъ пачуў нѣки вельми вéльки шумъ на зямли. Пачаў ёнъ прыслухоўвацца, адно жъ тамъ поўна ваўкóў. Абступили яны навакругъ сьвятога Юрья; а ёнъ имъ ўсё разсказвая, што каму брáць. На самы паслѣдакъ падышоў къ сьвятому Юрью клыпаты воўкъ и пачаў ягó прасиць, кабъ ёнъ яму што небудзь празначыў. Сьвяты Юрай доўга ни хацѣў яму ничóга празначаць, дакъ воўкъ вельми уже стаў яго прасиць. Тагды сьвяты Юрай, кабъ адчапицца адъ яго, сказаў: „Зъѣшъ сабѣ таго чалавѣка, што на хвои сядзиць“. А дзякъ гэта самъ сабѣ падумаў: „Трасцу ты мине зьяси, кали у мине ружъё есьць“. Икъ дóбра уже развиднилася, дзякъ злѣзъ сабѣ съ хвои и пашоў да дому. Вышаў ёнъ гэта зъ лѣсу и сустрѣў съ свайго сяла людзей ды пачаў имъ расказваць пра ўсё, што бачыў. Тыя падзивилися, ды ни дали яму вѣры и пашли сабѣ ў лѣсъ па грыбэ́. А дзякъ тымъ часамъ цѣлы дзень да дому ня прыходзиў. На заўтра пачали шукаць яго, дакъ знашли тýльки ноги ў ботахъ и абгрызяную гóлаў ў хвойнику; а каля ихъ было поўна воўчыхъ слядóў: нѣдзя той клыпаты воўкъ задушыў и зьѣў яго.

б)—Жыла адна ўдавá. Была у яé чорная зъ лысинаю карова. Празначыў сьвяты Юрай воўку зьѣсьци гэтую карову. Дачулася пра гэта ўдава. Сусѣдзи ей парáдзили замазаць лысинку у каровы чымъ-нéбудзь чорнымъ. Удава гэтакъ и зрабила. Прышоў ў быдла воўкъ, шукаў-шукаў чорнаи каровы зъ лысинкаю и ни знашоў. Пашоў ёнъ да сьвятога Юрья и стаў жалицца ямý, што ни знашоў такои каровы, якъ треба. Сьвяты Юрай знаў, што—за штуку зрабили воўку, и сказаў яму зьѣсьци чорную карову. Прышоў воўкъ зноў ў быдла шукаць уже чорнаи каровы. А ўдава тымъ часомъ дачулася и абмыла у каровы лысинку. И гэты разъ воўкъ ни знашоў свое каровы. Хадзиў доўга гэтакъ воўкъ, шукаў ўсё каровы ту зъ лысинкаю, ту чорнаи, а ўдава ўсё падашýквала яго—и здохъ воўкъ зъ голаду.

Теперь перейдемъ къ праздникамъ, какъ къ днямъ, посвященнымъ на служеніе Богу. Праздникъ въ представленіи бѣлорусса является не относительнымъ понятіемъ, а предметомъ живымъ, одушевленнымъ; за нарушеніе своей святости онъ самъ наказываетъ человѣка. Особенно извѣстна въ этомъ отношеніи бѣлоруссу „сьвятая нядзѣлька". Бѣлорусская женщина никогда не засидится поздно вечеромъ въ субботу, изъ боязни, чтобы „сьвятая нядзѣлька" не пришла страшить ее. Много разсказовъ можно слышать о явленіи „сьвятой нядзѣльки" и о тѣхъ наказаніяхъ, которымъ подвергаетъ она людей, не соблюдающихъ святости ея. Привожу изъ нихъ четыре, лично слышанные мною.

а) Шыла адна жонка поздна вечарамъ ў суботу. Такъ падъ пбўначь· наказалися изъ-падъ дзьвярей пяць па́льцаў, а посьля икъ пакоцицца той жонцы тру́пяя галава падъ ноги, дакъ яна и вамлѣла. Мусиць гэта сьвятая нядзѣлька прыхо̀дзила напало̀хаць гэтую жонку, кабъ яна б͡уольшъ гэтакъ ни рабила. (Слышалъ во Вселюбѣ, Нов. у.).

б) Сядзѣли у нядзѣлю, ужо́ такъ падъ вечаръ, жанке́ на прызьби. Бачаць яны—идзе зь ихъ таки сяла жонка съ капачомъ ў карто̀плю. «Куды ты, галубка, гэта йдзешъ? Гэта жъ нядзѣлька—грѣхъ картоплю капа̀ць», — гаво̀раць ёй.—«Дакъ што жъ грѣхъ, а што жъ я вечарамъ буду ѣсьци, кали нима саўсимъ чаго варыць»?—сказала яна и пашла. Т͡уольки што яна нагнулася и уляпилася за картапля́никъ, дакъ скарчанѣла ўся и циперъ ище сядзиць на томъ мѣсцы. И чаго ёй ни рабиў мужыкъ, ніякія рады ни даў. (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

в) Адна жонка Аўдоля пастаянна хадзила да жыдоў и памагала имъ рабиць работу; у шабасъ уже дакъ яна пастаянна шынкавала. Разъ посьля шабасу яна ни пашла да хаты, а засталася у жыдоў сукаць ници. Доўга яна сукала ихъ, ажъ да самаи дванастаи. Дакъ ёй пѣкъ здалося, што ў хаци вельми свѣтла. Яна пакинула сукаць ници и прылегла. Дакъ заразъ атчынилися дзьверы и увайшла ў хату вяликая жонка, ды гаво́рыць: «А што жъ ты, Аўдоля, кончыла уже сукаць ници?» А Аўдоля тымъ часамъ спало̀халася вельми и ни сло̀ўца навятъ ёй ни атказала. Дакъ гэта-тая жонка узяла яе за сярэдзину и пачала круциць—ту ўнизъ, ту ўверхъ галавою. Круцила яна яе́ гэтакъ доўги часъ. Дакъ Аўдоля спалохалася вельми, дакъ захварѣла навятъ и прахва-

рѣла цяразъ гэта тры годы. (Слышалъ въ м. Вселюбѣ, Новогрудск. у.; дѣло будто бы происходило въ м. Могильномъ, Игум. у.).

г) Пашла одна жонка ў нядзѣлю лёнъ слаць. Паслала яна трохи таго лну и легла сапачыць. Дакъ вужъ и ўпиўся ёй ў цыцки. Прышла гэта жонка да дому и галосиць. Назьбиралася людзей, стали давацъ ёй раду и нiякъ ни магли таго вужа адарвацъ. Прывозиў мужыкъ да яе и дактароў и знахароў, але ни водинъ зь ихъ ни даў рады. Цяразъ нѣкуольки дзёнъ тая жонка памерла [1]). (Тамъ-же).

Разсмотримъ теперь, въ какихъ образахъ рисуется въ воображенiи бѣлорусса представитель нечистой силы—чортъ.

Чортъ, по народному представленiю, имѣетъ тѣлесный образъ; онъ съ виду черный, косматый, имѣетъ на головѣ два небольшихъ рожка, сзади хвостъ, на ногахъ и рукахъ много острыхъ когтей (кипцюрэ́); у чертей мужского пола есть даже борода, но борода эта жиденькая, козлиная. Чортъ можетъ принимать на себя разные образы; онъ можетъ являться въ образѣ животныхъ и даже человѣка. Принимая на себя образъ человѣка, онъ является преимущественно въ видѣ пана. Но какъ бы чортъ ни старался подделаться подъ человѣка, все-таки его легко узнать по рогамъ на головѣ, «кипцюрамъ» на конечностяхъ и хвосту, такъ какъ эти признаки имъ не могутъ быть ни сброшены, ни измѣнены. Поэтому онъ старается по возможности закрыть эти отличительные свои признаки одеждой, и потому онъ всегда является въ шляпѣ и перчаткахъ на рукахъ [2]).

---

[1]) Ср. проклятiе: „Кабъ тваю вужé кроу смактали“.

[2]) Говоря про образъ чорта, считаю не безынтереснымъ привести одинъ шуточный разсказъ, какъ мальчикъ принялъ было за чорта козла. „Прыѣхау у Миръ (м. Новогр. у.) мужыкъ съ сынамъ на кирмашъ. Пасадзиу ёнъ гэта сына на возъ, а самъ пашоу поглядзѣць, што дзѣяцца на кирмашы. Икъ разъ гетаю парою прыходзиць казёлъ падъ возъ. Стау гэты казёлъ кала воза ды усетрасе барадою ды бляé. Хлопяцъ ни разу ни бачыу казла и падумау, што гэта чортъ. Енъ гэта барджéй палѣзъ на кабылу, а чортъ тымъ часамъ ускочыу на возъ и стау ѣсьци сѣна. Хлопцу гэта здалося, што казёлъ хоча его даставаць, дакъ ёнъ гэта скарѣй пачау на дугу лѣсьци. А казелъ радъ, што дабрауся да сѣна—станиць сабѣ на вози ды жуе. Угледзиу гэта нѣки чалавѣкъ ды высьцябау добра пужкаю казла. Прышоу бацька. Вотъ сынъ и гавóрыць яму: „Дакъ икъ пашоу ты, татачка, дакъ сюды прышоу чортъ и хацѣу мине забраць. Бэчу я, што ёнъ уже на возъ лѣзя, дакъ я гэта барджей на кабылу;

Всѣми чертями управляетъ «самы старшы чортъ — Анцыпаръ, Ничыпаръ». Онъ «прабыва́я пастаянна ў пекли, за двананцацю дзьвярыма, на двананцаци ланцуго́хъ» «Пекло» находится подъ землею, въ болотѣ. Бѣлоруссъ представляетъ, что земля есть не что иное, какъ кожа (шкура), покрывающая громадный слой воды. Въ этой именно водѣ на самомъ днѣ находится «пекло». Небольшія глубокія ямы, встрѣчающіяся на лугу, бѣлоруссъ зоветъ «чортовыми окнами», и дѣти боятся бросать что-либо въ эти ямы или измѣрять ихъ глубину, чтобы не раздразнить чорта.

Не всѣ, однако, черти «сѣдзяць ў пекли»: желаніе вредить, насколько возможно, людямъ тянетъ ихъ на поверхность земли. Съ этой цѣлью чортъ пріискиваетъ себѣ жилище поближе къ человѣку и ютится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ очень часто приходится бывать человѣку. Но какъ бы то ни было, чортъ больше всего выказываетъ симпатіи къ водѣ и болоту; вода и болото — его стихія, и вблизи ихъ онъ старается обосновать главное свое становище.

Въ лѣсу «Немироўщына», по дорогѣ изъ сел. Вселюба въ д. Рецемлю, на четвертой верстѣ, съ правой стороны, есть большая яма. Разсказываютъ, что на этомъ мѣстѣ чортъ имѣлъ намѣреніе построить домъ и выкопалъ яму для подвала, но пѣніе пѣтуха мѣшало ему окончить свою работу.

Въ с. Никольскѣ, Мин. у. чорту постоянно придаютъ эпитетъ «лозатый», вѣроятно, характеризуя тѣмъ его мѣстожительство; тамъ же человѣку, слишкомъ часто и безъ разбора употребляющему клятву, говорятъ съ укоризной: «и дзѣ твой богъ? мусиць падъ печу лапци плеце». Эта фраза, по всей вѣроятности, содержитъ указаніе на домового и его мѣстонахожденіе въ домѣ.

Всякое злое дѣло имѣетъ своимъ виновникомъ чорта. У бѣлорусса на вопросъ: почему ты такъ худо сдѣлалъ? первый отвѣтъ: «А чортъ яго вѣдая». Изъ этого можно заключить, насколько вездѣ присущъ чортъ. Однако, не по всѣмъ мѣстамъ чорту можно рыскать на землѣ; такъ, ему нельзя взлетать на льнянище, коноплянище и пшеничнище, потому что изъ этихъ веществъ приго-

---

чортъ узлѣзъ на возъ и стаў нибыта ѣсьци сѣна, дакъ я гэта пачаў масьцицца на дугу. На той часъ нѣки чалавѣкъ ишоў каля воза, да икъ даў чорту пужки, дакъ чортъ саскочыў зъ воза и пабѣгъ. Дакъ я таму дзядзьку дзякаваў, дзякаваў.“ (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

товляются «але́й» (масло) и просфоры, которыя постоянно употребляются въ церкви; чорту нельзя также находиться въ водѣ съ Богоявленья до Рождества Іоанна Предтечи, садиться на вербу съ Вербнаго воскресенья до Богоявленія, и на всѣ вообще травы съ Рождества Іоанна Предтечи до зимы. Бѣлоруссъ говоритъ, что чортъ съ Богоявленія по Вербное воскресенье сидитъ на вербѣ, съ Вербнаго воскресенья до Рождества Предтечи—на травахъ, а съ Рождества Предтечи до Богоявленія—въ водѣ.

Гдѣ бы чортъ ни жилъ, онъ старается устроиться обществомъ, которымъ управляетъ «старшы», обыкновенно старѣйшій въ обществѣ. Онъ имѣетъ большую власть надъ остальными чертями, имѣетъ право налагать наказанія на нихъ за сдѣланныя преступленія и даже изгонять изъ общества; такъ, извѣстно изъ одного разсказа, что чортъ даже служилъ нѣкоторое время человѣку по опредѣленію «старшо́го». Какъ бы ни было сурово наложенное наказаніе, чортъ долженъ отбыть его безапелляціонно. Разскажу одинъ случай, какъ изгнали черта изъ пекла.

— Разлажыў адзинъ падарожны чалавѣкъ агню, уссадзиў кусокъ сала на ражонъ и прыщыць сабѣ. Сала станя капаць, дыкъ ёнъ падставиць хлѣбъ ды мажа саламъ па хлѣби. Выскачыў чортъ зъ балота, злавиў жабу, уссадзиў яе на ражонъ и пячэ. Станя цячы жъ жабы, дакъ чортъ возьмя ды памажа ей чалавѣку па сали. Глядзѣў гэта чалавѣкъ, глядзѣў, а посьля якъ суня саламъ ў зубы чорту, дакъ зубъ и вываливўся у чорта. Палѣзъ чортъ ў балота и ўсе балота запаскудзиў кроўю. Узяў старшы ды выгнаў яго на берагъ. Прышоў чортъ зноў да таго́ чалавѣка и стаў страшыць яго: «Будзя табѣ за тоя, што ты мнѣ павыбиваў зубы, вотъ паглядзишъ, казаў старшы, што дасьць табѣ!» А чалавѣкъ и гаво́рыць: «Але жъ думаишъ, и спалохаўся я твайго старшо́га. Гэтакъ я и яго баюся, якъ цибе. Што жъ вы мнѣ зробиця? Думаишъ, я ни вѣдаю, куольки васъ». — «А куольки? скажы». — «Шесьць. Вотъ я вамъ дакъ дамъ!» Пабѣгъ чортъ къ старшому и гаворыць яму, што чалавѣкъ думая даць до́бра ўсимъ чарто́мъ ў балоци. Засярдаваў старшы на чорта и паслаў яго, кабъ ёнъ памирыўся съ чалавѣкамъ. Чортъ ни паслухаў, ни памирыўся. Вотъ яго старшы ўзяў ды прагнаў зъ балота. Шукаў сабѣ чортъ мѣсца, шукаў, а посьля нѣкъ асталяваўся каля млина, каля са́мага става. Што ни паправиць става мельникъ, дакъ чортъ раз-

гуляяцца и пазносиць ўсё. Думаў-думаў мельникъ, што яму рабиць; ѣзьдзиў и да знахароў и да знахарокъ,—нихто ничога ни памогъ. Вотъ нѣкъ мельникъ сустрѣўся съ тымъ чалавѣкамъ, што выбиў чорту зубъ. Мельникъ расказаў яму пра сваю бяду. Чалавѣкъ зразу пазнаў, чые гэта штуки, и кажа мельнику: «Добра, я памагу табѣ!»—«Гэта бъ и вельми добра было», гаворыць мельникъ: «кали ты туольки ни сьмяесься. Здаецца, уже нима вѣдама, што даў бы, кабъ хаця збавицца адъ гэтай заразы». Пашоў гэта чалавѣкъ къ мельнику, зрабили яны новы стаў,—заразъ чортъ и стаў гуляць—ламаць стаў. Вотъ чалавѣкъ сапхнуў чайку, сѣў у яе и паѣхаў на самая тоя мѣсца, дзѣ вада крупилася, да якъ дасьць нажомъ ў тоя мѣсца, дакъ тымъ часамъ ўсё и згинула, и николи боляй стаў ни ламаўся. (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

Черти женятся, имѣютъ дѣтей и живутъ семьями. Когда подниметсл вихрь, то бѣлоруссъ убѣжденъ, что это ѣдетъ «чортово вясельле». Если въ это время бросить въ вихрь какое-либо острое орудіе, то на немъ можно замѣтить кровь; это означаетъ, что брошенное орудіе попало въ чорта. Мнѣ удалось записать изъ устъ одной крестьянки изъ д. Дубровицы, Новогр. у., разсказъ о томъ, какъ одна женщина была бабкой у чорта. Разсказъ, положимъ, не новъ; но въ виду его интересности я привожу его здѣсь цѣликомъ.

— Была адна баба ў сялѣ, вельми добрая. Дзѣ туольки родзицца дзиця, дакъ ўсё яе звали—ў ночы и а поўначы. Разъ гэта баба и гаворыць: «Усюды я была бабаю, туольки ище у чорта ня была». Пузняй прыяжджая къ гэтуй баби шасьцёркаю нѣки панъ и просиць яе за бабу. Прыяжджаюць яны ў домъ къ пану. Адно жъ тамъ ляжыць паражаница. Прыняла гэтая баба дзиця—ўнука Богъ даў. Тутъ яе ня вѣдаюць, дзѣ й пасадзиць, частуюць ўсимъ ўсякимъ. Пажыла баба ў гэтага пана доўги часъ. Прыглéдзяла яна, што панъ нѣкаю масьцью вельми часта мажа сабѣ вочы. Вотъ яна ўзяла разъ и памазала сабѣ тою масьцью адно вока. Бачыць яна, што на сталѣ ляжаць ўсякія косьци—сабачыя, коньскія,—а гэта ўсё яна ѣла. Аглéдзялася баба, што саўсимъ у кепская мѣсца папала, и стала прасиць свайго ўнука, кабъ ёнъ адаслаў яе да дому. А вока тоя, што памазала, яна ўсё завязвала. Унукъ у яе пытая: «Чаму ты гэтая вока ўсе завязваяшъ?»

А баба яму адказвая: «Нѣшта вельми балиць, ажъ нельга на сьвѣтъ Божы глядзѣць». Даў баби ўнукъ шасьцёрку ко́няй, и баба паѣхала. Паглядзиць баба тымъ вокамъ, што памазала, дакъ саўсимъ до́бра видаць, што яе вязуць ни на коняхъ, а на аси́навумъ калу, и черци ўсе папихаюць. Прыѣхала баба да хаты и никому ни сказала, якоя ей здареньня было. Вотъ разъ зайшла яна ў карчму, а тамъ по́ўна народу назьбиралася: той пъе, той такъ сядзиць, а някато́рыя уже такъ набралися, што ўстаць ня могуць, някаторыя сварацца, някаторыя бъюцца,—вядо́ма якъ у карчмѣ. Бачыць баба, што яе́ ўнукъ каля пъяныхъ ўсе ўвихаяцца: таго ўщыпне, таго рване, таго пацягне—ўсе, кабъ билися. Баба и гаворыць да ўнука: «Што ты, ўнучакъ, такъ тутъ увихаясься?» — «А ци ты жъ мине, бабка, бачышъ?» — «А няўжожъ».— «Каторымъ жа вокамъ ты, бабка, мине бачышъ?» — «А вотъ гэтымъ» — паказала баба чорту. «Дакъ кали жъ гэтакъ!..» сказаў чортъ и вырваў баби тоя вока. Баба нарабила крыку и бразгу. Кинулися людзи да яе́, глядзѣли, глядзѣли и ничо́га ня ўгле́дзяли; а баба тымъ часамъ асталася бязъ вока.

Интересный разсказъ удалось мнѣ слышать въ с. Никольскѣ Мин. у., о сожительствѣ чорта съ женщиной.

— Пашоў адзинъ чалавѣкъ на ранки араць. Къ яго жонцы прышоў ў гэту самую пору чалавѣкъ, якъ разъ татыкъ (какъ) ёнъ самъ. Жонка прыняла яго да сибе. И гэтакъ пѣк͡уольки разъ было, и стала жонка адъ таго чалавѣка хадзипь ў це́ньжы. Прышла пара́ ёй абрадзиницца. Пакликали бабу. Абрадзинилася гэтая баба, да вельмижъ нялюцкая нѣкая дзиця прывяла — чорная, касматая, и рожки на галавѣ назначылися. Дала гэта жонка яму цыцки, дакъ дзиця кали тне яе зубами за цыцку. Паглядзѣли яму ў ротъ, адно жъ у яго уже вяликія зубы; дакъ жонка ня стала уже б͡уольшъ яму цыцки даваць. Стала гэта дзиця прасиць хлѣба. Узяли ды падали яму сьнѣгу. Дакъ дзиця и гаво́рыць: «До̀бра, што дагадалися: кабъ вы дали мнѣ хлѣба, дакъ быў бы у васъ вельми няўро̀дзай семъ гадо̀ў, а циперъ у васъ ня будзя сьнѣгу семъ гадоў». Сабраў чалавѣкъ людзей. Падзивилися людзи и дагадалися, чыя гэта штука, и задушыли гэтая дзиця падушками, якъ жыдэ сваихъ душаць, а посьля еще адсѣкли яму голаў и палажыли мижъ ногъ и ўбили ў спину асиновы колъ, кабъ ня хадзила вупарамъ.

Лѣтъ четыре-пять тому назадъ разсказывали, что подобный случай имѣлъ мѣсто въ Кіевѣ.

Бѣлоруссы, слышавшіе кое-что про антихриста, имѣютъ убѣжденіе, что онъ родится отъ развратной женщины чрезъ совокупленіе съ діаволомъ. Такъ какъ евреи въ настоящее время ожидаютъ пришествія Мессіи, а христіане — пришествія антихриста, то нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ перепуталъ представленія объ этихъ лицахъ и обоихъ ихъ относитъ къ разряду нечистыхъ духовъ, и слова — «Масыяшъ» и «анцыхрыстъ» считаются у бѣлорусса одинаково бранными. Такъ одна крестьянка говорила въ насмѣшку надъ своей «вятроўкой»: «але жъ дзиця прывяла — настоящы Масыя́шъ!»

Черти любятъ сборища, на которыхъ они разсказываютъ другъ другу про свои похожденія. Эти собранія происходятъ гдѣ-либо въ опредѣленномъ мѣстѣ, вблизи болотъ, среди лѣса, иль кустарника, вообще въ мѣстахъ, болѣе или менѣе сокрытыхъ отъ взоровъ людскихъ. Еще бываютъ собранія чертей на перекресткахъ дорогъ, но они, по всей вѣроятности, имѣютъ характеръ случайныхъ встрѣчъ. Мѣста сходбищъ чертей (дзѣ черци сходзяцца) народъ зоветъ нечистыми, погаными, страшными.

Собравшись гурьбой, черти не прочь насладиться танцами и музыко́й. Вспоминается мнѣ при этомъ разсказъ, слышанный отъ нар. уч. Марка Дудкевича.

— Ишоў музы́ка зъ игрыща да дому. Пъяны ёнъ быў уже добра. Идзе ёнъ гэтакъ и думая: добра бъ было, кабъ ня сблудзиць. Падыходзиць ёнъ да̀ляй, адно жъ стаиць хатка. Што за штука? думая музыка: вотъ табѣ й на! уже нима вѣдама, куды зайшоў. Пайду ў гэту хатку и запытаюся дароги. Вайшоў ёнъ ў хатку, ажъ тамъ многа народу сядзиць. Народъ нѣки черны, касматы, ноги тонкія, а ззаду, здасцца, и хвостъ есьць. Дагадаўся музыка, што гэта за народъ, але уже ни́ма чаго рабиць съ кахаnаю бядою. Ту̑льки ёнъ разявиў ротъ пытацца дароги, дакъ черци ўсѣ кали закрычаць: «А; музыка, музыка!» Таки шумъ падняўся, хоць заткни вушы и ўцякай да дому. Заразъ гэта пасадзили черци музыку на покуць и заправили яго грацъ. Граў ёнъ доўга, а черци ўсё скакали. Захацѣлася имъ ище бубна, а тутъ негдзя ўзяць, — музыка сказаў, што ў яго нима. На гэты часъ якъ разъ случыўся прыпадакъ зъ музыкаю: вырва́ўся у яго ў порт-

кахъ ґузикъ; портки зьлѣзли и вылязла аттуль ки́ла. Черци углéдзяли гэта и гавóрацъ: «Ага, дакъ ты вонь куды схаваў адъ пасъ бубянъ, — давай яго сюды!» Ня ўспѣў агледзяцца музыка, якъ черци адарвали у яго ки́лу и стали бубниць, а яму́ сказали бóляй грацъ. Граў музыка такъ добра да сьвѣту. Пярадъ сьвѣтамъ черци прынесли музыку поўну торбу грошай, ўсё новыя чырвонцы. Пóтымъ пакинулися черци скакацъ и нѣшта трохи замятушылися. Вотъ музыка—дай, Божа, ноги!—выскачыў на дворъ и пабѣгъ да дому. А черци забылися пра яго ки́лу и ни аддали яму назадъ. Прышоў музыка да дому, стаў глядзѣць грошай, адно жъ ў торби грошай саўсимъ нима, туолька адно коньская гаўно. Але музыка абъ гэтумъ мала́ гараваў—вельми радъ быў, што пазбыў килу съ сваихъ рукъ. Быу у музыки сусѣдъ съ килаю. Стаў яму музыка радзиць, якъ пазбыць чер́цямъ ки́лу; сказаў яму, якъ и куды ици, кабъ зна́йци чарцей. Паслухаў чалаѣкъ музыки и пашоў ночьчу да чарцей. Прыходзиць енъ на тоя мѣсца, якъ казаў яму музыка, адно жъ и па праўдзи стаиць хатка. Вайшоў ёнъ ў хатку. Заразъ чортъ выскачыў зъ-за стала и гаворыць: «А мы табѣ забылися аддацъ бубна». Усхвацилася ищс нѣкуольки чарцей и прычапили гэтаму чалавѣку килу музыки. Прышоў чалавѣкъ да дому, на силу ноги цягая. Пытаяцца музыка у яго, ци ўдалося яму збыцъ килу. А той яму кажа: «Здохни ты лѣпяй адзинъ, апрычъ добрыхъ людзей. Паслухаў дурня, захацѣў хваробы, дакъ маяшъ: то была одна ўсяго, а циперъ маю дзьвѣ — сваю й твою».

Вся дѣятельность чорта направлена ко вреду человѣка, такъ какъ чортъ всѣми мѣрами старается заполучить человѣческую душу. Такъ какъ Богъ отдастъ въ распоряженіе чорта лишь души, обремененныя грѣхами, то чортъ прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы вовлечь человѣка въ грѣхъ; и каждый содѣянный имъ грѣхъ чортъ записываетъ «ля памяци на валовьей шкуры». Списокъ грѣховъ, сдѣланныхъ человѣкомъ, чортъ, послѣ его смерти, представляетъ Богу въ доказательство своихъ правъ на полученіе души. О таковой дѣятельности чорта мы кое-что можемъ заключить изъ слѣдующаго разсказа, слышаннаго мною въ с. Никольскѣ, Мин. у.

— Жыў сабѣ адзинъ чалавѣкъ. Николи ёнъ ни хадзиў ў церкаў, а туольки скакаў дома царазъ калоду и гаварыў за першымъ

разамъ: «Гэта табѣ, Божа!», а за другимъ: «Гэта мнѣ, Божа!» Усяе было гэта яго малитвы. Адзинъ разъ пакликали яго ў цэркаў. Пашоў ёнъ ў цэркаў. Усѣ, идучы, гразнуць, а ёнъ нибы та таго—ндзе паверхъ грази. Зашли гэта япы ў цэркаў; вотъ гэты чалавѣкъ и бачыць, што тамъ многа людзей: иншыя моляцца, иншыя штурхаюць адно другога, а тамъ някаторыя гаворацъ, някаторыя сьмяюцца; а на акнѣ сядзиць чортъ и записвая тыхъ, хто гаворыць, ци штурхаяцца, ци сьмяецца. Назаписваў чортъ такихъ цѣлую валовую шкуру, боляй уже нима гдзѣ писаць; а тутъ якъ на злосць — ту той загаворыць, ту той засьмяецца. Стаў гэта чортъ выцягаць шкуру, кабъ большъ мѣсца было. Уляпиўся ёнъ зубами за адзинъ канецъ шкуры, а лапами за други, напяўся, да якъ перцня. Чалавѣкъ гэта и рассьмяяўся. Вотъ чортъ и яго записаў на шкуры. Вышли съ цэркви ици да дому, дакъ уже и гэты чалавѣкъ няйдзе паверхъ грази, а ўсё гразьня ды гразьня.

Иной разъ чортъ прямо закупаетъ у человѣка душу, предлагая ему за нее разныя услуги, матеріальный достатокъ и богатство. Для большей вѣрности заключаемаго въ подобныхъ случаяхъ договора, чортъ требуетъ отъ человѣка расписки на душу. Расписка пишется человѣческой кровью, которую добываетъ закладчикъ души изъ своего мизинца, сдѣлавъ на немъ ранку. Чортъ обыкновенно прячетъ такія расписки подъ кожу на голени, отъ чего у него получается хромота. Расписку, выданную на душу, можно получить обратно, только ради этого нужно сходить «ў пекло къ Анцыпару» и хорошенько настращать его святой водой и крестомъ; тогда онъ созоветъ всѣхъ чертей и прикажетъ получившему расписку выдать ее обратно. Мнѣ извѣстенъ разсказъ, какъ одинъ человѣкъ не ходилъ за распиской «ў пекло», а собралъ для этой цѣли всѣхъ чертей на открытое мѣсто, зажегши костеръ изъ осиновыхъ дровъ.

Помимо слышанныхъ мною сказаній на эту тему, разскажу про одинъ случай, который будто бы недавно имѣлъ мѣсто въ д. Ковалевщинѣ, Новогрудск. у.

— Жыли два братэ ў раздзѣли. Вотъ къ аднаму стаў прыходзиць нѣки чалавѣкъ ва снѣ и гаварыць яму: «Ты спишъ сабѣ спакойна тутъ, а таго ня знаяшъ, што мая галава пахована надъ тваею печьчу. Прыснилася гэтаму чалавѣку гэтакъ разъ, ёнъ сабѣ надумаў: «Атъ, мало што зьвярзецца ва снѣ» — и ничога ни рабиў.

Сницца яму гэта самая други и трэцци разъ. Бачыць чалавѣкъ, што гэта ня такъ сабѣ, што тутъ нѣшта есьць, и назаўтра ўзяў жалязьнякъ и пачаў капáць каля печы. Капануў ёнъ разъ, други — и запраўды выкапаў чалавѣчую гóлаў. Здатынаваўся чалавѣкъ, самъ ни вѣдая, што тутъ рабиць; а после самъ сабѣ падумаў: «Кажуць людзи, што ня можна съ таго сьвѣту чалавѣка варушыць», — ды закапаў голаў на тоя самая мѣсца. Лёгъ чалавѣкъ спаць ў ночы. Зноў прыходзиць къ яму той нязнакомы и гавóрыць: «Кéпска жъ ты зрабиў, што закапаў назадъ маю гóлаў. Глядзи жъ, кабъ заўтра ты яе выкапаў и ўскинуў на гору (чердакъ) свайму брату». — «Што гэта за лиха ка мнѣ прычапилася?» думая чалавѣкъ: «треба уже панаравиць лихой скули, зраблю гэтакъ, якъ ёнъ казаў, можа, ци ня адчэпицца адъ мине». Узяў ёнъ гэта жалязьнякъ, выкапаў назадъ гóлаў и ўскинуў яé на гору свайму брату. Съ таго часу адвязаўся адъ яго страхъ и прыстаў да брата. Прышоў ёнъ першы разъ да брата ў дзень ды гаворыць: «Ци ты ня знаяшъ, што на тваёй гары мая галава ляжыць». Чалавѣка ўзяла цикавасьць: палѣзъ ёнъ на гору и запраўды дастаў аттуль чалавѣчую голаў. Тагды страхъ той пакликаў яго, павёў падъ хлѣў, ды гаворыць: «Во тутъ нядалека закопаны грошы; дай ты мнѣ расписку на душу, и я табѣ пакажу, дзѣ яны ляжаць». Чалавѣкъ дагадаўся тагды, хто гэта таки, и ни захацѣў ни грошай браць, ни расписки даваць. Съ таго часу прывязаўся чортъ да чалавѣка и пастаянна лѣзъ яму ў очы, якъ смалá. Бывала, прыдзя чалавѣкъ ў хату, а чортъ за имъ и ўсе гаворыць яму пра грошы. Але то дзива, што гэтага чорта могъ бачыць туольки адзинъ той чалавѣкъ, а ўсѣ хатнія николи ни бачыли яго и ни чули навятъ гýтарки яго. Паѣдзи чалавѣкъ араць, а чортъ и тутъ ни пакидая яго: сядзя на рагачъ и ўсе гаворыць яму пра грошы и просиць расписки. Валóмъ зробицца цяжка; чалавѣкъ паганяя, паганяя ихъ и ни якъ рады ня можа даць, — возьмя ды ѣдзя да хаты. Высохъ, змарнѣў чыста чалавѣкъ за гэты часъ. Бачыць енъ, што тутъ пива ня пярелиўки, и паѣхаў па вѣдзьмара ў *Дарау* [1]). Прывезъ енъ вѣдзьмара, павячерали яны и лягли спаць. Вѣдзьмаръ легъ на покуци за сталомъ. Туóльки згасили ў хаци агонь, дакъ дзьверы заразъ адчынилися и

[1]) Мѣстечко въ Новогрудск. у.

зноў зачынилися, и ў хату увайшли двоя чужыхъ мущынъ. Гэта были черци: адзинъ, што прывязваўся да чалавѣка, а други, што памагаў вѣдзьмару. Сѣли гэтыя черци на лаўцы каля печы и пачали спрачацца, хто зъ ихъ павинянъ уступиць. Спрачалися яны спрачалися, ажъ покиль ни заспѣваў пѣвянь, а потымъ разышлися. Назаўтра вѣдзьмаръ ўстаў ды паѣхаў да хаты, ничога ни зрабиўшы; а чалавѣкъ той памучыўся трохи 'ды памеръ.

(Слышалъ въ м. Вселюбѣ, Нов. у.).

Бываютъ случаи, когда чортъ, помогая человѣку разбогатѣть, требуетъ отъ него какой-либо услуги и строго мститъ за невыполненіе ея. Разсказываютъ, что одному крестьянину носилъ чортъ деньги. Въ благодарность за это крестьянинъ всякій разъ долженъ былъ приготовлять ему яичницу. Чортъ, бывало, прилетитъ, съѣстъ яичницу, положитъ деньги въ тарелку и улетитъ. Подмѣтилъ это батракъ и съѣлъ однажды яичницу, приготовленную чорту, а въ тарелку намаралъ. Прилетѣлъ чортъ и увидѣлъ это. Разсердился онъ тогда и зажегъ домъ крестьянина [1]).

Въ иныхъ случаяхъ чортъ является человѣку какъ бы для того только, чтобы напугать его; въ такихъ случаяхъ крестьянинъ говоритъ, что онъ видѣлъ «страхъ». Г. Б. разсказывалъ мнѣ про два случая подобныхъ вѣдѣній чорта: одинъ будто бы былъ съ нимъ лично, а другой съ тестемъ его. Привожу ихъ съ его словъ.

— Въ одинъ изъ теплыхъ лѣтнихъ дней пошелъ якъ озеру купаться. На томъ мѣстѣ, гдѣ я обыкновенно купался, въ это время плескались дѣвки. Я задумалъ ихъ напугать. Со мной была простыня. Я надѣлъ простыню на себя и бросился съ крикомъ къ озеру. Дѣвки дѣйствительно испугались, стремглавъ выскочили изъ воды и пустились бѣжать во всѣ лопатки, кое-чѣмъ прикрывъ свою наготу. Я въ шутку послѣдовалъ за ними. Оглянулся я нечаянно назадъ и увидѣлъ, что за мной слѣдуетъ какой-то мой двойникъ. Я въ крикъ и бросился, что есть мочи, впередъ, обогналъ дѣвокъ и вбѣжалъ въ избу садовника. Тотъ присталъ ко мнѣ съ разспросами, отчего я запыхался. Я подвёлъ его къ окну, а тамъ на дворѣ стоялъ еще тотъ незнакомецъ, что гнался за мной. Дѣвки впослѣдствіи разсказывали, что онѣ видѣли этого незнакомца и отъ него именно убѣгали.

---

[1]) Тутъ, по всей вѣроятности, рѣчь идетъ про домового.

— Пошелъ мой тесть въ другую деревню на «вечорки», на всякій случай онъ покликалъ съ собой собаку [1]). Дорогой онъ замѣтилъ, что кто-то идетъ за нимъ. Сначала тесть и не подозрѣвалъ ничего, пришелъ спокойно въ домъ къ знакомой дѣвушкѣ и легъ спать съ ней; только видитъ онъ, что и тотъ человѣкъ, который слѣдовалъ за нимъ, какимъ-то образомъ очутился въ избѣ и хочетъ добраться до него, но собака мѣшаетъ этому. Передъ разсвѣтомъ мой тесть отправился домой; незнакомецъ послѣдовалъ за нимъ и всячески старался наброситься на него, но не могъ ничего сдѣлать, такъ какъ собака ни на шагъ не отставала отъ тестя. Придя домой, тесть раздѣлся и легъ спать. Лишь только онъ началъ дремать, какъ вдругъ съ чердака черезъ дырку надъ плитой (тесть былъ поваромъ и жилъ въ кухнѣ) кто-то сталъ швырять въ него чѣмъ попало. На утро, проснувшись, тесть замѣтилъ, что онъ съ ногъ до головы заваленъ кожами, что сохли на чердакѣ, полѣньями и т. п предметами.

Вотъ нѣсколько еще подобныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною отъ разныхъ лицъ. Разсказы, слышанные отъ крестьянъ, привожу на бѣлорусскомъ языкѣ.

— Ишоў вечарамъ съ хрысьцинъ адзинъ чалавѣкъ съ жонкою. Жонка несла дзиця ззаду. Бачаць яны, што нѣхта идзе за ими. Яны барждзѣй ици, и той чалавѣкъ прыбаўляя шагу; яны бѣгчы, и ёнъ бѣгчы. Дагадалися тагды яны, што гэта нѣки страхъ, да дай, Божа, ноги! якъ магá пабѣгли да хаты. Прыбѣгли яны гэтакъ къ дзьвярáмъ, туольки што ўскочыли ў сѣни адно жъ и страхъ на ґанку. Дóбра, кажа, што гэтакъ ище захвацилися. Залѣзли тагды усѣ хатнія на печъ и сядзяць, вельми папалóхалися. Заразъ страхъ прынёсъ *азяродную* [2]) жердку, падсадзиў яе падъ падрубу и стау падвáливаць хату. Чалавѣкъ набиў ружъё грашми, бу чорта ни-

---

[1]) Дѣйствующая въ этомъ разсказѣ собака по всѣму вѣроятію „ярчакъ". Для выращиванія „ярчака" совѣтуется взять самаго послѣдняго (считая по времени рожденія) щенка, у котораго непремѣнно должно быть черно во рту (вѣрнѣйшій будто бы признакъ злющей собаки), и воспитывать его хотя до полугода въ комнатѣ, такъ какъ маленькимъ его легко можетъ похитить вѣдьма. Такая собака видитъ всякую нечистую силу и въ состояніи съ ней бороться.

[2]) „Азяродъ"— высокій плотъ изъ толстыхъ жердей, въ который вкладываютъ обыкновенно снопы ржи и другія хлѣбныя растенія для просушки.

што инàдшая ни бяре, прыцѣлиуся и гаворыць: «Атстэмпся, патàня, а то ў лобъ запàля!» А страхъ навятъ и ни турая, да ўсё стараицца, кабъ якъ вышай падняць зрубъ и ўлѣсьци ў хату. Наўпередъ были видаць яго поги туольки чуць-чуць, а то вотъ уже высадзилися па самыя калѣни, ище ўсё вышай зрубъ падымаицца. Ище гòрай напалохалися ўсѣ ў хаци; адно жъ заразъ заспяваў пѣвянь, и ўсе прапала (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

— Разсказваў N. N., икъ служыў енъ ище ў замку у N., дакъ прышлося яму разъ васкавàць палэ́,—нѣшта мѣўся князь прыѣхаць. Нацирать прышлося вельми позна, бу спяшалися вельми, кабъ, покиль князь прыѣдзя, ўсе гатова было. Такъ о дванастуй гадзини утамиўся енъ вельми и прылегъ на ложка сапачыць. Прыкархнуў енъ трохи, дакъ чуя нѣхта трахъ-трахъ! идзе, ажъ падлога ўся падъ имъ дрыжыць. Спалохаўся енъ, хоча праснуцца, дакъ ня можа. Падышоў нѣхта да яго чорны, касматы, узяў ўпапярòкъ яго ложка и пачаў круцить. Пакруциў енъ гэтакъ нядоўги часъ и пашоў. Прачнуўся тагды енъ, дакъ ў той хаци уже никого ня было. (Тамъ же).

— Въ одной корчмѣ служанка, христіанская дѣвица, мѣсила еврейскій хлѣбъ. Вдругъ квашня стала быстро подыматься вверхъ. Служанка, замѣтивъ это, начала крестить квашню, и квашня опустилась на мѣсто. Жидъ въ это время лежалъ на лавочкѣ около печки. Замѣтивъ продѣлку служанки, онъ подумалъ, что она нарочно это дѣлаетъ съ какою-нибудь заднею мыслью, и сталъ бранить ее. Вдругъ лавочка съ жидомъ ни съ того, ни съ сего, подобно квашнѣ, стала быстро подыматься вверхъ. Тогда жидъ давай кричать на служанку: «Хрысьци мине! хрысьци мине!» Служанка перекрестила его, и лавка опустилась на прежнее мѣсто.

Въ этомъ разсказѣ и въ слѣдующихъ двухъ, вѣроятно, является дѣйствующимъ лицомъ домовой.

— Около сел. Почапова Нов. у. шинкарили два жида въ одной корчмѣ. Перессорились они и стали дѣлиться. Съ этого времени въ ихъ корчмѣ стало что-то стучать, ломать и портить вещи, разрывать трубы и т. п. Жиды привозили раввина, чтобы тотъ прочиталъ молитву, но и это ничего не помогло.

— Недавно ходили слухи, что подобный случай былъ въ одномъ селѣ. Построилъ одинъ человѣкъ новый домъ. Лишь только во-

шелъ онъ въ него, какъ сталъ замѣчать, что въ немъ что-то неладное творится: ночью безъ всякой видимой причины подымается какая-то страшная возня на чердакѣ, такъ что нельзя уснуть. Присмотрѣлся внимательнѣе тотъ человѣкъ и замѣтилъ, что виновниками этого страннаго явленія были два аиста, которые каждую ночь по какой-то причинѣ посѣщали чердакъ. Человѣкъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отвадить этихъ непремѣнныхъ гостей, призывалъ даже священника служить молебенъ, но ничто не помогало, и аисты долго нарушали его покой [1]).

Не всегда однако чортъ безпокоитъ человѣка своими злыми выходками, бываетъ много случаевъ, когда онъ лишь подшучиваетъ надъ человѣкомъ. Вотъ крестьянинъ только что видѣлъ свою «люльку», а она «ў ачывидки дзѣ-то згинула», какъ говорится— «и сабаки ня брахали, а люльку ўкрали». Это вѣрнѣй вѣрнаго продѣлка чорта; онъ сдѣлалъ «зацемненьне ў ачў», и крестьянинъ не видитъ своей люльки, хотя она тутъ же вблизи его находится. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ лишь три раза сказать: «Чортъ, чортъ! аддай маю люльку»,—и онъ отдастъ. Когда бѣлоруссъ одолжаетъ кому-либо цѣнную для него вещь, то онъ опасается наказывать должнику, чтобы тотъ непремѣнно возвратилъ ее, иначе чортъ постарается такъ устроить, чтобы вещь не была возвращена, и прямымъ послѣдствіемъ этого будетъ ссора между кредиторомъ и заимодавцемъ.

Въ дополненіе къ сказанному привожу нѣсколько разсказовъ крестьянъ относительно подшучиваній чорта.

— Быў у насъ войтамъ Микалай. На панщыну, бывала, рана ганили людзей, дакъ войту треба было ище ранѣй ўставаць. Вотъ гэтакъ разъ заказаў енъ ици усимъ на панщыну ў *Падзерычы* [2]), а самъ пашоў туды наўпярòдъ. Туолька што пярабрыў ѐнъ Нёманъ (Нѣманъ), дакъ наганяя яго чалавѣкъ. Пашли яны рàзамъ. Заманулася Микалаю занюхаць табаки. Дастаў енъ табакерку и стаў нюхаць. И той чалавѣкъ, што нагнаў Микалая, достаў сваю

---

[1]) Въ этомъ разсказѣ участіе домового очень рельефно выступаетъ, такъ какъ литовцы его называли Айтваросъ (Aithvaros), что собственно означаетъ пеликанъ. Очень возможно, что переводъ этого слова послужилъ для бѣлорусса толчкомъ къ представленію домового въ образѣ аиста.

[2]) Имѣніе Слуцкаго у.

табакерку и гэтакъ сама нюхая табаку, а посьля папрасиў навятъ Микалая, запробавaць ягó табаки. Микалай узяў ў руки табакерку, а тая падла ўся ажъ зяхациць, вядóма залатая. Бачыць той чалавѣкъ, што Микалаю вельми ўпадабáлася яго табакерка, и гавóрыць да яго: «А вѣдаяшъ што, чалавѣкъ, можа замяняемся съ табою на табакерки?» А у Микалая была табакерка нѣкая старая зъ бярóзаваи кары; дакъ Микалай вельми зарадаваўся ды пытàя: «Можа вельми многа прыдатку захочашъ?» — «Нѣ, лобъ ў лобъ.» — «Дòбра!» Памянилися яны на табакерки, падышли ще трохи разамъ, а потымъ разышлися: адзинъ пашоў на идну дарогу, а други на другую. Прышли людзи на работу. Вотъ Микалай захацѣў пахвалицца, якъ енъ падмануў пó начы нѣкага чалавѣка. Стаў ёнъ даставаць сваю табакерку съ-за пазухи, адно жъ аттуль замижъ табакерки выняўся коньскій капытъ. Усѣ падняли рóгатъ. Дагадаўся тагды Микалай, съ кимъ гэта прышлося яму сустрэцца. Вѐчарамъ, икъ пашли ўсѣ да дому, Микалай зайшоў на тоя мѣсца, дзѣ мяняўся на табакерки, адно жъ ляжыць тамъ яго табакерка. (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.)

— Ишоў адзинъ чалавѣкъ ў ночы да дому зъ Навáградка. Нагнаў яго ў лѣси нѣки чалавѣкъ. Вабрáны ёнъ быў хòраша, якъ панъ, и за плячыма несъ двухрульная ружьё. Падышли яны трохи разамъ, пагутарыли, а патымъ панъ и кажа: «Замяняямъ на ружья». А у таго чалавѣка быў нѣки злóмакъ зъ аднэю руляю. Чалавѣкъ гэта паглядзѣў на панская ружъё и думая: «Кабъ яго лиха ня вѣдала, мусиць, дурны гэты панъ, ци што? А нѣ, можа дзѣ ўкраў—што хоча гэтакая ладная ружъе замѣняць ня зломакъ!» Падумаў енъ гэтакъ, падумаў трохи, а потымъ таки замяняў. Прыходзиць гэта енъ да дому, запалиў агонь и хоча паставиць ружъе на покуць. Хатнія дзивяцца, што гэта енъ робиць. Вотъ жонка и пытая яго: «На што ты гэту пáдлу садзишъ на сьвянцóная мѣста?» — «Якую падлу?» вырачыўся чалавѣкъ: «гэта жъ ня тóя, што было: я уже новая вымяняў: ты туóльки палядзи, штоза ружъе?» — Што ты гавóрышъ? Разгледься: гэтажъ у цибе коньская галенка, а ни ружъе.» Разгледзяўся чалавѣкъ, адно жъ и па праўдзи ў рукахъ яго коньская галенка. Выкинуў енъ яé са злосьци на дворъ. На заўтра рáнинька схадзиў енъ на тоя мѣсца, дзѣ мяняў ружъе, дакъ яно тамъ и ляжало. (Слышалъ отъ кр. изъ д. Кремушевки, Нов. у.).

— Ѣхаў ўдзень разъ на валохъ Даміянъ. Падъяжджая енъ ў *Буды* *), дакъ бяжыць таки харошаньки сабака. Злѣзъ гэта Даміянъ зъ воза, злавиў яго, пасадзиў на возъ и паѣхаў. Падъѣхаў енъ да броду, дакъ бачыць, што на валохъ ажъ шумъ пастаў. Дзивицца Даміянъ, и самъ ни вѣдая, што имъ такоя сталася. Стаў енъ пяраяжджаць Неманъ, дакъ валэ́ и саўсимъ прыстали. Засярдаваў Даміянъ и пачаў биць ихъ. Вотъ валэ пашли уже. Зиркъ Даміянъ на сабачку, алпо жъ той сядзиць уже на другомъ бéрази и сьмяéцца. Тýльки што хацѣў Даміянъ ици па яго́ дакъ и згинуў, якъ ў ваздѣ растаў. (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

— Ѣхалъ еврей изъ сел. Вселюба вечеромъ домой. Видитъ онъ, лежитъ баранъ, да такой большой, просто страхъ! «Вѣроятно, кто-либо потерялъ его, ѣдучи въ городъ,—думаетъ еврей: возьму его себѣ, хорошій барышъ получу». Сталъ еврей поднимать барана на возъ, да не тутъ-то было! — баранъ тяжелъ и рвется. Еврей снялъ колесо съ телѣги и все-таки, понапрягши свои силы, елико возможно, взвалилъ барана на возъ. Подъѣхалъ еврей къ Вселюбу, — баранъ засмѣялся и удралъ съ воза. Съ тѣхъ поръ этого еврея прозвали бараномъ. (Слышалъ въ м. Вселюбѣ, Нов. у.).

— Ѣхали вечарамъ съ кирмашу людзи зъ нашага сяла. Бачаць яны—бяжыць зарóгаю баранъ. Яны за имъ—баранъ да́ляй. Вотъ, здаецца, уже саўсимъ дагнали, можна злавиць,—нѣ, закруцицца нѣкъ и ўцячé! Бѣгали яны, бѣгали, змардавалися чыста. Вотъ адзинъ чалавѣкъ и гаворыць: «Мусиць, чортъ гэта, а ни баранъ». Дакъ у тую самую минуту и прапаў той баранъ. (Слышалъ отъ крестьянъ изъ д. Лещенки, Нов. у.).

— Прышоў ў ночы чортъ да аднаго чалавѣка и стаў звацъ яго па имени. Чалавѣкъ той прачнуўся и пытая: «Хто тамъ?» А чортъ атказвая яму: «Ци ты ни пазнаў мине? Уставай, братъ, прэндзинка (скорѣй) и пагонимъ валэ на ранки, адному нѣкъ сьцишна». Чалавѣкъ чуў, што гаворыць падъ акномъ сусѣдъ яго, ўстаў гэта барджджэй, заняў валэ и гониць. Бачыць ёнъ, што и сусѣдъ уже выгнаў. Пагнали яны разамъ и загнали далёка ў лѣсъ. Засьмяяўся тагды сусѣдъ ни сваимъ голасамъ и прапаў разамъ зъ валами. (Отъ того-же).

Особенно любитъ чортъ шутить надъ пьянымъ. Пойдетъ пьяный человѣкъ домой, чортъ непремѣнно привяжется къ нему на

*) Урочище вблизи с. Никольска, Мин. у.

дорогѣ и выволочитъ его всюду, гдѣ только самъ пожелаетъ. Опачкается, замочится человѣкъ за это время — просто страсть! И главное, пока человѣкъ не подозрѣваетъ, что съ нимъ дѣлается, то можетъ ходить по самымъ топкимъ болотамъ и «азерынамъ», какъ по гладкой дорогѣ, хотя и видѣть будетъ, что идетъ по непроходимымъ мѣстамъ. Но лишь только озаритъ человѣка догадка о настоящемъ положеніи дѣла, то чортъ оставляетъ его на томъ же мѣстѣ, и онъ теряетъ свою чудесную способность. Привожу разсказъ о шуткѣ чорта надъ пьянымъ, слышанный мною въ с. Никольскѣ, Мин. у.

— Ишоў пъяны чалавѣкъ да дому. Сустрачая яго сватъ, «Добры вечаръ!» — «Вечаръ добры». — «Куды идзешъ, сватъ?» — «А да дому».—Чаго табѣ цягнуцца ажъ да дому; вотъ мая хата, пяраначуй у мине́!» — «Добра». Завёў гэтага чалавѣка сватъ къ сабѣ ў хату, памогъ яму узлѣзьци на печь, раззуў яго и развѣсиў на жердкахъ анучы и лапци. На заўтра праснуўся чалавѣкъ и дзивицца, якъ ёнъ гэта ўзабраўся на стогъ сѣна. Пачаў ёнъ кругомъ сибе разглядаць, адно жъ бачыць, што лапци и анучы яго висяць нядалека на дуби. Стаў прыпаминаць чалавѣкъ и дагадаўся, што гэта, мусиць, ўчарашни сватъ яго туда ўсправиў,

Иные разсказываютъ, будтоэтотъ крестьянинъ очутился не на стогѣ сѣна, а на «вышкахъ» въ своемъ хлѣву.

Говоря вообще о проказахъ чорта, упомянемъ о стремленіи его загораживать рѣки. О происхожденіи озеръ и рѣкъ мнѣ удалось слышать въ с. Никольскѣ Мин. у. слѣдующее объясненіе. «Азера и рэчки капа́ли ўсѣ зьвяре̇ и птушки, за гэтымъ имъ усимъ можна пиць аттуль воду. Адзинъ *канюхъ* *) ни паслухаў Бога и ни капаў, дакъ за гэта яму ня можна пиць вады зъ рѣчки и во̇зяра, а ту̑лька тую воду, што адъ дажджа стаиць на листочку ци у ямаццы на ка́мяни. Дакъ дзѣля гэтага канюхъ пастаянна и крычыць: «пиць, пиць!»

Конечно, птицы и звѣри выкопали лишь вмѣстилища для воды, а вода въ рѣкахъ и озерахъ появляется изъ-подъ земли чрезъ особыя дыры. Бѣлоруссъ убѣжденъ, что въ каждомъ озерѣ должна быть такая дыра. По всей вѣроятности, чорту непріятно, что вода течетъ изъ-подъ земли; кромѣ того, загородивъ рѣку,

*) Птица, ястребъ.

чортъ достигаетъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, онъ приноситъ этимъ вредъ человѣку, во-вторыхъ, доставляетъ себѣ явную выгоду, пріобрѣтая удобное мѣсто для своего становища. Поэтому неудивительно что чортъ очень часто старается запрудить рѣку камнями; но не всегда ему удается это, и очень часто случается, что камни, назначенные для этой цѣли, остаются гдѣ-нибудь на полѣ или въ лѣсу, будучи недоставлены на мѣсто. Такихъ камней, носящихъ названіе «чортоў камянь», найдется многое множество во всей Бѣлоруссіи. Недалеко отъ с. Никольска, Мин. у., въ урочищѣ Чертовица, находится огромный камень, про который разсказываютъ, будто бы чортъ несъ его къ Нѣману, желая запрудить его; но, къ счастью, въ это время пропѣлъ пѣтухъ, и чортъ вынужденъ былъ бросить камень. На камнѣ этомъ находятся какіе-то рубцы; крестьяне говорятъ, что это будто бы остались слѣды отъ когтей и реберъ чорта; самый же камень нѣсколько какъ будто изогнутъ, и крестьяне объясняютъ это тѣмъ, что чортъ «зъ вéлькага пуду» слишкомъ крѣпко бросилъ его о земь. Про пороги на р. Нѣманѣ разсказываютъ, что будто бы на томъ мѣстѣ чортъ устраивалъ плотину (тамавáньне), и ему осталось заложить лишь одинъ всего камень; но какъ-то въ это время случилось пѣтуху пропѣть, и этотъ камень остался незаложеннымъ. Рѣка впослѣдствіи размыла всю плотину, и образовались пороги.

Описывая явленіе чорта человѣку, нелишне замѣтить, что они происходятъ почти всегда ночью, главнымъ образомъ «ў пóўначъ»; днемъ же очень рѣдко случается видѣть «страхъ», а когда и случается, то не иначе, какъ въ полдень. Поэтому бѣлоруссъ страшится въ эти часы итти куда-нибудь въ глухое мѣсто въ одиночку, и особенно это можно замѣтить среди женщинъ. «Поўначъ» и пóўдня» олицетворяются бѣлоруссами, и часто можно слышать про ихъ явленія въ человѣческомъ образѣ людямъ. Но когда бы «страхъ» ни являлся, во всякое время имѣетъ на него магическое дѣйствіе пѣніе пѣтуха; ни въ какое время онъ не можетъ устоять противъ него и всегда, заслышавъ его, исчезаетъ.

Крестьяне говорятъ, что «даўнѣй, икъ земля ни была сьвянцóная, дакъ страхоў было буольшъ, а циперъ нѣшта ни чуваць» *).

---

*) Достойно примѣчанія слѣд. совпаденіе: по повѣрью, распространенному въ средѣ бѣлоруссовъ, камни, до освященія земли, имѣли способность расти.

Такъ, въ с. Никольскѣ Мин. у., разсказываютъ, въ одномъ переулковъ являлись какія-то кишки, которыя опутывали человѣка и держали его всю ночь; въ томъ же переулкѣ часто являлся «смаркȧты» конь, который тоже страшилъ людей.

Мы видѣли, что при своихъ явленіяхъ людямъ чортъ мѣняетъ свой образъ на разные лады, измѣняетъ даже сообразно своимъ цѣлямъ видъ вещей. Но всѣ эти измѣненія не полное измѣненіе его существа, а лишь кажущееся для глазъ человѣка. Это, какъ выражается бѣлоруссъ, чортъ только «туманъ пуская ў очы». Этимъ объясняетъ бѣлоруссъ также и неожиданную потерю съ глазъ какой-либо вещи. Умѣньемъ «пускать туманъ ў очы» обладаетъ не одинъ чортъ, но и знахари, и штукари, и даже большіе воры. Въ чемъ именно состоитъ эта штука—трудно объяснить. Привожу два разсказа на эту тему.

— Ѣхаў штукаръ. Сустрѣли яго падводы съ сѣномъ. Пачаў гэта штукаръ паказваць тымъ людзямъ разныя штуки; а посьля поставиў калодку ды стаў лазиць вакругȧ яе, а людзямъ тымъ здавалася, што ёнъ сапраўды лазиць празъ калоку. Стаяць яны ды дзивяцца. Наѣхаў задни чалавѣкъ. Штукаръ ня успѣў пусьциць яму ў вочы туману, дакъ яму папраўдзи видна стала, што штукаръ ўсе поўзая навакруга калодки, а не лазиць празъ яе. Дакъ гэты чалавѣкъ и гаворыць на мущынъ: «Чаго вы тутъ пастали? Што жъ тутъ за цудъ лазиць навакруга калодки?» Засярдаваў тагды штукаръ ды гаворыць да таго чалавѣка: «Глянь, чалавѣчку, вонъ твой возъ гарыць». Чалавѣкъ зиркъ на возъ, адно жъ той увесь въ агни. Вотъ чалавѣкъ той баржджей пярарѣзаў гужэ и стаў выводзиць съ аглабѐль каня. Вывяў ёнъ коня, дакъ возъ нибыта таго стаиць цѣлы, якъ мая быць. (Слышалъ, отъ кр. изъ Тростянки, Новогр. у.; доводилось также слышать и въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

— Прышоў штукаръ да пана и зачаў яму паказваць штуки. Той годъ у пана ня ўрадзила картопля. Вотъ штукаръ и гаворыць пану: «Я чуў, што у васъ сяголята вельми мала картопли, дакъ я, кали хочаця, дамъ свае вамъ», и пачаў разсыпаць па хаци

Это совпаденіе, по всей вѣроятности, не случайное, такъ какъ бѣлоруссъ считаетъ камень „чортовымъ братомъ". Освященіе земли, кажется, совершилось съ пришествіемъ Христа на землю; но есть нѣкоторыя данныя, по которымъ можно отнести совершеніе его и къ болѣе позднему времени.

картоплю. Панъ такъ радъ: стаиць да пасьмѣйваяцца. Увайшла пани, дакъ той на сьвѣжыя вочы саўсимъ видаць, што штукаръ сьмяецца съ пана и сыпля па хаци ня картоплю, але апилки и пясокъ. Стала пани крычаць на пана, на што ёнъ пусьциў ў хату гэтаго шельму. Дакъ штукаръ зрабиў такъ, што ў хаци стало поўна вады. Пани паднялася па поясъ и уцякла барждже́й у другія пакои. (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

Относительно пусканья воды слѣдуетъ замѣтить, что, по существующему въ Бѣлоруссіи повѣрью, если наловить двѣ бутылки ивановскихъ червяковъ и, закупоривъ ихъ плотно, поставить куда-нибудь въ теплое мѣсто недѣли на двѣ, то стоитъ лишь откупорить эти бутылки, и комната мгновенно наполнится прозрачной водой.

Прежде сказано было, что Богъ постоянно дѣлаетъ добро для человѣка, а чортъ, напротивъ, стремится дѣлать ему одно лишь зло. Уже по этому одному чортъ является противникомъ Богу. Эта черта въ чортѣ сказалась еще при твореніи. Чортъ хотѣлъ подшутить надъ Богомъ, но Богъ оказался сильнѣе его и обратилъ его шутку во вредъ ему.

— Зрабиў чортъ зъ глины воўка. Ишоў Богъ. Чортъ стаў имъ скавацъ Бога: куси Бога! А Богъ тогда заскаваў чорта: куси чорта! Воўкъ зрабиўся живымъ и погнаўся за чортомъ. Чортъ уцякаў, уцякаў, а воўкъ таки яго злавиў и ўкусиў за лытку. Чортъ лѣдзьвя-пя-лѣдзьвя нѣкъ узлѣзъ на алешыну. Вотъ алешына аттаго и стала чырвонаю, и циперъ карову, кали вытняшъ ею, ту будзя кроўю сцаць. (Слышалъ отъ кр. изъ д. Зеневщины, Нов. у).

Какъ своего противника, Богъ часто наказываетъ чорта, пускаетъ въ него громовыя стрѣлы. Чортъ прячется отъ нихъ куда-только можетъ — подъ дерево, подъ корову, подъ лошадь и т. п. Стрѣла, пущенная въ него, поэтому иногда попадаетъ въ тѣ предметы, подъ которые онъ прячется, и наноситъ имъ существенный вредъ. Чортъ можетъ прятаться даже подъ человѣка, и нужно сказать, что это самое вѣрное убѣжище для него, такъ какъ человѣкъ наиболѣе всего близокъ къ Богу и очень возможно, что Богъ можетъ удержать свою карающую десницу ради своего любимца. Чтобы отогнать отъ себя чорта, человѣкъ во время грома долженъ креститься, быть въ молитвенномъ расположеніи духа, не шутить и не смѣять-

ся; нельзя также въ это время подпускать къ себѣ близко собаки, потому что собака «несьвянцо́ная костка» и чортъ имѣетъ вполнѣ свободный доступъ къ ней. Особенно строго бережется бѣлоруссъ во время грозы стоять въ водѣ. Вода, какъ прежде мы замѣтили, стихія наиболѣе доступная чорту; поэтому вполнѣ возможно, что чортъ можетъ спрятаться подъ человѣка, когда онъ находится въ водѣ. Поэтому бѣлоруссъ, завидѣвъ тучу еще издалека, никогда не рѣшится купаться. Вѣроятно, поэтому же запрещается купаться со времени праздника св. Ильи, такъ какъ около этого времени бываетъ очень много грозъ. Если чортъ во время грозы нахо́дится вблизи жилья человѣка, то онъ старается забраться туда, какъ въ мѣсто наиболѣе безопасное для него. Этого пуще всего боится бѣлоруссъ, потому что стрѣла, пущенная въ чорта, очань легко можетъ зажечь домъ. Для предотвращенія такой бѣды, бѣлоруссъ ставитъ во время грозы «громничную» (срѣтенскую) свѣчу на окна и плотно закрываетъ дыры, ведущія въ домъ.

Но сколько, однако, ни склоненъ чортъ дѣлать зло, тѣмъ не менѣе чувство благодарности и справедливости не чуждо ему. Привожу разсказъ, какъ отблагодарилъ чертъ человѣка за предостереженіе его.

— Сядзѣли чалавѣкъ и чортъ на поли. Была той часъ вяликая бура и громъ. Чалавѣкъ кажа чорту: «Адыдзися ты адгэтуль, а то цибе забъе». Чортъ атскочыўся. Заразъ такъ—бахъ! на тымъ мѣсцы стрѣлила. «Добра!» сказаў чортъ: «ты мине адъ смерци збавиў,—прыдзи жъ ты ка мнѣ на гэта мѣсца зъ тымъ, хто ў цибе ў доми найлѣпшы прыяцель—я табѣ нѣшта дамъ». Прышоў чалавѣкъ да дому и думая: „Хто жъ у мине найлѣпшы прыяцель, якъ ня жонка—пайду зъ ею“. Прыходзиць ёнъ назаўтра на поля и лёгъ спаць, а жонка стала искаць яго. Заразъ прыляцѣў чортъ. «Зарѣжъ свайго мужыка», говорыць ёнъ жонцы: «я табѣ дамъ многа грошай. «Добра!» кажа жонка: «дайту́льки мнѣ ножа». Чортъ ўзяў нѣкую треску, зрабиў зъ яе ножъ и даў жонцы. Жонка падышла къ мужыку и хацѣла уже шаснуць яго па горли, адножъ чортъ ўзяў и разбудзиў мужыка. Бачыць ёнъ — стаиць жонка надъ имъ зъ нажо́мъ. Дагадаўся мужыкъ, што жонка хацѣла яго зарѣзаць. А чортъ яму падъ тоя и кажа: «Бачышъ, ты думаў, што жонка твой найлѣпшы прыяцель,

а яна хацѣла дзѣля грошай зарѣзаць цибе,—падзякуй мнѣ, што я хаця ў пору пабудзиў цибе... Нѣ, чалавѣча, ў цибе ў гаспадарстви есьць лѣпшы прыяцель, якъ жонка.» На други дзень мужыкъ зноў прышоў на тоя мѣсца. Увязаўся за имъ зъ дому сабака. Легъ мужыкъ спаць. Заразъ чортъ стаў спускацца. Сабака, якъ пачуў, дакъ заразъ ôбцасамъ кинуўся на грудзи къ гаспадару и пабудзиў яго. Устаў мужыкъ, разглядзяўся—и циперъ тольки дагадаўся, што у гаспадарстви у яго найлѣпшы прыяцэль—сабака. Тагды чортъ аддаў мужыку ўсѣ тыя грошы, што даваў яго жонцы, и яны разышлися. (Слышалъ отъ кр. изъ м. Вселюба, Новогр. у.)

Нѣсколько словъ въ частности про домового.

Первое, что бросается намъ при этомъ въ глаза,—это смѣшеніе культа домового съ культомъ почитанія змѣй. Бѣлоруссъ не только представляетъ себѣ домового въ образѣ змѣи, но даже и по происхожденію считаетъ его едва ли не змѣей. Объ этомъ мнѣ удалось слышать слѣдующее. Нужно пѣтуха, который запоетъ на третій день послѣ выхода изъ яйца, держать семь лѣтъ. За это время онъ снесетъ сносокъ (маленькое яйцо, величиной съ голубиное), которое слѣдуетъ зашить въ мѣшочекъ и носить его подъ лѣвой мышкой шесть мѣсяцевъ. Въ этотъ срокъ изъ него вылупится змѣенышъ, который собственно и есть домовой. Въ благодарность за пріютъ онъ будетъ человѣку, выносившему его, доставлять обиліе въ хозяйствѣ [1]).

Домовой обыкновенно живетъ въ клѣти («ў камôры», по нѣкоторымъ даннымъ—«падпéччу») и вылѣзаетъ оттуда только на «дзѣды» для участія (или, вѣрнѣе, для начала и чуть ли не благословенія) въ общемъ ужинѣ, о чемъ см. разсказъ ниже. При этомъ ему оказывается всякій почетъ и уваженіе: дорога изъ клѣти до стола выстилается бѣлымъ полотномъ, кушанье предлагается самое лучшее, преимущественно молоко.

Одинъ кр. разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ, какъ на «дзѣды» домовой являлся на общій ужинъ къ крестьянину въ видѣ кудластой собаки.

Домового можно видѣть еще и въ вел. четвергъ; для этого слѣдуетъ только въ церкви на вечернѣ взять зажженную свѣчу и ит-

[1]) Срв. литовскій разсказъ въ „Этногр. Обозр.“ „Слѣды почитанія змѣй въ Бѣлоруссіи“. См. въ газетѣ „Волжскій Вѣстн.“ 1893 г. № 262.

Ред.

ти съ ней домой, сохраняя бережно, чтобы вѣтеръ не загасилъ ее. Придя домой, съ этой свѣчей слѣдуетъ подняться на чердакъ и тамъ непремѣнно будетъ лежать домовой въ образѣ голаго человѣка. Тогда нужно чѣмъ-либо прикрыть домового, и онъ, въ благодарность за это, спроситъ у человѣка, чего ему нужно. Человѣкъ долженъ въ это время чистосердечно открыть домовому свои нужды, и онъ постарается устранить ихъ.

Домовой, помогая человѣку въ хозяйствѣ, требуетъ отъ него почтенія и уваженія, какое ему особенно оказывается на «дзѣды»; но, какъ мы видѣли изъ приведеннаго выше разсказа, домовой никогда не прочь отъ подобныхъ почестей и даже мститъ за неоказываніе ихъ и въ другое время.

Домовой также любитъ, если въ хозяйствѣ подобрано все согласно его личнымъ вкусамъ; тогда онъ съ особеннымъ рвеніемъ помогаетъ хозяину; въ противномъ же случаѣ онъ, вмѣсто помощи, приноситъ только вредъ; такъ, онъ заѣзживаетъ ночью нелюбимыхъ лошадей, коровъ и пр. Въ этомъ отношеніи играетъ немаловажную роль мѣсторасположеніе построекъ у хозяина, въ особенности дома. Для избѣжанія могущей возникнуть изъ-за этого ссоры между домовымъ и хозяиномъ дома, послѣдній передъ постройкой его долженъ сдѣлать слѣдующую пробу: въ четырехъ мѣстахъ, гдѣ приблизительно придутся углы дома, насыпается рожь. Если черезъ ночь рожь окажется нетронутой, то это вѣрный признакъ, что домовому нравится выбраннное мѣсто. Въ случаѣ же если рожь окажется разгребенной, то это означаетъ, что домовой противъ постройки дома на выбранномъ мѣстѣ. Тогда хозяинъ долженъ насыпать четыре кучки ржи на другомъ мѣстѣ и такъ продолжать до тѣхъ поръ, пока послѣ ночи рожь не останется въ цѣлости. Если случайно хозяинъ построитъ домъ на мѣстѣ, которое не нравится домовому, то онъ будетъ ночью съ трескомъ и стукомъ разгуливать по дому и портить въ немъ вещи (объ этомъ см. помѣщенные выше разсказы).

Наконецъ, считаю умѣстнымъ отмѣтить здѣсь взглядъ бѣлорусса на нѣкоторыя еврейскія обрядности, въ которыхъ, по его мнѣнію, дѣло не обходится безъ чорта. День очищенія у евреевъ (Іомъ Кипуръ Газекара) бѣлоруссы зовутъ «хапуномъ», въ той увѣренности, что въ этотъ день евреевъ хватаетъ чортъ. Приво-

жу объясненіе одного крестьянина,знакомаго съ священной исторіей, почему именно чортъ хватаетъ евреевъ.

— Когда Моисей разбилъ золотого тельца, истолокъ его въ порошокъ, всыпалъ этотъ порошокъ въ воду и заставилъ евреевъ пить эту воду, то вдругъ предъ ихъ глазами предсталъ чортъ въ образѣ разбитаго золотого тельца. Евреи не выдержали и бросились къ нему; онъ давай убѣгать и завлекъ, такимъ образомъ, евреевъ далеко въ пустыню. Моисей, желая собрать разбрешихся по пустынѣ евреевъ и не имѣя къ тому возможности, далъ клятву чорту, что, вмѣсто единовременной погибели многихъ евреевъ, онъ будетъ давать ему ежегодно по парѣ. Чортъ затрубилъ въ громадный рогъ, и евреи всѣ отъ мала до велика собрались вокругъ него.

Чтобы узнать, кого имено ухватитъ чортъ, евреи „на хапуна“ ходятъ къ рѣкѣ и смотрятся въ воду: чьей тѣни не будетъ, того, значитъ, и ухватитъ чортъ. Вечеромъ, въ самую глухую полночь, во время молитвы евреевъ, чортъ съ шумомъ влетаетъ въ ихъ школу (синагогу), гаситъ всѣ лампы и свѣчи и въ темнотѣ хватаетъ пару людей—еврея и еврейку. Кого именно ухватилъ чортъ, евреи узнаютъ по «пантоплямъ», которыя обыкновенно остаются на мѣстѣ. Ухвативъ жида, чортъ несетъ его въ болото и всякимъ способомъ тамъ мучитъ его. Натѣшившись вдоволь, онъ оставляетъ его,предварительно затоптавъ его хорошенько въ грязь, или же усадивъ на осину, а иногда и на сосну. Жидъ въ такихъ положеніяхъ обыкновенно мучится до тѣхъ поръ, пока не освободитъ его христіанинъ. Дерево, на которое чортъ посадитъ жида, обыкновенно послѣ того жалобно скрипитъ.

Дабы воспрепятствовать чорту ухватить кого-либо изъ своей среды, евреи «на хапуна» берутъ къ себѣ на всю ночь христіанина съ «громничной» свѣчкой. Хотя это считается для христіанина большимъ грѣхомъ, однако находятся нѣкоторые смѣльчаки, которые изъ-за денегъ рѣшаются на все. Всю ночь «громничная» свѣчка должна горѣть скрытою подъ «цёрломъ»; когда же въ полночь поднимется шумъ, и погаснутъ въ школѣ всѣ огни, то христіанинъ съ возможной быстротой долженъ открыть свѣчку; тогда чортъ стремглавъ спѣшитъ во свояси и оставляетъ евреевъ въ покоѣ.

П. Демидовичъ.

(Окончаніе будетъ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ БЫЛИННЫХЪ СЮЖЕТОВЪ[1]).

XVI. Добрыня и рѣка Смородина.

Былинному репертуару Олонецкой губерніи неизвѣстна гибель Добрыни въ рѣкѣ Смородинѣ. Единственная пѣсня съ этимъ содержаніемъ была записана Языковымъ въ Симбирской губерніи, въ г. Сызрани[2]). Въ этой пѣснѣ погибающій въ рѣкѣ молодецъ названъ Добрыней Никитичемъ. Между тѣмъ пѣсни, весьма сходныя по общему содержанію и подробностямъ, но въ которыхъ вмѣсто Добрыни Никитича находимъ безымяннаго добра-молодца, встрѣчаются нерѣдко. Намъ извѣстны: одна пѣсня изъ Симбирской губерніи[3]), одна изъ сборника Кирши Данилова[4]), три изъ Олонецкой губерніи[5]). Является вопросъ, какъ смотрѣть на пѣсню Языкова съ именемъ Добрыни Никитича: есть ли это былина въ общепринятомъ значеніи этого слова, или пѣсня безымянная, въ которую только введено впослѣдствіи имя Добрыни Никитича, придавшее ей видъ былины?

Для рѣшенія этого вопроса разсмотримъ содержаніе симбирской пѣсни и однородныхъ съ нею. Прежде всего отмѣтимъ, что začaломъ ей служитъ небольшая пѣсня о рожденіи царевича (Петра), сопровождавшемся тѣмъ, что нянюшки-мамушки всю ночь не спали, но стегали для новорожденнаго одѣяльце, а плотники-мастера всю

---

[1]) См. Этнографическое Обозрѣніе, кн. XXII.

[2]) См. Кирѣевскій—II, стр. 61—63.

[3]) См. Кирѣевскій—VIII, стр. 3—5.

[4]) См. Кирѣевскій—VIII, стр. 8—13.

[5]) См. Кирѣевскій—VIII, стр. 14—15; Рыбниковъ—I, № 82; Гильфердингъ № 262.

ночь ему колыбельку строили. Такое-же зачало находимъ въ другой тоже сызранской пѣснѣ, записанной Языковымъ, въ которой вмѣсто Добрыни упоминается просто добрый-молодецъ. Обѣ пѣсни, извѣстныя въ одномъ и томъ же уѣздѣ, конечно, сводятся къ одной. Начало, не представляющее тѣсной связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ, случайно въ Сызранскомъ уѣздѣ прикрѣпилось къ пѣснѣ о гибели молодца въ рѣкѣ Смородинѣ. Пѣсня о рожденіи царевича Петра извѣстна и отдѣльно [1]), но это пѣсня короткая, и, быть можетъ, потому сплотилась въ Сызранскомъ уѣздѣ съ другою, что нерѣдко случается съ короткими и пѣснями и былинами. Такой спайкѣ, быть можетъ, содѣйствовало тождество напѣва этой пѣсни съ другой, но за отсутствіемъ записаннаго «голоса» мы не можемъ этого сказать положительно. Какъ бы то ни было, нельзя согласиться съ Безсоновымъ, который, предполагая, что народная пѣсня о молодцѣ, уѣзжающемъ на чужую сторону и погибающемъ въ рѣкѣ Смородинѣ, пріурочена къ путешествію Петра за границу, помѣстилъ разсматриваемую пѣсню подъ рубрику: *Рожденье, первые годы и отъѣздъ* (Петра) *на чужую сторону* [2]).

За 1-й частью пѣсни, или точнѣе за первой пѣснью, случайно прикрѣпившейся, слѣдуетъ вторая, имѣющая свое *зачало* съ обычнымъ сравненіемъ:

Отломилася вѣточка отъ садовой отъ яблони,
Откатилось яблочко...
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери
На чужу дальну сторонушку, за рѣку за Смородину.

Подъѣхавъ къ рѣкѣ, Добрыня спрашиваетъ ее:

Охъ ты, рѣчушка, рѣчушка,
Мать быстра рѣка Смородина!
Широкимъ ты не широкая,
Глубокимъ ты не глубокая!
Есть ли на тебѣ, на рѣчушкѣ,
Переходы-то частые,
Переброды-то мелкіе?

Рѣка отвѣчаетъ человѣческимъ голосомъ—«душей красной дѣвицей», что на ней нѣтъ переходовъ, перебродовъ, но есть далеко

---

1) Напр. Кирѣевскій („Кирша Даниловъ")—VIII, стр. 1—2.

2) Вып. VIII, стр. 3.

два мосточка *калиновыхъ*. Добрыня спрашиваетъ, чтó рѣка беретъ за перевозъ. Смородина говоритъ, что беретъ «по добру коню наступчату, по сѣделечку черкасскому, по удалу добру молодцу», но его и такъ перепуститъ за его слова ласковыя, поклоны низкіе. Добрыня переребрелъ благополучно и сталъ надъ рѣкой насмѣхаться:

«Сказали про рѣчушку,
Сказали про быструю,
Что эта рѣчушка
Широкимъ широкая,
А глубокимъ глубокая:
Анъ эта рѣчушка
Хуже озера стоячаго,
Какъ дождева калужина!»

Смородина проситъ его вернуться, такъ какъ онъ позабылъ на другой сторонѣ два ножа булатныхъ.

Онъ на перву ступень ступилъ,
Онъ добра коня потопилъ;
Онъ на другую ступень ступилъ,
Сѣделичко черкасско потопилъ;
На третью ступень ступилъ,
Самъ тутъ утонулъ.

Гораздо полнѣе по содержанію, мотивировкѣ дѣйствія и деталямъ два пересказа, записанные въ Олонецкой губерніи и представляющіе одну редакцію [1]). Пѣсня открывается описаніемъ «безвременья» молодца, побудившаго его уйти въ чужую сторону:

Богъ молодца не милуетъ,
Государь молодца не жалуетъ,
Друзья-братья-товарищи
На совѣтъ не съѣзжаются,
И нѣтъ на молодцѣ ни чести, похвалы молодецкія [2]).

Еще пространнѣе то-же начало развито въ пѣснѣ однородной у Кирши Данилова. Здѣсь выведенъ сначала контрастъ прежняго положенія молодца и нынѣшняго:

Когда было молодцу пора-время великое
Честь-хвала молодецкая,

---

[1]) Рыбн. I, № 82 и Гильф. № 262.

[2]) Рыбн. I, стр. 467.

Господь-Богъ миловалъ, государь-царь жаловалъ,
Отецъ-мать молодца у себя во любви держалъ,
А и родъ-племя на молодца не могутъ насмотрѣтися,
Сусѣди-ближніе почитаютъ и жалуютъ,
Друзья и товарищи на совѣтъ съѣзжаются,
Совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати
Они про службу царскую и про службу воинскую.

Затѣмъ описывается «безвременье»:

А нынѣ ужъ молодцу безвременье великое:
Господь-Богъ прогнѣвался, государь-царь гнѣвъ взложилъ,
Отецъ и мать молодца у себя не въ любви держатъ,
А и родъ-племя молодца не могутъ и видѣти,
Сусѣди-ближніе не чтутъ, не жалуютъ,
А друзья-товарищи на совѣтъ не съѣзжаются,
Совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати,
Про службу царскую и про службу воинскую.

Далѣе въ обоихъ олонецкихъ варіантахъ, помимо немилости государя и ея послѣдствій, приводится еще и другая причина къ отъѣзду молодца: женитьба на нелюбимой, хотя и богатой женѣ:

Женилъ-то его родной батюшка
На чужой на дальной сторонушкѣ,
И бралъ за женою приданаго
Три черленыихъ три корабля:
Первый груженъ корабль златомъ и серебромъ,
А другой груженъ корабль скатнымъ жемчугомъ,
А третій груженъ корабль жениныиъ приданыимъ.
Тутъ-то добру-молодцу молода жена
Не въ любовь пришла, не по разуму.
Бралъ онъ себѣ добра-коня наступчива,
И сѣделышко черкасское, и плетку шелковую;
Самъ говорилъ таково слово:
«Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,
Лучше мнѣ сѣделко черкасское всего женинаго приданаго,
Да лучше мнѣ плетка шелковая молодой жены».
Да взялъ-то съ собою добрый молодецъ
Два товарища, два надѣйные,
Два ножичка, два булатные[1]).

[1]) Рыбн. I, 82, ст. 6—23.

Эта женитьба молодца на нелюбимой женѣ, какъ причина къ отъѣзду въ чужую сторону, составляетъ обычное начало старинъ «о молодцѣ и худой женѣ» [2]). Но въ началѣ этихъ старинъ нѣтъ трехъ кораблей съ богатствомъ жены и послѣднее описано гораздо скромнѣе. Зато недовольство женою развито здѣсь гораздо пространнѣе, причемъ жалобы на жену влагаются иногда въ уста самого молодца [3]).

Такого рода мотивы, какъ неудача на службѣ и недовольство женой, представляютъ можно сказать, стереотипныя зачала, которыми слагатели пѣсенъ пользовались для мотивировки отъѣзда добраго молодца въ чужую страну, гдѣ съ нимъ случаются событія, составляющія главное содержаніе слагаемой пѣсни. Олонецкіе варіанты о молодцѣ и Смородинѣ сочетали *оба* мотива отъѣзда молодца—неудачу по службѣ и женитьбѣ; но варіантъ у Кирши Данилова доказываетъ, что пѣсня ходила и съ *однимъ* мотивомъ отъѣзда, неудачей по службѣ съ ея послѣдствіями. Въ виду того, что уходъ отъ нелюбимой жены умѣстенъ въ пѣсняхъ о молодцѣ и худой женѣ, которыя, представивъ гульбу молодца въ Литвѣ съ королевной, кончаются его возвращеніемъ домой и примиреніемъ съ женой, и что этотъ мотивъ не имѣетъ связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ пѣсенъ о гибели молодца въ Смородинѣ, можно думать, что въ послѣднія старины онъ вошелъ случайно.

Возвращаемся къ дальнѣйшему сравненію Симбирской пѣсни о Добрынѣ съ олонецкими о добромъ молодцѣ.

Въ послѣднихъ сборы молодца въ чужую сторону описаны подробно и перечислены предметы, взятые имъ съ собою: добрый конь, сѣделышко черкасское, плетка шелковая и два ножа булатные. Эти предметы внесены не случайно, а въ виду дани, которую потребуетъ за перевозъ рѣка Смородина. Въ Симбирской пѣснѣ не находимъ этихъ подробностей: говорится только, что молодецъ «лишился своей родной страны и пріѣхалъ къ быстрой рѣчкѣ Смородинкѣ».

Далѣе въ Олонецкихъ варіантахъ и въ Симбирской пѣснѣ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ приводится обращеніе добраго молодца къ Смородинѣ съ вопросомъ о перевозахъ-перебродахъ

---

[2]) Рыбн. I, № 78; Гильф. № 97; Гильф. №№ 89 и 117; Рыбн. III, 53.

[3]) Гильф. № 89, 97 Рыбн. III, 53.

и отвѣтъ рѣки. Сходно описано въ обѣихъ пѣсняхъ издѣвательство добраго молодца надъ рѣкою послѣ благополучнаго переѣзда. Но далѣе Симбирская пѣсня вмѣстѣ съ варіантомъ Кирши Данилова содержитъ одну подробность, утраченную олонецкими варіантами. Въ послѣднихъ молодецъ самъ замѣчаетъ, что позабылъ на той сторонѣ два ножа булатные, и ѣдетъ обратно по мостамъ калиновымъ. Въ Симбирской пѣснѣ, такъ-же какъ въ варіантѣ К. Данилова, рѣка Смородина сама человѣчьимъ голосомъ кричитъ ему, чтобъ онъ вернулся:

Воротись ты за меня, за рѣчушку;
Позабылъ ты за мной, за рѣчушкой,
Два ножа, два булатныхъ...

Причемъ варіантъ К. Данилова прибавляетъ:

На чужой дальней сторонѣ
(Они) оборона великая.

Окончаніе, значительно скомканное въ Симбирской пѣснѣ (всего 8 стиховъ), болѣе подробно развито въ остальныхъ варіантахъ. Утопающій молодецъ спрашиваетъ Смородину, за что она его топитъ, и рѣка объясняетъ:

Не я тебя топлю, не я тебя гублю,
А топитъ тебя, губитъ честь-похвала молодецкая[1]).

Изъ сопоставленія всѣхъ четырехъ записей получаемъ тотъ выводъ, что Симбирская пѣсня значительно бѣднѣе деталями трехъ остальныхъ и вообще ниже ихъ по достоинству. Между тѣмъ въ ней одной вмѣсто безымяннаго добраго молодца мы встрѣчаемъ имя былиннаго богатыря. Естественно является предположеніе, что имя Добрыни было введено позднѣе въ безымянную пѣсню какимъ-нибудь пѣвцомъ, который, быть можетъ, помнилъ кое-что о похожденіи Добрыни на рѣкѣ Пучаѣ, или Израѣ. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что именно въ области, гдѣ свѣжъ эпическій репертуаръ—въ Олонецкой губерніи, неизвѣстны старины, въ которыхъ погибающій въ Смородинѣ молодецъ былъ бы отождествленъ съ Добрыней Никитичемъ. Нельзя не отмѣтить и того, что въ томъ же Сызранскомъ уѣздѣ другой варіантъ о молодцѣ и Смородинѣ, доставленный также Языковымъ[2]), не имѣетъ

[1]) Рыбн. I, стр. 468.
[2]) Кирѣевскій, VIII, стр. 3—5.

имени Добрыни Никитича [1]). Итакъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ того процесса въ народной эпикѣ, который я назвалъ, «историзаціей», т. е. пріуроченіе измышленнаго или фантастическаго сюжета къ историческому имени. На ряду съ переходомъ пѣсенъ именныхъ въ безымянныя нужно допустить въ нашемъ пѣснопѣніи и обратный переходъ, а также вторженіе мотивовъ изъ безымянныхъ пѣсенъ въ былины. Подтвержденіе этому можно найти въ разсматриваемыхъ Олонецкихъ пѣсняхъ о молодцѣ и Смородинѣ. Наличные факты не даютъ намъ права предполагать, что эти «старины» въ прежнее время содержали имя Добрыни и входили въ разрядъ пѣсенъ объ этомъ богатырѣ. Напротивъ, можно, кажется, констатировать вторженіе нѣкоторыхъ мотивовъ изъ безымянной пѣсни о молодцѣ и Смородинѣ въ былины о змѣеборствѣ Добрыни. Такъ, переплывъ Смородину, добрый молодецъ издѣвается надъ нею и гибнетъ за свою похвальбу. Это совершенно согласно съ народнымъ убѣжденіемъ, что «гнило слово похвальное». Похвальба погубила Святогора-Самсона, Анику и даже всѣхъ русскихъ богатырей (въ извѣстной былинѣ о ихъ гибели). Но такое же издѣвательство и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ произноситъ въ нѣкоторыхъ былинахъ Добрыня, купаясь въ рѣкѣ Пучаѣ:

Мнѣ, Добрынѣ, матушка говбрила,
Мнѣ, Никитичу, матушка наказывала:
«Не куплися, Добрыня, въ Пучай рѣкѣ!
А Пучай рѣка да есть свѣрипая,
Средняя струя да какъ огонь сѣчетъ».
А Пугай рѣка да есть смирна̀ крута̀,
Какъ будто лужа вѣдь дождевая [2]).

Здѣсь издѣвательство Добрыни (находимое лишь въ незначительномъ числѣ варіантовъ) не ведетъ за собою никакой мести со стороны рѣки Пучая. Такой местью нельзя считать нападенія змѣя Горыныча, такъ какъ, если бы появленіе змѣя и было местью со стороны рѣки, то эта месть не достигаетъ цѣли: Добрыня не пострадалъ за свою похвальбу, но справился съ чудовищемъ.

---

[1]) Отличіе его отъ варіанта съ именемъ Добрыни то, что Смородина даетъ матери добра-молодца объясненіе, за что поглотила ея сына.

[2]) Гильфердингъ № 157; срав. также № 148 и Рыбниковъ I, 24, III, 15.

Очень вѣроятно поэтому, что здѣсь въ былинѣ такая же случайная вставка изъ разсмотрѣнной нами пѣсни, какъ въ нѣкоторыхъ пересказахъ того же сюжета находимъ вставку изъ былинъ о купаньѣ Василія Буслаева въ Іерданѣ (дѣвицы-портомойницы, запрещающія богатырю купаться нагимъ тѣломъ [1]).

Выше я предположилъ, что имя Добрыни Никитича было вставлено въ безымянную пѣсню какимъ-нибудь пѣвцомъ, помнившимъ кое-что изъ былины о купаньѣ Добрыни въ Пучаѣ. Если мы припомнимъ нѣкоторыя черты послѣднихъ былинъ, то возможность ихъ воздѣйствія на вставку имени Добрыни намъ представится болѣе осязательной.

Мы видѣли, что въ лучшихъ записяхъ пѣсни о молодцѣ и Смородинѣ открываютси изображеніемъ «безвременья», особенно неудачи молодца по службѣ. Нѣкоторыя былины о змѣеборствѣ Добрыни начинаются той же жалобной нотой: Добрыня, не выслужившій у князя ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго [2]), жалуется матери на свои неудачи и спрашиваетъ:

Для чего ты меня несчастнаго спородила,
Несчастнаго, неталаннаго [3])

Какъ въ пѣснѣ о Смородинѣ безталанный молодецъ уѣзжаетъ къ рѣкѣ, такъ Добрыня, простившись съ матерью, отправляется на Пучай-рѣку. При нѣкоторомъ сходствѣ этихъ ситуацій немудрено, что безымянный добрый молодецъ въ одномъ пересказѣ могъ получить имя Добрыни.

Вс. Миллеръ.

---

[1]) См. Экскурсы, гл. II.

[2]) Кирѣев. II, стр. 45.

[3]) Гильф. № 3. Рыбн. I, 23; ср. тотъ же мотивъ въ былинахъ о Добрынѣ и Алешѣ, Рыбн. I, 25, Гильф. № 149.

СМѢСЬ.

Духи-людоѣды у бурятъ.

(*Къ вопросу о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ*).

У бурятъ Унгинскаго Инородческаго вѣдомства существуютъ духи-людоѣды, которые ѣдятъ человѣческое мясо и пьютъ человѣческую кровь, какъ питье. Такихъ духовъ-людоѣдовъ у бурятъ много; напримѣръ: *Ада*, которые раздѣляются на двѣ группы — хорошихъ и худыхъ. Хорошіе ада новорожденныхъ дѣтей не ѣдятъ и не трогаютъ; напротивъ, они заботятся о нихъ и няньчаются съ ними; кромѣ того, ада заботится о хозяинѣ, чтобы у него ничего не пропало, чтобы посторонніе люди не унесли безъ спроса какую-нибудь вещь. Худые ада ѣдятъ новорожденныхъ дѣтей, а потому буряты употребляютъ всѣ мѣры, чтобы не допустить къ новорожденному ребенку худого ада, и разными религіозными обрядами прогоняютъ его, если онъ входитъ въ домъ или юрту, гдѣ лежитъ новорожденный ребенокъ. По словамъ бурятъ, ада ѣстъ новорожденныхъ дѣтей только до года; ребенка, которому годъ и болѣе, а также взрослыхъ ада не трогаетъ. Чтобы не допустить худыхъ ада въ домъ, то изъ предосторожности никого изъ постороннихъ или незнакомыхъ не впускаютъ, чтобы худые ада съ ними не вошли въ домъ незамѣченными; эта предосторожность называется „хорюр“— запрещеніе. Если шаманъ положитъ запрещеніе, т.-е. „хорюр“, тогда обыкновенно никого не впускаютъ и даже дверь держатъ постоянно запертою; другіе возлѣ двери ставятъ чугунный кувшинъ или горшокъ съ палкою: кто входитъ въ домъ, тотъ долженъ постучать палкой въ горшокъ, чтобы худой ада не вошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ большинствѣ случаевъ шаманъ дѣлаетъ такъ называемый „хахюхан“—оберегатель; хахюхан или заянъ, отъ имени котораго сдѣланъ оберегатель, долженъ беречь новорожденнаго ребенка отъ худого ада и отъ прочихъ злыхъ духовъ.

Кромѣ «ада», есть еще другой духъ, котораго буряты называютъ Му-шубунъ; онъ живетъ въ лѣсахъ. Му-шубунъ гораздо опаснѣе и сильнѣе, чѣмъ ада. Му-шубуны ѣдятъ взрослыхъ людей, одиноко кочующихъ въ лѣсахъ. Му-шубунъ убиваетъ людей своимъ длиннымъ краснымъ клювомъ, на подобіе клюва птицы, словно изъ желѣза. Онъ подходитъ къ спящему человѣку, ударяетъ его клювомъ по головѣ и пробиваетъ ее, а затѣмъ, убивъ такимъ образомъ человѣка, съѣдаетъ его мозгъ, печень и почки.

Кромѣ ада и му-шубунъ, питающихся человѣческимъ мясомъ, у бурятъ есть и другіе духи-людоѣды, которые еще сильнѣе, чѣмъ ада и му-шубунъ. Эти духи-людоѣды принадлежатъ къ числу сильныхъ и большихъ *черныхъ заяновъ*. Для такихъ заяновъ буряты въ прежнее время приносили въ жертву людей для умилостивленія этихъ духовъ-людоѣдовъ.

Что человѣческія жертвоприношенія существовали у бурятъ, это безспорно, хотя нынѣшніе буряты не могутъ подтвердить этого. Существованіе духовъ-людоѣдовъ и обряда „долё“ (о немъ скажу далѣе) вполнѣ доказываетъ, что у бурятъ когда-то существовали такія жертвоприношенія. Подтвержденіемъ служатъ слова призываній черныхъ заяновъ, напримѣръ:

„Улан шухан ундан	Красная кровь—питье,
Хуни мяхан хунхэн,	Человѣческое мясо—харчи
Хара архи хаба	Черное вино—умѣнье (мудрость)
Дак хара тогон	Черный отъ кипи котелъ,
Дабирха хара иден“...	Черная, какъ деготь, пища...

Есть еще и другое призываніе чернаго заяна, въ которомъ говорится:

„Хуни мяхан хунхэн	„Человѣческое мясо—харчи,
Хуни шухан ундан...“	Человѣческая кровь—питье...“

Въ настоящее время заянамъ обыкновенно приносятъ въ жертву животныхъ.

Въ числѣ восточныхъ *хатовъ* и *тэнгэриновъ*, которые считаются покровителями черныхъ заяновъ и шамановъ, тоже есть людоѣды. Такъ, между восточными хатами девять кровавыхъ хатовъ (ехон шухан хат), которые тоже питаются человѣческимъ мясомъ и пьютъ человѣческую кровь. Между восточными тэнгэринами находимъ девять кровавыхъ тэнгэри (ехон шухан тэнгэри) и тринадцать тэнгэри *Асаранги* (Асаранги арбан чурбан тэнгэри) и по мнѣнію другихъ восемнадцать тэнгэри Асаранги, которые тоже питаются человѣческимъ мясомъ и пьютъ человѣческую кровь, какъ питье.

Теперь обратимся къ *чернымъ шаманамъ*, представителямъ черныхъ заяновъ, восточныхъ хатовъ и тэнгэриновъ. Буряты и

теперь обыкновенно говорятъ, что черный шаманъ ѣстъ людей, хотя это вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Бурятское выраженіе „харан бö ху иде“ въ буквальномъ переводѣ по-русски значитъ: „черный шаманъ съѣлъ человѣка“. Такимъ образомъ, хотя нынѣшній черный шаманъ не ѣстъ человѣка въ самомъ дѣлѣ и не приноситъ человѣческихъ жертвоприношеній, какъ въ былое время, но все-таки выраженіе сохранилось до сего времени. Нынѣшній черный шаманъ, по словамъ бурятъ, не ѣстъ человѣка въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а только ѣстъ душу человѣка, съ помощью своего покровителя чернаго заяна. Слѣдовательно, у бурятъ въ прежнее время, помимо черныхъ заяновъ, хатовъ и тэнэриновъ, и черные шаманы считались людоѣдами, почему прежніе буряты не любили и боялись ихъ, какъ людоѣдовъ и какъ причиняющихъ разные несчастія и болѣзни, и теперь тоже боятся и не любятъ ихъ, хотя человѣческихъ жертвоприношеній и долѣ уже не существуетъ. Въ связи съ этимъ находятся выраженія: „хуни мяха шуханда хухэхима“ (желающій человѣческаго мяса и крови), „хуни мяха шуханда обтохыма“ (такъ ему хочется человѣческаго мяса и крови).

Интересно обратить вниманіе на борьбу черныхъ шамановъ между собою, при чемъ часто случается, что одинъ черный шаманъ „ѣстъ душу“ другого чернаго шамана. Когда два черные шамана рассорятся между собою, то, желая съѣсть другъ друга, они выходятъ на борьбу слѣдующимъ образомъ: оба черные шамана шаманятъ, призывая каждый своихъ покровительствующихъ заяновъ; въ это время души этихъ черныхъ шамановъ борются между собою; если душа одного чернаго шамана въ борьбѣ побѣждаетъ душу другого чернаго шамана, то побѣдившая ѣстъ побѣжденную. Во время такой борьбы иногда душа одного чернаго шамана обращается въ медвѣдя или волка и гонится за душою другого шамана, душа котораго тоже обращается козулею или какимъ-нибудь другимъ животнымъ и въ такомъ видѣ гонятся другъ за другомъ. Побѣдитель, обратившійся въ медвѣдя или волка, догнавши своего противника, обратившагося въ козулю или другое животное, обыкновенно съѣдаетъ его. Это доказываетъ людоѣдство черныхъ шамановъ и покровительствующихъ имъ черныхъ заяновъ, хатовъ и тэнгэриновъ. Иногда какой-нибудь черный заянъ ѣстъ душу шамана или простого бурята; у котораго шамана или простого бурята душа съѣдена, тотъ скоро помираетъ, потому что безъ души человѣкъ не можетъ жить долго.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о *черныхъ кузнецахъ* и объ ихъ заянахъ. Черные кузнецы и ихъ черные заяны очень сильны и тоже ѣдятъ людей. Черный кузнецъ дѣлаетъ человѣческую фигуру, т.-е. модель какого-нибудь человѣка съ конемъ, надъ которыми дѣлаетъ обрядъ „амилха“ (оживить), а потомъ вноситъ въ кузницу, гдѣ, шаманя т.-е. призывая своихъ черныхъ кузнечныхъ

заяновъ, сдѣланную фигуру ставитъ на наковальню и разбиваетъ молотомъ. Послѣ этого тотъ человѣкъ скоро долженъ помереть.

По мнѣнію бурятъ, *бѣлые шаманы* — представители добрыхъ заяновъ, ухан-хатовъ, западныхъ хатовъ и западныхъ тэнгэриновъ. Бѣлые шаманы не ѣдятъ людей, какъ черные шаманы; также бѣлые заяны, ухан-хаты, западные хаты и западные тэнгэрины не ѣдятъ людей, которыхъ и не приносили имъ въ жертву. Въ честь бѣлыхъ заяновъ, ухан-хатовъ, западныхъ хатовъ и западныхъ тэнгэриновъ совершаютъ религіозные обряды съ жертвоприношеніями въ новолуніе и всегда днемъ: „талганы“ и „когрыки“—это обряды съ съ кровавой жертвой, а „зухэли“, „гаргаха“ и “тэнгэри-дудаха“—съ „тарасуномъ“, виномъ и молочными продуктами, но безъ животныхъ.

Для религіозныхъ жертвоприношеній чернымъ заянамъ, восточнымъ хатамъ и тэнгэринамъ выбираютъ темную, безлунную ночь; для жертвы употребляютъ „саганъ“, т.-е. хурунгу изъ молочной пищи; при нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ хурунгу вовсе не употребляютъ, а замѣняютъ ее дегтемъ.

Въ талганахъ, совершаемыхъ бѣлымъ заянамъ, ухан-хату, западному хату и западнымъ тэнгэринамъ большею частію, кромѣ животныхъ, употребляется молочная пища; иногда талганы дѣлаются изъ одной молочной пищи безъ животныхъ, такіе талганы называются „сагагар тахиха“ или „идегэр тахиха“. Въ большихъ религіозныхъ обрядахъ, напримѣръ: „зухэли-гаргаха“ и „тэнгэри дудаха“, вовсе недопускаются животныя, пролитіе крови считается большимъ грѣхомъ, и ограничиваются только одною молочною пищею, тарасуномъ и виномъ; во время этихъ обрядовъ крикъ, шумъ, драки и ругань строго запрещаются, какъ для хозяевъ, такъ и для постороннихъ присутствующихъ.

При религіозномъ обрядѣ „хун-долё“, давали человѣка въ жертву черному заяну во время болѣзни; это означало, что за больного человѣка даютъ другого человѣка, т.-е. больного замѣняютъ другимъ и желаютъ умилостивить того чернаго заяна, который послалъ болѣзнь больному; тогда черный заянъ, принявъ человѣческое жертвоприношеніе и умилостивившись, пошлетъ выздоровленіе больному. Приведу слѣдующее преданіе о „долё“.

Были два брата: одинъ Тӧмӧ, богатый, который имѣлъ двухъ дочерей; а другой братъ бѣдный Тэрму, имѣвшій двухъ сыновей и двухъ дочерей. Однажды богатый Тӧмӧ, въ это время жившій на мѣстности Мадаганъ (нынѣ въ Бильчирскомъ инородческомъ вѣдомствѣ), сильно заболѣлъ; вслѣдствіе этого онъ обратился къ черному шаману, который сказалъ, что нужно дѣлать жертвоприношеніе человѣкомъ, т.-е. долё. Тӧмӧ совершилъ религіозный обрядъ такъ называемый „хун долё“. У Тӧмӧ жила одна дѣвица служанка, которую звали Боржихонъ; выборъ чернаго шамана палъ на эту дѣвицу Боржихонъ, которую и принесли въ жертву по об-

ряду хун-долё, какъ обыкновенно приносятъ теперь въ этихъ случаяхъ животныхъ, но только съ нѣкоторыми особенностями. А именно: приступивъ къ обряду „хун долё", сдѣлали всѣ приготовленія какія требуются, а потомъ эту дѣвицу Боржихонъ убили, какъ обыкновенно колютъ животныхъ во время религіозныхъ обрядовъ; при этомъ взяли „жулдэ" (у унгинскихъ бурятъ — „хурай"; иногда и унгинскіе буряты хурай называютъ „жулдэ, но очень рѣдко). Послѣ этого вышли на степь, гдѣ по обряду разложили огонь, на который положили тѣло убитой дѣвицы головою къ юго-востоку, и такимъ образомъ сожгли. По словамъ разсказчика, впередъ на огонь положили жулдэ, а потомъ остальное тѣло. Послѣ этого религіознаго обряда „хун-долё", богачъ Тӧмӧ померъ; это значитъ, что черный заянъ не принялъ жертвоприношенія хун-долё; за богача Тӧмӧ онъ не принялъ дѣвицу Боржихонъ, которою желали его умилостивить.

Другое преданіе говоритъ, что богачъ Доно имѣлъ одного сына, который сильно заболѣлъ. Тогда, по совѣту чернаго шамана, совершили религіозный обрядъ „хун-долё", для котораго взяли мужчину, выбравъ одного работника изъ 25; этого избраннаго работника и принесли въ жертву, какъ животное. При совершеніи религіознаго обряда „хун-долё" шаманъ шаманилъ слѣдующимъ образомъ (привожу небольшой отрывокъ):

„Арбан табан хӧбунхэн	Изъ пятнадцати работниковъ
Ахагин барябаб,	Старшаго поймалъ,
Хорин табан хӧбунхэн	Изъ двадцати пяти работниковъ
Хошурхан барябаб,	Опередившаго поймалъ,
Мэни хэми тала	Для моей мѣрки
Хэмдэ хурэ,	Въ мѣрку иди,
Мэни хэлгэн тала	Для моей смерти
Хэлгэдэ хурэ..."	Къ смерти иди...

Послѣ этого „хун-долё" сынъ богача Доно выздоровѣлъ. Это значитъ, что черный заянъ, которому устроили этотъ религіозный обрядъ „хун-долё", принялъ жертву, т.-е. душу работника принялъ за душу сына Доно, а мясо черные заяны съѣли, какъ ѣду, и кровь выпили, какъ питье. Разсказчикъ мѣсто жительства Доно не могъ сказать, а только сказалъ, что этотъ богачъ жилъ въ нынѣшнемъ Балаганскомъ округѣ.

Такимъ образомъ прежніе буряты больного человѣка замѣняли другимъ, посредствомъ религіознаго обряда „хун-долё", какъ нынѣ больного замѣняютъ въ долё животными. По мнѣнію бурятъ, если человѣкъ сильно заболѣетъ и долженъ помереть по волѣ заяновъ, то все-таки онъ съ помощью хорошаго шамана можетъ выздоровѣть, отдавъ на мѣсто себя какое-нибудь домашнее животное въ „долё"; если же животное нельзя отдать, заяны не принимаютъ, то можетъ отдать какого-нибудь посторонняго человѣка изъ сосѣ-

дей или же изъ родныхъ вмѣсто себя, тогда больной человѣкъ выздоравливаетъ, а отданный человѣкъ заболѣваетъ и помираетъ; это у бурятъ называется „долё", т.-е. замѣна.

Въ прежнее время, если къ тяжко больному и умирающему призывали хорошаго и чернаго шамана, тогда сосѣди и родные больного сильно побаивались, чтобы шаманъ взамѣнъ больного не отдалъ одного изъ нихъ. По пріѣздѣ шамана, который находился у больного, сосѣди и родные принимали мѣры предосторожности: въ юртѣ разводили большой огонь и ночью не спали, такъ какъ будто бы у не спящаго человѣка душу трудно взять, она не выходитъ изъ тѣла, когда же человѣкъ спитъ, то его душу можно выгнать изъ тѣла и легко поймать.

Въ прежнее время, когда существовали жертвоприношенія человѣкомъ вообще, то и долё тоже совершали человѣкомъ, но впослѣдствіи этотъ обычай прекратился, хотя все-таки остались воспоминанія объ этихъ обрядахъ, ясно свидѣтельствующія о ихъ существованіи.

По мнѣнію бурятъ, когда большой и черный шаманъ, по указанію больного или его домашнихъ, шаманитъ ночью, тогда онъ ловитъ душу другого человѣка изъ сосѣдей или изъ родныхъ больного и отдаетъ ее взамѣнъ больного, а душу больного освобождаетъ изъ заключенія и изъ цѣпей.

Бѣлый шаманъ не можетъ совершать обрядъ „долё" съ человѣческой жертвой, а животныхъ можетъ приносить въ жертву.

Приведу два примѣра со словъ бурятъ:

Одинъ богатый человѣкъ сильно заболѣлъ и пригласилъ одного большого и чернаго шамана Хахулъ, который пріѣхалъ къ больному и началъ совершать свои религіозные обряды; тогда одинъ изъ сосѣдей больного незамѣтно сталъ подслушивать, что они будутъ говорить между собою и кого будутъ отдавать въ «долё» за больного. Онъ подслушалъ, что шаманъ Хахулъ и больной между собою согласились отдать въ долё того самаго бурята, который подслушивалъ ихъ разговоръ. Тогда этотъ бурятъ поѣхалъ въ лѣсъ, взявъ съ собою тарасунъ; когда онъ пріѣхалъ въ лѣсъ съ тарасуномъ, то совершилъ особый религіозный обрядъ «духаху», послѣ чего вырубилъ маленькую сосну и при этомъ говорилъ: «я рублю шамана Хахулъ». Срубивъ сосну и взявъ ее съ собою, онъ пріѣхалъ домой, налилъ въ кадушку воды и началъ ее болтать привезенною сосною, держа внизъ верхушкою; при этомъ онъ говорилъ: «болтаю воду шаманомъ Хахулъ, пусть голова шамана Хахулъ кружится, рожденіе (происхожденіе) Хахула заблудится и происхожденіе Хахула одурѣетъ». Такимъ образомъ онъ болталъ воду въ кадушкѣ до утра. Въ эту ночь шаманъ Хахулъ шаманилъ, чтобы за больного отдать въ «долё» уже другого человѣка, но никакъ не могъ шаманить: голова его кружилась, заяны его не приходили на его призывъ.

На другое утро шаманъ уѣхалъ домой и послѣ этого онъ скоро померъ, а также померъ и больной.

Другой примѣръ: Въ Закулейскомъ улусѣ сильно заболѣлъ староста Ишигилъ, который былъ богатъ. Ишигилъ пригласилъ шамана Халта. Когда шаманъ Халта пріѣхалъ къ старостѣ Ишигилу, то сосѣди и родные его приняли мѣры предосторожности. Это было въ лѣтнее время; когда настала ночь, то сосѣди и родные старосты Ишигила зарядили ружья, а у кого не было ружья, тѣ приготовили стрѣлы и лукъ; въ юртѣ подъ порогомъ двери положили вѣникъ: по мнѣнію бурятъ, когда духи или душа шамана придетъ, чтобы войти въ юрту, то этотъ вѣникъ обращается въ непроходимый лѣсъ, и тогда духъ или душа шамана не можетъ войти въ юрту, черезъ этотъ лѣсъ; въ юртѣ развели большой огонь и въ ожиданіи шамана не спали. Въ эту ночь шаману Халта сдѣлали трость (хӧрбо); ночью шаманъ Халта началъ шаманить, и въ это время душа шамана Халта, сдѣлавшись медвѣдемъ, отправилась къ сосѣду старосты Ишигила Дармаю, котораго онъ, по указанію старосты Ишигила, хотѣлъ отдать въ «долё» на мѣсто больного. Душа шамана Халта, подъ видомъ медвѣдя, пришла къ Дармаю, который въ это время не спалъ. Медвѣдь разобралъ потолокъ юрты Дармая съ сѣверо-восточнаго угла и хотѣлъ войти въ юрту; онъ уже вошелъ до половины тѣла въ юрту, но въ это время Дарма увидѣлъ медвѣдя и въ испугѣ крикнулъ: «что дѣлаешь, Халта!» а потомъ изъ ружья выстрѣлилъ въ медвѣдя, который упалъ на улицу и убѣжалъ. Сосѣди и родные старосты Ишигила такъ и не спали по ночамъ до тѣхъ поръ, пока шаманъ Халта не уѣхалъ домой, а староста Ишигилъ померъ.

Такихъ преданій въ разныхъ мѣстахъ найдется много, но я ограничусь этими для примѣра.

Безъ шамана также можно отдать въ долё другого человѣка. Если какой-нибудь бурятъ присужденъ заянами умереть и заболѣетъ, или даже до болѣзни, онъ можетъ за себя отдать другого человѣка, который за него долженъ помереть; это также называется «долё», или какъ обыкновенно говорятъ «долёхо», т.-е. отдать за себя другого человѣка, или замѣниться. Въ долё можно отдать чужихъ или изъ родныхъ и даже изъ своихъ дѣтей: но все-таки этотъ человѣкъ долженъ скоро помереть, потому что онъ только на время откупился, или замѣнился. Онъ опять можетъ другой разъ замѣниться, т.-е. отдать другого человѣка; но все-таки помираетъ скоро, лишь иногда можетъ дожить до старости лѣтъ.

Если у кого-нибудь пропадетъ хорошій конь, то, говорятъ, не нужно жалѣть, такъ какъ хорошій конь или скотъ пропадаетъ за хозяина. Заяны хорошаго коня или другую скотину берутъ за человѣка, т.-е. за хозяина. Если этотъ конь не пропалъ бы, то

самъ хозяинъ померъ бы, а потому буряты говорятъ, когда хорошій конь пропадетъ, то не нужно жалѣть, такъ какъ онъ выручаетъ своего хозяина, т.-е. конь идетъ въ «долё» за своего хозяина.

При этомъ нужно обратить вниманіе на то, какъ относятся къ больному или здоровому мѣстные заяны, а также и другіе заяны, которые или покровительствуютъ ему, или же нѣтъ; если онъ постоянно брызгаетъ вино и тарасунъ и исполняетъ другіе религіозные обряды заянамъ, тогда они его любятъ и защищаютъ, стараются замѣнить другимъ.

Въ прежнее время обрядъ долё былъ самый распространенный между бурятами, въ особенности въ тѣ времена, когда существовали человѣческія жертвоприношенія; въ тѣ давнопрошедшія времена, когда человѣкъ заболѣвалъ, тогда совершали «хун долё», т.-е. человѣческое жертвоприношеніе, чтобъ умилостивить какого-нибудь чернаго заяна; такимъ образомъ за больного человѣка отдавался другой взамѣнъ, чтобы больной выздоровѣлъ.

Сообщу одно преданіе о человѣческомъ жертвоприношеніи и по какому случаю этотъ обычай прекратился.

По словамъ преданія, въ прежнее время жилъ одинъ большой черный шаманъ, который послѣ смерти сдѣлался заяномъ. Этому покойному черному шаману въ прежнее время приносили человѣческія жертвы, но впослѣдствіи этотъ обычай прекратился, вслѣдствіе приказанія бурхана, который этого покойнаго чернаго шамана обратилъ въ медвѣдя; при этомъ бурханъ приказалъ этому шаману болѣе не принимать жертвоприношенія человѣкомъ, а велѣлъ ему лизать свою лапу зимою и тѣмъ питаться; съ этого времени прекратились человѣческія жертвоприношенія. Послѣ этого у бурятъ появился такъ называемый «бабаган-онгон», т.-е. «медвѣжій онгонъ»,

Нынѣшніе шаманы Унгинскаго Инородческаго вѣдомства «бабаган-онгон» призываютъ слѣдующимъ образомъ:

Шишки монгон тöрöл	Рожденіе Шишки-Монголъ
Шингил шибэ газар.	Земля (мѣстность) Шингил—шибэ,
Баруни тайгаха бухада	Изъ западной тайги спустился,
Бар ехэ бабага	Большой левъ, медвѣдь;
Бар тайга гудэл	Непроходимая тайга—бѣгъ,
Хуни мяхан хунхэн;	Человѣческое мясо—ѣда,
Гур тайга гудэл	Заросшая тайга—бѣгъ,
Хульжиргэнэ иден;	Смородина—пища;
Улая долежи хула абши	Лижа подошву пропитаніе получилъ,
Тöрöлдö ижи ябалаб»...	Въ рожденіи такъ ходилъ(?)...

А вотъ еще призываніе «бабаган-онгон» со словъ другого шамана:

Бабагаяр хубиллаб	Въ медвѣдя превратился
Бархан тагар эргилэб,	Въ непроходимыхъ тайгахъ побывалъ,
Бальширганар иде хэлэб	Изъ бальширгана пищу сдѣлалъ,
Хуни мяхар хунхэ хэлэб;	Изъ человѣческаго мяса харчи сдѣлалъ,
Хульжиргэнэр иде хэлэб,	Изъ смородины пищу сдѣлалъ,
Хушун бэрэ хонолго хэлэб	На каждой горѣ ночевку сдѣлалъ,
Хökшин тагин хöбши харлаб»…	…Старухи *) тайги середину **) видѣлъ…

Медвѣдь, по мнѣнію бурятъ, прежде былъ большимъ чернымъ шаманомъ, или, какъ иные говорятъ, шаманкой, которые обратившись въ медвѣдей хотѣли испугать самого бурхана. Бурханъ, разсердившись, оставилъ ихъ навсегда медвѣдями ***). Вообще души черного шамана и шаманки обращаются въ медвѣдей и въ такомъ видѣ странствуютъ, куда имъ угодно, для исполненія своихъ намѣреній.

Въ прежнее время, при совершеніи зэгэтэ-аба (о которомъ мы уже имѣли случай говорить), мстительные и подозрительные начальники Галша и другіе во время призыванія какого-нибудь чернаго заяна, не выбирали ли кого-нибудь изъ людей отъ лица этого заяна, и если этотъ человѣкъ казался имъ вреднымъ и подозрительнымъ, то не приносили ли его въ жертву?

Во многихъ жертвоприношеніяхъ чернымъ заянамъ сохранились ясные слѣды человѣческаго жертвоприношенія и также въ очистительныхъ жертвоприношеніяхъ видны такіе же слѣды, въ обрядахъ: зя-гаргаха, орго-ама-тахалха и пр.

Можетъ быть, бѣлые шаманы, не желая совершать жертвоприношеніе человѣкомъ, обходили это такъ, что во время обряда дѣлали человѣческую фигуру, и сожигали на огнѣ вмѣсто человѣка. Все это можетъ выясниться при дальнѣйшемъ изученіи шаманства учеными спеціалистами.

М. Хангаловъ.

25 апрѣля,
18[illegible]5 г.

---

*) Буквально слѣдовало-бы: тайги старой какъ старуха.

**) Здѣсь хöбши переведено „середина“.—„Хöбши„ буквально—тетива лука, а здѣсь употреблено въ смыслѣ середины. Обыкновенно буряты говорятъ: „хэри хöбши“—дословно: тетива степи, т.-е. середина степи; точно также „гурбин хöбши“ тетива долины, т.-е. середина долины.

***) По преданіямъ великоруссовъ и малоруссовъ, старикъ со старухой, желавшіе испугать Бога, обращены въ медвѣдей. *Ред.*

Юруки (Іюрюки).

(Очеркъ).

Подъ этимъ заглавіемъ мы находимъ въ журналѣ „Ausland" (№ 18 и 19) 1891 года, переведенный съ новогреческаго языка этюдъ д-ра *Дакырогмуса* изъ Смирны. Извѣстный знатокъ турецкаго племени, профессоръ Германъ Вамбери въ Буда-Пештѣ, въ особомъ введеніи къ этой статьѣ замѣчаетъ, что отдаленнѣйшія звенья цѣпи турецкихъ народовъ лучше изслѣдованы и извѣстны, чѣмъ ближайшія, какъ напр. юруки, зеибеки, которые потому, казалось, и заслуживали бы особаго вниманія.

Безъ сомнѣнія, кочевые на половину или вполнѣ юруки, населяющіе особенно вилайеты: Айдинскій, Худавендигіанскій, Энгюрю (Ангорскій), Сивазскій. Конійскій *) и Адана, носятъ особый отклоняющійся отъ обыкновенно господствующаго въ Малой Азіи народнаго типа отпечатокъ, хотя они одного происхожденія съ прочими осѣдлыми тюрками.

Не подлежитъ сомнѣнію, что первоначальное зерно народное, давшее нынѣшнимъ малоазіатцамъ названіе „турокъ", было чужестранное и именно туркоманскаго происхожденія. Уже рано оно приняло въ себя чужеплеменные элементы арійской и семитической расы, и такимъ образомъ составилась смѣсь народная, опредѣляемая названіемъ „османы". Теперешніе османли потому должны считаться смѣсью народа, первоначальный характеръ котораго на первомъ планѣ измѣнился греческою кровью, съ которою онъ смѣшался, затѣмъ измѣнился армянскими, лазскими и кавказскимъ, какъ и семитическими элементами.

Хотя османли, какъ однообразная, говорящая однимъ языкомъ и преданная *одной* вѣрѣ нація, и составляетъ господствующій элементъ, но ему и до сего дня не удалось поглотить непостоянныхъ и независимыхъ юруковъ, которые, гордясь своимъ происхожденіемъ, не считая живущихъ подлѣ нихъ турокъ себѣ равными, и даже не вполнѣ преданные исламу, сохранили своеобразный типъ и особый народный характеръ.

По физическому своему характеру юрукъ (или іюрюкъ) отличается бóльшею головою, круглымъ лицомъ, невыдающимися скулами, широкимъ лбомъ, и широкимъ подбородкомъ, длиннопротя-

---

*) Ихъ встрѣчалъ у Бейшеирскаго озера въ Гамидъ абадскомъ санджакѣ, Конійскаго вилайета, недавній русскій путешественникъ по Малой Азіи Я. И. Смирновъ, обмолвившійся объ юрукахъ единственною фразою: „Тутъ на склонѣ прибрежныхъ холмовъ въ лощинѣ чернѣются пять-шесть шатровъ кочевниковъ юрюковъ, спустившихся въ равнину на зимовку". (*Живая Старина*, годъ VI, вып. 1, стр. 6. „Изъ поѣздки по Малой Азіи" — въ ноябрѣ 1895 г. *Ред.*

нутыми щеками, далеко отстающими, миндалевидными, не косыми глазами, темнымъ цвѣтомъ кожи, черными или карими волосами, сутуловатымъ тѣломъ и малымъ ростомъ.

Въ общемъ онъ сходствуетъ съ среднеазіатскимъ туркоманомъ, потомкомъ котораго его слѣдуетъ считать; въ частности же онъ напоминаетъ тюрка изъ Ирана, такъ называемаго адербейджанца.

Почти десять столѣтій прошло съ перваго появленія въ Малой Азіи туркоманскихъ ордъ, представившихся тогдашнимъ византійцамъ въ IX столѣтіи подъ названіемъ печенѣговъ, въ X столѣтіи гузовъ, въ XI столѣтіи сельджуковъ и около XIII столѣтія чистыхъ туркоманъ и турокъ, и особенно замѣчательно, что кочевой бытъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ не только существуетъ до сегодняшняго дня, но склонность къ нему не могла быть искоренена, не смотря на всѣ старанія турецкаго правительства.

Когда туркоманы приняли впервые наименованіе юруковъ— неизвѣстно. Марко Поло, путешествовавшій въ XII столѣтіи, знаетъ области Коніи, Кесареи и Сиваса только подъ названіемъ Туркоманіи. И что юруки сородичи туркоманъ, на то существуетъ множество доказательствъ, изъ которыхъ главнѣйшія сохранившіяся имена племенъ, которыя наравнѣ съ Малой Азіею совершенно также встрѣчаются въ Туркестанѣ; далѣе ихъ языкъ, ихъ нравы и обычаи и устройство ихъ палатокъ *). Таже самая мысль о происхожденіи юруковъ встрѣчается по свидѣтельству Вамбери и у среднеазіатскихъ туркоманъ, и нѣкоторыя тюркскія племена гордятся ею.

Число всѣхъ живущихъ въ Малой Азіи кочевыхъ племенъ считается приблизительно въ 100, хотя имена ихъ до сихъ поръ нигдѣ не были названы. Въ настоящей статьѣ впервые ихъ приводится почти такое число. Племена эти называются *аширетъ* и дѣлятся на *кабилэ* (семейства), или же на *махаллэ* (кварталы). Все число душъ этихъ племенъ невозможно опредѣлить въ точности; считается ихъ отъ 200—300.000. Они уменьшаются въ числѣ, и окончательная гибель предстоитъ въ скоромъ времени, если строгія мѣропріятія правительства не отмѣнятся еще во-время.

Въ этнографическомъ отношеніи очень замѣчательно, что нѣкоторыя изъ этихъ племенъ встрѣчаются подъ тѣмъ же названіемъ и у среднеазіатскихъ туркоманъ.

Языкъ юруковъ—тюркскій, т.-н. каба-тюркскій, отличающійся своимъ грубымъ произношеніемъ отъ тюркскаго языка, на которомъ говорятъ въ городахъ, гдѣ послѣдній смѣшанъ съ арабскими и персидскими словами и преобразовался такимъ образомъ въ

*) Въ Abbé le Camus, Voyage aux sept églises de l'Apocalypse—Le Tour du Monde, 1895 p. 357, помѣщена интересная фототипія лагеря юруковъ (yuruks) съ береговъ р. Чорук-су (древн. Lycus) съ ихъ низкими черными палатками, похожими на таковыя курдовъ Эриванской губерніи, Карской области и пр.

гибкое и пріятное нарѣчіе. Образованный османли изъ внутренней Малой Азіи сказалъ автору, что юрюки говорятъ *чератай*, — выраженіе, испорченное изъ *чагатай* или *джагатай*, которымъ обозначается нарѣчіе, на которомъ говорятъ въ ханствахъ Средней Азіи, настоящее узбекско-тюркское. У многихъ племенъ Малой Азіи языкъ имѣетъ замѣтную склонность къ адербейджанскому языку Ирана и Закавказья.

Хотя юрюки по наружному виду и всѣ слѣдуютъ исламу, но въ дѣйствительности это не такъ. Многія изъ племенъ дѣйствительно послѣдователи господствующей вѣры, нѣкоторыя даже фанатическіе и даже имѣютъ улемъ. Другіе же—мусульмане только по внѣшности, вовсе не исполняя строго опредѣленныя постановленія ислама. Эти племена называются *би-намазъ* (безъ молитвы) *ибадет-этмесъ*, такъ какъ они не исполняютъ исправно предписанныхъ пяти молитвъ въ теченіе дня и ночи. Они также не соблюдаютъ предписанныхъ омовеній (*гузль-этмесъ*). Обыкновенно они не постятся въ теченіе мѣсяца рамазана. Имя Бога они обозначаютъ словомъ „*чалабъ*“, вмѣсто употребляемаго во всемъ мусульманскомъ мірѣ „*Аллахъ*“. Что обозначаетъ въ сущности это слово чалабъ, испорчено ли оно изъ арабскаго *дженаб*—и—*аллахъ*, трудно знать. Можетъ быть оно происходитъ отъ *челеби*, Господь, или же это—джагатайское слово. Женщины юрюковъ не носятъ употребляемаго турчанками покрывала лица (*яшмакъ*). Но женщины кочевниковъ вовсе не скрываются передъ чужими и дѣлаютъ только исключеніе, когда присутствуютъ мусульмане. Единственное впрочемъ исключеніе составляютъ турчанки-кулы, которыя, наравнѣ съ женами іорюковъ, не закрываютъ лица (*качмазларъ*, т. е. не бѣгутъ, не прячутся). Но и изъ прочихъ обычаевъ ихъ явствуетъ, что онѣ съ другими тамошними османли—туркоманскаго происхожденія. Черты ихъ лица достаточно разнятся отъ прочихъ османли, и высокая красота закругленнаго лица, наблюдаемая у молодыхъ дѣвицъ, далеко превосходитъ красоту османлійскихъ обитательницъ городовъ. Издревле туркоманскія дѣвицы славились своею красотою, какъ, напр., въ первыя времена возникновенія турецкаго величія дѣвицы Амасіи.

Казалось бы умѣстно упомянуть здѣсь объ извѣстныхъ подъ названіемъ *кизылбашъ*, нѣкоторыми изслѣдователями—хотя и несправедливо—считаемыхъ за особое племя, кочевникахъ или полукочевникахъ; особенно потому что не многое о нихъ написанное по большей части не точно, и что даже на мѣстѣ о нихъ господствуютъ разныя, отличныя другъ отъ друга мнѣнія.

Слово *кизылбашъ* *) значитъ „красноголовый“ и представляетъ

---

*) Все что въ настоящей статьѣ сообщается о *кизылбашахъ* заставляетъ насъ предполагать, что мы встрѣчаемся здѣсь съ послѣдователями секты *али-аллахи*.

бранное имя, данное имъ прочими турками и обозначающее въ переносномъ смыслѣ человѣка предающагося кровосмѣшенію. Ихъ называютъ и *алеви*, т. е. приверженцами Али, и потому они считаются шіитами, въ противоположность господствующему вѣроисповѣданію ислама, суннитамъ. Впрочемъ они наружно стараются не отличаться отъ прочихъ мусульманъ, хотя факты явно доказываютъ, что они понимаютъ исламъ совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. Кизылбаши считаются настоящими потомками иранскихъ племенъ, перекочевавшихъ въ Малую Азію изъ Адербейджана и Закавказья и сохранившихъ господствующее тамъ ученіе. Кизылбаши пьютъ вино, не соблюдаютъ предписанныхъ постовъ, ѣдятъ мясо нѣкоторыхъ животныхъ, употребленіе котораго возбраняется священными постановленіями, все-таки же имѣютъ богослужебныя помѣщенія (*текке*), а также нарочно показываютъ употребляемые при молитвѣ ковры (*намазлаги*).

Два догмата кизылбашей заставляютъ насъ полагать, что они до сего дня сохранили доисламитскія народныя преданія. Ихъ вѣроученіе въ переселеніе душъ и совершаемыя въ глубокую ночную темноту моленія и, можетъ быть, празднуемыя оргіи, напоминающія римскія сатурналіи или древнюю гностическую секту карпократіанцевъ (возникшую при императорѣ Адріанѣ въ Александріи и просуществовавшую до VI столѣтія)—указываютъ намъ на то, что монотеизмъ не есть высшій и откровенный ихъ религіозный принципъ. Весною, въ мартѣ мѣсяцѣ, и осенью они въ уединенномъ мѣстѣ ставятъ свои большія палатки, собираются—и именно оба пола—обыкновенно вечеромъ, совершаютъ свои молитвы, мистическіе обряды, съ пѣснями и пляскою, и, какъ вообще полагается, тогда допускается вольное сношеніе обоихъ половъ. Свои пѣсни они сопровождаютъ употребляемымъ у нихъ инструментомъ *сасъ*, съ пѣніемъ стиховъ, выражающихъ преданность ихъ Али и основателю и главѣ ихъ секты Хаджи-Бекташъ-Вели, кромѣ того прославляющихъ правильное, по ихъ мнѣнію, поклоненіе Богу, любовь братскую и дружескую, а также вѣрность. Танецъ, совершаемый женщинами, отличается особымъ восточнымъ характеромъ, съ тихими, строгими шагами, съ движеніями тѣла и рукъ, выражающими благоволеніе и преданность къ участникамъ.

Только посвященные и вѣрные принимаютъ участіе въ мистеріяхъ, тогда какъ поставленные снаружи бдительные и неумолимые караульщики удаляютъ чужихъ подъ угрозою неминуемой смерти.

Отъ Хаджи-Бекташъ-Вели они и приняли наименованіе Бекташи, и близъ Иконіи и Киркшехера существуетъ и текке дервишей Бекташей, подъ названіемъ Пир-еви, т. е. дома (чтимаго) старика. Изъ этого монастыря ежегодно разсылаются шейхи въ объѣздъ для посѣщенія деревень и странъ, въ которыхъ имѣются общества кизылбашей; они выслушиваютъ ихъ исповѣдь настав-

ляютъ ихъ на путь вѣроученія и истины. Соединяя вмѣстѣ съ тѣмъ и судебныя права, они разбираютъ имѣющіяся въ обществахъ тяжбы. Кромѣ того они собираютъ причитающуюся имъ ежегодно подать.

Второй основной догматъ кизылбашей—переселеніе душъ. Они вѣруютъ, что души людей по смерти переходятъ въ животныхъ и именно смотря по поведенію покойниковъ и смотря по доброму или дурному его нраву. Также они вѣруютъ, что и души животныхъ могутъ переходить въ человѣческія существа и время отъ времени открываютъ себя свѣту. Дикіе звѣри съ человѣческими въ нихъ душами оказываются часто смирными и относятся неожиданно дружественно къ существамъ, извѣстнымъ имъ изъ прежней ихъ жизни. Кажется, будто эти у малоазіатскихъ племенъ страннымъ образомъ сохранившіяся религіозныя вѣрованія здѣсь не появляются впервые; ихъ можно прослѣдить въ исторіи религіи мухаммеданскаго міра.

Кромѣ вышеприведенныхъ вѣрованій, выходящихъ изъ рамки строгаго монотеизма, и другіе обычаи доказываютъ языческое вліяніе на религіозныя представленія кизылбашей. Ихъ почитаніе деревъ и камней всѣмъ извѣстно и несомнѣнно. Прекрасныя и высокія деревья пользуются у *тахтаджей* (юрюковъ дровосѣковъ, живущихъ въ лѣсахъ) божественнымъ поклоненіемъ; большимъ грѣхомъ считается обрубить съ нихъ вѣтви.

Съ другими персіянами городовъ кизылбаши ничего не имѣютъ общаго, кромѣ постовъ въ мѣсяцѣ мухарремъ.

Туркменъ нѣтъ въ Айданскомъ вилайетѣ; но кажется, что они относительно религіи мало отличаются отъ юрюковъ и кизылбашей. Точныя различія и твердыя границы едвали могутъ быть опредѣлены между ними, если не принять то обстоятельство, что происхожденіе туркменъ чисто татарское. Многія изъ этихъ племенъ, особенно изъ Сиріи и изъ окрестностей Иконіи, время отъ времени, особенно въ новѣйшее время, тысячами присоединяются къ настоящему исламу.

Турецкая газета „Хакикатъ" въ Константинополѣ посвятила туркменамъ статью, изъ которой мы выбираемъ нѣкоторыя особенности объ этомъ народѣ. Народъ „туркманъ" тюркскаго племени и исключительно преданъ скотоводству и рубкѣ лѣса. Ихъ жизнь и вѣра таинственны, только нѣкоторые странные и необъяснимые обычаи ихъ извѣстны. Никто не знаетъ, что дѣлается съ ихъ покойниками, такъ какъ не только нигдѣ не находится кладбище, имъ принадлежащее, но и обрядъ погребенія у нихъ совершенно неизвѣстенъ. Что объ этомъ слышно, это только то, что покойникъ навьючивается на особенно содержащагося для этой цѣли мула и отвозится въ горы; неизвѣстно, сжигаютъ ли они здѣсь своихъ покойниковъ, или хоронятъ ихъ. Но такъ какъ мулъ одно-

временно навьючивается связкою сосновыхъ дровъ, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что они сжигаютъ покойниковъ.

И способъ, по которому у нихъ совершаются браки, вовсе неизвѣстенъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни имама, ни иного духовнаго, ни мечети, ни другого богослужебнаго сооруженія. Но на основаніи страннаго и нигдѣ не подтвержденнаго слуха, при совершеніи браковъ у туркоманъ всегда необходимо присутствіе израильтянина, имѣющаго будто бы свое пребываніе въ Дарданеллахъ. Часто старались узнать, раввинъ ли или нѣтъ тотъ израильтянинъ, призванный для совершенія браковъ, но не могли узнать ничего положительнаго. Какое значеніе можетъ имѣть присутствіе при такихъ бракахъ простого израильтянина? Во время рамазана, когда мухаммеданскіе софты распространяются для религіознаго наставленія по всѣмъ концамъ свѣта, само по себѣ разумѣется, что они приходятъ и въ Дарданеллы. Но какъ скоро проповѣдникъ мусульманскаго ученія появляется къ туркманамъ, они ему отводятъ лучшую палатку, отпускаютъ множество яствъ и питей и предлагаютъ большое вознагражденіе, чтобы онъ не вмѣшивался въ ихъ религіозныя дѣла, не проповѣдывалъ и не говорилъ рѣчей, а нѣжился бы, не заботясь объ нихъ. Да и никто не видѣлъ ихъ еще при совершеніи въ мухаммеданскихъ богослужебныхъ зданіяхъ молитвы. Болѣе всего распространенные у нихъ напитки—вино и водка, которыя потребляются безъ различія мужчинами, женщинами и дѣтьми.

Разъ въ годъ посѣщаетъ ихъ прибывающая изъ Сиріи почтенная особа, украшенная высокою чалмою, весьма чтимая ими и называемая титуломъ „отца". Для его пріема они совершаютъ паломничество въ два дня ходьбы и цѣлуютъ ему съ глубокимъ почтеніемъ руку. Кто это лицо, зачѣмъ они его называютъ отцомъ, какое отношеніе существуетъ, между нимъ и туркманами, чему онъ ихъ учитъ,—все это тайна. Но одно извѣстно, что они всѣ ему оказываютъ безграничное уваженіе.

Н. З.

Толки народа въ 1895 г.

1. Въ кн. XXIV (стр. 125, 126) «Этнографич. Обозрѣнія» уже было сообщено мною, какъ народъ объяснялъ появленіе въ 1894 г. массы мышей. Теперь мыши исчезли, и народъ задаетъ новый вопросъ:

— Де мыши дилысь?—Мышачый царь погнавъ йихъ на Уралъ. На дорози, въ Саратови, прыглашавъ подывыт(ь)ця на свойе стадо. Выйшлы дывыт(ь)ця, а йихъ—тьма! и у кажнойи мыши въ зубахъ соломынка. Теперъ за Ураломъ тáкъ йихъ багато, шо весь хлибъ пойилы. А у насъ на шостому (1896) году будуть пысля мышей жабы и гадюкы, и буде неурожай. (Сл. Попасная Богучарск. у. 2 іюля 1895 г. Сообщилъ О. І. Поповъ).

2. Другой мотивъ долгое время служившій любимой темой для народныхъ толковъ («зимою у мнясойидъ блягузнылы»)—это наказаніе Николой-угодникомъ (рѣже Божіей Матерью) плясуновъ и музыкантовъ за кощунство надъ иконой. Мотивъ этотъ, передаваясь изъ устъ въ уста, вѣроятно обошелъ всю Россію. По крайней мѣрѣ, у меня имѣется нѣсколько записей на эту тему изъ Валуйскаго и Богучарскаго уѣздовъ Воронежской губерніи и по Кубанской области. Разсказы эти, въ связи съ другими разсказами о Николѣ-угодникѣ, будутъ сообщены мною особо.

3. Въ XXIV же кн. «Этногр. Обозр.» приведены мною толки народа о происхожденіи Антихриста изъ земскихъ начальниковъ. Мотивъ этотъ входитъ также въ составъ слѣдующаго разсказа:

А оце, шо царь выдавáвъ хлибъ, це такъ було пысано у кнызи у ти, шо про Анцыхрыста: шо бýды пырыдъ страшнымъ судомъ Царь мылостывый, бýды хлибъ давать и жалúть бидныхъ. Потóмъ той Царь умре, настáны другый. Тутъ Богъ пошле голодныи годы. Нашнуть люды хлиба просúть. Царь скáжы: Де я вамъ його воз(ь)му? То я́выт(ь)ця такый панъ, шо скáжы: у мéны багато хлиба: буду я царемъ, давать буду хлибъ. Люды собыруть (изберутъ) його царемъ. Винъ буде давать хлибъ людямъ. Тоди хто наберет(ь)ця багато, винъ скáжы: Теперъ треба пычати прыкладать на лоби, або на прави рутцú—такъ щé дамъ хлиба: такъ низья́ (!) бýды отказат(ь)ся, хто довжынъ. Усимъ попрыкладають пычати... (Здѣсь идетъ рѣчь о земскихъ начальникахъ). И оцей Царь, шо дававъ, такъ богато людей ны бралы хлиба: казалы — це Анцыхрыстъ выдайé, а тоди бýды пычати прыкладать. И воно посли и бýды такъ скоро. Росказують, шо уже народывся, уже и здоровый. Оцьому Царю, росказують, що ныдовго царювать, а то настáны Анцыхрыстъ. Оце задовжылысь за подать—нашнуть печаты прыкладать, хто ны росплатыт(ь)ся. (Сл. Попасная Богучарск. у. Изъ тетради этнограф. свѣд., доставленной мнѣ крест.-земледѣльцемъ А. А. Субботою въ февралѣ 1895 г.).

4. Весной въ Кубанской области были сильные и продолжительные дожди. По поводу этого одинъ николаевскій солдатъ, уроженецъ Полтавской губ., разсуждалъ такъ:

— Це жъ воно проты войны дощи льлють: отъ такъ же воно було и передъ Севостопольською войною. (Екатеринодаръ, записано въ іюнѣ 1895 г. отъ казака А. Е. Пивня).

5. Писля цыйи брыхни (о наказанныхъ плясунахъ и музыкантахъ) ище одну выдумалы, якъ бутто прыйшлы газеты, и въ тыхъ газетахъ було напысано, шо бырлынськый пастырь прыдсказавъ свойимъ мырянамъ, чы тамъ и для усього сьвиту, шо у дывъяносто сьомому чы восьмому году буде страшный судъ. Жыво чырызъ годъ че чырызъ два буде всымырна война, и затійицьця страшна колотнива, и хрыстіянъ здорово побидять. Багато изъ хрыстіянъ буде взято на небо жывымы, а останнихъ усихъ повнысто́жуть. Почувшы я цю рахобацію (!), кыдався чытать усяки газеты, и цыйи музыкы ны встричавъ. И выхо́де на те, шо це все сплетни, му́тицьця свитъ—и тико. Може и правда, шо це каламу́те Анцыхрыстъ. А лучче всього на це люды ны довжни потура́ть, а такъ жыть, якъ Богъ вылыть. Якъ сказано у закони, шо ны ві́рты, шо хто буде казать: онъ-де або ось Хрыстосъ, бо Хрыстосъ якъ прыйде, то всимъ выдно буде. А шо нысуть славу, шо отамъ те дилайицьця, а тамъ те, и особлыво якъ балакають про шо таке, чого ны може буть, то нико́лы ны стойе вирыть. Слухай лыхе и добре, а вирыть ны вирь. (Гор. Валуйки. Сообщ. сынъ псаломщика П. К. Тарасевскій, 18 л., окончившій ученье въ начальной школѣ. Изъ тетради, полученной мною 22 апрѣля 1895 г.).

6. Була молва, шо страшный судъ буде, и шо красного платтядя нильзя носы́ть. И пото́мъ була молва, шо грихъ за руку здоровкацьця. (А все цьому брыхня!). Бо, кажуть, зъ тымъ нильзя здоровкацьця за руку, хто пырчаткы пры цьому ны скыда́, а особлыво зъ мужыськымъ по́ломъ. И теперъ уже ця молва утыхла, и думать даже объ цьому забулы, бо все одно якъ и ны було ничо́го — даже й ны помынають. (Сообщено тѣмъ же корреспондентомъ 2 іюля 1895 г.).

7. Въ минувшій лѣтній сезонъ въ мѣстномъ городскомъ театрѣ дала нѣсколько спектаклей оперная труппа г. Зеленаго. Въ числѣ другихъ была поставлена опера „Демонъ", послужившая поводомъ для слѣдующихъ народныхъ толковъ.

— Барышня, вы въ го́роди булы: скажить, яке вы тамъ дыво бачылы?—А що хиба? — Та тутъ, на хутори, люды плещуть, шо въ Катырынодари чорта впіймалы такого, шо на половыну чоловикъ, а на половыну чортъ. Такъ його тамъ, кажуть, у тыатри показують. А винъ все бига, все бига, та одно въ долони плеще, та все спива́, все спива́.

Отсюда неизбѣжное заключеніе: „Чырызъ тры годы страшный судъ буде!".

(Сообщила 26 августа 1895 г. жена учителя А. С. За—ская. Хуторъ З—скихъ находится въ 30 верстахъ отъ гор. Екатеринодара и въ 7 верстахъ отъ ст. Динской Рост.-Новорос. ж. д.).

Сообщ. **М. Дикаревъ.**

Г. Екатеринодаръ.
31 августа 1895 г.

Обряды и обычаи у нѣкоторыхъ народовъ по случаю рожденія дѣтей [1]).

У всѣхъ народовъ, по случаю рожденія дѣтей, существуютъ различные обряды и обычаи, которые видоизмѣняются, сообразно ихъ религіи и нравамъ. Изучая эту сторону быта русскаго народа, важно также имѣть въ виду для сравненія и факты изъ жизни другихъ народовъ.

Въ Англіи у протестантовъ новорожденнаго одѣваютъ въ бѣлое платье [2]) и несутъ въ храмъ, въ сопровожденіи крестныхъ родителей и родственниковъ. Торжественность церемоніи во время крещенія младенца зависитъ отъ имущественнаго положенія семьи, въ которой родился ребенокъ. У католиковъ крестный отецъ носитъ младенца на рукахъ кругомъ купели, а крестная мать, въ концѣ церемоніи, поворачиваетъ его ножки на востокъ. По мнѣнію католиковъ, дѣти должны родиться глухими и одержимыми злымъ духомъ, почему священникъ обязанъ дать младенцу слухъ и изгнать изъ него бѣсовъ заклинаніями. Для возвращенія слуха новорожденному, священникъ мочитъ слюной мизинецъ своей правой руки и дотрогиваясь имъ до праваго уха ребенка говоритъ: „Откройся"! Во время отреченія крестнаго отца, именемъ ребенка, отъ духа тьмы, священникъ осѣняетъ дитя между плечъ знаменемъ креста и кладетъ ему въ ротъ нѣсколько крупинокъ соли. Въ Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи и Англіи обрядъ крещенія дѣтей у католиковъ совершается одинаково, за исключеніемъ незначительныхъ измѣненій.

У нецивилизованныхъ народовъ обряды и обычаи при рожденіи дѣтей имѣютъ своеобразный характеръ и различныя особенности.

Лапландцы укладываютъ новорожденнаго въ ящикъ, имѣющій форму полумѣсяца и несутъ къ священнику, который кропитъ его святой водой, въ видѣ креста, и даетъ ему имя предковъ язычниковъ. Это имя измѣняется, по желанію родителей, въ случаѣ опасной болѣзни ребенка, его выздоровленія или даннаго обѣщанія святому въ разныхъ случаяхъ жизни. Нерѣдко лапландцы

---

[1]) Les baptêmes excentriques. P. d'Amfreville. „Revue des Revues". 1896. № 1.

[2]) Эмблема чистоты и невинности.

мѣняютъ имена своихъ дѣтей въ честь того или другого святого, съ цѣлью найти лучшаго покровителя для своего ребенка.

У караибовъ крестныхъ родителей младенца замѣняютъ два лица, которые обязаны проколоть ему уши, губы и ноздри для ношенія драгоцѣнныхъ и другихъ украшеній. Этотъ жестокій обычай приводится въ исполненіе, когда ребенокъ подрастетъ и окрѣпнетъ.

Индѣйцы даютъ имена своимъ дѣтямъ не въ честь родителей, родныхъ и друзей, а въ память враговъ, убитыхъ отцомъ младенца или селъ и деревень имъ разоренныхъ. Побѣда или война также остаются въ памяти потомства индѣйцевъ, которые называются именами этихъ мѣстечекъ и городовъ, гдѣ произошло то или другое событіе.

Въ Мексикѣ поворожденныхъ дѣтей приносятъ въ храмъ, гдѣ священнослужитель читаетъ имъ проповѣдь, въ которой учитъ ихъ съ терпѣніемъ переносить испытанія, предстоящія имъ въ жизни. Церемонія при обрядѣ зависитъ отъ сословія, къ которому принадлежитъ отецъ и рода его занятій. Если ребенокъ предназначается для военной службы, то ему въ правую руку даютъ саблю, а въ лѣвую щитъ. Сыну ремесленника вкладываютъ въ руки инструментъ или другое орудіе его ремесла или производства и т. д. Затѣмъ, священнослужитель несетъ младенца къ алтарю, гдѣ онъ извлекаетъ каплю крови изъ его уха и другихъ частей тѣла и погружаетъ его въ воду. Мексиканцы обладаютъ богатой фантазіей, почему нерѣдко этотъ обрядъ замѣняютъ обычаями, не имѣющими никакого отношенія къ религіи. Многіе, напримѣръ, выносятъ новорожденнаго на дворъ, гдѣ приготовляется чанъ съ водой для его погруженія. Кормилица опускаетъ дитя три раза въ чанъ, вокругъ котораго три мальчика, въ трехълѣтнемъ возрастѣ, громко выкрикиваютъ его имя.

У нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ имена новорожденнымъ даются безъ всякихъ религіозныхъ и другихъ торжествъ. Наименованіе младенца зависитъ у нихъ отъ случайныхъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, если въ моментъ рожденія младенца отецъ или его родственники нечаянно увидятъ пробѣжавшихъ въ кустахъ кенгуру, гіену и другихъ животныхъ или услышатъ ихъ крикъ, то дитя называютъ ихъ именемъ.

У арабовъ дѣвочкамъ даютъ поэтическія имена или названіе цвѣтовъ. По свидѣтельству путешественниковъ, жены, сестры, матери, дочери арабовъ именуются солнцемъ, звѣздой, луной, розой, лиліей, жасминомъ, бриллiантомъ, жемчугомъ и проч.

У мандинговъ, населяющихъ Африку, новорожденнымъ дѣтямъ брѣютъ голову. На эту церемонію приглашаютъ родственниковъ и сосѣдей, которыхъ угощаютъ особымъ кушаньемъ „dega", приготовленнымъ изъ хлѣбнаго зерна, кислаго молока и баранины. Школьный учитель, исполняющій обязанность священнослужителя, произноситъ молитву, освящающую „dega". Затѣмъ онъ беретъ

младенца на руки, читаетъ другую молитву, въ которой призываетъ благословеніе Бога, дуетъ ему въ лицо и шепчетъ на ухо поученіе. Послѣ этого обряда, отецъ новорожденнаго раздѣляетъ „dega“ по числу гостей, оставляя одну часть для опаснаго больнаго, находящагося въ селеніи. „Dega“ считается цѣлебнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней.

Негры, живущіе въ Африкѣ, кладутъ дѣтей, имѣющихъ 10 дней отъ роду, на полъ, въ присутствіи родственниковъ и гостей, приглашенныхъ на эту церемонію. Священникъ въ это время говоритъ младенцу рѣчь о его обязанностяхъ честнаго гражданина и доблестнаго воина. Обычай класть новорожденныхъ дѣтей на землю существуетъ и у персовъ. Въ день, назначенный для торжества, отецъ младенца приглашаетъ къ себѣ друзей и муллъ, живущихъ въ селеніи; одинъ изъ муллъ приноситъ дитя и кладетъ его на полъ. Отецъ новорожденнаго или его родные выбираютъ пять именъ, которые записываюъ на отдѣльныхъ листкахъ бумаги и вкладываютъ ихъ въ Коранъ. По прочтеніи первой главы изъ Корана, мулла вынимаетъ одинъ листокъ и шепчетъ на ухо ребенку его имя, которое никогда не измѣняется. Въ тотъ же день родственники и друзья приносятъ дитяти различные подарки.

Въ Японіи, по словамъ однихъ путешественниковъ, наименованіе дѣтей происходитъ на седьмой день отъ рожденія и безъ всякихъ торжествъ, за исключеніемъ приготовленія особаго кушанья изъ вареннаго риса съ турецкими бобами. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что рожденіе ребенка у японцевъ празднуется съ большой торжественностью. Близъ дома устраиваютъ длинный шестъ изъ бамбуковаго тростника, на который прикрѣпляютъ бумажный мѣшокъ, изображающій рыбу карпа, какъ эмблему радости, постоянства и долгой счастливой жизни. По прошествіи 100 дней послѣ рожденія младенца, его несутъ въ буддійскій храмъ, гдѣ даютъ ему имя, составленное изъ фамиліи отца и покровителя, избраннаго изъ близкихъ друзей; послѣдній обязанъ заботиться о судьбѣ ребенка въ теченіе всей его жизни. Священникъ записываетъ имя младенца и передаетъ ему для сохраненія вмѣстѣ съ молитвами. Въ храмѣ дитя кладутъ на полъ и слѣдятъ за его движеніями, по которымъ опредѣляютъ его будущее. Надъ головой ребенка держатъ въ это время мелко изрѣзанную бумагу, прикрѣпленную къ соломѣ. Эта бумага изображаетъ предковъ дитяти, къ которымъ обращаются съ просьбой покровительствовать ему и облегчить его жизненный путь. Во время церемоніи ребенку даютъ въ руки два вѣера, которые позднѣе замѣняются саблями.

Въ Китаѣ празднуется рожденіе однихъ мальчиковъ, а дѣвочки считаются обузой въ семьѣ. Торжество по случаю рожденія сына происходитъ черезъ четыре недѣли послѣ его появленія на свѣтъ.

Въ этотъ день приглашаютъ женщину, имѣющую сыновей, которая обязана обрить голову младенцу бритвой. Затѣмъ, родители, друзья и гости одѣляютъ новорожденнаго подарками, Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая существуетъ обычай приносить подарки на серебряномъ блюдѣ съ вырѣзанными словами: „долголѣтіе, слава и счастье". Имя ребенка измѣняется у китайцевъ нѣсколько разъ въ его жизни. Первое имя называется молочнымъ, которое перемѣняется для мальчиковъ при вступленіи въ школу, а у дѣвочекъ сохраняется до замужества.

Въ Индіи, въ средѣ купеческаго сословія, наименованіе дѣтей происходитъ на четвертый день послѣ рожденія. Въ домѣ, гдѣ родился ребенокъ собираются дѣти изъ другихъ семействъ и становятся кольцомъ одинъ около другого. Въ серединѣ между ними постилается коверъ, на который браминъ насыпаетъ рисъ и кладетъ ребенка. Дѣти поднимаютъ углы ковра и качаютъ его въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Въ это время сестра младенца или другая дѣвочка избираютъ ему имя, по своему желанію. Черезъ два мѣсяца послѣ этого назначается религіозная церемонія.

У огнепоклонниковъ огонь является главнымъ предметомъ въ ихъ жизни со дня рожденія. Между тѣмъ, старинный обычай держать новорожденныхъ дѣтей надъ огнемъ встрѣчается у нихъ въ данное время очень рѣдко. По свидѣтельству историковъ, это обыкновеніе очень долго сохранялось въ Англіи и въ особенности въ Шотландіи. Обычай вѣшать дѣтей надъ огнемъ объясняется слѣдующими словами произносимыми родителями: „Пусть огонь истребитъ тебя сейчасъ или никогда".

А. В.

Василій Андреевичъ Дашковъ (1819—1896).

(Некрологъ).

8-го января 1896 г. скончался въ Москвѣ предсѣдательствующій въ Московскомъ Присутствіи Опекунскаго Совѣта и Директоръ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ д. т. сов. Василій Андреевичъ Дашковъ, имя котораго тѣсно связано съ рядомъ научныхъ изданій по этнографіи Россіи и особенно съ основаніемъ Русскаго Этнографическаго Музея въ Москвѣ. Движимый интересомъ къ изученію русскаго народнаго быта В. А. Дашковъ, воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Олонецкой губерніи, въ началѣ сороковыхъ годовъ, составилъ обстоятельное «Описаніе» этой губерніи въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніи (изд. въ С.-Петерб. 1842 г.). Въ приложеніи къ этой книгѣ помѣщены образцы произведеній народной поэзіи и между прочимъ нѣсколько похоронныхъ причитаній, записанныхъ со словъ вопленицъ, которыми славится Олонецкая губернія.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, состоя въ должности помощника попечителя Московскаго учебнаго округа, В. А. дѣятельно заботился о пополненіи скудной этнографической коллекціи Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Въ это время сложилась у Дашкова мысль объ основаніи въ Москвѣ спеціальнаго музея русской этнографіи, мысль, осуществившаяся, благодаря предпринятой московскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія Русской Этнографической выставкѣ. Въ концѣ 1864 года нѣкоторые изъ членовъ названнаго Общества, по иниціативѣ покойнаго профессора А. П. Богданова, представили въ совѣтъ Общества проектъ устройства въ 1867 году Русской Этнографической выставки, съ цѣлью познакомить публику съ особенностями обитателей различныхъ мѣстностей Россіи и возбудить большій интересъ къ этнографическимъ и антропологическимъ изслѣдованіямъ. Задуманное по обширной программѣ, это предпріятіе только что возникшаго небольшого ученаго общества (основаннаго въ 1863 году) требовало значительныхъ матеріальныхъ затратъ для изготовленія манекеновъ, пріобрѣтенія костюмовъ, предметовъ и проч. Эти затрудненія были устранены В. А. Дашковымъ, предложившимъ заимообразно свои личныя средства для организаціи выставки и ставшимъ во главѣ комитета по ея устройству. Согласно постановленію Общества и съ Высочайшаго разрѣшенія, всѣ этнографическія коллекціи по закрытіи выставки поступали въ собственность Московскаго Публичнаго музея подъ именемъ «Дашковскаго Этнографическаго Музея», устроеннаго при содѣйствіи Общества Любителей Естествознанія при Московскомъ Университетѣ. Такимъ образомъ въ 1867 году комитетъ выставки передалъ Московскому Публичному Музею, директоромъ котораго въ то время состоялъ Дашковъ, 288 художественно исполненныхъ манекеновъ племенъ Россіи и славянскихъ земель, до 450 №№ костюмовъ, до 1200 №№ предметовъ домашняго быта и до 2000 №№ рисунковъ и фотографій. Съ тѣхъ поръ, благодаря постоянной заботливости директора, Этнографическій Московскій Музей значительно пополнился по всѣмъ отдѣламъ и какъ по богатству коллекцій, такъ и по систематическому ихъ размѣщенію служитъ незамѣнимымъ пособіемъ для изученія матеріальнаго быта множества племенъ въ немъ представленныхъ. Въ теченіе своего управленія музеемъ В. А. Дашковъ обогатилъ его значительными приношеніями, изъ числа которыхъ, какъ особенно цѣнный даръ могутъ быть отмѣчены художественно исполненные и иллюминованные фотографическіе снимки (большого формата) со всѣхъ манекеновъ музея, составляющіе единственный въ своемъ родѣ альбомъ народностей Россіи и Славянскихъ земель (стоимостью до 3600 рублей). Сочувствуя ученымъ предпріятіямъ Этнографическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія, В. А. Дашковъ на свои средства издалъ двѣ первыя книги Трудовъ Этнографическаго Отдѣла подъ заглавіемъ: «Сборникъ Антропологическихъ и Этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ» (М. 1868) и «Народныя пѣсни Латышей, Я. Θ. Трейланда» (М. 1873). Матеріалъ, вошедшій въ послѣднее изданіе, былъ собранъ г. Трейландомъ во время его этнографической поѣздки въ Балтійскія губерніи, предпринятой также

на средства Дашкова. Изъ другихъ этнографическихъ изданій, матеріально обезпеченныхъ Дашковымъ, назовемъ: «Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ, подъ редакціей проф. В. Ѳ. Миллера» (Вышло 3 выпуска. М. 1886—1888 г.); «Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея, составленное В. Ѳ. Миллеромъ» (4 выпуска М. 1887—1895). Вообще, сознавая тѣсную связь дѣятельности Этнографическаго Отдѣла съ Музеемъ и состоя еще съ 1867 года почетнымъ членомъ Общества Любителей Естествознанія, В. А. Дашковъ поддерживалъ матеріально и наше изданіе «Этнографическое Обозрѣніе». Съ своей стороны Этнографическій Отдѣлъ постоянно содѣйствовалъ обогащенію Дашковскаго Музея новыми этнографическими коллекціями, передавая ему всѣ этнографическіе предметы, доставляемые членами Общества. Пожелаемъ, чтобы такое тѣсное единеніе двухъ учрежденій на пользу русской этнографіи продолжалось и впредь, по смерти В. А. Дашкова, о которомъ члены Этнографическаго Отдѣла и любители русской этнографіи вообще сохранятъ на долго доброе воспоминаніе.

В. М.

Критика и Библіографія.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

Е. И. Якушкинъ: Обычное право, вып. II. *Матеріалы для библіографіи обычнаго права.* (Ярославль, 1896 г., стр. XXXVII+544,8⁰).

Давно ожидавшійся съ нетерпѣніемъ всѣми, интересующимися нашимъ обычнымъ правомъ, лицами 2-й выпускъ замѣчательнаго труда нашего маститаго знатока обычнаго права Е. И. Якушкина, наконецъ, вышелъ въ свѣтъ. Русская этнографическая литература съ появленіемъ помянутаго труда обогащается крайне цѣннымъ вкладомъ, равнаго которому давно уже не выпадало на долю одному изъ крупныхъ отдѣловъ этнографіи Россіи—обычному праву. Во второмъ выпускѣ труда Е. И. Якушкина указаны сочиненія, касающіяся народнаго юридическаго быта, напечатанныя съ 1876 г. по 1889 г. включительно, а также хотя появившіяся и ранѣе, но пропущенныя въ 1-мъ выпускѣ. Первый выпускъ „Обычнаго права" г. Якушкина давно уже составляетъ библіографическую рѣдкость, вслѣдствіе чего нельзя не отнестись съ глубокой благодарностью къ автору, намѣревающемуся выпустить въ свѣтъ 1-й выпускъ вторымъ изданіемъ. „Обширность библіографическаго матеріала", пишетъ Е. И. Якушкинъ въ своемъ предисловіи, „заставила меня выдѣлить въ два особые выпуска (приготовляемые къ печати) указаніе сочиненій, касающихся исключительно способовъ земельнаго владѣнія и пользованія у русскихъ и обычнаго права инородцевъ". Если авторъ, съ одной стороны, суживаетъ вслѣдствіе указанныхъ соображеній рамки 2-го выпуска своего труда, то, съ другой, онъ расширяетъ ихъ тѣмъ, что вводитъ въ число указываемыхъ въ немъ сочиненій не только „непосредственно касающіяся обычнаго права, но и такія, въ которыхъ излагаются народныя правовоззрѣнія, или которыя, не имѣя никакого юридическаго содержанія, служатъ, однако, къ выясненію существующихъ юридическихъ обычаевъ или ихъ исторіи". Всецѣло раздѣляя взглядъ Е. И. Якушкина на необходимость введенія въ библіографическій указатель по обычному праву указанной категоріи сочиненій, считаемъ долгомъ отмѣтить, что подобное расширеніе рамокъ библіографическаго труда тѣмъ болѣе необходимо, что замѣтки этого рода часто разсѣяны въ малодоступныхъ изданіяхъ и

легко могутъ ускользнуть отъ вниманія изслѣдователя. Пользованіе трудомъ г. Якушкина въ значительной степени облегчается рядомъ указателей. За систематическимъ указателемъ, раздѣленнымъ, въ свою очередь, на главныя рубрики общихъ вопросовъ, управленія, суда, гражданскаго, торговаго и уголовнаго права, обычнаго права инородцевъ, слѣдуютъ указатели этнографическій, географическій и именной; лишне говорить, что читатель, имѣя подъ руками цѣлый рядъ прекрасно составленныхъ указателей, легко будетъ въ состояніи оріентироваться среди массы отмѣченныхъ авторомъ сочиненій (2389 №№) и безъ труда сдѣлаетъ необходимую справку.

Что касается до самаго перечня сочиненій по обычному праву, то, кромѣ тщательности, точности и полноты—качествъ, отличающихъ вообще работы Е. И. Якушкина и хорошо извѣстныхъ и оцѣненныхъ всѣми, которымъ приходилось пользоваться 1-мъ выпускомъ его библіографическаго труда,—мы отмѣтимъ еще слѣдующее: авторъ непосредственно за названіемъ отмѣчаемой имъ работы приводитъ подробно и содержаніе ея (какъ и въ 1-мъ выпускѣ), такъ что читатель получаетъ самую точную справку, оказывается-ли данное сочиненіе полезнымъ для его цѣлей, или нѣтъ. Кромѣ того, что особенно цѣнно, авторъ не ограничивается въ случаяхъ, когда онъ указываетъ рѣдкое или трудно доступное изданіе, перечнемъ содержанія статьи, но или дѣлаетъ изъ нея подробное извлеченіе, или непосредственно печатаетъ выдержки. Всѣмъ, занимавшимся этнографіей и въ частности юридическими обычаями русскихъ и инородцевъ, хорошо извѣстно, съ какимъ трудомъ можно получить то или иное провинціальное изданіе, въ особенности-же №№ провинціальныхъ газетъ за истекшіе годы; послѣднія часто нѣтъ возможности пріобрѣсти даже на мѣстѣ изданія, такъ какъ нерѣдко случается, что редакціями онѣ не сохраняются; въ библіотекахъ онѣ часто или отсутствуютъ вовсе, или представлены не полнымъ количествомъ №№. Между тѣмъ именно въ провинціальныхъ органахъ печати помѣщены часто чрезвычайно интересныя работы, обильные данными труды мѣстныхъ изслѣдователей, посвятившихъ подчасъ долгое время на изученіе быта населенія, доступнаго авторамъ района; они проходятъ часто совершенно незамѣченными для лицъ, занимающихся въ другомъ центрѣ, а указанія на нихъ въ библіографическомъ трудѣ нерѣдко не достигаютъ своей цѣли именно вслѣдствіе трудности полученія самого изданія. Сдѣлавъ подробныя извлеченія и приведя отчасти буквальныя свѣдѣнія изъ подобныхъ изданій, г. Якушкинъ принесъ значительную пользу занимающимся народными юридическими обычаями лицамъ, на много облегчилъ ихъ работу и сдѣлалъ для нихъ доступнымъ многое изъ того, что оставалось-бы имъ, безъ труда г. Якушкина, извѣстнымъ только по названію.

Библіографическому труду своему авторъ предпосылаетъ обширное предисловіе, имѣющее руководящее значеніе. Въ сжатомъ, но чрезвычайно яркомъ очеркѣ, Е. И. Якушкинъ набрасываетъ картину современнаго состоянія изученія юридическаго быта народа, дѣлаетъ сводку взглядовъ разныхъ изслѣдователей на наиболѣе крупные и спорные вопросы рус-

скаго обычнаго права и вводитъ читателя, такъ сказать, въ курсъ дѣла. Оттѣняя движеніе въ изученіи юридическихъ обычаевъ русскихъ крестьянъ за послѣднія два десятилѣтія, авторъ отмѣчаетъ тѣ стороны обычнаго права, которыя изслѣдованы еще мало, и такимъ образомъ указываетъ путь, по которому должны итти будущіе изслѣдователи; онъ обнаруживаетъ многочисленные пробѣлы въ сравнительно болѣе изученныхъ областяхъ народнаго правоззрѣнія и оттѣняетъ области, изученіе которыхъ хотя и началось, но далеко еще не завершено, на разработку которыхъ придется потратить еще немало труда. Въ общемъ, хотя автору и приходится по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣламъ замѣчать, что тотъ или другой изъ нихъ „изслѣдованъ подробно", но онъ-же и отмѣчаетъ и тѣ разногласія, которыя существуютъ въ русской литературѣ по кардинальнымъ вопросамъ; излагаемыя авторомъ разнорѣчія приведены имъ въ критическомъ освѣщеніи, и мнѣнія, высказываемыя Е. И. Якушкинымъ, представляютъ тѣмъ большее значеніе, что они исходатъ отъ одного изъ лучшихъ знатоковъ народнаго обычнаго права. Предисловіе автора въ значительной степени расширяетъ значеніе самого труда: изъ прекрасно составленнаго библіографическаго указателя, изъ необходимаго пособія для занимающихся обычнымъ правомъ лицъ онъ дѣлается одновременно и критическимъ обозрѣніемъ важнѣйшихъ работъ по вопросамъ о народномъ правовоззрѣніи и руководящимъ трудомъ для будущихъ работъ по обычному праву.

Количество работъ, отмѣченныхъ Е. И. Якушкинымъ въ обоихъ выпускахъ „Обычнаго права", дающее автору возможность заявить, что нѣкоторые вопросы изслѣдованы подробно, свидѣтельствуетъ, что русская этнографическая литература болѣе богата свѣдѣніями по отдѣльнымъ вопросамъ народнаго обычнаго права, чѣмъ это можетъ казаться при бѣгломъ на нее взглядѣ, и что изслѣдователи въ разныхъ частяхъ нашей обширной родины потратили немало труда на освѣщеніе и этой стороны быта русскаго крестьянина. Но масса пробѣловъ, указываемыхъ авторомъ, разногласія, недостаточность и подчасъ неточность свѣдѣній по многимъ вопросамъ доказываютъ одновременно, что не только научная разработка юридическихъ обычаевъ, но и долженствующее предшествовать ей собраніе матеріала путемъ личнаго наблюденія и знакомства съ крестьянскимъ бытомъ еще далеко отъ своего окончанія. За послѣдніе годы чувствуется какъ-бы нѣкоторое ослабленіе въ дѣлѣ изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ, что, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что какъ будто количество свѣдѣній вполнѣ достаточно для того, чтобы сдѣлать уже обобщенія и выводы на основаніи существующаго матеріала. Это, дѣйствительно, такъ до извѣстной степени, поскольку это касается главныхъ, основныхъ вопросовъ; но какъ только изслѣдователь захочетъ войти въ подробности, въ детальное изученіе того или иного института, познакомиться съ видоизмѣненіями нормы по мѣстностямъ и прослѣдить причины этихъ видоизмѣненій, онъ наталкивается на непреоборимое для одного лица препятствіе — недостаточность матеріала. Е. И. Якушкинъ въ своемъ предисловіи начерчиваетъ въ общихъ чертахъ планъ для будущихъ изслѣдователей

и открываетъ для ихъ работъ широкую перспективу. Если вообще библіографическіе труды даютъ возможность опредѣлить, что слѣдуетъ еще сдѣлать по пути изслѣдованія вопроса, подвести итоги тому, что уже сдѣлано, и позволяютъ сознательнѣе отнестись къ предстоящимъ работамъ, то трудъ Е. И. Якушкина въ этомъ отношеніи въ особенности важенъ оттого, что, благодаря предисловію, онъ долженъ вызвать снова къ жизни интересъ къ изученію нашего народнаго обычнаго права. Всѣ, посвящающіе часть своего времени на изслѣдованіе—путемъ личныхъ наблюденій—юридическаго быта крестьянъ, не преминутъ воспользоваться цѣнными и глубокополезными указаніями маститаго ученаго; намъ остается лишь пожелать, чтобы количество этихъ лицъ увеличилось: ихъ совокупныя работы по изслѣдованію народнаго правовоззрѣнія принесутъ, при пользованіи указаніями Е. И. Якушкина, существенную пользу наукѣ. Привѣтствуя почтеннаго автора съ выходомъ изъ печати 2-го выпуска его труда, не можемъ не высказать въ интересахъ науки искренняго пожеланія, чтобы обѣщанные имъ остальные два выпуска поскорѣе вышли въ свѣтъ.

Н. Х.

И. Н. Смирновъ: Мордва. *Историко-Этнографическій очеркъ.* (Казань, 1895 г. стр. VI+291+5).

Печатавшійся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1892—1895 г.г.) въ Извѣстіяхъ Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанск. Ун. трудъ г. Смирнова «Мордва» вышелъ, наконецъ, отдѣльнымъ изданіемъ. Этимъ томомъ заканчивается серія очерковъ, предпринятыхъ авторомъ для изученія быта волжско-камской группы финновъ («Черемисы», «Вотяки», «Пермяки», «Мордва»); какъ и въ предшествующихъ трудахъ, цѣль автора и въ его послѣдней работѣ «Мордва» состоитъ въ томъ, чтобы дать сводъ данныхъ, которыя имѣются относительно описываемой народности въ литературѣ, и внести научную систему въ изложеніе какъ этихъ данныхъ, такъ и наблюденій, добытыхъ личнымъ знакомствомъ автора съ бытомъ народности. Что касается «обзора литературы», помѣщеннаго авторомъ и въ настоящемъ трудѣ, какъ и въ предшествующихъ, то хотя и нельзя его назвать исчерпывающимъ, но онъ во всякомъ случаѣ охватываетъ наиболѣе выдающіеся труды по исторіи и этнографіи мордвы и, какъ таковой, даетъ цѣнныя указанія для всякаго, приступающаго впервые къ изученію быта указанной народности; это тѣмъ болѣе, что по отношенію къ нѣкоторымъ выдающимся сочиненіямъ авторъ не ограничивается перечнемъ матеріала въ указываемой работѣ, но даетъ иногда и болѣе или менѣе обстоятельные разборы книгъ и статей (Мельникова, Майнова и др.).

Новый трудъ г. Смирнова открывается обширной главой (113 стр.) «Очеркъ исторіи», причемъ значительная часть ея посвящена освѣщенію жизни мордвы въ періодъ, отъ котораго нѣтъ по этому вопросу письменныхъ данныхъ; основаніями для выводовъ служатъ автору какъ топографическія названія, такъ и данныя археологіи: съ первыми г. Смир-

новъ обращается въ «Мордвѣ» съ большей осторожностью, чѣмъ въ предшествующихъ работахъ. Данныхъ второго рода такъ мало еще, что всякое обоснованіе на археологическихъ свѣдѣніяхъ выводовъ о первоначальномъ разселеніи мордвы и объ ея древней культурѣ является рискованнымъ, это сознаетъ и самъ авторъ. Мѣстность, гдѣ находилась территорія первоначальнаго разселенія мордвы, представляетъ, по справедливому замѣчанію его, въ археологическомъ отношеніи почти нетронутое поле. «Раскопки болѣе или менѣе научнаго характера производились въ какихъ-нибудь 3—4-хъ пунктахъ; весь остальной археологическій матеріалъ добытъ или путемъ случайныхъ находокъ, или черезъ третьи—четвертыя руки; отъ хищниковъ, которые искали кладовъ. Мы не имѣемъ даже права сказать, что располагаемъ точными свѣдѣніями о количествѣ и мѣстонахожденіи памятниковъ, подлежащихъ археологическому изслѣдованію въ будущемъ». При такомъ, впрочемъ, вполнѣ справедливомъ взглядѣ, насъ удивляетъ, что г. Смирновъ тѣмъ не менѣе стремится построить выводы на основаніи столь скуднаго археологическаго матеріала,—попытка, которую, какъ мы старались показать въ другомъ мѣстѣ (Арх. Изв. 1896 г. № 2—3) нельзя, однако, признать удачной: авторъ приписываетъ, напр., Рыбкинскій могильникъ (Краснсл. у.) мордвѣ-мокшѣ, а извѣстный Лядинскій могильникъ—мордвѣ-эрзѣ, причемъ вводитъ въ послѣдній и буртасъ (случаи сожженія). Естественно, что для опредѣленія съ такою точностью національности, оставившей могильники, требуется болѣе обширный матеріалъ, чѣмъ тотъ, которымъ располагаетъ г. Смирновъ, и прежде всего, конечно, широкое сравненіе находокъ изъ указанныхъ могильниковъ съ другими аналогичными, изслѣдованными и не на предполагаемой авторомъ древней территоріи мордвы. Далѣе, вслѣдствіе того, что трудъ г. Смирнова печатался, какъ указано, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ему нельзя ставить въ вину незнакомство съ нѣкоторыми новѣйшими работами, дающими немаловажные результаты для изученія интересующаго его края; незнакомство съ ними привело автора, напр., къ ошибочному утвержденію, что на древней территоріи мордвы не было найдено бронзовыхъ орудій.

Опредѣливъ границы коренныхъ земель мордвы, современные уѣзды: Нижегородскій, Арзамасскій, Ардатовскій, Княгининскій, Лукояновскій и Сергачскій—Нижегородской губ., Темниковскій и Шацкій—Тамбовской губ., Краснослободскій и Инсарскій—Пензенской, Алатырскій и Ардатовскій—Симбирской губ.), авторъ, на основаніи выводовъ, добытыхъ лингвистическими изслѣдованіями финскихъ яз., начерчиваетъ картину первобытной культуры мордвы, а затѣмъ пользуется и историческими данными для изложенія судебъ мордвы до покоренія и послѣ покоренія ея русскими. Эта часть труда г. Смирнова представляетъ безусловно наиболѣе полную сводку матеріала, и хотя многія стороны этого періода жизни описываемой народности не освѣщены въ достаточной мѣрѣ, но это происходитъ уже не по винѣ автора, такъ какъ и здѣсь чувствуется недостатокъ источниковъ: литературныя свѣдѣнія скудны, а обширный архивный матеріалъ, который могъ бы пролить свѣтъ на многія темныя страницы

исторіи мордвы, почти еще вовсе не тронутъ изслѣдователями и часто трудно доступенъ.

Въ главѣ «Внѣшній бытъ» авторъ начерчиваетъ живую картину постепеннаго развитія матеріальной культуры мордвы, старается отыскать черты отличія ея отъ другихъ финскихъ народностей и опредѣлить вліяніе, которое имѣли въ этомъ отношеніи сосѣди мордвы. Авторъ отмѣчаетъ любопытный фактъ, не ускользнувшій, впрочемъ, и отъ другихъ изслѣдователей, что мордва, подчинившись и въ сферѣ матеріальной культуры вліянію сосѣдей-русскихъ, является въ настоящее время хранительницей старины сравнительно съ послѣдними, которые подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ, въ томъ числѣ и худшихъ, чѣмъ среди мордвы, экономическихъ условій, были вынуждены оставить, напр. рѣзьбу на деревѣ для украшенія своихъ жилищъ, нѣкоторыя украшенія костюма и т. п. Съ другой стороны русскіе въ нѣкоторыхъ сторонахъ культуры перешли къ болѣе совершеннымъ формамъ, тогда какъ мордва продолжаетъ еще хранить устои старины. Чрезвычайно интересной является попытка г. Смирнова опредѣлить на основаніи личныхъ наблюденій приблизительно границы распространенія среди мордвы различныхъ типовъ одеждъ и головныхъ уборовъ, которыхъ онъ насчитываетъ по три, какъ у мокши, такъ и у эрзи. Предположеніе автора о вліяніи на костюмъ мордвы византійской одежды либо непосредственно, путемъ торговыхъ сношеній, либо черезъ посредство древнихъ русскихъ требуетъ, на нашъ взглядъ, бо́льшихъ доказательствъ. Свѣдѣнія о физическомъ типѣ мордвы и различія въ этомъ отношеніи между мокшей и эрзей, какъ не основанныя на антропометрическихъ данныхъ, представляютъ интересъ только какъ личныя впечатлѣнія автора.

Въ слѣдующей небольшой, но талантливо изложенной главѣ «Семейныя и общественныя отношенія» г. Смирновъ суммируетъ факты, дающіе возможность прослѣдить исторію развитія семейныхъ и общественныхъ отношеній среди мордвы до настоящаго времени. Особенно интересенъ выводъ, къ которому приходитъ авторъ, на основаніи изученія названій родства у мордвы и пѣсеннаго матеріала, что первобытныя понятія о родствѣ зиждились не на представленіяхъ о кровныхъ узахъ, а исключительно на возрастѣ лицъ; впрочемъ, этотъ періодъ не совсѣмъ справедливо авторъ называетъ «гетеризмомъ». Не совсѣмъ справедливъ, по нашему мнѣнію, и взглядъ г. Смирнова, что «первыя видоизмѣненія матріархальнаго порядка возникли на почвѣ захвата женщинъ чужаго рода», такъ какъ едва ли есть основаніе считать матріархальную организацію исключительно эндогамной. Едва ли правильно и объясненіе г. Смирновымъ слѣдующаго обряда: женихъ, завидя брачный поѣздъ, убѣгаетъ и прячется гдѣ-нибудь въ клѣти, сѣновалѣ и т. п. и съ полнымъ безучастіемъ относится къ появленію въ домъ невѣсты; женихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лежитъ, напр., во время появленія невѣсты въ домъ спокойно на палатяхъ. Авторъ полагаетъ, что этотъ обычай (убѣганіе жениха или его спокойное отношеніе къ пріѣзду невѣсты) объясняется воспоминаніемъ о времени, когда практиковались случаи женитьбы малолѣтняго на

взрослой дѣвушкѣ; въ доказательство г. Смирновъ приводитъ чрезвычайно интересныя пѣсни, въ которыхъ разсказывается объ убійствѣ женой своего малолѣтняго супруга: «убѣжать, избавиться отъ грозящей участи было тогда его (жениха) существенной потребностью». Но приведенныя авторомъ пѣсни свидѣтельствуютъ лишь, что среди мордвы существовали указанные анормальные браки и что они могли приводить хотя бы и къ убійству женой малолѣтняго мужа; но трудно себѣ представить, чтобы подобныя убійства практиковались такъ часто, что могли вызвать къ жизни цѣлый обрядъ: для этого требовалось бы, чтобы случаи убійства малолѣтнихъ мужей были явленіемъ обычнымъ, постояннымъ, что, очевидно, нельзя предположить, въ виду той роли, которую похищенная женщина занимала среди членовъ похитившей ее группы. Указанный обычай стоитъ, вѣроятнѣе всего, въ связи съ аналогичными обычаями у другихъ народностей, согласно которымъ мужъ первое время посѣщаетъ жену только тайкомъ, долгое время избѣгаетъ ее и т. п., что объясняется болѣе естественно переживаніемъ періода, когда похищенная женщина не могла еще находиться въ индивидуальной собственности одного изъ членовъ группы. Неточенъ, по нашему мнѣнію, и взглядъ автора, что институтъ многоженства могъ развиться, если не возникнуть, въ періодъ, когда женщина становится предметомъ купли-продажи,—періодъ, который г. Смирновъ относитъ къ эпохѣ развившагося патріархата; многоженство встрѣчается на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія, предшествуетъ патріархату и можетъ имѣть своимъ источникомъ какъ похищеніе женщины, такъ и куплю ея —институтъ, который мы встрѣчаемъ среди народностей, еще не организовавшихся въ родовыя группы. Источникъ многоженства слѣдуетъ искать, въ случаяхъ покупки женъ, въ улучшеніи экономическихъ условій.

Излагая исторію развитія семейныхъ отношеній среди мордвы, г. Смирновъ, къ сожалѣнію, весьма мало останавливается на современномъ положеніи семьи и юридическихъ обычаяхъ, регулирующихъ взаимныя отношенія членовъ семейной группы. Дѣйствительно, извѣстный трудъ В. Майнова касается этихъ вопросовъ весьма детально, но, во-первыхъ, монографія В. Майнова вышла въ свѣтъ уже 10 лѣтъ тому назадъ, такъ что есть полное основаніе предполагать, что въ теченіе этого времени могли при быстромъ проникновеніи новыхъ условій возникнуть и нѣкоторые новые взгляды на то или иное явленіе семейной жизни, коренящееся въ устояхъ старины, а во-вторыхъ, г. Смирновъ въ отзывѣ своемъ, помѣщенномъ въ «обзорѣ литературы» указываетъ на нѣкоторыя ошибки, допущенныя В. Майновымъ: «не слѣдуетъ, однако, слишкомъ полагаться на всѣ выводы и положенія автора», читаемъ мы въ отзывѣ г. Смирнова на «Очеркъ юридическаго быта мордвы»; въ книгѣ не мало ошибокъ и на почвѣ фактовъ и въ области обобщеній»; нѣкоторыя указанныя затѣмъ неточности въ упомянутомъ трудѣ недостаточны для оправданія суроваго приговора г. Смирнова. Во всякомъ случаѣ было бы желательнымъ видѣть эту сторону труда автора «Мордвы» болѣе разрабо-

танной и снабженной болѣе точными, обстоятельными и новыми наблюденіями надъ современной мордовской семьей.

Двѣ слѣдующія, послѣднія главы монографіи г. Смирнова посвящены «культу предковъ, воззрѣніямъ на смерть, погребальнымъ обрядамъ, вѣрованіямъ и культу». Эти главы представляютъ и наибольшій интересъ, какъ по полнотѣ помѣщенныхъ въ нихъ свѣдѣній, такъ и по разработанности ихъ. Авторъ дѣлаетъ очеркъ древнихъ и современныхъ вѣрованій мордвы, намѣчаетъ ступени развитія, черезъ которыя прошло религіозное міровоззрѣніе ея, вліянія на него христіанства и пр. Особенной полнотой и цѣльностью отличаются тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ о культѣ предковъ и выраженіяхъ его во внѣ въ погребальномъ ритуалѣ. Вполнѣ естественно, что именно эта сторона вѣрованій мордвы оказалась наименѣе затронутой христіанствомъ и продолжаетъ хранить въ себѣ черты глубокой старины: до настоящаго времени съ умершимъ продолжаютъ класть въ гробъ деньги, предметы обихода, водку и т. п.; гробъ ему устраиваютъ съ окошечками и пр. Въ настоящее время способы погребенія нѣсколько видоизмѣнились, и г. Смирновъ, на основаніи пѣсенъ и историческихъ данныхъ, констатируетъ, что въ болѣе отдаленныя времена практиковался обычай погребенія надъ землей, а также и зарыванія умершаго въ срубѣ ямѣ. Изъ числа наиболѣе рѣдкихъ проявленій культа умершихъ отмѣтимъ сохранившійся обрядъ поминовенія умершаго на 40-й день въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нижегородской губ., при которомъ одинъ изъ присутствующихъ надѣваетъ платье покойнаго и принимаетъ участіе въ ночномъ пиршествѣ, послѣ чего участники пира прощаются съ нимъ, снабжаютъ его всѣмъ необходимымъ, напр. обильной пищей, и отвозятъ его утромъ на могилу покойника, угощаютъ его и затѣмъ снова прощаются. Культъ предковъ выражается и наглядно въ развитіи представленій мордвы о домовыхъ: въ домѣ ихъ нѣсколько, подчасъ цѣлая семья. Отмѣтимъ далѣе собранныя г. Смирновымъ свѣдѣнія о слѣдахъ шаманизма, хранительницами котораго являются знахарки, о воспоминаніяхъ о практиковавшихся нѣкогда человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, оставившихъ свои слѣды въ преданіяхъ и нѣкоторыхъ символическихъ обрядахъ; далѣе авторомъ разсмотрѣнъ вопросъ о существованіи въ древнее время идоловъ у мордвы: г. Смирновъ рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, и нельзя не согласиться, что имѣющихся въ распоряженіи литературы фактовъ слишкомъ недостаточно, чтобы признать нѣкоторыя свѣдѣнія о поклоненіи мордвы идоламъ (камню, каменной бабѣ и т. п.) за данныя, свидѣтельствующія объ идолопоклонствѣ, въ узкомъ значеніи этого слова, у древней мордвы, по крайней мѣрѣ, поскольку вопросъ можетъ подниматься, о *національномъ* происхожденіи идоловъ. Наконецъ, авторъ оттѣняетъ слѣды древнихъ вѣрованій и жертвоприношеній, выражающихся въ молянахъ современной мордвы: небезынтересенъ при этомъ фактъ постепеннаго мельчанія жертвъ, свидѣтельствующій объ упадкѣ древнихъ религіозныхъ воззрѣній. «Старики нашего времени», замѣчаетъ авторъ, «слыхали отъ своихъ дѣдовъ, что было время, когда на молянахъ закалались и съѣдались лошади; въ настоящее время боги зачастую доволь-

ствуются бараномъ, гусемъ». Степень сохранности древнихъ вѣрованій далеко не вездѣ одинакова: въ то время, какъ въ однихъ мѣстностяхъ они еще живы и, выражаясь во внѣ, способны унести наблюдателя въ далекое прошлое, въ другихъ мѣстностяхъ вліяніе христіанства сказалось съ большею силой и не только почти уничтожило древнее міровоззрѣніе, но дало даже возможность развиться среди мордвы сектантству. Въ заключеніе авторъ отмѣчаетъ вліяніе школы на духовное развитіе изучаемой имъ народности: мордвинъ-полуязычникъ и мордвинъ-сектантъ представляютъ «два отличныхъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого цѣлой бездной, міра... и однако, черезъ эту бездну набрасывается уже мостъ—книга. Книга, грамотность увели Самарскую и Саратовскую мордву въ область раскольничьихъ поисковъ за «правой вѣрой», замѣчаетъ г. Смирновъ, и та же книга исподволь вводитъ оффиціально православную, но еще язычествующую мордву въ область высшихъ христіанскихъ идей. Моляны все быстрѣе и быстрѣе выходятъ изъ употребленія, и этотъ религіозный переломъ созданъ исключительно молодой, неокрѣпшей еще народной школой. Школа освѣщаетъ тайники мордовской души и... подготовляетъ почву для новыхъ идей и новыхъ настроеній» *).

Естественно, что и въ области религіозныхъ воззрѣній многіе вопросы не освѣщены г. Смирновымъ, что и въ этомъ отношеніи его трудъ не можетъ считаться исчерпывающимъ: имѣя въ виду представить историческій ростъ культуры описываемой народности, авторъ во всѣхъ отдѣлахъ своей монографіи слишкомъ мало обращаетъ вниманія на современное состояніе мордвы. Современный бытъ ея служитъ г. Смирнову какъ бы исключительно матеріаломъ для освѣщенія ея прошлаго: подобный взглядъ безусловно долженъ быть признанъ слишкомъ узкимъ и одностороннимъ.

Не смотря на указанные недостатки, не смотря на то, что будущему изслѣдователю предстоитъ еще значительная работа по изученію современнаго быта мордвы,—изученію, которое, вѣроятно, будетъ въ состояніи пролить свѣтъ не на одинъ еще не достаточно выясненный вопросъ и о прошломъ этой интересной народности,—этнографическая литература, благодаря труду г. Смирнова, обогатилась крупнымъ вкладомъ: онъ послужитъ исходной точкой для дальнѣйшихъ изысканій, цѣль которыхъ будетъ заключаться въ дополненіи свѣдѣній почтеннаго автора и въ выясненіи и разработкѣ вопросовъ, только намѣченныхъ или недостаточно имъ освѣщенныхъ.

Н. Х.

*) Къ сожалѣнію, г. Смирновъ въ послѣднюю работу не включилъ отдѣла о народномъ творчествѣ: оно оставлено имъ совершенно въ сторонѣ, хотя освѣщеніе имѣющагося по этому вопросу, хотя бы и скуднаго, матеріала, представляло бы высокій интересъ.

Н. Я. Никифоровскій.—Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности (Этнографическія данныя). Съ географическимъ видомъ Витебской губерніи и четырьмя чертежами въ текстѣ. Витебскъ. 1895.

Обширный трудъ неутомимаго изслѣдователя и знатока Витебской Бѣлоруссіи, заявившаго себя уже неоднократно интересными очерками на страницахъ нашего изданія,составляетъ большую цѣнность для этнографической науки. Въ заглавіи собиратель называетъ отдѣльныя части своего труда «очерками», въ предисловіи онъ говоритъ, что книга его—«сырой этнографическій матеріалъ». На самомъ дѣлѣ, этотъ «сырой матеріалъ» настолько удачно скомпонованъ и объясненъ, изложенъ въ такомъ ясномъ и послѣдовательномъ видѣ, что каждая глава носитъ характеръ вполнѣ законченнаго цѣлаго, а все вмѣстѣ даетъ детальное и всестороннее представленіе, яркую картину основныхъ сторонъ витебско-бѣлорусскаго крестьянскаго быта. Съ внѣшней стороны объемъ книги характеризуютъ почти 700 стр. четкой, убористой печати; съ внутренней стороны она заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: А. Ѣжа, ѣдиво, поядуха; прорва, жратва, момна; Б. Одѣцця, обуцця и приборы; В. Жилле, сялиба и будовля; Г. Тамъ-сямъ, вокругъ да около. [1])

Значеніе труда Н. Я. Никифоровскаго, «мѣстнаго старожила, давняго сельчанина, личнаго свидѣтеля прежняго житья-бытья простолюдина, свидѣтеля обновившихъ бытъ основъ», подчеркивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ бытъ, за промежутокъ времени въ 30 слишкомъ лѣтъ, какъ его наблюдаетъ собиратель, измѣняется съ необыкновенной быстротой; старое трещитъ по всѣмъ швамъ, шатается и падаетъ, на мѣсто его—откуда что берется—новые, несамодѣльныя, а фабричные, покупные предметы обихода; новые запросы, новыя понятія и самую жизнь облекаютъ въ другія, новыя формы. «При этомъ, говоритъ изслѣдователь, я ограничу бытописаніе двумя только смежными десятилѣтіями, на рубежѣ которыхъ стоитъ историческое 19 февраля 1861 года: въ первомъ изъ нихъ можно прочесть «послѣднее слово» крѣпостническаго строя, во второмъ же, близкомъ къ прерванному строю, обновленная жизнь пока-что не очень далеко отходила отъ прежней». Старое старится, молодое растетъ, говоритъ пословица, но отрадно то, 1) что новое гораздо лучше непригляднаго стараго: теперь «ѣстъ мужикъ чистый ржаной хлѣбъ, кое-когда пироги домашняго изготовленія, изрѣдка пьетъ чай изъ собственнаго самовара, одѣвается въ фабричныя ткани, сбувается въ стройные сапоги, живетъ въ чистой избѣ со струганнымъ поломъ, выѣзжаетъ въ мастерскомъ, даже расписанномъ экипажѣ, на сытой лошади,

[1]) Перечисляя разнообразные предметы обиходности, Н. Я. Никифоровскій называетъ ихъ мѣстными реченіями. при томъ старается передавать ихъ по возможности фонетически. Въ послѣднемъ случаѣ собиратель повторяетъ ошибки всѣхъ предшествовавшихъ ему изслѣдователей Бѣлоруссіи, что, впрочемъ, въ виду спеціальной цѣли труда въ вину ставить ему нельзя такъ, онъ пишетъ: пéршія (вм. пéршыя), пьяни́ки (вм. пъяни́ки), сцю́динь (вм. сцю́дзинь), прижани́па (вм. прыжани́па), голóдный (вм. галóдный) и нѣк. др.

которая убрана ременною сбруей», и 2) что то старое, которое имѣетъ теперь особый этнографическій интересъ, не ушло окончательно въ даль, а перешло въ живую лѣтопись минувшаго въ безкорыстно-ревностномъ, полномъ вдумчиваго сочувствія къ предмету трудѣ собирателя.

Книга интересна для всѣхъ, знакомящихся съ народнымъ бытомъ, но въ особенности останавливаетъ вниманіе глава «На пашнѣ». «Съ давнихъ поръ, читаемъ мы, за Витебскою Бѣлоруссіей удерживается названіе земледѣльческаго края, и нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣхъ же поръ коренной обитатель ея привыкъ не то съ униженіемъ, не то съ достоинствомъ величать себя: «мы—землепахи». Какъ угодно (продолжаетъ собиратель), но только по одному этому естественно ожидать, что на безспорно богатой всяческими дарами природы Бѣлорусской землѣ гнѣздится выдающійся земледѣлецъ, что онъ исключительно вѣдается съ благодарною отраслью труда, и что все это позволяетъ ему жить припѣваючи. А между тѣмъ кому же неизвѣстны періодическія голодовки «землепаха», улегшіяся, затерявшіяся въ сравнительно близкое къ намъ время? Кому не памятна полупрезрѣнная кличка «мякинника», еще и теперь направляемая по адресу того же «землапаха?» А тощій, болѣзненный видъ да воспитанная лишеніями угловатость лица не говорятъ ли, что, кромѣ трудовъ и житейскихъ ограниченій, «землепахъ» находился въ неустанной, малоплодной погонѣ за «хлѣбушкомъ насучнымъ?» — Сопоставимъ эти слова съ выписанными выше, свидѣтельствующими въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ о зажиточности, довольствѣ бѣлорусса—мужика, какъ оно покажется «свѣжему обозрѣвателю народной жизни», и мы найдемъ въ нихъ, за отсутствіемъ пояснительныхъ данныхъ, нѣкоторое противорѣчіе, изъ котораго выйти нелегко. Времени между изображаемымъ прошлымъ и настоящимъ прошло немного, такъ немного, что зачастую невозможно бываетъ ихъ разъединить, и самъ собиратель невольно сбивается на настоящее, говоря о недавнемъ прошломъ, а между тѣмъ эти обѣ картины такъ непохожи одна на другую! Или, можетъ быть, бѣлорусскій бытъ бросится въ глаза своей свѣтлой, казовой стороной свѣжему наблюдателю, а темная сторона, съ ея нуждой, голодомъ и непосильнымъ трудомъ, ускользнетъ отъ него? Едва ли въ Бѣлоруссіи именно эта сторона прежде всего бросается въ глаза свѣжему человѣку, да и сытая лошадь, чистая изба, чистый ржаной хлѣбъ—все это не казовая сторона, а вѣрный и точный *показатель* крестьянскаго благополучія, если таковое имѣется. Очевидно, что есть и тяжелая, безысходная нужда, приводящая къ тощему и болѣзненному виду, нужда притомъ традиціонная, воспитанная и завѣщанная вѣками, а есть и люди съ *новой* бытовкой, пьющіе чай изъ собственнаго самовара, ѣздящіе въ расписныхъ экипажахъ, словомъ благоденствующіе вполнѣ. И вотъ тутъ-то возникаетъ чрезвычайно интересный вопросъ: какимъ путемъ достигли благоденствія эти люди? путемъ ли честнаго труда, подъ властью земли, или подъ вліяніемъ просачивающихся въ ихъ среду новыхъ формъ жизни, среди которыхъ, быть можетъ, не послѣднее мѣсто занимаетъ кулачество? Подчиняются же жители т. н. инфляндскихъ уѣздовъ и сѣ-

верныхъ окраинъ Велижскаго, Невельскаго и Себежскаго уѣздовъ бытовому вліянію сосѣдей великоруссовъ, смольнянъ и псковитянъ. Повторяемъ: подобный вопросъ возникаетъ самъ собою, но мы не вправѣ требовать отъ собирателя отвѣта на него: онъ слишкомъ много далъ и безъ того въ своей книгѣ.

Во всякомъ случаѣ, не неблагодарность почвы, лѣнь и косность бѣлорусса, воспитанное вѣками органическое отупѣніе, или привычка жить впроголодь, какъ это зачастую указываютъ, служатъ причиной того, что «землепаха» и «мякинника» соединяютъ подчасъ въ одно понятіе. На это есть другія причины, и среди нихъ есть «одна, повидимому, забытая, а именно: какъ въ иныхъ отрасляхъ занятій, такъ и въ земледѣльческомъ, мѣстный простолюдинъ состоялъ *вѣчнымъ подмастерьемъ, даже работникомъ, но настоящимъ мастеромъ ему не приходилось быть*. Раньше мѣшалъ ему двойной трудъ, крѣпостной и собственный, потомъ «землепахъ» «сталъ вѣдаться съ землею или свыше хозяйственныхъ силъ, или, увлекаясь наступившею горячкою раздѣловъ, дробилъ то, что и безъ того было дробно, мельчалъ земледѣліе до того, что негдѣ и не надъ чѣмъ было выказать земледѣльческаго мастерства». А въ результатѣ всего этого—полный горькой ироніи, добродушный отвѣтъ: «шаве́цъ хо́дзицъ бязъ ботывъ, краве́цъ—увесь вылаплиный, коне́вникъ—болій пѣшшу,—дыкъ ци дзйвно жъ, шый зимлепа́хъ бязъ хлѣба жыве́цъ?»

Написана настоящая книга такъ же тепло, просто и вмѣстѣ съ тѣмъ живо, какъ и знакомые уже читателямъ *Этнографическаго Обозрѣнія* очерки разныхъ сторонъ быта той же Витебской Бѣлоруссіи. Первоначально эти очерки печатались въ Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Евг. Л—ій.

П. П. Надеждинъ. Кавказскій край. Придода и люди. Второе изданіе, совершенно вновь обработанное и дополненное. Тула, 1895 г.

Въ предисловіи къ этой книгѣ, заглавіе которой выписано, авторъ ея вѣрно замѣчаетъ, что Кавказъ—одна изъ интереснѣйшихъ странъ въ мірѣ, какъ въ физическо-географическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Недаромъ онъ уже съ отдаленнѣйшихъ временъ возбуждаетъ любопытство путешественниковъ и изслѣдователей. О Кавказѣ такъ много писано, что массы сочиненій, изданныхъ въ Россіи и за границею, по выраженію барона Услара, могли-бы образовать собою, «громадную гору». Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Надеждина о количествѣ исписанныхъ страницъ касательно нашего края, мы должны прибавить, что три четверти этихъ работъ по Кавказу представляютъ повтореніе, иногда искаженное на разные лады, давно извѣстнаго изъ сочиненій предшествовавшихъ авторовъ. За примѣрами далеко не придется итти: новое сочиненіе г. Надеждина во многихъ частяхъ представляютъ воспроизведеніе отдѣловъ изъ его же книги: «Опытъ географіи Кавказскаго края» (Тула 1891 г.). Мы не согласны съ авторомъ разбираемой книги, что его «скромый трудъ

представляетъ собою систематическій сводъ того, что выработано на Кавказѣ до настоящаго времени наукою»,—напротивъ, въ его сочиненіи обойдены молчаніемъ и не названы, въ числѣ «источниковъ и пособій», нѣкоторыя спеціальныя изслѣдованія по различнымъ вопросамъ, касающимся Кавказа, зато онъ пользуется работами сомнительнаго качества въ родѣ Шопена: «Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа и его обитателей». Къ однимъ авторамъ питаетъ г. Надеждинъ пристрастное довѣріе, а другихъ обходитъ молчаніемъ, иногда называя совершенно безполезныя или устарѣлыя сочиненія. Эта книга можетъ быть полезна для ознакомленія съ нашимъ краемъ, какъ и «Путеводитель по Кавказу» г. Вейденбаума, но все же мы не считаемъ ея послѣднимъ сводомъ всѣхъ лучшихъ работъ по изученію Кавказа и ждемъ съ нетерпѣніемъ, когда появится трудъ, обнимающій Кавказъ со всѣхъ сторонъ, достойныхъ вниманія и изслѣдованія.

А. Хах-овъ.

И. И. Благовѣщенскій и А. Л. Гарязинъ: Кустарная промышленность въ Олонецкой губ. (Петрозаводскъ, 1895 г. 8° стр. 125).

Изученіе кустарной промышленности имѣетъ главной цѣлью освѣтить извѣстную сторону экономическаго быта населенія; главными вопросами при этомъ являются, обезпечиваетъ-ли и въ какой степени промыселъ кустаря, можно-ли и какими мѣрами поднять и развить промыселъ и т. п. Обыкновенно веденныя такимъ образомъ изслѣдованія кустарныхъ промысловъ освѣщаютъ преимущественно экономическую сторону дѣла, и слѣдовательно имѣютъ къ этнографіи лишь косвенное отношеніе. Но подобное изученіе можетъ имѣть и серьезный этнографическій интересъ, если изслѣдователи обращаютъ вниманіе на исторію промысла и излагаютъ самый способъ производства; наиболѣе интересные результаты для этнографіи мы естественно въ правѣ ожидать при изученіи тѣхъ промысловъ, которые практикуются въ извѣстной мѣстности «съ незапамятныхъ временъ». Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что изслѣдователи кустарныхъ промысловъ Олонецкой губ. не ограничились только освѣщеніемъ предмета съ экономической точки зрѣнія, но и ввели въ свое изложеніе не мало этнографическихъ указаній, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что работа объединяющая подробно свѣдѣнія о *главныхъ* отрасляхъ кустарной промышленности Олонецкой губ. появляется впервые. Особенный интересъ представляютъ свѣдѣнія о гончарномъ производствѣ и кузнечномъ промыслѣ: въ первомъ случаѣ составители останавливаются на количествѣ гончаровъ, давности промысла, подробно описываютъ самый способъ производства (добываніе и приготовленіе глины, обжиганіе, способы украшенія посуды и пр.); не менѣе интересны данныя объ обработкѣ кустарями желѣзной руды, которою, какъ извѣстно, изобилуетъ Олонецкая губ. «Кузнечный промыселъ, замѣчаютъ авторы, составляетъ исконное занятіе жителей Олонецкаго края... Въ Повѣнецкомъ и многихъ другихъ уѣздахъ губерніи по нынѣ видны ямы, гдѣ копали горную руду, обжигали ее, плавили и выковывали желѣзо ручнымъ молотомъ. Въ Повѣнецкомъ у. и Бѣломорской

Кореліи съ незапамятныхъ временъ славятся винтовки собственнаго издѣлія». До послѣдняго времени въ Кенозерской вол., Каргопольскаго у., добывали болотную руду и выплавляли желѣзо; авторы подробно излагаютъ примитивныя приспособленія, которыми пользовались крестьяне для выплавки руды, вслѣдствіе чего свѣдѣнія ихъ получаютъ особый интересъ для этнографа. Для исторіи распространенія извѣстныхъ видовъ производства въ губерніи заслуживаютъ упоминанія свѣдѣнія о почти исчезающемъ въ настоящее время промыслѣ, вышивкахъ золотомъ по тканямъ, нѣкогда болѣе широко распространенномъ среди женскаго населенія Каргопольскаго у. и пришедшаго теперь въ упадокъ какъ вслѣдствіе вліянія *моды*, такъ и благодаря худшему, чѣмъ въ прежнее время, экономическому состоянію олонецкихъ крестьянъ. Начало этого промысла нѣкоторые относятъ къ концу XVIII в. и «объясняютъ, что первыми мастерицами были семьи духовныхъ, отъ которыхъ мастерство пошло по деревнямъ». Конечно, этнографъ, преслѣдующій другія цѣли при изученіи кустарныхъ промысловъ, чѣмъ экономистъ, не найдетъ въ названномъ трудѣ отвѣтовъ на многіе вопросы, которые ему было-бы желательно освѣтить, но не слѣдуетъ забывать, что передъ нами трудъ не этнографическій, а преслѣдующій цѣль ознакомленія съ положеніемъ кустарнаго дѣла и кустарей Олонецкой губ., чтобы этимъ путемъ рѣшить вопросы о лучшихъ способахъ поддержанія и развитія существующихъ промысловъ. Этнографъ можетъ быть только благодаренъ составителямъ за внесеніе многихъ этнографическихъ данныхъ въ ихъ работу и пожелать, чтобы при дальнѣйшей разработкѣ о кустарной промышленности Олонецкой губ., особенно богатой слѣдами старины, они слѣдовали принятому ими въ названной работѣ направленію.

Н. Х.

Очеркъ путешествія Архангельскаго губернатора А. П. Энгельгардта въ Кемскій и Кольскій уѣзды въ 1895 г. (Архангельскъ, 1895. 8°, стр. 128).

Интересное путешествіе А. П. Энгельгардта имѣло главной цѣлью личное ознакомленіе начальника губерніи со всѣми мѣстными условіями для практическаго осуществленія работъ по сооруженію телеграфной линіи, которая соединила бы нашу сѣверную окраину съ сѣтью телеграфовъ остальной Россіи. А. П. Энгельгардтъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, направился изъ Архангельска въ Кандалакшу черезъ Кемь, Кереть и Ковду. Изъ Кандалакши экспедиція направилась въ Колу и осмотрѣла нѣкоторыя мѣстности и становища по Мурманскому берегу. Неизвѣстный авторъ «Очерка путешествія», на ряду съ описаніемъ пути экспедиціи, сообщаетъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о бытѣ кореловъ, лопарей, поморовъ и колонистовъ—финляндцевъ, съ которыми путешественники сталкивались на своемъ пути. Естественно, что авторъ не задается цѣлью представить полную картину быта населенія посѣщенныхъ имъ мѣстностей, вслѣдствіе чего этнографъ найдетъ среди сообщаемыхъ свѣдѣній весьма мало новаго, неизвѣстнаго ему уже изъ другихъ сочиненій; даже

въ тѣхъ случаяхъ, когда автору, казалось бы, являлась возможность дополнять литературные источники личными наблюденіями, онъ предпочитаетъ пользоваться печатными матеріалами; такъ, напр., описаніе корельскихъ домовъ авторомъ есть ничто иное, какъ почти дословное воспроизведеніе данныхъ, касающихся этого вопроса, изъ соч. Чубинскаго (Этногр. очеркъ Корелы въ Тр. Арханг. Стат. Ком. II. 1865). Мы это, пожалуй, не можемъ ставить въ вину автору, такъ какъ онъ, повидимому, не спеціалистъ въ дѣлѣ изученія народнаго быта; кромѣ того, онъ посѣтилъ указанныя мѣста не какъ изслѣдователь, а лишь какъ одинъ изъ спутниковъ, сопровождавшихъ начальника губерніи. Но именно вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства намъ особенно хотѣлось бы встрѣтить болѣе серьезное отношеніе къ нѣкоторымъ вопросамъ, съ которыми авторъ не могъ не столкнуться и уяснить которые ему представлялась возможность. Такъ, напр., по одному изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, касающихся лопарей, именно объ ихъ вымираніи, авторъ очерка ограничивается слѣдующей фразой: «Лопарское племя, повидимому, вымираетъ», пишетъ онъ, «или, лучше сказать, постепенно исчезаетъ и смѣшивается съ сосѣдними племенами. Не имѣя ни письменныхъ памятниковъ, ни историческаго прошлаго, ни особыхъ религіозныхъ вѣрованій, всѣ они православные; принимая обычаи и культуру русскихъ, лопари отстаютъ нерѣдко отъ своихъ единоплеменниковъ и смѣшиваются съ русскими». О не менѣе существенномъ вопросѣ—экономическомъ бытѣ и зависимости лопарей отъ русскихъ торговцевъ—авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Вообще намъ всегда нѣсколько непонятнымъ казался тотъ плачъ о самоѣдахъ и лопаряхъ, который слышался нерѣдко въ литературѣ, въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, напр., уважаемаго пр. Якоби и даже въ административныхъ распоряженіяхъ, объ ихъ жалкой, полной лишеній жизни, объ эксплуатаціи, которой они будто бы подвергаются со стороны сосѣдняго населенія. Въ дѣйствительности-же къ ихъ услугамъ, въ ихъ распоряженіи, необъятныя тундры и лѣса, паси оленей—гдѣ знаешь, лови рыбу—гдѣ хочешь, промышляй звѣрей и птицъ—безпрепятственно на пространствѣ многихъ милліоновъ десятинъ свободныхъ казенныхъ земель, только самъ не плошай». Авторъ повидимому забываетъ, что полу-дикарю-лопарю не такъ легко «не плошать» передъ дѣйствительно «не плошающимъ» въ извѣстныхъ отношеніяхъ кулакомъ, держащимъ лопаря въ тяжелой экономической зависимости, отъ которой не освободятъ лопаря «необъятные тундры и лѣса» и «милліоны десятинъ свободныхъ земель». Намъ казалось бы, что авторъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы онъ, не будучи въ состояніи изучить эти и аналогичные имъ вопросы, животрепещущіе въ жизни сѣверныхъ инородцевъ, ограничился живо написанными путевыми замѣтками, не увеличивая объема книги краткими свѣдѣніями, заимствованными изъ извѣстныхъ уже сочиненій, и не роняя значенія своего труда поверхностными сужденіями о сложныхъ явленіяхъ жизни нашего сѣвера.

Н. Х.

В. Н. Сторожевъ: Тверское дворянство XVII в., вып. IV. *Составъ Бѣжецкаго дворянства по десятнямъ XVII в.* (изд. Тверск. Уч. Арх. Ком. Тверь, 1895; 8°, стр. 303).

О названномъ изданіи г. Сторожева намъ приходилось говорить на страницахъ нашего изданія, и нами тогда отмѣчалось, какой интересъ представляетъ опубликованіе десятенъ для исторической этнографіи. Настоящій выпускъ является послѣднимъ въ ряду изданія десятенъ, касающихся дворянства, служившаго въ XVII в. въ городахъ изъ области современной Тверской губ.; указатель, приложенный къ 4-му выпуску, въ значительной степени облегчаетъ пользованіе работами г. Сторожева по десятнямъ, касающимся тверского дворянства. Авторъ предпосылаетъ своему труду замѣтку, по священную дѣятельности покойнаго управляющаго Архивомъ М. Юстиціи, бывшаго также первымъ предсѣдателемъ Отдѣла Этнографіи Имп. Общества Любителей Естествознанія—Н. А. Попова (см. «Этн. Обозр.» XII); его памяти авторъ посвящаетъ и свой трудъ. В. Н. Сторожевъ дѣлаетъ живую характеристику дѣятельности Н. А. Попова, какъ человѣка, общественнаго дѣятеля и ученаго, до послѣднихъ дней жизни не прекращавшаго своихъ разностороннихъ и плодотворныхъ работъ, умѣвшаго привлекать и заинтересовывать къ серьезной научной дѣятельности своихъ учениковъ и сослуживцевъ по ученому учрежденію, управляющимъ котораго онъ состоялъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Н. Х.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи *при И. Казанск. Ун.* **XIII, вып. 1.** *С. М. Матвѣевъ:* Мухамеданскій разсказъ о Св. Дѣвѣ; текстъ и переводъ. Разсказъ (стихотворный) изложенъ, пишетъ г. Матвѣевъ, литературнымъ тюркскимъ языкомъ, впрочемъ значительно отличающимся отъ языка казанскихъ татаръ; можно думать, на основаніи языковыхъ особенностей, что авторъ жилъ въ Средней Азіи. Легенда заключаетъ описаніе совмѣстной жизни пресв. Дѣвы съ Христомъ, кончины ея и погребенія при участіи небесныхъ силъ. Коранъ по мнѣнію г. Матвѣева мало игралъ роль при составленіи разсказа; слѣды христіанскихъ апокрифовъ болѣе сильны.—**XIII, вып. 2.**— *Н. М. Петровскій*: Повѣсть священника Іакова «о мощахъ недовѣдомыхъ», по списку А. И. Соколова текстъ и варіанты. *Г. Потанинъ:* Къ сказкѣ о Маркѣ Богатомъ. Параллели изъ монголо-тибетскихъ легендъ. *В. А. Мошковъ*: Гагаузскіе тексты; текстъ и переводъ разсказовъ о Наср-эд-динѣ среди болгаръ Бессарабской губ., выходцевъ изъ Добруджи; гагаузы говорятъ по-турецки; сказка о «безбородомъ хитрецѣ» у нихъ же.—**XIII, в. 3.**—Помѣщены двѣ работы, изъ которыхъ одна — «Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства», *Г. С. Саблукова*—имѣетъ косвенное отношеніе къ этнографіи, а другая представляетъ весьма интересный для этнографовъ сводъ «чувашскихъ примѣтъ о погодѣ и вліяніи ея на сельское хозяйство», *А. В. Смоленскаго*. Г. С. Саблуковъ собралъ на основаніи имѣющихся литературныхъ данныхъ въ одно систематическое цѣлое всѣ извѣстія, могущія освѣтить бытъ обитателей

Кипчакскаго царства; чтобы дать понятіе объ этомъ «Очеркѣ», приведемъ перечень вошедшихъ въ него главъ; онѣ трактуютъ: о власти хановъ, управленіи, сословіяхъ, законахъ, военныхъ силахъ хана, доходахъ его, торговлѣ, монетахъ, состояніи городовъ въ Кипчакѣ, художествахъ и ремеслахъ, дворѣ хановъ и обрядахъ двора, жизни частныхъ лицъ, религіи, грамотности, физическихъ и нравственныхъ качествахъ татаръ. Работа покойнаго Г. С. Саблукова появляется въ свѣтъ въ качествѣ 2-го посмертнаго, но исправленнаго и приготовленнаго къ печати самимъ авторомъ изданія (первый разъ она была напечатана въ Саратовскихъ Губ. Вѣд.). Несомнѣнно, что, хотя трудъ Г. С. Саблукова и страдаетъ нѣкоторой неполнотой, отсутствіемъ данныхъ, которыя историкъ можетъ извлечь изъ археологическихъ изслѣдованій, онъ все-же не утратилъ своего значенія, какъ сводъ данныхъ, дающій возможность начертить, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ внутренній бытъ Кипчакскаго царства; кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что когда эта работа составлялась (Г. С. Саблуковъ ум. въ 1880 г.), наши археологическія работы въ этой области не дали еще тѣхъ цѣнныхъ результатовъ, которыми наука обогатилась въ послѣднее время, и что, наконецъ, самъ авторъ не имѣлъ возможности, вслѣдствіе пребыванія своего въ провинціи, пользоваться источниками съ широтой, доступной столичному ученому. Во всякомъ случаѣ, нельзя не отнестись съ благодарностью къ редакціи «Извѣстій» за изданіе этого труда, едва доступнаго въ своемъ первомъ изданіи, но одновременно не можемъ не выразить сожалѣнія, что глава о монетахъ, напечатанная въ Саратовскихъ Г. В. въ началѣ 1895 г. (№ 2 и 3), не была перепечатана въ «Извѣстіяхъ» цѣликомъ, такъ какъ провинціальныя газеты являются всегда малодоступными. — Что касается «Чувашскихъ примѣтъ о погодѣ» *А. В. Смоленскаго*, то здѣсь авторъ представляетъ весьма подробный и обстоятельный сводъ правилъ, служащихъ чувашамъ, которые по словамъ И. Н. Смирнова, «сдѣлались почти оракулами въ Казани», при опредѣленіи предстоящей погоды и пр. Сборникъ составленъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ г. Смоленскимъ какъ при посредствѣ учителей сельскихъ чувашскихъ училищъ, такъ и на основаніи личныхъ разспросовъ (всего 468 примѣтъ) и раздѣленъ на 2 части. Въ первую вошли «примѣты, предсказывающія погоду за одинъ или нѣсколько дней» (по солнцу, лунѣ, звѣздамъ, цвѣту неба и чистотѣ воздуха, по облакамъ, вѣтрамъ, росѣ, грому, молніи и граду, по радугѣ, водѣ, животнымъ, птицамъ, насѣкомымъ); второй отдѣлъ составляютъ «примѣты, предсказывающія лѣтнюю погоду по зимней и сельскохозяйственныя» (по снѣгу, по созвѣздію плеядъ, льду на рѣкахъ, его таянію и разлитію рѣкъ, по сосулькамъ, по инею, по погодѣ, стоящей въ опредѣленные дни, по птицамъ, животнымъ, насѣкомымъ и растеніямъ и пр.). Текстъ примѣтъ напечатанъ по чувашски съ русскимъ переводомъ; кромѣ того, авторъ въ примѣчаніяхъ указываетъ сходныя примѣты среди русскихъ, черемисъ и др. народностей Россіи.

Н. Х.

Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея, вып. III и IV. (Тобольскъ, 1895).

Музей въ г. Тобольскѣ играетъ не только роль учрежденія, назначеннаго для собиранія и храненія коллекцій, необходимыхъ для изученія мѣстнаго края, но онъ служитъ и центромъ, вокругъ котораго объединяются интеллигентныя силы края. Органомъ его является «Ежегодникъ», 3-й и 4-й выпуски котораго появились въ свѣтъ въ истекшемъ году. Въ помѣщенной передъ 3-мъ выпускомъ замѣткѣ «отъ редакціи» указывается между прочимъ, что выпускъ «выходитъ въ свѣтъ при не вполнѣ благопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ», что однако при музеѣ образована особая коммиссія по изысканію средствъ для образованія капитала, на % коего и будетъ издаваться «Ежегодникъ», что коммиссія уже обратилась «къ извѣстнымъ своею благотворительностью и просвѣщеннымъ вниманіемъ къ насущнымъ нуждамъ родного края лицамъ» и питаетъ увѣренность, что эти лица будутъ содѣйствовать обезпеченію изданія съ матеріальной стороны. Отраднымъ доказательствомъ, что хлопоты коммссія нашли себѣ сочувственный откликъ, служитъ фактъ появленія въ свѣтъ въ томъ же году и 4-го вып. «Ежегодника». Тобольскій музей преслѣдуетъ цѣли всесторонняго изученія края, вслѣдствіе этого и самъ музей вмѣщаетъ въ себѣ рядъ отдѣловъ: естественно-историческій, промышленный, общеобразовательный, археологическій и этнографическій; послѣдній, прекрасно обставленный предметами быта и культа инородцевъ Тобольской губ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ характеромъ музея программа «Ежегодника» очень широка; въ изданіи музея находятъ себѣ мѣсто статьи по всѣмъ перечисленнымъ отдѣламъ, на которые дѣлится музей, при чемъ, какъ среди залъ музея, такъ и на страницахъ «Ежегодника» этнографія занимаетъ не послѣднее мѣсто. Въ указанныхъ выпускахъ мы находимъ обширный сборникъ пѣсенъ (104 №№), записанныхъ *М. Н. Костюриной* въ подгородныхъ деревняхъ около Тобольска (вып. III); сборникъ снабженъ *Л. Е. Луговскимъ* примѣчаніями съ указаніемъ варіантовъ по сборникамъ Шейна, Якушкина, Сахарова и др. Дополненіемъ къ труду г-жи Костюриной служатъ помѣщенныя въ 4-мъ выпускѣ мелодіи сибирскихъ пѣсенъ, записанныя г. *S**. Въ томъ-же 4-мъ выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе обстоятельная работа пр. *Я. И. Якобія* «Остяки сѣверной части Тобольской губ.», посвященная рѣшенію весьма интереснаго и важнаго вопроса о вымираніи остяковъ. Справочный характеръ носитъ интересная и для этнографа работа *А. А. Терновскаго* къ библіографіи Сибири: указатель статей и главнѣйшихъ замѣтокъ, касающихся Сибири и помѣщенныхъ въ сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ 1893 г. (вып. III); къ библіографическому указателю приложенъ указатель алфавитный именъ личныхъ, предметный и географическій, что въ значительной степени облегчаетъ справки; другая работа справочнаго же характера — «Опытъ обзора крестьянскихъ промысловъ Тобольской губ.» *Н. Л. Скалозубова* съ алфавитнымъ предметнымъ указателемъ (вып. IV); матеріалъ расположенъ по уѣздамъ, причемъ отмѣчены деревни и количество лицъ въ нихъ, занимающихся тѣмъ или инымъ промысломъ,

цѣны произведеній и размѣры промысла. Для будущихъ работъ по детальному изслѣдованію крестьянскихъ промысловъ Тобольской губ. работа г. Скалозубова послужитъ интереснымъ руководствомъ въ томъ отношеніи, что изслѣдователь будетъ имѣть возможность опредѣлить, на какіе пункты губерніи обратить свое вниманіе. Приведеннаго краткаго перечня статей, имѣющихъ прямой или косвенный интересъ для этнографа и помѣщенныхъ въ отмѣченныхъ выпускахъ «Ежегодника», кажется намъ вполнѣ достаточно, чтобы присоединиться къ пожеланію одной сибирской газеты, «чтобы каждый изъ существующихъ въ разныхъ городахъ Сибири музеевъ имѣлъ, подобно Тобольскому, свое собственное изданіе» и, добавимъ отъ себя, относился бы такъ же добросовѣстно и серьезно къ исполненію своей ближайшей задачи—посвящать свои силы всестороннему изученію края, какъ это дѣлаетъ кружокъ лицъ, сгруппировавшихся при Тобольскомъ музеѣ. *Н. Х.*

Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества 1895 г., вып. 6 и 7. (Оренбургъ, 1895 г.)

Наша этнографическая литература количественно и качественно далеко не равномѣрно распредѣляется по отдѣльнымъ народностямъ, населяющимъ Россію: въ то время, какъ нѣкоторые инородцы, подчасъ очень отдаленные географически отъ культурныхъ центровъ, были объектомъ многократнаго изслѣдованія, другіе, сравнительно болѣе близко живущіе, мало привлекали на себя вниманія пріѣзжихъ и мѣстныхъ собирателей этнографическаго матеріала. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести между прочимъ и башкиръ, новѣйшая литература о которыхъ не представляетъ намъ ни одной цѣльной и обстоятельной монографіи. Между тѣмъ интересъ, который можетъ представить всестороннее изученіе быта башкиръ, не подлежитъ сомнѣнію: они въ сравнительно недавнее время переходятъ отъ кочевого къ полукочевому, а затѣмъ частью и къ осѣдлому быту; этотъ послѣдній процессъ продолжаетъ совершаться и въ настоящее время, и уже подробное и детальное изученіе его можетъ дать наукѣ цѣлый рядъ цѣнныхъ фактовъ; далѣе, одновременно съ измѣненіемъ быта происходятъ и измѣненія въ матеріальной культурѣ (жилищѣ, одеждѣ, пищѣ и пр.); взаимодѣйствіе башкиръ и татаръ не только въ сферѣ внѣшняго быта, но и религіознаго, измѣненія въ общественномъ строѣ подъ вліяніемъ новыхъ условій—все это даетъ собирателю этнографическаго матеріала среди башкиръ возможность сдѣлать много интересныхъ и важныхъ въ научномъ отношеніи наблюденій, не говоря уже, что изученіе пережитковъ старины, воспоминаній прошлаго быта само по себѣ способно было бы возбудить у изслѣдователя интересъ къ быту башкиръ. Между тѣмъ изученіе ихъ еще далеко отъ той стадіи, когда можно надѣяться путемъ объединенія и дополненія существующаго матеріала ожидать появленія въ свѣтъ труда, касающагося всесторонняго описанія и научнаго освѣщенія быта башкиръ въ цѣлости. Дѣло въ томъ, что въ культурномъ отношеніи они не представляютъ собой однородной массы: въ зависимости отъ различныхъ условій часть ихъ значительно поддалась уже вліянію сосѣдей, часть продол-

жаетъ сохранять въ большей или меньшей степени древнія черты быта. Вслѣдствіе этого изученію башкиръ въ цѣлости должно предшествовать возможно детальное и всестороннее изслѣдованіе ихъ по отдѣльнымъ районамъ. Только этимъ путемъ можетъ накопиться матеріалъ, объединеніе котораго дастъ возможность освѣтить современный и прошлый бытъ башкирской народности. Этимъ путемъ шли новѣйшіе изслѣдователи, и его, повидимому, избралъ себѣ и Оренбургскій Отдѣлъ И. Р. Г. О., прямое назначеніе котораго составляетъ дополненіе этнографическихъ данныхъ по близъ живущимъ къ Оренбургу народностямъ, между прочимъ и башкирамъ. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что мѣстные изслѣдователи не всегда вполнѣ слѣдуютъ указанному пути: такъ, въ *вып. 6-мъ* мы встрѣчаемъ очень интересный сборникъ башкирскихъ пословицъ *Мухамедъ-Тулимъ Куватова*, преподавателя Серменевской русско-башкирской школы (Верхнеуральск. у.); собрано 130 пословицъ; къ нимъ сдѣланъ переводъ и къ нѣкоторымъ присоединены изъясненія, къ какимъ обстоятельствамъ данная пословица примѣняется. Собиратель дѣлаетъ замѣчаніе, что въ числѣ собранныхъ имъ пословицъ есть и заимствованныя отъ русскихъ, но, къ сожалѣнію, не указываетъ, *какія* онъ считаетъ заимствованными; далѣе нельзя опредѣлить, въ какой мѣстности собраны пословицы: между тѣмъ это было бы очень важно, въ особенности въ виду наличности факта заимствованія; не менѣе было бы интересно опредѣлить, насколько распространены приведенныя пословицы среди башкиръ, если онѣ собраны не въ одной мѣстности. Совершенно другое впечатлѣніе производитъ статья *М. Баишева*: «Деревня Зіянчурина, Орскаго у., Оренбургской губ.» (вып. 7-й). Авторъ подробно знакомитъ читателя съ жилищемъ, одеждой, пищей и занятіями населенія деревни, при чемъ, что особенно цѣнно, указываетъ на измѣненія, происшедшія въ этомъ отношеніи за послѣднее время; далѣе онъ сообщаетъ обряды при рожденіи, свадьбѣ, погребеніи, говоритъ о народныхъ увеселеніяхъ, суевѣріяхъ, вѣрѣ въ загробную жизнь и приводитъ преданія, легенды, равно и пѣсенные образцы творчества башкиръ. Несомнѣнно, было бы желательно встрѣтить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о семейной и общественной жизни населенія деревни; нельзя также не указать, что образцы народнаго творчества, которые приводитъ авторъ, выиграли бы, если бы они были записаны и переведены дословно, а не заключали только кратко переданнаго содержанія пѣсни, что религіозныя воззрѣнія башкиръ могли бы быть изложены съ большей полнотой и пр. Не смотря, однако, на указанные пробѣлы, работа г. Баишева вноситъ не мало чрезвычайно интересныхъ данныхъ въ этнографическую литературу о башкирахъ, что и позволяетъ намъ выразить искреннее пожеланіе съ одной стороны, чтобы г. Баишевъ продолжалъ начатыя имъ изслѣдованія и въ дальнѣйшихъ работахъ дополнилъ собранный имъ матеріалъ, а съ другой—чтобы Оренбургскій Отдѣлъ И. Р. Г. О. продолжалъ побуждать своихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ изученія быта башкиръ, направлялъ и руководилъ ими для болѣе успѣшнаго достиженія намѣченныхъ изслѣдователями цѣлей.

Не менѣе бѣдна этнографическая литература о восточныхъ черемисахъ,

и Оренбургскій Отдѣлъ оказываетъ немалую услугу наукѣ, направляя свои силы къ изученію ихъ: въ одномъ изъ предшествующихъ выпусковъ «Извѣстій» Отдѣла (вып. 4-й) были уже помѣщены чрезвычайно интересныя и обстоятельныя статьи г. Еруслянова, касающіяся быта черемисъ Уфимской губ. Въ текущемъ году (вып. 6-й) Отдѣломъ напечатаны «Замѣтки по этнографіи черемисъ Красноуфимскаго у., Пермской губ.» *А. А. Петрова*: не смотря на небольшіе размѣры, работа г. Петрова даетъ немало интересныхъ свѣдѣній о представленіяхъ черемисъ о солнцѣ, лунѣ, радугѣ, грозѣ и дождѣ, о вѣрованіяхъ ихъ въ духовъ и о приносимыхъ послѣднимъ жертвахъ. Не лишено интереса вѣрованіе черемисъ, что солнце представляетъ собой шаръ, одна половина котораго освѣщена; земля ходитъ (не вращаясь) вокругъ солнца, и въ зависимости отъ того, къ какой половинѣ земля подойдетъ, наступаетъ или день, или ночь; повидимому, это представленіе является результатомъ плохо усвоенныхъ школьныхъ свѣдѣній, и какъ таковое представляетъ тѣмъ большій интересъ, что школьныя свѣдѣнія играютъ, повидимому, не малую роль въ дѣлѣ возникновенія новыхъ космографическихъ представленій не только среди инородцевъ, но и русскихъ. Какъ любопытный фактъ, можно отмѣтить значеніе, которое имѣетъ въ жизни черемисъ *Кудо*—болѣе древняя форма жилища черемисина, первоначально шалашъ: Кудо (чумъ) служитъ лишь лѣтнимъ жилищемъ, но изображеніе домового духа—*Кудо водишъ*—пучекъ березовыхъ вѣтвей, срѣзанныхъ отъ стараго дерева, на которомъ всѣ сучья цѣлы — помѣщается именно въ Кудо; въ прежнее время, по преданію, черемисы даже нарочно устраивали Кудо, въ которомъ и совершали свадебный обрядъ. Далѣе интересно, къ сожалѣнію слишкомъ краткое, упоминаніе автора о существованіи обрядовъ закладки Кереметя (священной рощи), которая «закладывается» въ честь извѣстнаго лица, вслѣдствіе чего и духъ (водишъ), поселяющійся въ рощѣ, получаетъ имя послѣдняго. Не останавливаясь дольше на трудѣ г. Петрова, пожелаемъ ему полнаго успѣха въ продолженіи его интересной и важной въ научномъ отношеніи работы.

Centralblatt für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1896. I. Названный новый періодическій органъ, преслѣдующій цѣль сообщать читателямъ, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о новѣйшихъ научныхъ работахъ въ области антропологіи, этнологіи и первобытныхъ древностей, издаваемый подъ редакціей д-ра Г. Бушана, заслуживаетъ полнаго сочувствія: новый журналъ широко раскрываетъ свои двери тремъ отраслямъ науки о человѣкѣ, наиболѣе соприкасающимся между собою. Въ настоящее время едва ли представляется возможнымъ заниматься одной изъ названныхъ трехъ отраслей независимо отъ двухъ другихъ, и лицо, спеціально работающее по антропологіи, этнографіи или по первобытнымъ древностямъ, найдетъ въ новомъ изданіи всегда много интереснаго и новаго. Въ вышедшемъ № 1-мъ изданія помѣщена небольшая статья G. Sergi «О происхожденіи и распространеніи средиземноморской расы»; итальянскій антропологъ излагаетъ вкратцѣ положенія, которыя онъ высказываетъ въ своей

работѣ Origine e diffusione della stirpe mediterranea (Roma, 1895), составляющей въ свою очередь лишь извлеченіе изъ его болѣе обширнаго, но не появившагося еще въ свѣтъ труда по этому-же вопросу. Авторъ держится мнѣнія, что какъ египтяне, такъ и древнее населеніе южной Европы: лигуры, иберы и пелазги, къ которымъ онъ причисляетъ и этрусковъ, принадлежатъ къ одной этнической семьѣ, родину которой слѣдуетъ искать въ восточной Африкѣ, въ области въ настоящее время заселенной сомали, откуда различныя вѣтви двинулись на сѣверъ, заселили частью Сирію и Малую Азію, частью европейскіе полуострова на Средиземномъ морѣ, южную Францію, нѣкоторыя области Великобританіи и даже южную полосу Россію. Къ этимъ выводамъ авторъ приходитъ на основаніи изученія антропологическаго матеріала. Насколько это положеніе автора имѣетъ данныя быть признано наукой, можно будетъ судить лишь по выходѣ въ свѣтъ его большой работы, посвященной этому-же вопросу, когда авторъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія выставитъ большее количество доказательствъ. Попытка автора найти въ остеологіи ключъ къ раскрытію темнаго прошлаго Европы во всякомъ случаѣ не лишена интереса.

Центръ тяжести въ новомъ изданіи лежитъ, какъ мы уже сказали, въ сообщеніи и критической оцѣнкѣ новѣйшихъ работъ по антропологіи, этнографіи и первобытнымъ древностямъ: въ № 1-мъ помѣщены болѣе или менѣе подробные отзывы о слишкомъ 100 сочиненіяхъ, дающихъ представленіе о движеніи науки о человѣкѣ за истекшій 1895 г. Редакція не ограничивается только изданіями на нѣмецкомъ языкѣ, но стремится познакомить читателей и съ трудами дѣятелей въ этой области науки и въ другихъ странахъ, между прочимъ и въ Россіи, что достигается благодаря сотрудничеству въ журналѣ иностранныхъ, въ частности русскихъ ученыхъ (акад. Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго). Благодаря этому мы находимъ въ разбираемомъ № довольно значительное количество отзывовъ на трудно доступныя въ Германіи работы русскихъ ученыхъ; такъ напр. А. А. Ивановскому принадлежатъ рецензіи на интересную работу Д. Н. Анучина «Амулетъ изъ человѣческаго черепа» (Отт. изъ 1-го т. Труд. Виленск. Арх. съѣзда), Н. В. Гильченка—о кубанскихъ казакахъ, Н. А. Аристова.—«Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ Большой орды и кара-киргизовъ» (Жив. Стар. 1894, III—IV) и др. Въ числѣ работъ русскихъ ученыхъ, отмѣченныхъ въ новомъ изданіи, отмѣтимъ и брошюру А. А. Ивановскаго «Монголія», заключающую въ себѣ этнографическія свѣдѣнія о монголахъ и изданную авторомъ на нѣмецкомъ яз., замѣтка на которую принадлежитъ г. Бушану. Кромѣ того разобраны и нѣсколько трудовъ, касающихся русскихъ древностей (Сибири, Кавказа и др.).

Большое количество подвергнутыхъ разбору книгъ на англійскомъ, итальянскомъ, французскомъ и др. языкахъ по общимъ и спеціальнымъ вопросамъ науки о человѣкѣ доказываетъ, что редакція тщательно относится къ своей задачѣ, а имена сотрудниковъ журнала, среди которыхъ мы встрѣчаемъ такихъ серьезныхъ ученыхъ, какъ Кольманъ, Штида, Гернесъ, Пачъ, Монтеліусъ и др., могутъ служить ручательствомъ дальнѣйшаго преуспѣянія новаго органа.

Н. Х.

Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Band. XXV. 1895. 1. *L. v. Schroeder*: Ueber die Entwickelung der Indologie in Europa und ihre Beziehungen zur allgemeinen Völkerkunde; небольшой очеркъ, имѣющій цѣлью указать, насколько велико было значеніе изученія древней литературы Индіи и сравнительнаго языковѣдѣнія для движенія науки народовѣдѣнія. *N. Leder*: Ueber alte Grabstätten in Sibirien und der Mongolei; краткій очеркъ сибирскихъ древностей, ихъ характеристика на основаніи знакомства съ коллекціями сибирскихъ музеевъ и личныхъ путевыхъ впечатлѣній автора. *N. v. Wlislocki*: Die Lappenbäume im magyarischen Volksglauben; собраны свѣдѣнія о распространенности среди населенія оставлять тряпки, части одежды, волосы и т. п. на деревьяхъ, какъ умилостивительную жертву духамъ воды и деревьевъ для освобожденія отъ разныхъ болѣзней. Въ отчетахъ о засѣданіяхъ: *M. Haberlandt*: Animismus im Judenthum, слѣды анимизма, насколько онъ выражается въ поклоненіи духамъ усопшихъ, въ системѣ іудейскаго міровоззрѣнія.

2—3 *R. v. Weinzierl:* Die neolitische Ansiedelung bei Gross-Czernosek an der Elbe (съ 81 рис.); результаты многолѣтнихъ раскопокъ; очеркъ культуры и быта неолитическихъ обитателей указанной мѣстности; могилы съ погребеніемъ и сожженіемъ, очаги, ямы съ отбросами; глиняная орнаментированная посуда, костяныя, роговыя и каменныя издѣлія, украшенія (орнаментированныя изъ кости); остатки фауны. *S. Weissenberg*: Ueber die zum mongolischen Bogen gehörigen Spannringe und Schutzplatten (съ 15 рис.). Авторъ даетъ детальное описаніе нѣсколькихъ колецъ, служившихъ для натягиванія лука, и приспособленій, служившихъ для предохраненія лѣвой руки отъ удара тетивы послѣ опусканія стрѣлы; монгольскій лукъ онъ считаетъ распространеннымъ и среди тунгусовъ, чукчей и въ древности въ Сараѣ. Авторъ, отмѣчая существующую литературу о способахъ употребленія лука, оттѣняетъ ея бѣдность и, повидимому, совершенно незнакомъ съ превосходной монографіей акад. Д. Н. Анучина «Лукъ и стрѣлы», что въ виду жительства г. Вейсенберга въ Россіи (Елисаветградъ) насъ нѣсколько удивляетъ. *Rudolf Meringer*: Der Hausrath des oberdeutschen Hauses (съ 41 рис.). Авторъ въ означенномъ очеркѣ описываетъ внутреннее устройство верхне-германскаго дома, иллюстрируетъ изложеніе многочисленными рисунками и старается возстановить древній типъ жилища; работая уже долгое время надъ вопросомъ объ исторіи развитія жилища, г. Мерингеръ высказывается противъ крайностей узкаго принятаго нѣмецкими изслѣдователями дѣленія жилища на многочисленные типы и вноситъ поправки въ мнѣнія Henning'a, Bancalari и др. изслѣдователей нѣмецкаго дома. *A. Weisbach*: Die Salzburger: антропометрическія изслѣдованія на основаніи 670 субъектовъ.

4—5. *J. R. Bünker*: Das Bauernhaus in der Heanzerei (Westungarn), съ 102 рис. Весьма обстоятельное изслѣдованіе формы и плановъ домовъ, внѣшняго и внутренняго устройства, расположенія домовъ въ селеніяхъ и т. д. Авторъ даетъ кромѣ того подробное описаніе домашней обстановки, хо-

зяйственной утвари и орнаментики послѣдней и, наконецъ, сообщаетъ интересныя этнографическія свѣдѣнія о бытѣ обитателей. *Oskar Hovorka*: Verzierungen der Nase, съ 27 рис. Авторъ дѣлитъ способы украшенія носа на 4 группы: украшенія путемъ введенія въ носъ постороннихъ предметовъ, раскрашиванье, татуировка посредствомъ устройства шрамовъ и, наконецъ, искусственная деформація, и подробно описываетъ и разбираетъ указанные виды украшенія носа; изложеніе сопровождается многочисленными рисунками (такъ какъ часто подъ однимъ № помѣщено нѣсколько рисунковъ) какъ самихъ украшеній, такъ и способовъ ихъ ношенія. Далѣе авторъ старается намѣтить границы распространенія каждаго вида украшеній и, наконецъ, въ заключеніе касается вопроса о причинахъ, вызвавшихъ къ жизни обычай украшать или деформировать носъ. Указавъ на трудность рѣшенія этого вопроса, авторъ отмѣчаетъ, что весьма многія народности сохраняютъ этотъ обычай исключительно по традиціи, подобно тому, какъ по традиціи европейскія женщины носятъ серьги; среди другихъ народностей руководящіе мотивы различны: украшенія носа служатъ иногда племенными отличіями, иногда амулетами, подчасъ ихъ возникновеніе объясняется стремленіемъ къ украшеніямъ, которое приводитъ между прочимъ и къ украшенію носа, и т. д. Въ отчетахъ о засѣданіяхъ—свѣдѣнія о многочисленныхъ раскопкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ. *Julius Pisko*: Volksmedicin in Nordalbanien; народные способы лѣченія и повѣрья при рожденіи дѣтей и первоначальномъ ихъ воспитаніи, (напримѣръ, мать не должна цѣловать своего ребенка въ губы—иначе онъ будетъ заикой). *Franz Tappeiner*: Zur Ethnographie und Anthropologie der Resianer (Provinz Udine). Для рѣшенія вопроса, сохранились ли среди итальянскаго населенія названной мѣстности слѣды аваровъ, авторъ совершилъ поѣздку и на основаніи этнографическихъ и антропологическихъ наблюденій пришелъ къ заключенію, что рѣшательно нѣтъ основанія предполагать тамъ существованіе слѣдовъ аварскаго населенія. *E. v. Schroeder*: Hexenbraten—о дѣтской забавѣ добыванія «живого» огня треніемъ, въ Тиролѣ; подробно описанъ способъ.

Revue internationale de Sociologie, 1895.—За истекшій годъ изъ числа работъ, статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ названномъ изданіи количество такихъ, которыя представляли-бы интересъ для этнографіи, невелико. Въ № 1-мъ мы находимъ статью *Э. Вестермарка*: *Le mariage par capture et le mariage par achat*, представляющую извлеченіе изъ книги того-же автора «О происхожденіи брака»: вышедшее сперва на англійскомъ языкѣ, названное сочиненіе г. Вестермарка переведено на нѣмецкій и на французскій. Въ статьѣ, помѣщенной въ «Revue int. de soc.» собрано довольно значительное количество примѣровъ о народностяхъ, у которыхъ господствовалъ или господствуетъ обычай похищенія и обычай покупки себѣ женъ.—Въ № 2-мъ помѣщенъ довольно обстоятельный разборъ книгъ Gaston Beaune: La terre australe inconnue: onze croisières aux Nouvelles-Hébrides, и Élie Reclus: Le primitif d'Australie, изъ которыхъ первая представляетъ изложеніе личныхъ наблюденій автора

надъ бытомъ населенія Нов. Гебридовъ, а вторая группируетъ въ систему преимущественно литературныя свѣдѣнія о жителяхъ Австраліи. Въ № 6-мъ находимъ обширную статью *проф. Лучицкаго*: Études sur la propriété communale dans la Petite-Russie, представляющую, впрочемъ большій интересъ для французскихъ, чѣмъ для русскихъ читателей.—№ 8 содержитъ разборъ французскаго перевода кн. Вестермарка «О происхожденіи брака».—№ 9. *Raoul de la Grasserie*: De la forme graphique de l'évolution. Авторъ, отмѣчая, что существуютъ два взгляда относительно движенія развитія общественныхъ явленій—именно, 1) что развитіе ихъ подвигается непрестанно впередъ, т.-е. образуетъ такъ сказать прямую линію, и 2) что ходъ развитія, сдѣлавши извѣстный шагъ впередъ, затѣмъ снова регрессируетъ, т.-е. описываетъ такъ сказать кругъ,—старается провѣрить оба положенія; онъ дѣлаетъ краткій обзоръ исторіи развитія права, языка, вѣрованій и нравовъ, искусства и наукъ, и наконецъ хода историческихъ явленій и приходитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: движеніе развитія среди людей можно объяснить путемъ сравненія съ движеніемъ тѣлъ: всякое тѣло, получившее движеніе, стремится по прямой линіи; это стремленіе нейтрализируется частью вѣсомъ самаго тѣла и притяженіемъ другихъ тѣлъ, вслѣдствіе чего прямая линія превращается въ кривую; если притяженіе сильно, линія превращается въ кругъ, при менѣе сильномъ притяженіи она перейдетъ въ элипсисъ, и наконецъ при слабомъ притяженіи и при большомъ движеніи самаго тѣла это послѣднее будетъ описывать спираль; по этой послѣдней обыкновенно и двигаются общественныя явленія: двинувшись впередъ, оно вслѣдствіе разныхъ причинъ имѣетъ тенденцію образовать замкнутую линію (кругъ или элипсисъ), но вслѣдствіе силы своего движенія, возвратившись до извѣстной точки назадъ, снова подвигается впередъ и т д., т.-е. описываетъ спираль. Хотя сама мысль автора довольно справедлива, по отношенію къ нѣкоторымъ явленіямъ по крайней мѣрѣ, но приводимыя имъ доказательства, насколько они основаны на данныхъ этнографіи, крайне слабы (напримѣръ, развитіе религіозныхъ представленій рисуется автору какъ послѣдовательность періодовъ фетишизма, политеизма и монотеизма). Не лишена интереса для этнографіи и работа Andrée Réville'a: Les paysans au moyen âge (продолж. въ №№ 10—12).—№ 10. *J. Robert Arnaud*: Notion du crime chez les musulmans; авторъ дѣлаетъ болѣе блестящую, чѣмъ глубокую характеристику мусульманскаго востока, отношенія къ вѣрѣ, людямъ, обществу и т. д. и старается выяснить этимъ путемъ и самый взглядъ на преступленіе; обращая слишкомъ много вниманія на религіозное міросозерцаніе мусульманъ, авторъ весьма мало отводитъ мѣста значенію расовыхъ и культурныхъ особенностей. *René Worms:* Le second congrès de Sociologie. Краткій отчетъ о состоявшемся въ октябрѣ 1895 г. второмъ конгрессѣ соціологовъ и доложенныхъ на немъ сообщеніяхъ; въ числѣ послѣднихъ отмѣчаемъ слѣдующія, имѣющія непосредственный интересъ для этнографовъ: президентъ *М. М. Ковалевскій* въ своей рѣчи указалъ на необходимость развитія широкихъ взглядовъ среди ученыхъ, занимающихся основаніями соціологіи и оттѣнилъ

значеніе изученія Россіи, на которую западные ученые обращають слишкомъ мало вниманія. *Р. Вормсъ* прочелъ докладъ о различныхъ взглядахъ на соціологію; г. *Абрикосовъ*, въ присланномъ на конгрессъ рефератѣ «Индивидуализмъ и формы брака» доказывалъ невозможность установленія общихъ законовъ развитія семейныхъ отношеній. *Проф. Вестермаркъ* прислалъ сообщеніе подъ заглавіемъ «Матріархатъ», въ которомъ онъ опровергаетъ мнѣніе о господствѣ матріархата у низшихъ расъ, а равно и положеніе, что онъ предшествовалъ патріархату. Сообщеніе проф. грацкаго университета *Л. Гумпловича* было посвящено вопросу «о развитіи семьи», причемъ авторъ доказывалъ, что современная форма семьи возникла благодаря государственному воздѣйствію. Рефератъ *М. М. Ковалевскаго* касался исторіи перехода общиннаго владѣнія въ индивидуальную собственность.—№ 11. *Réne Worms*: Une faculté des sciences sociales; авторъ указываетъ на настоятельную потребность устройства особаго факультета, спеціально посвященнаго изученію общественныхъ наукъ, среди которыхъ должна занять, по его мнѣнію, видное мѣсто и этнографія, какъ описательная такъ и научная.

Chromatica poporuluĭ romănu. Discursulu de S. Fl. Marianu. *Analele academieĭ române.* Ser. II, t. V, sect. II, стр. 107—159.

Въ Бессарабіи живетъ болѣе милліона румынъ, которые по своей численности составляютъ главный элементъ населенія губерніи и представляютъ интересный предметъ для этнографическаго изученія. Но изученіе этого племени, главнымъ образомъ вслѣдствіе незнакомства съ румынскимъ языкомъ, можно считать еще не начатымъ. Приступая къ изученію этого вопроса, авторъ долженъ констатировать печальный фактъ: *до сихъ поръ не опубликовано еще ни одной фразы, записанной фонетически со словъ бессарабскихъ румынъ*. Далѣе, если не считать этнографическихъ замѣтокъ, напечатанныхъ мѣстными священниками въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ при статистическихъ описаніяхъ церковныхъ приходовъ, замѣтокъ самаго общаго характера, скрадывающихъ всякую типичную черту, и извѣстной книги А. Защука «Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Бессарабская обл. Спб. 1862 г.», дающей нѣкоторыя свѣдѣнія о румынахъ *княжества, а не самой Бессарабіи*,—то остается такъ немного уже опубликованнаго матеріяла, что прежде всего слѣдуетъ собирать матеріалъ и оставлять его безъ переработки. Въ то же время, этнографическое изученіе румынъ учеными Румыніи, начатое сравнительно недавно, но засвидѣтельствованное крупными работами и именами солидныхъ изслѣдователей, даетъ много интересныхъ матеріаловъ, а также изслѣдованій, которыя могутъ замѣнить недостатокъ работъ по этому вопросу въ русской литературѣ. Поэтому, мы считаемъ умѣстнымъ помѣстить рядъ статей-рецензій, составленныхъ на основаніи лучшихъ изслѣдованій румынскихъ этнографовъ, появившихся въ послѣднее время. Отсутствіе подъ руками полной румынской этнографической литературы не позволяетъ давать подобныя статьи въ какой-нибудь системѣ, или даже

въ извѣстномъ порядкѣ, а приходится довольствоваться изслѣдованіями, доступными для нашего ознакомленія, по большей части случайно.

Остановимся на первый разъ на сочиненіи, заглавіе котораго мы выписали выше.

Членъ румынской академіи С. Маріанъ извѣстенъ нѣсколькими работами по этнографіи румынъ и мелкими статьями по археологіи и археографіи, являющимися, главнымъ образомъ, какъ результатъ его дѣятельнаго участія въ занятіяхъ румынской академіи. Свои этнографическія изслѣдованія С. Маріанъ ведетъ преимущественно на основаніи лично имъ собранныхъ матеріаловъ и является однимъ изъ дѣятельныхъ и свѣдущихъ румынскихъ этнографовъ. Его работы проникнуты необыкновенной любовью къ своему народу, въ которомъ онъ то и дѣло находитъ новыя способности и самобытныя задатки. Поэтому его труды, благодаря также простотѣ и ясности изложенія, читаются легко и заслуживаютъ одобренія и въ ученомъ мірѣ и среди читающей публики. Одной изъ первыхъ его работъ и была «Хроматика румынскаго народа», о которой будетъ сказано дальше; слѣдующей работой слѣдуетъ назвать его докладъ о заговорахъ, собранныхъ г. Сеулеску (Analele academici române V, 11, 153). Затѣмъ идетъ его изслѣдованіе о народныхъ названіяхъ птицъ и связанныхъ съ ними разсказахъ, повѣріяхъ и т. п., названное Народной орнитологіей (Analele. VI, I, 77, 81, 97); собраніе заговоровъ, преимущественно любовныхъ (Vrajî, farmece si discântece) и другія изслѣдованія, дающія ему видное мѣсто среди румынскихъ этнографовъ. Самыя крупныя его работы, незамѣнимыя при изученіи румынской этнографіи,—это три солидныхъ этнографическихъ изслѣдованія, почти что исчерпывающихъ собою духовную жизнь румына-поселянина. По крайней мѣрѣ, авторомъ взяты три самыхъ важныхъ момента въ жизни простолюдина: рожденіе, свадьба и погребеніе. Эти изслѣдованія даютъ богатѣйшій матеріалъ, удачно сгруппированный среди талантливыхъ соображеній и изслѣдованій автора, согрѣтыхъ теплымъ чувствомъ къ румыну-простолюдину и любовью ко всему самобытному и оригинальному, а вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичному по своей величественной простотѣ. Эти три тома изданы румынской академіей и носятъ такія названія: Рожденіе у Румынъ (Nascerea la Românî), Свадьба у Румынъ (Nunta la Românî) и Погребеніе у Румынъ (Jnmormîntarea la Românî); съ содержаніемъ этихъ работъ постараемся познакомить впослѣдствіи.

Его трудъ, названный «Хроматикой румынскаго народа», даетъ свѣдѣнія, собранныя самимъ авторомъ, о названіяхъ цвѣтовъ и ихъ оттѣнковъ, которыя существуютъ среди деревенскихъ мастерицъ; далѣе—о названіяхъ травъ и минераловъ, которыя употребляются для окраски разныхъ матерій у себя на дому, и о способахъ приготовленія красокъ и самого окрашиванья. Извѣстный солидный трудъ Куррера (W. H. Kurrer. Die Druck- und Färbekunst in ihrem ganzen Umfange. Wien. 3 тома. 1848—1850 гг.) показалъ уже, что подборъ цвѣтовъ, существующихъ у извѣстнаго народа, а въ особенности *характеръ излюбленныхъ имъ цвѣтовъ*, весьма важенъ для характеристики народа, и не должно игнорировать изученіе этого вопроса, дающаго богатый матеріалъ для лек-

сихологіи, а часто и интересныя черты для исторіи быта. Такое же, если не бо́льшее, значеніе изученію этого вопроса придаетъ своему труду и С. Маріанъ, который въ предисловіи и въ заключительныхъ словахъ своей статьи опредѣляетъ важность подобныхъ изысканій. Онъ очень удивляется красивымъ работамъ деревенскихъ простыхъ мастерицъ, которыя свои искусныя работы соединяютъ съ такимъ вкусомъ въ подборѣ цвѣтовъ, что съ ними не всегда сравнятся и фабричныя произведенія, убивающія это народное искусство и дающія ядовитыя и далеко не прочныя матеріи, тогда какъ домашнія работы обладаютъ всѣми положительными качествами. Онъ приводитъ мнѣніе одного англичанина Карла Бонера, «явнаго врага нашей народности», который, однако, увлекался разнообразіемъ и вкусомъ ковровъ, выходившихъ изъ подъ грубыхъ рукъ крестьянокъ, и указывалъ имъ мѣсто «въ салонахъ Лондона и Парижа» (Columna luî Traianu. 76 г. т. I, стр. 205-я). И въ самомъ дѣлѣ, слова англичанина вполнѣ справедливы, и работы румынокъ отличаются такимъ изяществомъ, тонкостью и мягкостью въ выборѣ самыхъ разнообразныхъ тоновъ, что даютъ совершенно новое и оригинальное представленіе о вкусахъ деревенскихъ мастерицъ. Имѣя запросъ на изящество въ самой натурѣ, румынки окрашиваютъ всякія матеріи, которыя только годятся для этого и займутъ извѣстное мѣсто въ одеждѣ или въ домашней обстановкѣ деревенской хаты. Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ ковры, которые развѣшиваютъ вдоль стѣнъ, или накрываютъ ими лавки, диваны, разстилаютъ ихъ по полу, а главнымъ образомъ складываютъ въ углу на почетномъ диванѣ, какъ самое завидное приданое за дочерью. За коврами слѣдуютъ пояса самаго разнообразнаго назначенія и вида (брыу, брынец, катринце, приситоаре, шиштоаре, чинг, чинчетоаре и т. п.), мѣшки (трайсте), скатерти (феце де месе), перчатки (мънуть) и др. вещи; кончая гарусомъ, которымъ вышиваютъ по бѣлому и по другимъ цвѣтамъ.

Изслѣдованіе С. Маріана, слѣдующее за предисловіемъ общаго характера, начинается перечнемъ растеній и минераловъ, идущихъ на окраску матерій. И въ количествѣ и въ качествѣ оказывается перевѣсъ на сторонѣ первыхъ, такъ какъ растенія считаются «данными отъ самого Бога», а минералы, купленные въ городахъ, въ лавкахъ, считаются «нечистыми», «презрѣнными Богомъ» и т. д. Въ числѣ первыхъ, числомъ 35-ть большею частью—травы, цвѣты, плоды, преимущественно дикой яблони, коренья и т. п. Минераловъ немного, всѣхъ 12. Всѣ народныя названія сопровождаются латинскими, т. е. научными названіями, а гдѣ нужно — объяснительными примѣчаніями. При собираніи травъ важно знать время, благопріятное для окрашиванія, такъ какъ при изготовленіи самой краски травы эти уже должны хорошо высохнуть. Вотъ свѣдѣнія о времени для собиранія нѣкоторыхъ травъ.

Дробица (genista tinctoria), дающая лучшій желтый цвѣтъ, всегда собирается въ день Рождества Іоанна Крестителя (24 іюня), называемый румынами «Сынзіене», т. е. тогда, когда она въ полномъ цвѣту.

Совырвул (origanum vulgare), лучшая краска для краснаго цвѣта, собирается въ день св. Фоки (22 іюля), на третій день послѣ св. Иліи про-

рока. Въ этотъ день, по повѣрью румынокъ, цвѣтокъ расцвѣтаетъ лучше всего и дѣлается краснымъ, какъ пламя огня. Поэтому, собираніе этого растенія въ день св. Фоки пріурочено на основаніи созвучія (огонь—фок). Собираніе «совырвула» можно отложить только въ томъ случаѣ, если погода сырая, дождливая, такъ какъ тогда окраска будетъ совсѣмъ плохая. Затѣмъ, во время собиранія стараются не брать руками самого цвѣтка, такъ какъ краска получитъ мутный оттѣнокъ.

Рэкицика (верба, salix), собственно вѣтки съ нея, собираются въ день св. Петра (29 іюня). Сушатъ ихъ въ тѣни и сохраняютъ на это время отъ вѣтру, потому что и солнце и вѣтеръ обезцвѣчиваютъ растенія и загрязняютъ цвѣтъ.

Только тремя растеніями можно окрашивать сейчасъ же послѣ того, какъ они сорваны. Это—*дедица* (anemone pulsatila), *брэндушел* (crocus vernus) и *лаптеле кынелуй* (собачье молоко—euphorbia Gyparisias)—которыя годятся только до Пасхи (собств. Русалій), а послѣ того онѣ старятся и теряютъ свой сокъ.

Затѣмъ С. Маріанъ отмѣчаетъ чистоту, какая соблюдается при собираніи, при сушеніи и при приготовленіи краски. Кромѣ шерсти и матерій, краска идетъ на окрашиваніе пасхальныхъ яицъ. Далѣе авторъ говоритъ, что румынкамъ хорошо извѣстно научное раздѣленіе цвѣтовъ радуги на основные и сложные, извѣстны имъ также законы полученія дополнительныхъ цвѣтовъ изъ смѣшенія основныхъ, а также группировка всѣхъ цвѣтовъ около холодныхъ и теплыхъ тоновъ. Въ смѣшеніи тоновъ румынки доходятъ, по увѣренію автора, до совершенства и поражаютъ тонкостью полутоновъ и мягкостью переходовъ.

Говоря о томъ, какимъ способомъ окрашивается матерія извѣстными растеніями или минералами, С. Маріанъ разбиваетъ всѣ вещества, по цвѣту, на пять группъ и говоритъ о каждомъ растеніи въ отдѣльности очень обстоятельно и въ подробности. Вотъ, напримѣръ, что̀ говоритъ онъ объ окрашиваніи *дробицей*, лучшей краской для полученія желтаго цвѣта. Хорошо просушенную дробицу разсѣкаютъ ножемъ на мелкіе стручки и кладутъ въ горшокъ, наливъ туда свѣжаго квасу, который обыкновенно дѣлается для кислыхъ щей (борш-акру) и приготовляется изъ хмѣлю и отрубей. Квасъ долженъ быть свѣжимъ и еще невыбродившимъ. Для того, чтобы цвѣтъ былъ получше, красивѣе и живѣе, квасъ разбавляютъ водой. Затѣмъ горшокъ ставятъ на огонь и кипятятъ около часу. Тогда процѣживаютъ настой яркаго желтаго цвѣта, называемый «гэлбинял». Въ то время, какъ эта краска стынетъ, приготовляютъ другой растворъ изъ воды и кислаго камня (пятрэ-акрэ—alumen calicum); затѣмъ оба раствора соединяютъ вмѣстѣ для того, чтобы, какъ говорятъ румынки, «окаменить» желтую краску (а ымпетри). Краска должна быть нѣсколько теплой; если ее прокипятятъ, то она навсегда потеряетъ силу. Окрашиваніе производятъ въ тѣни, чтобы шерсть «не видѣла» солнца, такъ какъ цвѣтъ выйдетъ блѣднымъ. Окрасивъ шерсть или готовую матерію, ее начинаютъ сушить, а въ это время приготовляютъ щелокъ (лешіе) и погружаютъ въ него окрашенныя вещи, чтобы закрѣпить цвѣтъ для того, чтобы

при стиркѣ онъ не линялъ. Для этого опять нуженъ часъ времени. Тогда остается только промыть эту вещь, для чего обыкновенно идутъ къ рѣкѣ или вообще къ проточной водѣ, называемой румынами «идущей» (мергъ-тоаре) водой. Если вблизи нѣтъ такой воды, довольствуются прудомъ или колодцемъ, но стоячая вода гораздо дольше и хуже очищаетъ матерію отъ крупинокъ золы, оставшихся отъ щелока. Уже послѣ промыванія получается настоящій цвѣтъ матеріи, который остается такимъ навсегда.

Затѣмъ С. Маріанъ сообщаетъ секреты деревенскихъ мастерицъ для полученія извѣстныхъ оттѣнковъ въ этомъ цвѣтѣ, а также другіе способы приготовленія краски изъ той же дробицы и изъ другихъ травъ, которыхъ авторъ насчитываетъ девять.

Также обстоятельно и подробно авторъ говоритъ объ окрашиваніи въ въ другіе цвѣта: синій (албастръ), красный (рошу), зеленый (верде), лиловый (віоріе) и черный (негру); въ бѣлый цвѣтъ не окрашиваютъ, такъ какъ сама матерія, по большой части, бѣлаго цвѣта. Повидимому окрашиваніе не сопровождается особыми обрядами, заговорами, поговорками, по крайней мѣрѣ изложеніе автора касается однихъ только процессовъ окрашиванія, дающихъ немного матеріала для этнографіи. Вотъ нѣкоторыя повѣрья, относящіяся сюда.

Если въ селѣ лежитъ непохороненный еще мертвецъ, окрашивать очень трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно. Когда румынка, окрашивая, видитъ, что дѣло не ладится, она сразу догадывается, что гдѣ-нибудь въ селѣ мертвецъ. Впрочемъ, можно избѣжать этого дурного вліянія: нужно ничего не говорить о мертвецѣ, такъ какъ при первыхъ же словахъ о немъ цвѣты «умираютъ» и не даютъ изъ себя краски. Такимъ образомъ, въ этомъ повѣрьѣ видна идея гармоніи всего міра, въ силу которой жизненныя силы отдѣльныхъ животныхъ и даже неодушевленныхъ предметовъ находятся въ связи другъ съ другомъ.

Когда румынка занимается окрашиваніемъ, она должна быть со всѣми въ мирѣ; если ее кто-нибудь передъ тѣмъ обидитъ и она плакала, то цвѣтъ ни за что не удастся и не выйдетъ такимъ, какимъ ей хотѣлось бы.

Окрашиваніе производится обыкновенно или рано поутру или гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, потому что ничто не легко такъ «сглазить», какъ краску. Кто-нибудь похвалитъ краску, она уже пропадаетъ. Чтобы не сглазить окрашенной матеріи, нужно удивляясь прибавить: «чтобы не сглазить!» и плюнуть, тогда можно хвалить, сколько угодно. Если кто-нибудь увидитъ руки румынки въ краскѣ, хотя бы она окрашивала нѣсколько дней тому назадъ, и скажетъ, что «видно по пальцамъ, что она сдѣлала очень красивый цвѣтъ», то непремѣнно сглазитъ ее и даже на будущее время. Поэтому, боясь сглазу, румынки кладутъ въ горшокъ съ краской кусокъ желѣза или мѣди, чаще всего найденную подкову или мѣдное кольцо, вѣря, что эти предметы сохраняютъ краску отъ дурныхъ людей.

Интересно также, что румынки считаютъ просто грѣхомъ окрашивать матеріи химическими красками (боелеле), купленными въ городахъ, потому что эти краски—«нечистыя» и «не угодныя Богу», а краски, приготовлен-

ныя изъ цвѣтовъ у себя на дому, чисты и очень даже «пріятны для Бога». Поэтому онѣ только ввидѣ исключенія обращаются къ спеціалистамъ-красильщикамъ (боянжій), живущимъ въ городахъ, по большей части иностранцамъ, окрашивающимъ матеріи уже готовыми красками. На основаніи того, что готовыя краски извѣстны были румынкамъ, какъ краски турецкія и греческія, С. Маріанъ и предполагаетъ, что понятіе объ «угодности» Богу готовыхъ красокъ должно стоять въ связи съ памятью о туркахъ и грекахъ, оставившихъ по себѣ мрачные слѣды въ прошломъ румынъ.

За описательной частью слѣдуетъ предположеніе о римскомъ происхожденіи, не говоря уже о вліяніи, этого искусства окрашиванія домашними способами и знанія нужныхъ для этого травъ. Авторъ прямо говоритъ, что эти знанія были перенесены изъ Италіи римскими колонистами въ Дакію, гдѣ могли сохраниться почти безъ посторонняго вліянія въ послѣдующее время. Единственный аргументъ, которымъ авторъ пользуется, это — общность названій цвѣтовъ, а также техническихъ терминовъ. Изъ длиннаго перечня названій, иногда вполнѣ совпадающихъ по своей формѣ, приведемъ нѣкоторыя:

бѣлый	рум.	albŭ,	=	лат.	albus
синій	„	albastru,	=	„	albaster
мѣдно-желтый	„	arămiu,	=	„	aeramen
серебристый	„	argintiu,	=	„	argenteus
золотистый	„	aurelŭ,	=	„	aurellus
льняной	„	cânepiu,	=	„	canabius
цвѣта мяса	„	cărniu,	=	„	carneus
пепельный	„	cenusiu,	=	„	cinereus
небесный	„	ceriu,	=	„	cereus
цвѣта капусты	„	curechiu,	=	„	cauliculus
желтый	„	galbănŭ,	=	„	galbanus
цвѣта дерева	„	lemniŭ,	=	„	ligneus
„ плѣсени	„	mucedŭ,	=	„	mucidus
черный	„	negru,	=	„	niger
свинцовый	„	plumbiu,	=	„	plumbeus
сливовый (дикій)	„	porumbiu,	=	„	palumbus
красный	„	roşŭ,	=	„	russus
красноватый	„	rosiorŭ,	=	„	roseolus
цвѣта ржавчины	„	ruginiu,	=	„	aerogo-onis
кровавый	„	sângeniu,	=	„	sanguineus
зеленый	„	verde,	=	„	viridus
голубой	„	vânĕtŭ,	=	„	venetus
цвѣта вина	„	viniu,	=	„	vineus
пестрый	„	vêrgatŭ,	=	„	virgatus
лиловый	„	vioriŭ,	=	„	violeus

Конечно, не всѣ примѣры одинаковаго достоинства, и древность нѣкоторыхъ названій даже сомнительна, но во всякомъ случаѣ такое упорное и послѣдовательное сходство этихъ названій говоритъ о латинскомъ про-

исхожденія этого искусства у румынъ, а при отсутствіи прямыхъ указаній на это происхожденіе, подобное лингвистическое доказательство очень цѣнно. Второй рядъ подобныхъ сравненій авторъ беретъ изъ спеціальныхъ терминовъ, употребляющихся при окраскѣ. Сходство этихъ терминовъ такое же, какъ и въ предыдущей группѣ, хотя корни почти всѣ повторяются и въ спискахъ техническихъ названій. Самымъ сильнымъ и рѣшающимъ доказательствомъ С. Маріанъ считаетъ фактъ существованія въ простомъ румынскомъ языкѣ слова *colorй* въ значеніи «цвѣтъ», слово, которое существовало и въ латинскомъ языкѣ въ точно такомъ же видѣ. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произносятъ curóre, но нѣсколько примѣровъ подобныхъ измѣненій, когда звукъ l латинскаго языка является въ румынскомъ въ видѣ r,—напр. мельница=рум. móră, лат. mola; доска=рум. scândură, лат. scandula,—убѣждаютъ автора въ несомнѣнномъ латинскомъ происхожденіи этого слова.

Въ концѣ своей работы авторъ останавливается нѣсколько и на вліяніи на терминологію въ этой области языковъ другихъ; но эти вліянія—поздняго происхожденія и ничуть не разрушаютъ мысли С. Маріана, что искусство окрашивать матеріи и свѣдѣнія о необходимыхъ для этого веществахъ получены изъ Италіи—тѣмъ болѣе, что на ряду съ этими поздними терминами существуютъ чисто-румынскія названія, иногда вполнѣ однозначущія, напр. слово «розовый» *trandafiriu*, взятое изъ греческаго языка—τραντάφυλλον, замѣняется всегда словомъ *roşiu*, которое авторъ встрѣтилъ въ одной пѣснѣ, записанной имъ въ Буковинѣ (стр. 138-я). Второй примѣръ—слово «бѣлить, окрасить въ бѣлый цвѣтъ» *a bili*, несомнѣнно славянскаго происхожденія, замѣняется словомъ латинскаго происхожденія *a albi* и др. Вотъ слова, взятыя изъ этихъ языковъ:

Новогреческія: κεραμιδα, рум. cărămidiu=кирпичный
„ μασλινα, рум. masliniu=цвѣта маслины
„ βαφη, рум. văpsea=цвѣтъ
„ ἀσταχός, рум. stacosiŭ=огненный и др.
Турецкія: fistyg, рум. fistechiu=зеленый
„ guvez-guvuz, рум. ghiveziu
„ boïâ, рум. boea=краска
„ leïlâg, рум. liliaciu=лиловый и др.
Славянскія: пестрый=рум. pestritu
„ свекловичный=рум. sfecliu
„ дубовый (сербск. стежар)=stejăriu
„ сѣрый=рум. surŭ
„ тополевый (корень-саженъ)=рум. stânjiniu
„ вишневый=visiniu
„ чернить=a cerni и др.

Такимъ образомъ, эта солидная работа румынскаго ученаго по такому частному и спеціальному вопросу показываетъ, насколько хорошо стоитъ въ Румыніи этнографическое изученіе своего народа.

А. И. Яцимирскій.

2. Журналы и газеты.

Архангельскія Епарх. Вѣд. 1896. 1—24. Краткое историческое описаніе приходовъ и церквей Архангельской епархіи. Нѣкоторый интересъ въ этнографическомъ отношеніи представляетъ „Общій обзоръ Мезенскаго уѣзда" въ № 18 для этнографіи самоѣдовъ и „Общій очеркъ Печорскаго уѣзда" для этнографіи зырянъ. **15.** Путешествіе Преосв. Никанора по Кореліи содержитъ нѣсколько данныхъ о современномъ положеніи кореловъ. **16.** Современное религіозно-нравственное состояніе Новоземельскихъ самоѣдовъ. **17.** О дѣятельности Переводческой коммиссіи при Архангельскомъ комитетѣ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1894-1895 г. Результаты трудовъ коммиссіи выразились въ слѣдующемъ: А) отпечатаны и изданы: а) на лопарскомъ языкѣ 1) „Азбука для лопарей, живущихъ въ Кольскомъ уѣздѣ Арх. губ" и 2) „Пась Евангеліе Матвеестъ" — святое Евангеліе отъ Матѳея; б) на корельскомъ языкѣ 1) „Азбука для кореловъ, живущихъ въ Кемскомъ уѣздѣ Арх. губернія" и 2) „Люгюккяйни, священная исторія;" в) на самоѣдскомъ яз. 1) „Букварь для самоѣдовъ, живущихъ въ Арх. губ;" Б) находятся въ печатаніи: а) на корельскомъ яз. переводъ на этотъ языкъ Евангелія отъ Матѳея.; б) на зырянскомъ яз. „Азбука для зырянъ-ижемцевъ."—**21, 23 и 24.** Архимандритъ Веніаминъ—просвѣтитель мезенскихъ самоѣдовъ; матеріалы для исторіи распространенія христіанства между самоѣдами.

Астраханскія Губ. Вѣд. 1895. 102. Свѣдѣнія о трехъ селахъ Царевскаго у. по сообщеніямъ мѣстныхъ учителей (с. Верхне-Погромнаго, с. Молчанова и слоб. Рахинки, насел. малоруссами). Находка древностей и монетъ, повѣрья и преданія жителей о курганахъ, громовыхъ стрѣлахъ, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ „шутовыхъ перстовъ;" внѣшность и характеръ жителей; понятія о созвѣздіяхъ и повѣрья, съ ними сопряженныя; примѣты о погодѣ по крику кулика, паденію осенью листьевъ съ деревьевъ; разрывъ-трава; колядки; обряды при посѣвѣ (зарываніе испеченнаго на крестопоклонной недѣлѣ креста въ сѣмена, назначенныя для посѣва и съѣденіе его затѣмъ на полѣ передъ посѣвомъ); игра въ „ученую лошадь" на масляницѣ.

Витебскія Губ. Вѣд. 1895 г. 38. *Н. Я. Никифоровскій.* Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи, (Окончаніе. Очерки

вышла и отдѣльною книгою (см. выше рецензію о ней). **41, 43—45, 47—49.** „Велижъ,“ *О. М. Киселева.* (Въ 44 № помѣщены привилегіи города Велижа 1585 г., 1616, 1634, 1653. Въ № 49 приведена царская грамота жителямъ Велижа съ убѣжденіемъ ихъ сдать городъ безъ кровопролитія. 4 Октября 1651 г.).—**83.**, Залѣсская Георгіевская старая церковь (Ошмянскаго уѣзда, Виленской губ.). Историческія свѣдѣнія о ней. *И. Спрогиса*. **95.** Древній народный копный судъ въ Сѣверо-Западной Руси (на основаніи уже извѣстныхъ трудовъ по этому вопросу).

Владимірскія Губ. Вѣд. 1895 г.—19. (Прав. Вѣст. Майскіе народ. повѣрья, праздники и гулянья.—**12** (Сынъ От.) Троицынъ день. Описаніе обычаевъ празднованія этого дня въ разныхъ мѣстахъ Россіи.—**23.** (Русск. Лист.) День Святой Пятидесятницы на древней Москвѣ. Празднованіе этого дня царями. Объясненіе обычая украшать дома зеленью.—**25.** (Метеор. Вѣстн.) Акустическія примѣты о погодѣ. Примѣты и способы предсказанія по нимъ погоды у казанскихъ инородцевъ.—**28.** Древнерусскій церковный приходъ и его внутренняя жизнь. (Прав. Вѣстн.)—**32.** (Прав. Вѣстн.) Пчелы и медъ въ легендахъ и поэзіи разныхъ народовъ. — **33.** (Прав. Вѣстн.) Русскія пословицы и поговорки объ охотѣ и рыбной ловлѣ.—**41.** (Прав. Вѣстн.) Праздникъ Покрова въ народномъ почитаніи.— **47.**(Прав. Вѣстн.) Рожденіе, крестины и первоначальное воспитаніе царскихъ дѣтей въ XVI—XVII вѣкахъ.—**78.** *Добрынкинъ.* Народные юридическіе обычаи въ Муромскомъ уѣздѣ. Сватовство.

Вологодскія Губ. Вѣд. 1895. 30, 31. *П. Шенниковъ.* Папуловская волость, Устюгскаго уѣзда (экономическій и этнографическій очеркъ): краткія свѣдѣнія о занятіяхъ (земледѣліи, охотѣ, рыболовствѣ, промыслахъ), внѣшнемъ бытѣ, свадьбѣ и суевѣріяхъ; преданія о разбойникахъ, о чуди, общественные пиры-жертвы въ Ильинъ день и 16-го августа; празднованіе радуницы.

Вятскія Губ. Вѣд. 1895. 38. *А. К. Дунаевъ.* Обычаи и примѣты вотяковъ при посѣвѣ. **43.** *П. Сорокинъ*: Къ вопросу о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ; критическій обзоръ имѣющихся по этому вопросу свѣдѣній.—**45.** *С. Моисеевъ.* Вотское жертвоприношеніе передъ яровой пашней. **46—48.** *А. Замятинъ:* Городъ Слободской и его св. храмы (матеріалы для исторіи города и храмовъ). **49—51, 53—56.** *П. Сорокинъ.* Чудь Кайскаго края; авторъ дѣлаетъ попытку отчасти на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, а главнымъ образомъ на основаніи разбора названій мѣстностей, селеній, рѣкъ, прозвищъ и фамилій опредѣлить слѣды чудскаго населенія, которое онъ сближаетъ съ пермяками-зырянами; кромѣ того приведены преданія о чуди и связанные съ ними повѣрья и обряды. **69**, Переселенія изъ Вятской губ. въ трехлѣтіе 1892—1894 г. **74, 78—81.** *Гавр. Комаровскихъ.* Женщина въ патріархальной семьѣ (на основаніи игрищенскихъ пѣсенъ Орловскаго у.). **87.** Изъ нашей старины. Текстъ двухъ грамотъ Василія III (1522 г.) и Іоанна IV (1542 г.) въ Слободской городокъ намѣстникамъ по дѣламъ управленія. **89.** *Гр. Верещагинъ.* Значеніе Ильинской ночи; примѣты о предстоящей погодѣ по температурѣ ночи на 20-е іюля. **91. И.** Дѣло о человѣ-

ческомъ жертвоприношеніи. По поводу мултанскаго дѣла; авторъ отрицаетъ, чтобы убійство было совершено вотяками съ религіозной цѣлью. 95, 97 *Гавр. Комаровскихъ*. Коробейники и коробейничество въ Навалихинской вол., Орловскаго у.

Гродненскія Губ. Вѣд. 1895 г.—34, 37, 38, 42, 44, 45. *Богдановичъ*. Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. **42, 44.** Замѣтки о народной медицинѣ и колдовствѣ.—**68, 69.** Къ этнографіи Кобринскаго уѣзда. Извлеч. изъ статьи: „Kilka zarysów z·zycia ludu wiejskiego w Kobrinskiem, przez R," помѣщенной въ IV т. журн. „Atheneum" за 1850 г. Приводятся между прочимъ пѣсни и пословицы.—**77.** Положеніе земледѣлія въ Гродн. губ. въ 1894 г. **86.** Народная нравственность въ Гродн. губ. за 1894 г. (Статистическія данныя о преступленіяхъ). **87. 88.** *И. Романовскій*. Положеніе гор. Слонима въ Литовскомъ государствѣ. **93.** *И. Романовскій*. Свадебные народные обычаи въ Слонимскомъ уѣздѣ и пережитки въ нихъ историческаго вліянія на бытовую жизнь (приведены пѣсни). „Отъ редакціи:" редакція не соглашается съ авторомъ статьи въ признаніи имъ Слонимскаго уѣзда Литовскимъ (sic) и съ тѣмъ положеніемъ автора, будто бѣлорусскія пѣсни не отличаются оригинальными чертами. **95.** Библіографія: Труды IX археологическаго съѣзда въ Вильнѣ. Т. I. Москва 1895 г. **99.** *П. М-нъ*. Къ этнографич. прошлому Гродненской губ. (По поводу столѣтія присоединенія Литвы къ Бѣлоруссіи).

Звѣзда 1896. I. Исторія рождественской елки. Происхожденіе этого обычая.—Наканунѣ Новаго года въ Бѣлоруссіи. Гаданіе съ переодѣваніемъ, богатой и бѣдной Колядою. **5.** Вязаніе колоды на масляницѣ въ Малороссіи.

Иверія. 1896, 37. Сложеніе народныхъ пѣсенъ въ Пшаветіи. *Пшавлишвили*.—Изъ исторіи крѣпостного права въ Грузіи. *А. Хаханашвили*.—**46.** Персидская легенда (переводъ).

Кавказъ. 1896, 40. Мусульманское духовенство и морально-культурное состояніе мусульманъ въ Закавказьѣ. *Ахметъ-Бекъ-Агаевъ*.—**55, 65.** Въ горахъ Дагестана. *Алихановъ-Аварскій*.—**48, 54, 57, 62.** Древнѣйшія сношенія Руси съ Прикаспійскими степями (по поэмѣ «Искандеръ-Намэ» Низами). *М. Тебеньковъ*.—**78.** О Черноморскомъ округѣ. *К. Максимовъ*.

Казбекъ. 1896, 6, 7. Нальчикъ. (Изъ дневника туриста). *Беркутъ*. **18, 22.** Восточныя легенды. (Изъ Frankf. Zeitung). Правосудіе; реклама; женщина.—**30, 31, 32.** Поѣздка къ Чегумскимъ ледникамъ. *Беркутъ*.

Калужскія Губ. Вѣд. 1895.144. Вредныя стороны современной хлыстовщины. Взглядъ хлыстовъ на брачную жизнь. (Нов. Вр.).

Квали (груз. журналъ). **1896. 6.** Географическія свѣдѣнія о Грузіи въ XVIII в. *А. Хаханашвили*.

Ковенскія Губернскія Вѣдомости. 1895 г. (**№№ 33—88**). **40.** Легенда о томъ, какъ лит. князь Ягайло выбралъ мѣсто и основалъ г. Вильно (перепечатка изъ «Русской Старины»). Замѣтка о найденныхъ въ Моразіи, около остова мамонта, человѣческихъ костей цѣлаго семейства

изъ 6 человѣкъ. **52.** «Убійство холеры». Изложено извѣстіе «Сибирскаго Вѣстника» объ убійствѣ 13-ю крестьянами деревни Трубчевой, Барнаульскаго округа, неизвѣстнаго нѣмца-слесаря, проходившаго черезъ деревню, котораго крестьяне признали распространителемъ холеры. **69.** Мѣстечко Вепры Вилькомирскаго уѣзда, Ковенской губ.. (Путевой очеркъ безъ этнографическихъ данныхъ). **76.** Краткій историческій очеркъ Литвы (по поводу столѣтія присоединенія Литвы къ Россійскому государству; прод. въ №№ 77, 78, 81, 84, 87). **86.** «Суевѣріе» перепеч. изъ «Орл. В.». Въ слободѣ Михайловкѣ, Курской губ., подгулявшая толпа «сватьевъ» и «свахъ» шла вечеромъ по улицѣ; той же дорогой шла свинья; одна изъ бабъ отгоняла ее, но она продолжала итти; баба рѣшила, что дѣло нечисто, крикнула «вѣдьма», послѣ чего пьяная толпа набросилась на свинью, но свинья убѣжала.

Костромскія Губ. Вѣд. 1895. 43. Раскопка членами Костромск. Архив. Ком. кургановъ въ Костромск. у., близъ дер. Чижова, Васильевской и с. Куликова; найдены предметы хозяйственные и украшенія: браслеты пластинчатые и витые, бронзовыя подвѣски въ видѣ барановъ, коньковъ и треугольниковъ, серьги, бусы, пряжки и т. п. **44.** *Ѳ. Орневскій*: Свѣдѣнія и замѣтки о Спасо-Запрудномъ монастырѣ. Свѣдѣнія объ основаніи; выписки изъ синодика конца XVII. **64, 69.** Обзоръ дѣятельности Костромскаго уч. Архив. Коммиссіи за первыя десять лѣтъ (1885—1895 гг.). **74, 77, 79, 89.** Свадебные обряды и брачные обычаи въ приходѣ с. Срѣтенья, въ Зашугомьѣ, Солигаличскаго у. **80.** *Н. Бекаревичъ:* Изразцы на стѣнѣ Никольской церкви, что на набережной, въ Костромѣ; *его-же*: изслѣдованіе стоянки каменнаго вѣка въ с. Городищѣ, Карамовской вол. (на правомъ берегу Волги, противъ г. Костромы); кремневыя орудія, кости животныхъ, орнаментированные черепки глиняной посуды.— **1896. 11.** Исцѣленіе св. митрополитомъ Алексѣемъ ханши Тайдулы. Авторъ по разнымъ источникамъ характеризуетъ религіозныя воззрѣнія монголовъ того времени.

Курляндскія Губ. Вѣд. 1895 г. 51. Митавская выставка. Замѣтка касается между прочимъ этнографическаго отдѣла, устроеннаго на выставкѣ въ Митавѣ къ празднованію столѣтней годовщины Курляндской губерніи: въ особомъ помѣщеніи было выставлено нѣсколько старинныхъ предметовъ обихода латышей; близъ этого помѣщенія была построена крестьянская изба, воспроизводившая снаружи и по внутреннему убранству старинную избу и домашнюю обстановку латышей. **55.** Изъ старинныхъ грамотъ. Договоръ шведскаго короля Эрика XIV съ царемъ Іоанномъ IX (текстъ). **90.** Празднованіе латышами Иванова дня (24-го іюня).

Минскія Еп. Вѣд. 1895.—10. Матеріалы для статистическаго обзора Минской епархіи.—Второй періодъ существованія Минской дух. семинаріи, 1817—1840. (Прод. въ №№ 11, 12, 17—21). **13—15.** Краткій очеркъ состоянія церковно-приходскихъ школъ Мин. епархіи за первое 10-лѣтіе—**24.** 1895 годъ въ исторіи зап.-русской православной церкви.

Міръ Божій. 1896 г. № 1, стр. 231. На родинѣ: Убійство колдуна крестьянами Сердобск. у.

Моамбе. 1895, XI, XII. «Барсова кожа» Ш. Руставели. *А. С—ли.*— 1896, II. Путешествіе по Персіи. *Вл. Агніашвили.*—I—II. Мингрельскій діалектъ и его родство съ грузинскимъ языкомъ. *Дчарлія.*

Научное Обозрѣніе 1896 г. 4, 5. *Вестермаркъ.* Происхожденіе брака (пер. съ англ.). Небольшая замѣтка проф. гельсингфорскаго университета не прибавляетъ ничего новаго къ положеніямъ, выставленнымъ авторомъ въ другихъ работахъ. Г. Вестермаркъ считаетъ моногамическую семью, развивающуюся иногда въ полигамическую, эмбріономъ развитія человѣчества; свое положеніе онъ старается подкрѣпить примѣрами, заимствованными изъ міра животныхъ, отмѣчая, что среди высшихъ животныхъ, въ частности у обезьянъ, господствуютъ уже бракъ и семья, т.-е. продолжительный союзъ самца и самки, при чемъ на обязанности перваго лежитъ охраненіе самки и дѣтей. Рядомъ фактовъ изъ быта некультурныхъ народностей авторъ стремится доказать справедливость своего тезиса и тѣмъ опровергнуть мнѣніе о господствѣ періода безпорядочнаго сожительства на низшихъ ступеняхъ культуры человѣчества. Авторъ однако, не считаетъ нужнымъ въ указанной замѣткѣ считаться и объяснять явленія, противорѣчащія его взгляду. Кромѣ того, приводимые имъ примѣры изъ быта разныхъ народностей, несмотря на относительную при не большихъ размѣрахъ замѣтки многочисленность, страдаютъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что г. Вестермаркъ не дѣлаетъ никакого различія въ культурномъ уровнѣ упоминаемыхъ имъ племенъ, вслѣдствіе чего онъ ставитъ безразлично рядомъ и арабовъ, и ирокезовъ, и древнихъ римлянъ съ веддами, огнеземельцами, ботокудами и т. д., что въ значительной степени подрываетъ убѣдительность доказательствъ и лишаетъ работу того серьезнаго характера, который было-бы желательно видѣть въ трудѣ, имѣющемъ цѣлью разрѣшить одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ народовѣдѣнія.

Нижегородскія Губ. Вѣд. 1895. 20. Легенда о построеніи г. Вильны; чудесное спасеніе человѣка, который долженъ былъ быть принесеннымъ въ жертву при закладкѣ города. **21.** Свадебныя причитанія невѣсты, зап. въ Княгининскомъ у. **22.** Юрьевъ день; св. Георгій въ русскихъ народныхъ представленіяхъ и сказаніяхъ. Майскія народныя повѣрья, праздники и гулянья. **23.** *А. Можаровскій*: Приходъ с. Ивановскаго, Васильскаго у., Нижегородск. епархіи; свѣдѣнія о заселеніи. Юрьевъ день. **N. 24.** Народная медицина и заговоры въ Балахнинскомъ у. **25.** Приходъ с. Ивановскаго, Васильскаго у. (окон.). **29, 31.** *А. Можаровскій*: Старо-березовскій Мордво-Крещенскій приходъ, Сергачскаго у. (историч. свѣдѣнія, обряды при погребеніи). **30, 32, 34.** *Г. Ильинскій*: Лѣтопись с. Пустыни, Арзамасскаго у. (историч. свѣдѣнія и мѣстныя преданія). **33.** Развалины древняго города въ предѣлахъ Уфимской губ. **35.** Раскопка Замковой горы въ Витебскѣ. **41** Праздникъ Покрова въ народномъ почитаніи. **42—45, 47.** *Г. Демьяновъ*: Нищіе-слѣпцы въ Семеновскомъ у., Нижегородской губ. **42, 44, 46.** *Н. Поповъ*: Крещеные татары Нижегородской губ. въ XIX столѣтіи. **49.** *А. Можаровскій*: Село Монастырскій Вартасъ, Васильскаго у.; историческія извѣстія и народныя преданія о заселеніи.

Новое Обозрѣніе. **4137.** Замѣтки о Мингреліи. **4162, 4169, 4173.** Переходное состояніе горцевъ сѣв. Кавказа.—**4176.** Возникновеніе шейхъ-абдинскаго мюридизма въ Геокчайскомъ уѣздѣ, Бакин. губ.—**4179.** *The Hermit.* A legend by prince Jlia Chavchavadzé. Transl. from Georgian by M. Wardrop. London. 1895. Рецензія *А. Ха—хова.*

Новое Слово. **1896 г.** Январь. *Н. Тезяковъ*: Праздники и жертвоприношенія у вотяковъ-язычниковъ (изъ записной книжки земск. врача).

Орловскія Еп. Вѣд. **1895.** **32—34.** Обоготвореніе женщинъ въ русской мистической сектѣ хлыстовъ (хлыстовскія богородицы) и причины этого явленія.

Пензенскія Губ. Вѣд. **1895.** **126.** Промыслы сельскаго населенія въ Краснослободскомъ у. **155.** Къ исторіи сношенія Россіи съ Абиссиніей (въ XVII в.), переп. изъ «Моск. Вѣд.» **158.** Находка клада монетъ XVIII в. (5 пудовъ) въ с. Ольшанки, Саратовск. губ. **164.** Человѣкъ со змѣей, разсказъ, что змѣя обвилась вокругъ шеи человѣка въ наказаніе за непочтительность къ матери. **168—170.** *В. М. Терехинъ.* Ефаевскій могильникъ (въ 15 верст. отъ Краснослободска); свѣдѣнія о раскопкахъ; культура могильника представляетъ переходную ступень отъ Лядинскаго могильника или близкаго къ нему по типу къ мордовскимъ могильникамъ XIV в. **227.** Акустическія примѣты о погодѣ. Примѣты черемисъ и рус. крестьянъ о погодѣ по звуку грома, шуму лѣса, звону колоколовъ, эхо и т. п. **274.** *Свящ. Н. Несмѣловъ:* Матеріалы къ библіографіи мордвы. Сообщено 30 названій сочиненій, имѣющихъ цѣлью дополнить существующія библіографическія указанія о мордвѣ.

Пермскія Губ. Вѣд. **1895.** **233.** Что читаютъ въ деревнѣ; краткая характеристика книгъ, особенно распространенныхъ въ деревнѣ; лубочная литература. **264.** *В. И. Вышеславцевъ.* Очеркъ изъ путешествія къ Уралу по р. Вишерѣ; краткія свѣдѣнія о бытѣ русскихъ крестьянъ по Вишерѣ и вогуловъ. **275.** Сожженіе тѣла индѣйскаго огнепоклонника; подробно описанъ обрядъ сожженія, имѣвшій мѣсто въ Асхабадѣ въ текущемъ году.

Рижскія Еп. Вѣд. **1895 г.** **1—10.** «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Рижской епархіи». **10—13.** Историко-біографическій очеркъ дѣятельности еп. Доната. **16—24.** Историко-біографическій очеркъ дѣятельности архіеп. Арсенія.

Саратовскія Губ. Вѣд. **1895.** **84, 85.** Хозяйство и жизнь у нѣмцевъ-колонистовъ и русскихъ; весьма поверхностно написанная статья, сравнивающая экономическій бытъ и нравы нѣмцевъ-колонистовъ и русскихъ. **99.** О деревенскихъ праздникахъ; замѣтка, направленная противъ продолжительности празднованія приходскихъ праздниковъ.

«**Смоленскія Губ. Вѣд.** **1895 г.** (**№№ 19—50**). **19.** Майскіе народные праздники, повѣрья и гулянья (перепеч. изъ «Пр. В.», № 95). **42.** Праздникъ Покрова въ народномъ почитаніи (перепеч. изъ «Пр. В.», № 214).

Тверскія Еп. Вѣд. 1895. 14 и 15. «Свѣдѣнія о времени распространенія христіанства въ мѣстностяхъ, входящихъ нынѣ въ предѣлы Тверской епархіи». Авторъ этой замѣтки, читанной 16 іюля 1888 г. въ засѣданіи Тверской ученой архивной коммиссіи, основываясь на географическомъ и этнографическомъ положеніи края и на нѣкоторыхъ указаніяхъ лѣтописи, доказываетъ, что край былъ просвѣщенъ христіанствомъ въ XI вѣкѣ.

Тульскія Губ. Вѣд. 1895 г. 122. Частная жизнь 1800 лѣтъ тому назадъ: семейная жизнь египтянъ.—(Казанск. Телегр.). Киргизскія пословицы.—**123** («П. В.») Символика пальцевъ у разныхъ народовъ.—**124.** («П. В.») Древнѣйшій курортъ.—**140, 141.** Древнерусскій церковный приходъ и внутренняя его жизнь. («Пр. В.»).—**145.** («П. В.»). Невѣдомый народъ въ древнемъ Египтѣ.—**165.** («П. В.»). Русскія пословицы и поговорки объ охотѣ и рыбной ловлѣ.—**177.** («Тул. Епарх. Вѣд.») Замѣтки о тульскихъ безпоповцахъ.—**235** («Нижег. Лист.») Оригинальные способы лѣченія среди нижегородскихъ крестьянъ.—**262.** Новая секта «немоленыхъ» въ Нижегородск. уѣздѣ. («Рус. Сл.»).

Уфимскія Губ. Вѣд. 1895. 231, 244—246, 249. Описаніе селеній Мензелинскаго у., свѣдѣнія о хозяйственномъ бытѣ. **234.** Слѣды искусства доисторическихъ людей (о находкахъ Пьетта скульптурныхъ костяныхъ произведеній палеолитическаго періода). **235.** Открытіе новаго племени индѣйцевъ въ Мексикѣ (вираріевъ) (изъ путешествія норвежца К. Лумгольца. **261.** Существованіе людоѣдства въ нѣкоторыхъ частяхъ земного шара.

3. Обозрѣніе Эстонской періодической печати за 1895 годъ.

«Olewik», 3. I. Юнгъ даетъ руководящія наставленія для изслѣдованія и описанія могильныхъ кургановъ. — **4.** 108 отчетъ доктора Гурта по собиранію матеріаловъ для эстонской археологіи. — **5.** 109 отчетъ Гурта. Объ эстонскомъ правописаніи. — **7.** Сообщеніе пастора Гольста объ эстонскихъ поселеніяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Объ изданіи альбома эстонскихъ литераторовъ. — **8.** Статистика воровства въ Юрьевскомъ уѣздѣ. Очеркъ изъ жизни населенія острова Моона.— **9.** Первый отчетъ Юнга по собиранію свѣденій о могильныхъ курганахъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.—**10** и слѣд. Необходимость реформы эстонскихъ обществъ. 110-й отчетъ Гурта по собиранію матеріала для эстонской археологіи. — **11.** Книги, изданныя на эстонскомъ языкѣ за время отъ 1 января по 30-е марта 1894 г. 110 отчетъ Гурта.—**12.** Проектъ устава общества сельскихъ учителей.— **13.** Списокъ эстонскихъ книгъ, изданныхъ въ періодъ 1 апр.—30 іюня 1894 г.—**14.** Списокъ эст. книгъ, изданныхъ 1 іюля—30 сентября 1894 г. Занятія жителей Вороньи.—**15.** 2-й отчетъ Юнга о могильныхъ курганахъ. 111 отчетъ Гурта. Списокъ книгъ, изданныхъ на эстонскомъ языкѣ 1 окт.—31 дек. 1894 г.—**16.** Положеніе крестьянъ-арендаторовъ. Александровская волость въ Эстляндіи. 111 и 112 отчетъ Гурта.— **17.** Бобыльскій вопросъ. Ста-

тистика воровства въ Феллинскомъ уѣздѣ за 1894 г. — **18**. О распространеніи и изслѣдованіи проказы въ Тарвастѣ. — 19. Семейный бытъ крестьянъ-арендаторовъ. 2-й отчетъ Голста объ эстонскихъ поселеніяхъ въ Россіи. 112 отчетъ Гурта. — **20**. 3-й отчетъ Юнга о могильныхъ курганахъ. — **21**. Списокъ эстонскихъ книгъ, изданныхъ 1 янв — 31 марта 1895 г. — **24**. Эстонскій танецъ. — **25**. 5-й отчетъ Юнга о могильныхъ курганахъ. Характеристика нравовъ волостей Эксъ и Арбаверъ. — **28** и слѣд. Объ изданіи новаго Лютеранскаго пѣснослова. — **30**. 113 отчетъ Гурта. — **33**. Сельская выставка въ Фикелѣ, Гапсальскаго уѣзда. Юрьевская сельско-хозяйственная выставка. — **34**. Раскопки въ Феллинскомъ уѣздѣ. — **35**. 7-й отчетъ Юнга о могильныхъ курганахъ. — **36**. Гапсальская выставка. — **37**. 114 отчетъ Гурта. — **40** и слѣд. Древнія эстонскія городища. 115 отчетъ Гурта. — **42**. 8-й отчетъ Юнга о могильныхъ курганахъ. — **44**. Пѣсня Адама Петерсона. — **45**. 116. отчетъ Гурта. — **47**. 9-й отчетъ Юнга о могильникахъ. — **49**. Древности Гдовскаго уѣзда. — 52. Іулуская волость, Перновскаго уѣзда.

«**Postimees**». № (?) Передовая статья: объ изслѣдованіи древнихъ могилъ. О значеніи скотоводства для мелкихъ землевладѣльцевъ. — **20** и слѣд. О распространеніи преступленій среди прибалтійскихъ крестьянъ. — **21**. Критическое положеніе крестьянъ въ Эстляндіи. — **23** и слѣд. Почему не удаются эстонскія предпріятія. — **24**. Характерныя особенности Гарьельскаго прихода. — **26**. Эстонское общество Ванемуйне. — **28**. Объ эстонскихъ поселеніяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. — **40** и слѣд. О собственныхъ именахъ въ эстонскомъ языкѣ. — **55**. О распространеніи сектантства въ Михаэльскомъ приходѣ на границѣ Лифляндской и Эстляндской губерній. — **59**. Объ обиліи памятниковъ древности въ Михаэльскомъ приходѣ. — **63**. Бытъ жителей острова Кюно. — **67**. 110-й отчетъ Гурта. — **75**. 2-й отчетъ Юнга объ изслѣдованіи древнихъ могильниковъ. — **88**. Наши прежнія народныя школы. Эстонское повѣрье о приворотняхъ — **95**. Очеркъ жизни жителей острова Вормса. — **96**. Лѣченіе лихорадки и др. болѣзней на островѣ Кюно. Сборникъ народной поэзіи доктора Веске. — **129**. Объ археологическихъ изслѣдованіяхъ профессора Гаусмана. — **135**. Латышскій пѣвческій праздникъ. — **152**. Объ исчезновеніи въ Кошскомъ приходѣ, въ Эстляндіи, своеобразныхъ обычаевъ и національныхъ напѣвовъ. — **155**. 6-й отчетъ Юнга о древнихъ могильникахъ. — **168** и слѣд. Объ Юрьевской сельско-хозяйственной выставкѣ. — **172** и слѣд. Наши общества трезвости и корчмы. — **181** и слѣд. Исторія Эстонской литературы. — **192** и слѣд. О народныхъ предпріятіяхъ и причинѣ ихъ малоуспѣшности. — **185**. 7-й отчетъ Юнга о древнихъ могильникахъ. — **202**. 114. отчетъ Гурта. — **204**. Прежніе и нынѣшніе эстонцы. — **206** и слѣд. Вымирающая вѣтвь эстовъ въ Люцинскомъ уѣздѣ. — **210**. Эсты и ихъ общества. — **222** и слѣд. Карта древнихъ городищъ въ Прибалтійскомъ краѣ. — **223**. Происхожденіе названія эстонскаго народа. Поговорки о погодѣ. — **229** Древнія могилы въ Катериненскомъ приходѣ. — **244**. Эстонскіе писатели. — **245**. Изслѣдованіе проказы въ Тарвастѣ. — **247**. 116-й отчетъ Гурта. — **257**. Причина дороговизны книгъ. — **263**. Эстонскій

языкъ до появленія письменности.—260 и слѣд. О безземельныхъ бобыляхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.—265 и слѣд. Стѣсненное положеніе нашихъ земледѣльцевъ.—266 и слѣд. Реформа народной школы.—274 и слѣд. Рѣчь Геллата, подъ заглавіемъ: «Конецъ мраку».— 277. Стѣсненное положеніе народной школы. — 279 и слѣд. Эстонскій духъ. — 283. Земледѣльческія училища и образцовое хозяйство.

«Eesti Postimees». 2. Объясненіе Юнга относительно собиранія имъ свѣдѣній по изслѣдованію древнихъ могильниковъ и приглашеніе сотрудниковъ. — 7 и слѣд. Статья Я. Ярва о неправильномъ направленіи и недостаткахъ эстонскихъ обществъ и истинная цѣль ихъ.— 10. 1-й отчетъ Юнга по изслѣдованію древнихъ могильниковъ. — 14. 110-й отчетъ Гурта. — 15 и слѣд. Списокъ эстонскимъ книгамъ, напечатаннымъ въ 1894 г.—17. Фальсификація льна. 2-й отчетъ Юнга по изслѣдованію могильниковъ — 18. и слѣд. Полемика между Коллановомъ и Юнгомъ въ вопросѣ объ изслѣдованіи могильниковъ— 20. 112 отчетъ Гурта. — 25. 4-й отчетъ Юнга. — 26. Везенбергская сельско-хозяйственная выставка 17 и 18 іюня. — 30. Общественная уборка сѣна на островѣ Ворисѣ въ видѣ веселой толоки. 113 отчетъ Гурта. — 32. Цѣль обществъ трезвости. — 33. Отчетъ по сельско-хозяйственной выставкѣ въ Фикелѣ, Гапсальскаго уѣзда.— 35. Задачи и цѣли нашего сельскаго-хозяйства. — 40. Приготовленія къ пѣвческому празднеству въ Ревелѣ. — 41 и слѣд. Международный языкъ. — 44. Воззваніе комитета по устройству пѣвческаго праздника въ Ревелѣ въ 1896 г.—49. 116 отчетъ Гурта и 8-й Юнга.

«Wirmaline». 7. Къ характеристикѣ жителей острова Даго. — 9. Почему не удаются эстонскія предпріятія? — 12. Жизнь на островѣ Даго. — 19. Продажа съ аукціона крестьянскихъ участковъ, какъ свидѣтельство неудовлетворительнаго положенія крестьянскаго населенія.— 20. Передовая статья подъ заглавіемъ: «Тяжелыя времена». — 21. Народные недуги. — 33. Пещеры и подземные пути въ Тарвастѣ.— 37 и слѣд. Разумное воспитаніе дѣтей. — 40 и слѣд. Изъ книги Эца о пребываніи въ Эстляндіи Петра I и Елисаветы Петровны.— 48. О нашихъ народныхъ училищахъ.

«Saarlane». 4 и слѣд. Рѣчь Ундрица: «Трезвость и воспитаніе». — 9 и слѣд. Годовое собраніе Эзельскаго общества трезвости.—13 и слѣд. Закрытіе корчемъ. — 16. О старинномъ городищѣ на островѣ Моонѣ. — 23 и слѣд. Дѣйствіе трезвости. — 34. Древнее эстонское городище у Кармельской кирки. — 38. О суевѣріяхъ въ Кіелькондскомъ приходѣ: вырѣзываніе на деревьяхъ крестовъ и надламываніе верхушекъ деревъ при проводахъ покойниковъ, чтобы они не возвращались домой. — 49. Обиліе доброкачественнаго доломита на островахъ Эзелѣ и Моонѣ.

«Sakala». 6 и 10. Объ Эстонскомъ правописаніи. Первый отчетъ объ Эстонскихъ поселеніяхъ въ Россіи. Статистика конокрадства въ Феллинскомъ уѣздѣ за 2-ю половину 1894 года. — 7. Статистика преступленій по IV мировому участку Феллинско-Перновскаго мироваго округа за 1894 г. 109-й отчетъ Гурта по эстонской археологіи. — 8.

Статистика гражданскихъ дѣлъ по IV мир. уч. Феллинско-Перн. мир. округа за 1894 г. — 11. Псковскіе коробейники, или такъ называемые здѣсь щетинники. 110-й отчетъ Гурта по эстонской археологіи. Къ характеристикѣ Юроскаго прихода. — 12. Число родившихся и умершихъ лютеранъ по Перновскому уѣзду за 1894 г. — 15. 2-й отчетъ Юнга по изслѣдованію могильниковъ. — 16. 111-й отчетъ Гурта по Эстонской археологіи. Книга Калласа о Люцинскихъ эстахъ. — 18. Географическія особенности острова Эзеля. — 22 и слѣд. Статья Ярва объ Эстонскихъ обществахъ. — 26. 5-й отчетъ Юнга о могильникахъ. — 36. О сельско-хозяйственныхъ выставкахъ. — 37. Выставка Лифляндскаго экономическаго общества. — 38 и слѣд. Феллинская сельско-хоз. и ремесленная выставка 9—11 сент. 1895 г. 42. Карта древне-Ливонскихъ городищъ. Древняя эстонская крѣпость въ Велико-Іоанновскомъ приходѣ, Фелл. уѣзда. 8-й отчетъ Юнга объ изслѣдованія могильниковъ. — 49. Русскій преподавательскій языкъ въ народной школѣ понижаетъ уровень народнаго образованія и разстраиваетъ родственныя связи.

«Walgus». 26. Сельско-хозяйственная выставка въ Везенбергѣ 17 и 18 іюня 1895 г. — 30. Распространеніе сектантства въ Іевенскомъ приходѣ. — 43 и слѣд. Мѣвасеинъ и Прибалтійскій край. — 45. Воззваніе къ VI всеобщему эстонскому пѣвческому празднеству въ Ревелѣ.—48. О преобразованіи народныхъ училищъ.

Сообщ. *Священникъ К. Тизикъ.*

Ревель
9-го февраля 1896 г.

4. Новости этнографической литературы.

Благовѣщенскій, И. И., и Гарязинъ, А. Л. Кустарная промышленность въ Олонецкой губ. Петрозаводскъ. 1895. 8°.

Бывалькевичъ, М. Г. Вѣрки (имѣніе подъ Вильной). Историч. очеркъ (оттискъ изъ «Вилен. Вѣстн.»). 1895. 12°.

Елисѣевъ, А., д-ръ. Изъ исторіи культуры. Очеркъ. Обзоръ Этнографическаго и Антропологич. музея Имп. Академіи Наукъ. Съ 26-ю рис. съ фот. К. Гильзена. Оттискъ изъ журн. «Нива» за 1895 г. Изд. Маркса. Спб. 1895. 8°, 69 стр. мелк. шр.; ц. съ перес. 40 к. (Вступленіе. Жилище. Одежда. Дом. утварь. Оружіе. Орудія. Музык. инструменты).

Львовъ, Л. Отношенія между Запорожьемъ и Крымомъ. Одесса. 1895. 8°.

Опись русскихъ древностей, составляющихъ собраніе В. А. Прохорова († 1882 г.). Спб. 1896. 8°.

Остроумовъ, Н. П. Сарты. Этнографическіе матеріалы. Изд. 2-е, дополн., съ портретами сартовъ. Изд. кн. маг. «Букинистъ». Ташкентъ. 1896. 8°.

Петрово-Соловово, М. М. Краткій очеркъ исторіи отношеній между Ассиро-Вавилоніей и евреями. Съ картою. Спб. 1895. 8°.

Поротовъ, М. Т. Къ антропологіи бурятъ. Буряты-Аларцы. (Докт. диссертація при Военно-Медиц. Акад. № 20, 1895—96 г.). Спб. 1895. 8°, 175 стр.

Поспѣловъ-Шахматовъ. Сѣверо-Двинскій край. Путевые очерки. Москва. 1895. 16°.

Русская земля. (Природа, населеніе, промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія («Проходская Библіотека»). Т. I. Сѣверный край. Составилъ *И. Поддубный.* Т II. Озерный край. *Его же.* Т. III. Волга-матушка. Состав. *Н. Благовидовъ.* Редакція В. И. Шемякина. Спб. 1895. 8°. Ц. по 30 к. томъ (около 300 стр.).

Свислочь-Волковыская (мѣстечко Гродненск. губ.). Историч. очеркъ. *Е. Ф. О.* Гродна. 1895. 12°, 40 стр.

Тихомировъ, И. А. Обозрѣніе состава Московскихъ лѣтописныхъ сводовъ. Спб. 1896. 8°.

Флоринскій, Тимоѳей. Лекціи по славянскому языкознанію. Часть 1-я. I. Введеніе. II. Югозападные славянскіе языки: болгарскій, сербохорватскій и словинскій). Кіевъ. 1895. 8°. X + 526 стр., 700 экз. Ц. 3 р.

Popławski Ian. Podania o starozytnych pólbogach i bohaterach greków i rzymian, Według *Oskara Heya*. Warszawa. 1896. 8°.

Przędziwo. Литературн. сборникъ для юношества. Изд. Pauliny Krakowowej. (Есть статья Карловича: Podanie o Królewiczu Jndyjskim т.-е. царевичѣ Іоасафѣ, въ которомъ авторъ видитъ самого Будду). Warszawa. 1896. 8°.

Письмо въ редакцію.

(По поводу одной рецензіи).

Недавно я выпустилъ въ свѣтъ книгу подъ заглавіемъ: „Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, Вып. I. Пѣсни Пинчуковъ. Кіевъ 1895 г." Г. Крымскій посвятилъ много вниманія моему маленькому сборнику, напечатавъ въ „Кіевской Старинѣ" (январь 1896 г., стр. 30—37) большую рецензію. Мало того, г. Крымскій хотѣлъ, повидимому, усилить впечатлѣніе, которое должна произвести его рецензія на читателя, выступивъ въ томъ же номерѣ „Кіев. Стар." (стр. 38—42) съ большою рецензіею на рецензію г. Ляцкаго на мою книгу (помѣщена во 2 кн. „Этнографич. Обозрѣнія" за 1895 г.). Все это за то, что въ настоящее время считается позволительнымъ судить о малорусскомъ языкѣ и даже о его исторіи, не изучивши малорусскаго языка" (стр. 42 изъ рецензіи на рецензію г. Ляцкаго.). Мимоходомъ здѣсь же достается профессору А. И. Соболевскому и вставлено обѣщаніе „поговорить" о книгѣ академика Шахматова за ихъ смѣлость писать о малор. языкѣ. Впрочемъ, мое незнакомство съ малор. яз. г. Крымскій признаетъ на стр. 35 „неполнымъ".

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности рецензіи г. Крымскаго.

При разборѣ моей книги г. Крымскій избралъ старый пріемъ: посредствомъ фигуръ вопрошенія и восклицанія, онъ старается убѣдить читателя, что я не знаю того или другого, хотя бы въ моей книгѣ и нельзя было коснуться вопроса, въ незнакомствѣ съ которымъ меня обвиняетъ мой рецензентъ. У меня, напр., въ словарѣ мимоходомъ приведены нѣсколько польскихъ словъ и кстати—чего не оспариваетъ г. Кр. Но онъ находитъ случай упрекать меня и въ незнаніи польскаго яз. Не знать чего-нибудь—вовсе не бѣда, особенно если это не касается спеціальности. Но странно, какъ подобнаго рода свѣдѣнія могли попасть въ рецензію г. Кр.: очевидно, онъ ихъ почерпалъ изъ какихъ-либо стороннихъ источниковъ, ничего общаго ни съ наукой, ни съ моей книгой не имѣющихъ.

Возраженія г. Кр. имѣютъ еще другую особенность. Какъ показываетъ самое заглавіе, моя книга—сборникъ матерьяловъ. Съ этой стороны, думалъ я, безпристрастный критикъ будетъ оцѣнивать мой трудъ. Мой почтенный рецензентъ взглянулъ на дѣло иначе, направивъ свои замѣчанія на заглавіе,

введеніе и наименѣе важную часть примѣчаній, отозвавшись въ общихъ выраженіяхъ, хотя и очень для меня лестныхъ, о центральной части моего труда. Къ этому нужно прибавить, что рецензія г. Кр. изобилуетъ различными замѣчаніями, относящимися не къ книгѣ, а къ ея составителю. Указанные пріемы едва-ли согласны съ достоинствомъ ученой критики; это не наука, а „клевета на науку", какъ сильно выражается г. Кр. по адресу г. Ляцкаго (изъ рецензіи на рецензію послѣдняго).

Прежде всего г. Крымскому заглавіе моего сборника представляется страннымъ. И спорю и не спорю. Если я ограничусь въ изданіи сборника, озаглавленнаго „Бѣлорусское Полѣсье", пѣснями пинчуковъ, тогда общее заглавіе, данное мною моимъ матерьяламъ, будетъ неудачно; если же я издамъ и остальные свои матерьялы подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ, то большого противорѣчія не будетъ, особенно если еще принять во вниманіе и историко-географическое дѣленіе. Но это мелочь.

Далѣе г. Кр. посвящаетъ страничку общему обзору содержанія моего сборника и его значенію (какъ ни лестны для меня похвалы моего почтеннаго рецензента, я не могу ихъ принять, потому что не вижу провѣрки содержимаго въ моей книгѣ).

Послѣ этихъ замѣчаній г. Кр. приступаетъ къ разбору моей замѣтки о говорѣ пинчуковъ, помѣщенной у меня въ видѣ предисловія. На стр. 31—32 онъ говоритъ: „Авторъ—практическій знатокъ діалектовъ (вѣроятно, это одно изъ стороннихъ свѣдѣній: я не имѣлъ случая выказать своего практическаго знанія діалектологіи), но вовсе не филологъ и не грамматистъ, и это обстоятельство невыгодно отразилось въ его обработкѣ матерьяла... Г. Довнаръ-Запольскій излагаетъ свои (очень цѣнныя) сообщенія въ такой формѣ, которая иногда и очень часто (sic) вызываетъ улыбку". Что я не филологъ и не грамматистъ,—это вѣрно. Но я вовсе не претендовалъ дать обработку лексическаго и филологическаго матерьяла, заключающагося въ моемъ сборникѣ. Я считалъ (и считаю) обязанностью этнографа сообщить то, что онъ знаетъ о говорѣ, свести матерьялъ для того, чтобы облегчить его обработку для спеціалиста. Я это и сдѣлалъ въ самой скромной формѣ. Далѣе, если я всетаки сдѣлалъ „очень цѣнныя сообщенія", то считаю свою задачу, какъ этнографа, выполненной. Но здѣсь я долженъ изложить одно обстоятельство, которое можетъ у читателя „вызвать улыбку", но уже по отношенію къ г. Крымскому.

Свои слова г. Кр. подкрѣпляетъ слѣд. указаніями: 1) въ формѣ *вечератиму* я принимаю *м* за суффиксъ, 2) *очицами* считаю за двойств. число, 3) *тый* произвожу отъ *тотъ*, 4) не понимаю образованія *завтра* и *сватымъ*, 5) неясно объяснилъ явленіе *уiэ*, *екоiы* и 6) въ *уломыты* вижу явленіе фонетическое, а не морфологическое. Но изъ этихъ замѣчаній четыре первыя ко мнѣ не относятся: ихъ, собственно говоря, нѣтъ въ моей книгѣ. Получивъ отпечатанную книгу, я и самъ замѣтилъ названныя ошибки. При раздачѣ авторскихъ экземпляровъ я *тщательно зачеркнулъ* нѣск. замѣченныхъ мною ошибокъ, въ томъ числѣ и названныя г. Крымскимъ. Я предлагаю всѣмъ, получившимъ отъ меня экземпляры сборника, заглянуть на стр. XIX, XXXII и XXXIII. Г. Кр. получилъ отъ меня экземпляръ съ такими же поправками и

такимъ образомъ воспользовался моими же собственными указаніями. Въ экземпляры, отданные въ продажу вклеены листки съ указаніемъ поправокъ; въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“, гдѣ мой сборникъ печатался, эти поправки отнесены въ опечатки. Правда, нѣск. экземпляровъ пошло въ продажу безъ листковъ (книга была выпущена въ Кіевѣ одновременно съ отсылкой мнѣ отпечатаннаго экземпляра). *).

Надѣюсь, читатель согласится, что такой пріемъ моего рецензента довольно страненъ...

Продолжая разбирать мою замѣтку о говорѣ пинчуковъ, г. Кр. говоритъ: „О капитальнѣйшемъ фактѣ исторіи русскаго языка: о паденіи глухихъ авторъ разбираемаго труда не имѣетъ повидимому ни малѣйшихъ свѣдѣній, а потому при объясненіи различныхъ фонетическихъ измѣненій звуковъ *о* и *е* онъ все время блуждаетъ вокругъ да около“ (стр. 32): я не умѣлъ объяснить дифтонга *уо* (*жуонка*). Да, только „повидимому“. Рецензентъ, съ такимъ апломбомъ упрекающій меня въ незнаніи, „повидимому“ самъ грамматистъ и филологъ и знакомъ съ литературой предмета. Въ статьѣ моей, помѣщенной въ „Живой Старинѣ“ (1893 г., в. I) я, посвятивъ нѣск. страницъ этому важному явленію, на стр. 14 говорю: „такимъ образомъ, малорусское нарѣчіе получило свои два важнѣйшіе признака—*і* изъ *ѣ* и *о* посредствомъ цѣлаго ряда перезвуковъ, послѣдовательно развивавшихся въ языкѣ. Причина, вызвавшая неустойчивость ударныхъ о и ѣ, ихъ потемнѣніе и растяженіе,—паденіе глухихъ звуковъ“ и т. д. Такимъ образомъ я уже три года назадъ высказался по этому вопросу и теперь имѣлъ въ виду сказанное мною тогда. Цитованная выше статья моя, въ которой г. Кр. можетъ найти достаточно ссылокъ на труды, трактующіе объ исторіи русскаго языка, избавляетъ меня

---

*) Привожу копію листка, вклееннаго въ книгу, причемъ просилъ бы сдѣлать соотвѣтственныя поправки тѣхъ, кто пріобрѣлъ мою книгу безъ листковъ.

„Авторъ проситъ сдѣлать слѣд. поправки:

1) Слѣдующіе примѣры попали ошибочно въ текстъ:

Стр. XV, строка 19 св.—детына.

„ XIX, „ 20 сн.—заўтра.

„ XXII, „ 15 „ —очыца, очыцами.

„ XXIII, „ 16 „ —суффиксомъ.

Эти слова прошу выбросить.

2) На стр. XIX начало восьмой стр. св. надо читать: Шипящія безъ исключенія тверды. Ц бываетъ мягкое.

Стр. XXI въ 6 стр. сн. родовъ вм. основъ.

„ XXII „ 3 „ „ вм. „изъ“ долженъ быть знакъ=

Кіевъ, 28 сентября“.

Насколько случайны эти ошибки, можетъ быть доказательствомъ слѣд.: на стр. XXIII я назвалъ *м* суффиксомъ, ссылаясь на работы г. Карскаго, соотвѣтствующія мѣста котораго не оставляютъ сомнѣнія въ значеніи этого *м*.

отъ дальнѣйшихъ объясненій. Въ подозрѣніи объ отсутствіи у меня знаній по исторіи языка, г. Кр. заходитъ такъ далеко, что этимъ объясняетъ даже мой выборъ знака е для особаго звука въ пинскомъ говорѣ, средняго между *э* и *е*. Написанное мною напр. „тепера“ онъ „невольно читаетъ *тьепьера*“. Но на стр. VIII я объяснилъ, что это *е* и не *э*: еслибы я вмѣсто моего е писалъ *э* то впалъ бы въ противоположную ошибку.

На этомъ г. Крымскій кончаетъ свою рецензію на мою статейку о говорѣ. Перехожу къ другой половинѣ рецензіи г. Крымскаго, посвященной моему крохотному словарю. Она начинается обычнымъ у г. Кр. введеніемъ: „отсутствіе филологическаго чутья и незнакомство съ филологической литературой“ и т. д. Такъ какъ возраженія г. Крымскаго на мой словарикъ касаются ряда отдѣльныхъ словъ, то отвѣчая на каждое, я очень увеличилъ бы мою замѣтку. Да въ этомъ нѣтъ надобности. Я отмѣчу лишь наиболѣе любопытныя стороны этой части рецензіи. Тонъ остается все тотъ же: все тѣ-же восклицанія, вопрошенія и замѣчанія, мало сродныя ученому разбору ученаго труда и все то-же стремленіе отыскать мое незнаніе.

Г. Крымскій находитъ, что „этимологія вообще хромаетъ“ въ моемъ словарѣ (стр. 35). Прежде всего я не писалъ этимологическаго словаря и не „подбиралъ“ словъ. Въ примѣчаніи на стр. 185 я объяснилъ, что въ мой словарикъ занесены слова, „объясненіе которыхъ представлялось необходимымъ для пониманія текста, или по *своеобразному употребленію*“ и т. д. Но на послѣднее замѣчаніе г. Кр. не обратилъ или не пожелалъ обратить вниманія. Онъ утверждаетъ (стр. 35), что я „невѣрно или неточно“ передаю *затяты* черезъ „тронутый“, и напоминаетъ, что „и древнее и нынѣшнее значеніе глагола“ „тяты“—именно „рѣзать“, „рубить“,—значеніе, которое Довнаръ-Запольскій принимаетъ только по отношенію къ дереву“. Въ „древнемъ и новомъ“ (этимологическомъ) значеніи слова я не сомнѣваюсь. Но народъ говоритъ не по этимологическимъ словарямъ, совсѣмъ не справляется съ „древнимъ“ значеніемъ слова, нарушая ученіе о юсахъ, а понимаетъ его по своему. Пинчукъ говоритъ: *зятятая деука*. Это значитъ „разрубленная, разрѣзанная“? Вовсе нѣтъ: это значитъ, что парень ее ущипнулъ. Имѣя въ виду подобные примѣры, я и прибавилъ „тронутый“: я объясняю въ словарѣ и *своеобразныя* по употребленію слова. Со свойственной моему почтенному рецензенту запальчивостью такого рода замѣчанія вставлены и относительно объясненныхъ мною словъ „порада“, „тканка“ и др. „Ьродлывый“ никогда не имѣетъ значенія „дородный“—вѣроятно въ этимологическомъ словарѣ г. Крымскаго, а у пинчуковъ имѣетъ, что мною и отмѣчено. Самое простое слово „тканка, для этимологическаго пониманія котораго совсѣмъ ужъ не надо „филологическаго чутья“, г. Кр. тоже связываетъ съ моимъ незнаніемъ. Я, конечно, обратилъ вниманіе читателя, что подъ словомъ „тканка“ пинчукъ понимаетъ, нарушая правила, навязываемыя ему г. Крымскимъ, не вообще „ткань“, а именно „шерстяную матерію“. Это поясненіе мною записано во многихъ мѣстахъ Пинщины, и на него я и обращаю вниманіе г.г. „грамматистовъ“, чтобы они, читая въ пѣсняхъ слово „тканка,“ не переводили его словомъ „ткань вообще“. Но я обращаю вниманіе читателя вотъ на что: самъ г. Крымскій тутъ же приводитъ свѣдѣнія, что „въ Галичинѣ тканкой называется даже особое

головное женское украшеніе, состоящее изъ коралловъ и жемчуговъ". Видно, что и въ Галиціи народъ тоже не подчиняется этимологіи. Мало того, въ малорусскомъ яз. тканка означаетъ шерстяную матерію (словарь Пискунова); у бѣлоруссовъ тканка—головной женскій уборъ (слов. Носовича), г. Булгаковскій приводитъ еще значеніе тканочки—юбка. Но и въ малор. яз. есть для обозначенія ткани слово „тканина" (Пискуновъ). Въ мой словарь не попало слово *жуковина*. Чѣмъ можно это объяснить? Конечно, тѣмъ что я „этого слова не зналъ" (стр. 34). Но если читатель имѣетъ въ рукахъ мой сборникъ, то онъ замѣтитъ, что я вполнѣ добросовѣстно отмѣчалъ знакомъ вопроса всѣ слова, которыя мнѣ были неизвѣстны; такихъ вопросовъ найдется не мало, такія слова я занесъ даже въ словарь: *канка*, напр. и мн. др.) Г. Крымскій указываетъ на одно слово, которое, *по его мнѣнію*, я долженъ былъ бы занести въ свой словарь. Просматривая мой сборникъ теперь, я нахожу, что было умѣстнымъ внести ихъ еще немало.

Изъ моего объясненія слова „боровыночка" г. Кр. находитъ, что оно меня „затрудняетъ", (этимологически- нисколько, но народное—да; поэтому, я привелъ для объясненія его только выдержки изъ словарей, потому что значенія его, *отъ народа*, я самъ не записалъ). Незачѣмъ предупреждать читателя, уже достаточно знакомаго съ пріемами г. Кр., что и въ данномъ случаѣ мой почтенный рецензентъ завелъ рѣчь „объ отсутствіи у меня филологической сноровки" (стр. 34). Для назиданья мнѣ онъ приводитъ слова „садовына", „лисовына". Но такъ какъ г. Кр. просматривалъ мою книгу поверхностно, то онъ не замѣтилъ, что на стр. 192 у меня слово „садовыночка" объяснено по той же схемѣ, по которой онъ, какъ грамматистъ, обладающій „филологическимъ чутьемъ" объяснилъ „боровыночка".

Удивительнѣе всего то, что г. Крымскій нашелъ при разборѣ словаря случай отыскать мое незнаніе и польскаго языка. У меня сказано—говоритъ онъ: „*затхнуты*—вздохнуть, westchnienie—вздохъ". Далѣе слѣдуетъ фигура восклицанія: „Какъ будто нѣтъ ближайшаго слова westchnąć! Кажется, впрочемъ, что Довнаръ-Запольскій владѣетъ польскимъ яз. не свободно" и т. д. Въ моемъ словарѣ отмѣчено *шесть* польскихъ словъ, пять изъ нихъ поставлены правильно, шестое—„подобрано не ближайшее". Кромѣ этого я нигдѣ никогда, ни въ печати, ни въ ученыхъ собраніяхъ, польскаго яз. не касался и *не имѣлъ случая* коснуться. Это—одно изъ стороннихъ свѣдѣній. Къ книгѣ оно не относится, это „клевета", говоря его же словами.

Заканчиваетъ г. Крымскій разборъ моего словарика новой „клеветой". Онъ приписываетъ мнѣ мнѣніе о пинскомъ говорѣ какъ разъ обратное тому, что я высказалъ въ настоящей книгѣ и въ болѣе раннихъ моихъ статьяхъ: „г. Довнаръ-Запольскій, повидимому, искренне убѣжденъ, что за немногими исключеніями весь лексическій репертуаръ пинчуковъ - бѣлорусскій, а не малорусскій: множество обычныхъ малорусскихъ словъ объясняются у него по бѣлорусскому словарю Носовича или по бѣлорусскимъ сборникамъ пѣсенъ". Убѣжденіе это мое происходитъ, по мнѣнію г. Крымскаго, „отъ недостаточнаго практическаго знакомства съ малорусскимъ языкомъ", чего онъ и „не вправѣ требовать", и отъ незнакомства съ словарями Берынды, Зизанія, Манжуры и Желеховскаго. Искреннее убѣжденіе свое авторъ высказываетъ

въ книгѣ, въ статьяхъ, „искреннее убѣжденіе“ „искренне“ научнаго критика должно бы на этомъ и основываться.

Мое мнѣніе относительно пинскаго говора было мною высказано на стр. XXVII, высказывалъ я его не разъ и въ своихъ прежнихъ статьяхъ; подъ моимъ выводомъ, надѣюсь, подпишется и г. Крымскій. Да и мое убѣжденіе было-бы не причемъ, когда въ наукѣ значеніе пинскаго говора давно установлено моими предшественниками (г.г. Михальчукъ, Карпинскій, Соболевскій), на труды которыхъ я неоднократно ссылался. Но на чемъ зиждется „искреннее убѣжденіе“ моего почтеннаго критика, я сейчасъ покажу. „Множество“ словъ у меня объясняются изъ бѣлорусскихъ источниковъ: я въ своемъ словарѣ сдѣлалъ *70 ссылокъ на источники малор. и* 35 *на источники бѣлор.*; изъ этихъ 35 нужно около 10 отнести на такіе случаи, когда я въ *параллель* малор. словамъ, напоминаю о бѣлор., также, какъ я ссылался *на великор.* и на польскія. Значитъ „множество“ объясненій основано на малор. лексическомъ матеріалѣ (*бѣлор. словъ* у меня приведено почти *одинаковое число съ великор.* изъ Даля), а „искреннее убѣжденіе“ моего критика основано не на изученіи моего словаря. Далѣе, для г. Кр. я „повидимому“ не знакомъ съ словарями. И опять только „повидимому“. Нужны-ли были мнѣ словари Манжуры, Зизанія и Берынды для моего словаря, г. Кр. этого не говоритъ: чтобы сказать это съ „искреннимъ убѣжденіемъ“ и безпристрастіемъ, слѣдовало-бы мой словарь *свѣрить* съ этими словарями и указать, какія слова, не понятыя мною, можно было-бы объяснить изъ названныхъ словарей. Для этого нужно поработать, а г. Кр. прибѣгаетъ къ довольно легкому пріему: нѣтъ ссылки,—значитъ, не зналъ. А я, составляя свой словарикъ, свѣрилъ: въ моемъ словарѣ нѣтъ словъ, объясненныхъ въ названныхъ словаряхъ. Я не берусь подражать тѣмъ молодымъ авторамъ, которые изъ-за лишней ссылки придумываютъ новые вопросы. Что касается словаря Желеховскаго, незнакомство мое съ которымъ г. Крымскій подкрѣпляетъ восклицательнымъ знакомъ, то всѣмъ хорошо извѣстно, что этотъ словарь, напечатанный въ Галиціи, въ Россію не допущенъ къ обращенію. А что я его искалъ, объ этомъ кое-кому изъ моихъ читателей извѣстно.

Въ заключеніе моего отвѣта на разборъ г. Кр. моего словаря, я еще разъ повторяю, что писалъ не этимологическій словарь, и писалъ его не для учащихся, а для ученыхъ, для которыхъ этимологическое объясненіе *тканки* и др. словъ было-бы излишне, но которые съ интересомъ отнесутся къ сообщеннымъ мною „своеобразно употребляемымъ“ (изъ моего предисловія) пинчуками словамъ; всѣ слова, объясненіе которыхъ взято мною не изъ народныхъ устъ, обоставлены мною ссылками. Если же объясненіе такихъ словъ, какъ *тканка*, *затяты* и др., не нравятся г. Крымскому и не сходны съ его этимологическимъ словаремъ, то въ этомъ виноваты пинчуки, которые, вѣроятно, знакомы съ малор. яз. меньше г. Кр. и не справляются съ этимологіей.

Заканчиваетъ г. Кр. свою рецензію указаніемъ на то, что въ классификаціи пѣсенъ моего сборника я держался „старинной хотя и неправильной классификаціи“. Это замѣчаніе его—позволю себѣ замѣтить,—единственное въ рецензіи г. Кр., имѣющее вполнѣ научный характеръ. Я охотно согла-

шаюсь, что обычная классификація нашихъ сборниковъ страдаетъ крупными недостатками. Но сборничекъ мой такъ невеликъ, что я не счелъ нужнымъ вводить какую-нибудь другую классификацію, къ которой мы еще не привыкли (впрочемъ, и старой я слѣдовалъ не вполнѣ): въ небольшомъ сборникѣ оріентироваться не такъ трудно. Конечно, выработать новую классификацію было бы необходимо, но пока въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлано и сдѣлать это не легко. Я могу только напомнить о недавнихъ преніяхъ по этому вопросу въ засѣданіи Этнограф. Отдѣла. Одинъ изъ сочленовъ предложилъ стройную, но довольно сложную систему. Оказалось на дѣлѣ, что и самъ предложившій не могъ размѣстить по своимъ рубрикамъ предложенныхъ ему собесѣдниками пѣсенъ...

Я прослѣдилъ шагъ за шагомъ всѣ возраженія, которыя выставилъ г. Крымскій противъ изданнаго мною сборника. Я внесъ въ свое изложеніе достаточное количество выдержекъ (хотя ихъ могло бы быть гораздо больше), чтобы читатель могъ судить о тонѣ рецензіи. Результатъ, къ которому я пришелъ, сводится къ слѣдующему: изъ всѣхъ недостатковъ, на которыхъ настаиваетъ г. Крымскій, въ моей работѣ дѣйствительно существуетъ только два: заглавіе книги и классификація пѣсенъ. Но, конечно, то и другое дѣло чисто субъективное. Другіе недостатки, въ статьѣ о говорѣ и въ словарѣ, рѣшительно не относятся къ моей книгѣ: промахи въ статьѣ о говорѣ, отмѣченные г. Крымскимъ, были мною-же указаны; онъ нападаетъ на словарь, не желая считаться—случайно или нѣтъ—съ цѣлью, которую я себѣ поставилъ, навязываетъ пинчукамъ этимологическое объясненіе словъ Если бы его рецензія была написана безъ той массы лирическихъ отступленій по адресу не содержанія книги, а ея составителя, подкрѣпленныхъ сторонними свѣдѣніями,—я бы счелъ ее просто печальнымъ недоразумѣніемъ. Но принимая во вниманіе всѣ особенности изложенія, довольно странный пріемъ въ обращеніи съ опечатками, мною-же поправленными и пр., я предлагаю судить читателю, имѣютъ-ли въ виду подобныя рецензіи возстановленіе научной истины?

М. Довнаръ-Запольскій.